

Петроградъ, ул. Гоголя (бывшая М. Морская), № 22.

Цѣна «Нивы» 1914 г. съ приложеніями (полное собраніе сочиненій въ 27 книгахъ В. Г. Короленко, полное собраніе сочиненій въ 8 книгахъ А. Н. Майкова, полное собраніе сочиненій въ 5 книгахъ Эдм. Ростана, 12 книгъ журнала „Ежемѣсячныя литературныя и популярно-научныя приложенія“ и проч.).

7 р. Пересылка въ Европ. Россіи — **2 руб.**, а въ Азіатскую Россію—транспортомъ или почтою—за **30 ф.** по почтовой таксѣ.

Оглавленіе „НИВЫ“ за 1914 годъ.

I. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и пр.

II. Статьи и очерки.

III. Географ., астрономич. и этнографическіе очерки.

IV. Великая европейская война.

V. Текущія событія.

VI. Новыя изобрѣтенія и открытія. Технологія.

VII. Политическое обозрѣніе.

VIII. Смѣсь.

IX. Парижскія моды.

X. Тиражи выигрышей и погашенія билетовъ Госуд. Банка.

XI. Картины, рисунки и иллюстраціи.

а) Картины и рисунки.

б) Иллюстраціи.

Москва.

Памятники:

Петроградъ.

в) Великая Европейская война: иллюстраціи и рисунки.

г) Карты.

д) Національные гимны союзныхъ державъ.

XII. Портреты и біографіи.

XIII. Библіографія.

XIV. Къ рисункамъ.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. | № 1 | г. XLV | 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 4 января 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—25 к., съ перес. 30 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія" за Январь 1914 г., 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ" за Январь 1914 г. съ 34 рис., отдѣльн. листъ съ 20 черт. выкр. въ натур. величину и 27 рис. дамскихъ рукодѣлій и 3) „Отрывной ежемѣсячный КАЛЕНДАРЬ" на 1914 годъ, отпечатанный красками.

Открыта подписка на „НИВУ" 1914 г.

Море.

Повѣсть А. М. Ѳедорова.

I.

Еще не кончилось вѣнчаніе, когда Майновъ и Прозоровъ вышли на паперть одной изъ самыхъ старыхъ, скромныхъ петербургскихъ церквей.

Несмотря на то, что церковь была почти пустая, и воздуху было много, оба глубоко передохнули съ такимъ удовольствіемъ, точно вышли изъ склепа, и не сразу надѣли шляпы.

И тотъ и другой съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ не посѣщали церкви, и было непривычно провести цѣлыя полчаса подъ высокими каменными сводами, больше освѣщенными скуднымъ мерцаніемъ свѣчей и лампадъ, чѣмъ дневнымъ свѣтомъ, проникавшимъ сквозь высокія узкія окна.

Отъ запаха воска, деревяннаго масла, которымъ пропитались не только деревянныя иконы, но и самые камни, особенно же отъ запаха ладана, который въѣлся во все, въ головѣ подымалась муть, и теперь пріятно было прикосновеніе къ волосамъ и къ кожѣ сыроватаго весенняго воздуха, согрѣтаго теплыми солнечными лучами.

Пасха была поздняя, и запоздала весна. Уже прошла Ѳомина недѣля, а еще земля не просохла отъ снѣга. Конечно, въ Петербургѣ снѣга не было давно; онъ оставался за городомъ, да и то въ низинахъ, но и оттуда онъ посылалъ сюда свой холодокъ и сырость и туманъ, и еще вчера выпалъ не то снѣжокъ, не то дождь.

Но нынче только облака, талыя, задымленныя городомъ, закрывали иногда солнце, да на камняхъ мостовой все никакъ не могли просохнуть грязь и мокредь.

Послѣ гулкой тишины церкви было что-то по-весеннему возбуждающее въ голосахъ и шумѣ громаднаго города. Гдѣ-то что-то грохотало, ревѣло, гремѣло, звенѣло, но далеко отъ этой тихой церкви, и, можетъ-быть, потому всѣ эти голоса и звоны отдѣляли отъ себя какую-то мелодію жизни, въ которой больше всего ощущалась весна.

Гдѣ-то близко пропѣлъ рожокъ автомобиля, и послышался нервный стукъ его. Минута—и самъ автомобиль остановился около церкви.

Оттуда вышелъ человѣкъ невысокаго роста, съ стройной, изящной фигурой, съ смуглымъ худощавымъ лицомъ и по-англійски подстриженными черными усами.

К. Маковскій. Задорная.

Большіе безпокойные глаза на одно мгновеніе остановились на стоявшихъ на паперти молодыхъ людяхъ.

— Скажите, вѣдь здѣсь вѣнчаніе профессора Шугаева?

Форма этого вопроса показалась имъ почему-то нѣсколько смѣшной, они переглянулись и утвердительно отвѣтили.

Пріѣзжій чуть-чуть тронулъ свой котелокъ, опустилъ длинныя темныя рѣсницы и быстро прошелъ въ церковь.

На старыхъ, сухихъ, точно сѣдыхъ плитахъ паперти остались влажные слѣды его ботинокъ.

Оба посмотрѣли ему вслѣдъ и на эти слѣды, которые солнце тутъ же принялось усердно высушивать, но не сказали о немъ другъ другу ни слова. Мало ли кто изъ знакомыхъ Шугаева могъ пріѣхать на эту свадьбу, хотя и была она чрезвычайно скромна и интимна.

Майновъ вздохнулъ, покачалъ головой, надѣлъ на голову мягкую съ непомѣрно большими полями для его роста шляпу, печально взглянулъ на врата церкви и тронулъ товарища за руку:

— Какъ ты думаешь, будетъ она счастлива?

Прозоровъ посмотрѣлъ на его круглое, добродушное лицо и поправилъ иронически, какъ вообще любилъ относиться ко всему:

— Ты хочешь спросить, будутъ ли они счастливы?

Взялъ своего товарища подъ руку и подсадилъ на извозчика, дожидавшагося у церкви.

Они поѣхали къ Шугаевымъ.

Майновъ какъ будто даже нѣсколько обидѣлся на поправку:

— Нѣтъ, я именно спросилъ о ней. Для счастья профессора достаточно покоя.

Колеса слегка прыгали на резиновыхъ шинахъ по мостовой, и подковы лошади гулко отбивали ровный тактъ.

— Право,— возразилъ Прозоровъ:— не стоитъ задумываться надъ будущимъ не только чужого счастья, но и своего собственнаго. Счастье имѣетъ лишь настоящее время: я счастливъ, ты счастливъ... впрочемъ, нѣтъ, ты несчастливъ,— съ улыбкой поправился онъ.

Майновъ, огорченный, укоризненно взглянулъ на него:

— Хорошъ другъ. Ты можешь надо мною издѣваться въ такую минуту!

— Э, братъ, довольно, если изъ двухъ друзей одинъ будетъ плакать.

Майновъ покачалъ головой и печально сознался:

— Ахъ, мнѣ такъ тяжело, что дѣйствительно хочется заплакать.

Прозоровъ съ шутливой серьезностью чуть-чуть отъ него отодвинулся:

— Предупреждаю, если ты намѣренъ со слезами упасть ко мнѣ на грудь, я соскочу съ извозчика.

— Но слезы дрожатъ у меня въ груди.

Дѣйствительно, голосъ его выдавалъ искреннее волненіе, но круглое, добродушное лицо стало только какъ-то по-дѣтски безпомощнымъ и не вызывало у насмѣшливаго товарища серьезнаго сочувствія.

— Пиши плаксивые стихи, но не порти чужіе жилеты. Непріятно быть на такомъ торжествѣ въ измятомъ и испорченномъ, хотя бы слезами друга, жилетѣ. Посмотри-ка лучше,— обратилъ онъ вниманіе товарища на клочокъ синяго неба, съ пухлымъ бѣлымъ облакомъ, поднимавшимся изъ-за деревьевъ Таврическаго сада, еще голыхъ, но уже подернутыхъ красноватымъ тономъ набухающихъ почекъ.— Это хорошо. Пріятныя отношенія.

Онъ говорилъ объ отношеніяхъ красочныхъ пятенъ.

— Надо запомнить. Тутъ есть очень весеннее.

Майновъ раздраженно и безнадежно отвѣтилъ:

— Ну, что тутъ можетъ быть въ Петербургѣ весенняго! Гниль одна. Уѣхать бы куда-нибудь подальше, гдѣ настоящее солнце, море...

И правда, не успѣли они доѣхать, какъ небо затянулось сѣрыми, мутными облаками, и все вокругъ потускнѣло, насупилось и перестало вѣрить веснѣ.

II.

Встрѣтила ихъ Арина Ивановна, мать профессора, сѣдая, крѣпкаго закала старуха, съ грубоватымъ лицомъ, но необыкновенно добрыми, всегда влажными глазами, выдававшими старушечью чувствительность и нѣкоторую слабость къ вину, которую она скрывала главнымъ образомъ отъ сына.

Арина Ивановна пышно разодѣлась въ свое старомодное платье и на плечи накинула старинную красивую шаль, которою Прозоровъ сразу залюбовался.

— Отличное пятно!— воскликнулъ онъ при видѣ этой шали.

— Какое, милый, пятно?— испугалась старуха, осматривая пестрый кашемировый платокъ.

Художникъ поспѣшилъ успокоить ее и объяснилъ, что разумѣлъ подъ словомъ „пятно“.

Она опять съ достоинствомъ облеклась шалью:

— Что это вы ужь больно скоро? Развѣ уже все кончилось?

— Еще не совсѣмъ.

— Такъ чего же вы убѣжали изъ церкви?

Прозоровъ кивнулъ головой на Майнова:

— Да вотъ мой пріятель не выноситъ вѣнчальнаго ѳиміама.

— Нехорошо. Слѣдовало бы вамъ въ церкви помолиться за счастье новобрачныхъ.

— Я-то плохой молельщикъ,— сознался Прозоровъ:— а вотъ поэтъ...

Но Майновъ сердито остановилъ его:

— Это уже наконецъ безсовѣстно!

Арина Ивановна добродушно махнула рукой:

— И то, какой вашъ братъ молельщики.

— Да нѣтъ,— поспѣшилъ оправдаться Майновъ.— Мы такъ... вообще... Пріѣхали раньше, чтобы предупредить, помочь и вообще...

Старуха прошла въ столовую и съ гордостью осмотрѣла столъ, приготовленный для новобрачныхъ.

— Да что ужъ помогать. Кажется, все есть: и вино, и закуски, и гіацинты.

— Пиръ дадите настоящій,— поддержалъ ее Прозоровъ.

Арина Ивановна была скуповата.

— Гдѣ ужъ тутъ настоящій. И это-то стало въ копеечку.

— Ну, ради такого торжества можно кутнуть.

Арина Ивановна задумалась и сомнительно вздохнула.

— Да, торжество,— пробормотала она про себя. Обратилась къ гостямъ съ гостепріимной улыбкой:— Пока молодые пріѣдутъ, можетъ-быть, хотите выпить чего-нибудь?

Майновъ охотно отозвался:

— Я бы съ удовольствіемъ: что-то не по себѣ.

Прозоровъ разсмѣялся:

— Завидно ему, Арина Ивановна. Самому жениться хочется.

Старуха серьезно поглядѣла на него и наставительно замѣтила:

— Молодъ еще. Не уйдетъ. Слышали, какъ въ старой пѣснѣ поется: „Коли женишься— перемѣнишься, потеряешь свою молодость“. Пожалуйте. Вамъ красненькаго или бѣленькаго?

Она подошла къ столу и стала наливать имъ вино.

Прозоровъ, уже при встрѣчѣ съ старухой кое-что замѣтившій, обратился также къ ней:

— А вы, Арина Ивановна? Можетъ-быть, и вы съ нами?

— Пожалуй, и я... мадерки.

— А я сначала коньяку,— мрачно заявилъ Майновъ.

Забулькало вино. Майновъ поднялъ рюмку и чокнулся съ Ариной Ивановной:

— За ваше здоровье, Арина Ивановна.

— И за торжество,— добавилъ Прозоровъ.

Арина Ивановна неторопливо потянула изъ рюмочки, вытерла губы и спокойно отвѣтила:

— Кому торжество, а матери — забота.

Эта откровенность немного удивила обоихъ: они всего третій разъ видѣлись со старухой, но, несмотря на это и на то, что оба были знакомые со стороны невѣсты, Арина Ивановна не особенно церемонилась съ ними: молоды, да и не такой у нея характеръ, чтобы лукавить.

Прозоровъ не скрылъ своего удивленія:

— Почему? Вотъ странно. Я думалъ, и вамъ радость.

Но Майновъ точно обрадовался ея заявленію:

— А я вовсе не думалъ этого.

Старуха повела на него влажными глазами:

— По видимости— торжество, а вникнуть... совсѣмъ другое. Тридцать семь лѣтъ Гришенька былъ мой. Тридцать семь лѣтъ вся моя жизнь въ Гришину жизнь шла, а теперь пришелъ чужой человѣкъ и оторвалъ.

Это было нѣсколько не то объясненіе, котораго ожидалъ Майновъ. Однако онъ изъ приличія спросилъ:

— Развѣ вы не вмѣстѣ будете?

Старуха задумалась ревниво:

— Оно и вмѣстѣ и врозь. Что я ему теперь?.. Старая клюка.

Вздохнула:

— Налейте-ка мнѣ еще мадерки.

Майновъ поспѣшилъ исполнить ея желаніе. Не забылъ и о себѣ:

— И я еще выпью рюмку коньяку. Это облегчаетъ.

Арина Ивановна присѣла на стулъ, и гости также расположились рядомъ.

Съ удовольствіемъ потянувъ изъ рюмки вино, Арина Ивановна одобрительно замѣтила Майнову:

— Правда, облегчаетъ.

Лицо ея закраснѣлось отъ выпитаго вина. И не только глаза, а и голосъ стали еще чувствительнѣе.

— Вотъ не любитъ Гриша, что я пью мадеру,— чистосердечно высказалась она.— А изъ-за него же я и привыкла къ ней. Особенно, когда Гришенька ушелъ изъ дому. Трудно было ему жить въ домѣ съ отцомъ. Крутой былъ человѣкъ отецъ. Мы вѣдь изъ Сибири, а тамъ народъ не то, что здѣсь: ужъ если упрется— камень. На ученье денегъ ни-ни. Пускай, говоритъ, онъ желѣзомъ торгуетъ, такъ же, какъ и дѣдъ и я. А я, знаете, деньги, между прочимъ, утаивала, изъ конторки тихонько на ученье брала. Дознавался— бѣда. И сколько я отъ него тиранства изъ-за Гришенькинаго ученья приняла!.. Когда ужъ невмоготу было, я къ этому средству...— она просто указала на вино.— Оно какъ будто немножко и полегчаетъ. Да и меня тоже не легко было согнуть. Довела Гришеньку до настоящаго. Понялъ все это Гришенька, оцѣнилъ. Померъ отецъ, онъ ужъ такъ меня покоилъ...

Она задумалась и какъ будто забыла о гостяхъ. Влажные глаза сощурились и помутнѣли. Съ глубокимъ вздохомъ поднялась, какъ будто сразу выросшая и строгая, поправила шаль на плечахъ и, уже не обращаясь ни къ кому изъ нихъ, закончила, какъ бы размышляя вслухъ:

— А теперь что — не знаемъ мы хорошенько. Какъ-то ужъ очень скоро содѣялось.

Майновъ нѣсколько обидѣлся за Лидію Михайловну и горячо произнесъ:

— О, это достойнѣйшая женщина. Необыкновенная! Ужъ одно ея присутствіе дѣлаетъ человѣка счастливымъ.

И, сознавая, что теперь наступаетъ конецъ даже этому счастью, онъ снова выпилъ рюмку коньяку.

— Да, въ отдѣльности оно такъ бываетъ: и тотъ и другой хороши, а сойдутся— шипятъ, какъ огонь съ водой.

— Ну, зачѣмъ же такъ загадывать...— вмѣшался Прозоровъ.

Она поспѣшила согласиться:

— И то: ему будетъ хорошо, и мнѣ будетъ хорошо.— И тутъ же оживилась: — Ну, для встрѣчи у меня все готово: и иконы и хмель. Кто вотъ только хмелемъ будетъ осыпать?

Прозоровъ, смѣясь, указалъ на Майнова:

— Вотъ онъ спеціалистъ по хмелю.

Арина Ивановна кивнула головой:

— И хорошо. Я принесу хмель да пойду посмотрю, все ли готово для пути. Какъ только поужинаютъ, такъ и въ дорогу.

Едва она ушла, Майновъ снова сталъ наливать себѣ коньякъ, оправдываясь передъ товарищемъ:

— Мнѣ необходимо подкрѣпить себя.

Выпилъ и съ горечью въ лицѣ не [illegible] отъ коньяку, не то отъ печали сталъ упрекать товарища:

— И зачѣмъ ты меня звалъ присутствовать при этой церемоніи! И зачѣмъ я пришелъ сюда!

Онъ печальнымъ взглядомъ обвелъ столовую, развелъ руками и опустилъ голову.

Прозоровъ ядовито замѣтилъ:

— Конечно, не затѣмъ, чтобы ты наконьячился раньше пѣтуховъ.

Но Майновъ не обратилъ вниманія на его тонъ. Уныло вздыхая, онъ продолжалъ плаксивымъ голосомъ:

— Я чувствую, какъ у меня сердце блѣднѣетъ отъ горя, и подкашиваются ноги.— Въ доказательство онъ сѣлъ на стулъ. Подумать только: тамъ теперь все кончено...— Тутъ онъ неоз данно вскочилъ и ударилъ кулакомъ по спинкѣ стула: — И [illegible] чему она вышла за него замужъ? Что у нихъ общаго? Нѣтъ, скажи мнѣ... говори!

— Да что ты присталъ!— снова смѣясь, отвѣтилъ товари[щ]. Я свахой у нихъ не состою. А на твой вопросъ— я думаю, и са[ма] бы она не отвѣтила. Развѣ ты не знаешь, что за человѣкъ Ли[дія] Михайловна? Впрочемъ, и онъ человѣкъ незаурядный.

Прозоровъ помолчалъ и окинулъ своего товарища не то ласк[о]вымъ, не то ироническимъ взглядомъ.

— А знаешь, я не ему завидую, а тебѣ: до чего ты дьявольс[ки] молодъ, несмотря на твою лысинку и наливающееся брюшко. Д[ля] тебя нѣтъ блаженства выше сознанія, что ты страдаешь отъ бе[з]надежной любви.

Прозвонилъ звонокъ, хлопнула дверь, и послышались шаги.

Майновъ забылъ свое отчаяніе, засуетился:

— Идутъ, идутъ, а хмеля нѣтъ! Арина Ивановна! Гдѣ Ари[на] Ивановна?

Онъ метнулся къ двери, гдѣ Арина Ивановна уже стояла съ тарелкой хмели, и, выхвативъ это у нея, побѣжалъ въ переднюю. Тамъ онъ столкнулся съ двумя шаферами, молодыми художникам[и] „вѣчнымъ шаферомъ“ Сизовымъ и усатымъ Веструхинымъ, которые, торопливо сбрасывая пальто, возвѣстили:

— Ѣдутъ! Ѣдутъ! Сейчасъ будутъ!

— Чудесно! Мы ихъ осыпимъ хмелемъ, — волновался Майновъ.— Чтобы радость и удача обвивали ихъ, какъ хмель.

— Стихи! Чудесно! Вѣдь вы пишете стихи. Кантату новобрачнымъ!

— Онъ годится сейчасъ только для надгробныхъ эпитафій,— не оставлялъ его въ покоѣ Прозоровъ.

На минуту подошла Арина Ивановна:

— Такъ вы ужъ тутъ не пропустите. Осыпьте ихъ хмелемъ. Это счастье приноситъ. А я возьму икону. Иконой встрѣчу, благословлю. Жалко, посаженаго отца нѣтъ... не по обычаю.

III.

За окномъ послышался стукъ экипажа, который тутъ же и замолкъ.

— Подъѣхали! Подъѣхали!— закричали шафера.

Рѣшимость покинула Майнова. Онъ передалъ Веструхину тарелку съ хмелемъ:

— Мнѣ сдѣлается дурно. Я долженъ подкрѣпить себя.

Шаферъ проворно поставилъ стулъ къ двери и вскочилъ на него, высоко поднявъ тарелку.

— Я ихъ осыплю хмелемъ, какъ дождемъ.

Прозоровъ наставительно увѣщевалъ уходящаго въ столовую Майнова:

— Смотри, братъ, ты отъ этихъ подкрѣпленій въ концѣ концовъ останешься безъ ногъ.

— Тс!..— остановилъ шумъ и бесѣду шаферъ, указывая глазами на дверь, за которой слышались приближающіеся шаги.

Прозоровъ распахнулъ навстрѣчу дверь, но не успѣлъ еще предупредить товарища, какъ тотъ высыпалъ изъ тарелки весь хмель прямо на голову впорхнувшей въ переднюю дѣвушкѣ.

— Ай-ай-ай, что вы дѣлаете!— послышался молодой голосъ вмѣстѣ съ звонкимъ смѣхомъ.

Стряхивая хмель съ пышно причесанной головы и плечъ, дѣвушка подняла милое смѣющееся личико на шафера, у котораго вырывалъ тарелку Прозоровъ:

— Постой! Постой! Оставь для новобрачныхъ!

Но тотъ, понявъ свою ошибку, дурачливо сыпалъ послѣдніе остатки хмеля на голову дѣвушкѣ, которая, защищаясь, закрыла руками лицо. Но смѣхъ и голосъ какъ будто брызгалъ сквозь ея тонкіе бѣленькіе пальчики.

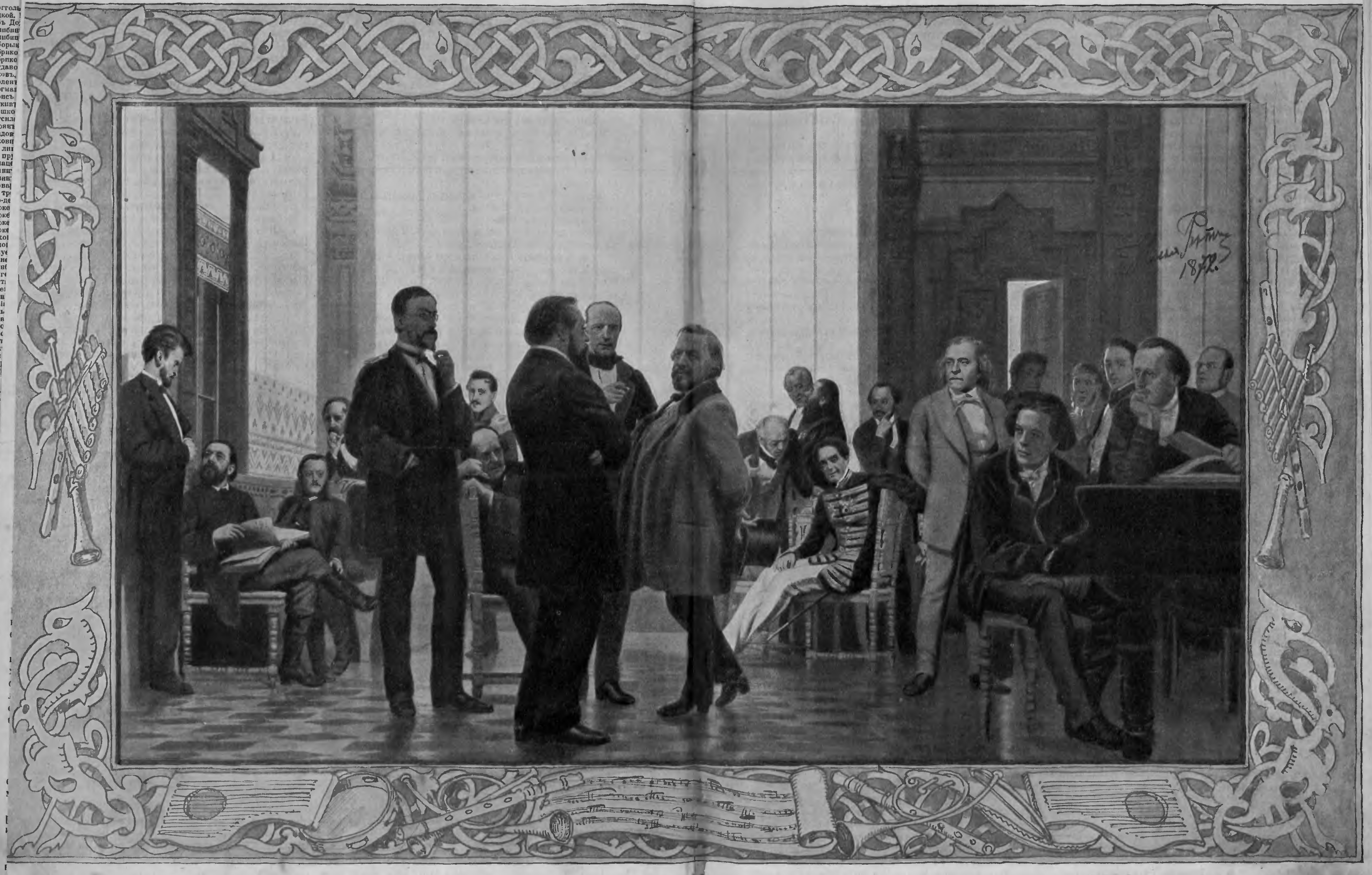
— Что вы дѣлаете! Что вы дѣлаете!— Убѣдившись, что хмеля больше нѣтъ, она открыла лицо, быстро мигая рѣсницами, съ безпокоившими ихъ пушинками хмеля. — Вы погубили мою будущность! Это— скверная примѣта. Теперь я никогда не выйду замужъ.

Прозоровъ въ тонъ ей шутливо воскликнулъ:

— Господа, опровергнемъ эту примѣту!

Шаферъ соскочилъ со стула:

— Всѣ, всѣ предлагаемъ вамъ себя въ рабы!

Направникъ. Сметана. Горакъ. Бендль. Римскій-Корсаковъ. Ласковскій. Даргомыжскій. Балакиревъ. Кн. Одоевскій. Глинка. Верстовскій. Бортнянскій. Турчаниновъ. Львовъ. Гурилевъ. Сѣровъ. Шопенъ. А. Рубинштейнъ. Гр. Огинскій. Н. Рубинштейнъ. Липинскій. Монюшко.

И. Е. Рѣпинъ. Славянскіе композиторы.

Ж. Грюнъ. Черезъ часъ послѣ Новаго Года.

О картинѣ „Славянскіе композиторы".

Воспоминанія **И. Е. Рѣпина.**

I.

Въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ въ Москвѣ было усиленное движеніе къ славянамъ. Москва всегда поддерживалась великими традиціями славянофильства, еще ранѣе сороковыхъ годовъ; имена Самариныхъ, Аксаковыхъ, въ связи съ воспоминаніями о Кирѣевскомъ, Гоголѣ и др., болѣе цѣльныхъ, дѣятеляхъ объединенія всего славянства никогда собственно и не умирали въ Москвѣ.

Въ 1870—72 гг. зимою по заказу строителя „Славянскаго Базара" А. А. Пороховщикова я писалъ картину, представляющую группу славянскихъ композиторовъ: русскихъ, поляковъ и чеховъ.

Вл. Вас. Стасовъ, съ которымъ я только-что познакомился, принялъ очень близко къ сердцу идею этой картины и совершенно платонически радовался ея разработкѣ; онъ, съ большими жертвами для себя, гдѣ только могъ, доставалъ мнѣ необходимые портреты уже давно сошедшихъ со сцены и умершихъ дѣятелей въ музыкѣ и доставлялъ мнѣ всѣ необходимыя знакомства съ живыми еще музыкантами, состоявшими въ моемъ спискѣ, чтобы написать ихъ съ натуры.

Огромная картина, предназначенная на довольно большую высоту, должна была быть написана декоративно, т.-е. широко — „на даль", такъ какъ плата за нее опредѣлялась скромная — въ 1.500 рублей, и срокъ былъ короткій.

Опытные художники не могли скрыть своего презрѣнія ко мнѣ, выскочкѣ: „Вѣдь вы только цѣны портите. Ну, гдѣ же вамъ справиться съ этимъ размѣромъ. Вѣдь вы большихъ картинъ не писали? Попробуйте-ка... Ужъ самое бѣдное 15.000 рублей надо за нее взять" и т. д.

Несмотря на всѣ эти мелкія непріятности и скудныя условія, мы съ Вл. Вас. Стасовымъ возлюбили сію картину и прилагали всѣ старанія, чтобы ее сдѣлать и художественною и значительною. Самые серьезные укоры перенесь я отъ художниковъ уже съ именами. Этотъ заказъ сначала направился-было къ К. Маковскому; тотъ запросилъ 25.000 рублей.

Пороховщиковъ откровенно признавался мнѣ, что ему это дѣло внovѣ, и для него возможно удѣлить на картину изъ суммъ всей роскошной декораціи концертной залы только полторы тысячи, и если я не возьмусь писать за эту цѣну картины, то они затянуть пано драпировкой, вотъ и все... Огромная зала „Бесѣда", объяснялъ онъ мнѣ, кромѣ всей затѣйливой рѣзьбы колоннъ, мебели и рамъ на портреты русскихъ дѣятелей по всѣмъ отраслямъ культуры, которыхъ около ста портретовъ по всѣмъ закоулкамъ, имѣетъ русскій узоръ, и это ихъ страшно заѣло.

Откровенно признаюсь: мнѣ, какъ конкуренту, только-что окончившему курсъ Академіи Художествъ, эта цѣна за картину представлялась огромной, и я только изъ приличія умалчивалъ о своей радости отъ этого богатаго заказа.

Въ какомъ дивномъ свѣтѣ заблистала передо мною вся вечерняя жизнь большихъ сборищъ, большихъ фойе театровъ! Въ залѣ Дворянскаго Собранія я упивался эффектными освѣщеніями живыхъ группъ публики и новыми образами; пламенѣя уже отъ новыхъ мотивовъ свѣта и комбинацій фигуръ, съ нетерпѣніемъ спѣшилъ утромъ въ мастерскую.

Часто В. В. Стасовъ, едва перешагнувъ порогъ моей академической мастерской, по своему мажорному обычаю, еще не затворивъ двери, уже издали кричалъ мнѣ откровенныя и громкія одобренія. Его могучій восторгъ подымалъ меня, и я бросался къ его портфелю, гдѣ—я былъ увѣренъ—уже есть новые портреты лицъ, которыхъ у меня еще не было, или ихъ новые повороты изъ откопанныхъ гдѣ-то старинныхъ снимковъ, даггеротиповъ, старыхъ литографій и т. д.

— По знаете ли, вамъ [illegible] помѣстить въ картинѣ еще двѣ фигуры молодыхъ наши[illegible] (могучей кучки)—это Мусоргскаго и Бородина,—говор[illegible] Владиміръ Васильевичъ.

Я вполнѣ съ нимъ согл[illegible] Бородина любили всѣ— онъ былъ заразительно [illegible]ъ; а М. П. Мусоргскаго хоть и не всѣ цѣнили, но [illegible] поражаемы его смѣлостью и жизнью, и никто не м[illegible] отъ громкаго хохота при исполненіи, имъ самимъ особенно, его комическихъ типовъ и неожиданно-живыхъ характерныхъ речитативовъ.

Ахъ, нельзя безъ тоски вспомнить и сейчасъ, что Владиміру Васильевичу не посчастливилось дожить до нашихъ дней признанія всей Европой нашего самороднаго генія русской музыки — Мусоргскаго!.. Въ тѣ времена, всѣ строго воспитанные въ наркотически-сладкихъ звукахъ романтизма, наши опекуны вкусовъ музыки даже не удостаивали запомнить имя тогда уже вполнѣ опредѣлившагося роднаго генія. И такіе излюбленные, даже популярные писатели, какъ Салтыковъ-Щедринъ, когда поклонники Мусоргскаго, заинтересовавшись его мнѣніемъ о Мусоргскомъ, познакомили его, полагая, что онъ узритъ близкое своей натурѣ въ звукахъ новаго явленія комической музыки, отвѣтилъ талантливой карикатурой своего сатирическаго пера. Весь Петербургъ читалъ этотъ пасквиль на молодой талантъ; смѣшно разсказывалось, какъ, закисая отъ смѣха, нѣкій громкій эстетъ выставилъ на судъ знатоковъ своего доморощеннаго таланта, и какъ сей протрезвѣвшій едва-едва талантъ промычалъ свою новую арію на гражданскую тему извозчика, потерявшаго кнутъ. Но я все-таки обратился къ Пороховщикову — разрѣшить мнѣ прибавить въ группу русскихъ музыкантовъ Мусоргскаго и Бородина.

— Вотъ еще: вы всякій мусоръ будете сметать въ эту картину! Мой списокъ именъ музыкантовъ выработанъ самимъ Николаемъ Рубинштейномъ, и я не смѣю ни прибавить ни убавить изъ списка, даннаго вамъ... Одно мнѣ досадно, что онъ не вписалъ сюда Чайковскаго. Вѣдь мы—вся Москва—обожаемъ Чайковскаго... тутъ что-то есть... Но, что дѣлать... А Бородина я знаю; но вѣдь это дилетантъ въ музыкѣ: онъ — профессоръ химіи въ Медико-Хирургической академіи... Нѣтъ, ужъ вы всякимъ мусоромъ не засоряйте этой картины. Да вамъ же легче: скорѣе! Скорѣе! Торопитесь съ картиной, ее ждутъ...

Во всѣхъ большихъ публичныхъ залахъ меня плѣняли широкій верхній свѣтъ и свѣтлые фоны. Свѣтлая зала, сцены, картины надо было держать непремѣнно въ русскомъ стилѣ, потому что Москва, славянство, „Славянскій Базаръ"—требовали этого.

Николай Леонтьевичъ Гунъ, работавшій по сосѣдству съ моей мастерской, имѣлъ богатѣйшій матеріалъ новыхъ образчиковъ орнаментики русскаго стиля, который въ то время уже начали жестоко опошлять пѣтухами, топорами и рукавицами и т. д. Гунъ, изящный художникъ и орнаментистъ русскій, неисчерпаемо чертилъ бумагу новыми мотивами изъ-подъ его плодовитаго карандаша. Этотъ милый, добрый талантъ, какъ истинный художникъ-архитекторъ, предоставилъ мнѣ на выборъ богатѣйшій матеріалъ совсѣмъ новыхъ собственныхъ своихъ композицій.

Пороховщиковъ благоговѣлъ предъ Николаемъ Рубинштейномъ. Въ Москвѣ онъ обѣщалъ мнѣ сеансъ съ него прямо съ натуры, въ картину, когда картина будетъ привезена туда.

Большинство лицъ было сдѣлано по портретамъ. Только М. А. Балакиревъ и Н. А. Римскій-Корсаковъ, тогда еще морской офицеръ, и Направникъ рисовались мною съ натуры. Но, чтобы не сбиться отъ боковыхъ освѣщеній жилыхъ комнатъ, я рѣшилъ съ живыхъ лицъ снять только контуры въ рисункѣ, чтобы имѣть свободу въ картинѣ освѣщать ихъ верхнимъ свѣтомъ, который меня такъ очаровывалъ на свѣтлыхъ фонахъ, подъ вечерними люстрами.

— Ну что, скажите, какъ нашелъ вашу работу съ него Милій Алексѣевичъ? Былъ онъ доволенъ?—спрашивалъ меня В. В. Стасовъ, который устраивалъ мнѣ эти сеансы и былъ страшно любопытенъ.

— А Милій Алексѣевичъ даже не полюбопытствовалъ взглянуть на мой рисунокъ, — отвѣчаю я правду. — Онъ былъ очень-очень любезенъ, безукоризненно постоялъ мнѣ въ своей позѣ, въ полъ-оборота, почти спиной, и мы разстались, совершенно довольные другъ другомъ.

Н. А. Римскій-Корсаковъ также не могъ восхититься моимъ сухимъ контуромъ его фигуры... Да едва ли они когда-нибудь впослѣдствіи видѣли эту картину. Въ концертной залѣ „Славянскаго Базара" она помѣщалась довольно высоко, на своемъ мѣстѣ подъ сценой, и освѣщалась только во время спектаклей и концертовъ.

II.

Пороховщиковъ зналъ людей и умѣлъ шевелить москвичей; и низшіе и высшіе слои были имъ сильно возбуждаемы по надобности.

— Ребята! —кричалъ онъ громко рабочимъ:—завтра у насъ будетъ великій князь; ужъ вы всю ночь не спите—работайте, но чтобы къ утру все было кончено!..

Вотъ прорвался шлюзъ, вотъ загремѣли рубанки, завизжали пилы, застучали топоры—и скоро, съ быстротой водопада, уже полотеры вслѣдъ всему несутся морскою волною... Какъ въ сказкѣ, работа поспѣла гораздо раньше назначеннаго срока...

А вотъ и самое торжество пришло. Теперешній ресторанъ „Славянскаго Базара“ былъ еще тогда дворомъ, на него выходили магазины. Къ назначенному часу открытія вечеромъ зашипѣли щегольскія шины красивыхъ новыхъ каретъ; великолѣпные гайдуки, ливрейные джентльмены въ высокихъ цилиндрахъ, разодѣтыя дамы—и панство, панство безъ конца: все уже дворянствомъ стало, о „степенствѣ“ и помину уже не было: мундиры, мундиры! А вотъ и само его преосвященство. Сколько дамъ, дѣвицъ свѣта въ бальныхъ туалетахъ! Ароматы духовъ, перчатки до локтей — свѣтъ, свѣтъ! французскій, даже англійскій языки!

Появился даже нѣкій заморскій принцъ съ цѣлой свитой: самъ высокаго роста, въ кавалерійскомъ уланскомъ мундирѣ; фраки съ ослѣпительными грудями...

Пороховщиковъ торжествуетъ. Какъ ужаленный, онъ мечется отъ одного высокопоставленнаго лица къ другому, еще болѣе высокопоставленному.

Свѣтъ пущенъ во-всю.

Портреты нашихъ великихъ особъ въ залахъ, ярко освѣщенные, всѣ красуются въ рамахъ русскаго стиля; мелкая разнообразная раскраска русской рѣзьбы, какъ-то дребезжа, разсыпается во всѣ закоулки и наполняетъ залу, сливаясь съ музыкой,—не забудьте: все время торжественный тушъ трубачей — какимъ-то волшебствомъ сказочнаго терема въ новомъ стилѣ.

Весело и живо наполнены богатствомъ новешенькія фантастическія хоромы... Какъ сонъ изъ Руслана.

И вообразите, все-таки главнымъ центромъ и тутъ заблистала моя картина. Особы и даже иностранцы повлеклись къ ней и надолго приковали свое просвѣщенное вниманіе. Идутъ толки, разговоры и разспросы на разныхъ языкахъ, и слышно въ общемъ большое одобреніе.

Пороховщиковъ сіяетъ счастіемъ и блеститъ, раскраснѣвшись, коситъ глазомъ, вижу, ищетъ меня.

— Гдѣ же вы? Вѣдь вы и не воображаете, какой успѣхъ! Всѣ васъ спрашиваютъ, хотятъ видѣть; а иностранцы даже не вѣрятъ, что картина писана въ Россіи... Пойдемте скорѣе, я васъ представлю... Прежде всего къ его высокопреосвященству; но вы не забудьте ради Бога подойти подъ благословеніе...

Вотъ и здѣсь я долженъ сказать правду: Великій Зиждитель не скупился на признаніе моихъ посильныхъ трудовъ въ любимомъ дѣлѣ. Я былъ щедро награждаемъ славой и успѣхомъ выше мѣры. И здѣсь торжество было неожиданно и громко.

III.

Но я не могъ не вспомнить и въ эту торжественную минуту словъ Ив. Серг. Тургенева, который забраковалъ эту мою картину.

Было такъ: какъ обѣщалъ Пороховщиковъ, съ Николая Рубинштейна я писалъ съ натуры: это было единственное лицо, писанное съ натуры и прямо въ картину, кромѣ рисунка, сдѣланнаго съ него же.

Консерваторія помѣщалась тогда на Мясницкой ул.; картину доставили туда, и мы съ Ник. Григ. Рубинштейномъ пріятно бесѣдовали во время сеанса.

Вдругъ доложили:—Тургеневъ...

Вся моя картина, въ небольшой залѣ, занятой двумя роялями, освѣщалась плохо; но это еще полбѣды. Тургеневъ былъ утомленъ и—я чувствовалъ—вовсе не расположенъ ко мнѣ. Окинувъ ее разсѣяннымъ взглядомъ, Иванъ Сергѣевичъ сказалъ съ досадой, не дослушавъ объясненій о лицахъ и цѣли картины.

— Ну что это, Рѣпинъ? Какая нелѣпая идея соединять живыхъ съ давно умершими! — съ мѣста въ карьеръ огорошилъ меня Тургеневъ, да такъ и остался съ этимъ дурнымъ впечатлѣніемъ отъ моей картины.

— Въ сюжетѣ я не виноватъ,—оправдывался я:—мнѣ списокъ лицъ данъ заказчиками, и я не смѣлъ даже отступить отъ состава изображаемыхъ мною фигуръ.

— Ну что же, тѣмъ хуже для васъ, а я не могу переварить этого соединенія мертвыхъ съ живыми.

— Да вѣдь и живые музыканты не вѣчны, Иванъ Сергѣевичъ,—лепеталъ я смущенно.—А вспомните полукругъ парижской Академіи Художествъ: тамъ соединены лица художниковъ на разстояніи трехъ вѣковъ средневѣковья, да еще сверху во святыхъ сидятъ античные греки за пятнадцать вѣковъ раньше, и всѣ на одной картинѣ,—горячусь я.

— Да, а я все же этого не перевариваю: это—разсудочное искусство... литература...

На торжествѣ открытія я вижу издали великолѣпную сѣдую русскую голову, выше всѣхъ цѣлой головой,—Тургенева, протискиваюсь къ нему, и онъ въ толпѣ передъ моей картиной.

— А, и вы?—ласково жметъ онъ мнѣ руку, въ бѣлой перчаткѣ, мягко-аристократически.—Видите? Вы имѣете успѣхъ...

— Да,—конфужусь я:—но вы не измѣнили вашего мнѣнія о картинѣ отъ моего успѣха?

— Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ: мое мнѣніе есть мое, и я съ идеей этой картины примириться не могу...

IV.

Какъ умный человѣкъ и большой практикъ, А. А. Пороховщиковъ позаботился о привлеченіи сюда и прессы (великой силы). Разумѣется, болѣе всего дорожили вліятельные, солидные люди мнѣніемъ „Московскихъ Вѣдомостей“. И сюда, въ „Славянскій Базаръ“, „университетская“ (тогда еще) газета внесла свой судъ и свой высокій авторитетъ. Мнѣ особенно досталось за полутонъ на лицахъ и фигурахъ перваго плана и за свѣтовой эффектикъ изъ полуотворенной двери, отраженный на паркетѣ.

Объ излюбленномъ мною полутонѣ говорили съ досадой: онъ испортилъ всю картину. „Если насъ спросятъ, видѣли ли мы картину г. Рѣпина, мы скажемъ: видѣли и даже наслаждались ею; но ни одного лица такъ заботливо обдуманныхъ программой заказчиковъ изъ представленныхъ въ картинѣ портретовъ-фигуръ мы не видали: они рисуются черными силуэтами на свѣтломъ фонѣ, и, сколько мы ни старались, разсмотрѣть ихъ невозможно, а слѣдовательно—и судить о нихъ, о ихъ сходствѣ немыслимо. Такимъ образомъ пропадаетъ самая важная сторона картины. И хотя г. Рѣпинъ старается отдѣлаться мелкими бликами отъ свѣта въ сосѣдней комнатѣ, отражающимися на паркетѣ у ногъ Шопена, но эти мелочи только непріятно раздражаютъ неудовлетворенное требованіе зрителей и мѣшаютъ главной сути этой картины“.

Извиняюсь,—все это я передаю своими словами, разумѣется, не точно, почти 40 лѣтъ прошло!

Въ мою защиту стихійно взрывался В. В. Стасовъ и такъ разсуждающихъ писателей сравнивалъ съ заказчиками собственныхъ портретовъ, требовавшими отъ художниковъ тѣнь подъ носомъ убрать на другое мѣсто...

Лѣтъ 15 назадъ, будучи въ Москвѣ за завтракомъ въ ресторанѣ „Славянскаго Базара“ съ однимъ другомъ, я разсказалъ ему, что тутъ есть картина, писанная мною; онъ пожелалъ ее видѣть, и я былъ очень не прочь взглянуть на нее послѣ 25 лѣтъ. Офиціантъ сказалъ, что надо достать ключъ отъ главнаго; онъ постарается.

Днемъ картина плохо освѣщается, но мы внимательно осматривали заодно и всю залу. Поблагодаривъ провожавшаго насъ слугу, я спросилъ, не знаетъ ли онъ, кто писалъ эту картину?

— Не могу знать,—отвѣтилъ онъ.—Это за границей писали...

Въ 1892 году, когда я устраивалъ выставку своихъ картинъ, я хотѣлъ и „Славянскихъ Композиторовъ“ выставить въ Академіи Художествъ, гдѣ была моя выставка (такъ какъ эта картина еще неоконченной была увезена въ Москву, и Петербургъ ее никогда не видѣлъ),—но, несмотря на всѣ мои хлопоты и всѣхъ лицъ Москвы, начиная съ П. М. Третьякова и С. И. Мамонтова, очень сочувственно относившихся ко мнѣ, мнѣ не удалось добыть картины: она была уже собственностью цѣлаго общества на паяхъ, и для разрѣшенія моей просьбы надо было собирать общее собраніе; а это бываетъ періодически, да и никто не взялъ бы на себя отвѣтственности за общую собственность.

П. М. Третьяковъ очень желалъ пріобрѣсти эту картину для своей галлереи, но его отклонили огромной цѣной.

Новый Годъ.

Онъ пришелъ... онъ стоитъ на порогѣ.
Поклонитесь ему: это—Рокъ!
Онъ пришелъ вамъ напомнить о Богѣ,
Какъ законъ, непреклоненъ и строгъ.
Не смягчатъ его пышныя встрѣчи,
Не задобрятъ ни тосты ни рѣчи,
Это—Рокъ: онъ безстрастно-жестокъ.
Не встрѣчайте его: это—Время;

Это смерти стоитъ часовой,
Онъ не властенъ снять съ плечъ вашихъ бремя,
Ни законъ измѣнить міровой.
Возлюбите другъ друга, какъ братья,
Вознесите молитвы къ Творцу!
Полночь бьетъ... У подножья Распятья
Позабудьте вражду и проклятья:
Годомъ ближе вы стали къ Концу.

А. Д. Львова.

Домой.

Разсказъ Банкистеръ Мервикъ.

Съ англійскаго.

I.

Маленькое, хрупкое существо торопливо вбѣжало въ почтовую контору,—худенькая женщина въ старомъ черномъ платьѣ. Пряди сѣдыхъ съ желтымъ отливомъ волосъ, выбившіяся изъ-подъ зеленой шляпки, едва отличались цвѣтомъ отъ ея худого и блѣднаго лица. У нея были обострившійся носъ, тонкія губы и блуждающій, безпокойный взглядъ свѣтло-голубыхъ глазъ. Эти глаза нельзя было бы назвать невыразительными; но выраженіе въ нихъ то вспыхивало, то пропадало, и нельзя было уловить его значеніе.

Новый священникъ, поднявъ глаза отъ письма, которое онъ читалъ, взглянулъ на нее, и ему показалось, что ее принесъ „противъ ея воли“ съ улицы ноябрьскій вѣтеръ: казалось, она не знала, что ей здѣсь нужно. Онъ уловилъ ея быстрый, растерянный взглядъ.

Потомъ она рѣзкимъ движеніемъ бросилась къ почтовому ящику и дрожащей рукой опустила въ него письмо, которое трепетно прижимала къ груди. Услышавъ, какъ оно зашуршало, упавъ въ кучу другихъ писемъ, она тихо засмѣялась и выбѣжала опять на холодный вѣтеръ, который теперь понесетъ ее—подумалъ священникъ—къ мяснику, къ булочнику или, можетъ-быть,—домой? И каково-то это „домой“?

Почтмейстеръ, молча наблюдавшій священника, нарушилъ ходъ его мыслей.

— Это — вдова Варнэмъ,—сказалъ онъ.—Ее можно видѣть въ церкви каждое воскресеніе и во всякую погоду.

— Вдова Варнэмъ?—повторилъ священникъ.

— Насколько я помню, она уже двадцать лѣтъ такая,—продолжалъ почтмейстеръ, усаживаясь удобнѣе.—Вы понимаете,—она немножко...—и онъ постучалъ себѣ пальцемъ по лбу.—Впрочемъ, она совершенно безвредна. Зарабатываетъ себѣ на пропитанье шитьемъ.

— Какъ это грустно,—замѣтилъ священникъ.

— Д-д-да, конечно... Но къ этому какъ-то привыкаешь. И, кромѣ того, она, право, совершенно безопасна.

— Грустно для нея, а не для насъ,—рѣзко возразилъ ему священникъ.

— А, да, да!—почтмейстеръ кивнулъ головой, признавая и эту точку зрѣнія.—Это случилось съ нею изъ-за сына,—продолжалъ онъ.—Лѣтъ 25 назадъ или больше онъ былъ убитъ во время катастрофы гдѣ-то на Западѣ. Она не сознаетъ, что онъ погибъ. Она то и дѣло пишетъ ему письма и приноситъ сюда: адресуетъ ихъ то въ Денверъ, то въ Чикаго, то въ Нью-Іоркъ. Никогда не наклеиваетъ марокъ. Раньше я ихъ отдавалъ ей назадъ, но теперь я просто ихъ рву. Лучше пусть бѣдняжка не знаетъ,—прибавилъ онъ, стараясь попасть въ тонъ священнику.

— Да,—задумчиво согласился тотъ.

— Напримѣръ, вотъ это письмо,—началъ снова почтмейстеръ, добывая письмо изъ ящика:—видите, марки нѣтъ. И адресовано оно... Ого! Что же это?—Онъ посмотрѣлъ на священника глазами человѣка, сдѣлавшаго неожиданное открытіе.—Представьте, оно адресовано въ редакцію „Вечерней Звѣзды“, Нью-Іоркъ. Что вы объ этомъ думаете?

— Мнѣ кажется, слѣдовало бы отослать его,—сказалъ священникъ.

— Да, если бъ была марка,—возразилъ смущенно почтмейстеръ. Онъ взвѣсилъ письмо на рукѣ и прибавилъ:—даже двѣ марки. Тяжелое. Тутъ, очевидно, деньги! Ну!..

Священникъ вынулъ изъ бумажника нѣсколько марокъ и подалъ ихъ почтмейстеру.

— Право, не знаю, законно ли это будетъ?—замѣтилъ тотъ:—но, — онъ смочилъ марки языкомъ, — пусть ужъ, такъ и быть!

II.

Брижъ усталъ. Нельзя не уставать иногда, будучи корректоромъ и секретаремъ такой большой газеты, какъ „Вечерняя Звѣзда“: но за послѣднія двѣ недѣли эта усталость давала себя знать особенно сильно. Ныла спина, и сильно болѣлъ затылокъ; минутами сознаніе почти покидало его. Онъ не смѣлъ просить отпуска. Развѣ это не было бы равносильно признанію своей неспособности къ дѣлу? А на его мѣсто нашлось бы сколько угодно желающихъ. И Брижъ тоскливо старался скрыть правду отъ самого себя.

— А вѣдь вы плохо выглядите, Брижъ,—замѣтилъ ему одинъ изъ секретарей редакціи, подходя къ нему послѣ завтрака.

— Ерунда! — возразилъ Брижъ. — Просто ваши глупѣйшія ошибки могутъ довести человѣка до сѣдыхъ волосъ!

Но онъ самъ почувствовалъ, что въ его отвѣтѣ нѣтъ увѣренности, а улыбка собесѣдника, казалось, подтверждала это.

Первый оттискъ перваго изданія мокро шлепнулся на столъ передъ нимъ, и онъ ухватился за этотъ предлогъ, чтобъ прекратить разговоръ.

Онъ развернулъ газету и просмотрѣлъ ее торопливо. Сколько ошибокъ! Потомъ взглядъ его упалъ на столбцы объявленій. И одно изъ нихъ вдругъ выступило впередъ и точно обожгло его:

„Дитя мое, вернись домой! Вернись домой къ празднику! Мама“.

Брижъ медленно отвелъ глаза въ сторону. Стѣна конторы точно растаяла, и за нею онъ увидѣлъ далекую милую картину. Какъ знакома и дорога ему эта старушка въ глубокомъ мягкомъ креслѣ! Какъ хорошо онъ помнитъ эту комнату и даже эту гравюру Роджерса надъ каминомъ!

Далекъ Иллинойсъ; но вѣдь не безконечно далекъ. А между тѣмъ уже десять лѣтъ онъ не былъ тамъ, не смотрѣлъ въ милое любящее лицо... Десять лѣтъ!

Онъ рѣшительно сложилъ газету и прямо направился въ кабинетъ редактора.

— Я ухожу отъ васъ, мистеръ Фарлей,—сказалъ онъ.—Я ѣду домой къ празднику.

— Куда домой?—спросилъ съ внезапнымъ интересомъ редакторъ.

— За тысячи миль отсюда, — сказалъ Брижъ. — Но я ѣду.—Кленденнинъ можетъ занять мое мѣсто.

— Да вы не волнуйтесь,—улыбнулся редакторъ.—Вамъ, правда, нуженъ отдыхъ. Отдохните недѣльку-другую, а потомъ возвращайтесь къ намъ. Непремѣнно. Вы нужны намъ, Брижъ.

Брижъ почувствовалъ, какъ у него вдругъ прошла эта боль въ затылкѣ и спинѣ.

— Домой!—воскликнулъ онъ.—Подумать только, домой!

Когда онъ ушелъ изъ конторы, онъ унесъ съ собой оттискъ „Вечерней Звѣзды“. Онъ рѣшилъ, что сохранитъ ее навсегда. Тѣмъ не менѣе, выходя изъ вагона подземной желѣзной дороги, онъ забылъ ее тамъ.

III.

Когда Делавей вошелъ въ вагонъ подземной желѣзной дороги, чтобы ѣхать въ пятидесятую улицу къ миссъ Бэрди Клэръ, онъ увидѣлъ на скамейкѣ газету и машинально поднялъ ее. Просмотрѣвъ биржевыя извѣстія, онъ, выходя, такъ же машинально сунулъ ее въ карманъ.

— Это вы, Гарри?—спросила его миссъ Клэръ, пріотворивъ дверь на вершокъ.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Деланей.

— Ну, такъ стойте здѣсь, пока не услышите, что дверь въ спальню закроется,—сказала она.—И тогда входите и ждите меня въ гостиной. Люсиль меня причесываетъ.

— Согласенъ,—отвѣтилъ Делавей.—Куда жъ мы сегодня?

— Къ Ректорсъ?

— Отлично!

Сидя въ гостиной, Деланей въ сотый разъ осмотрѣлъ знакомую комнату съ портретами миссъ Клэръ во всѣхъ видахъ: въ видѣ сильфиды изъ „Бурныхъ волнъ“, купидона изъ „Стрѣлъ любви“ и т. д. Онъ закурилъ папиросу и снова принялся читать газету: онъ, казалось, скучалъ: слишкомъ часто ему приходилось сидѣть въ такихъ же гостиныхъ, у всевозможныхъ миссъ Клэръ, миссъ Фифи и т. д.

Миссъ Клэръ наконецъ вышла. Ея волосы были въ самомъ изящномъ и очаровательномъ безпорядкѣ благодаря Люсиль; костюмъ старательно подчеркивалъ тонкую талію. Глаза были прелестно-лукавы. Деланей посмотрѣлъ на нее съ удовольствіемъ. Правда, казаться хорошенькой было частью ея ремесла, но онъ долженъ былъ сознаться, что это выходило у нея чрезвычайно мило. Ему даже захотѣлось-было поцѣловать ее, но потомъ онъ рѣшилъ, что лучше не измѣнять удобныхъ и ни къ чему не обя-

зывающихъ отношеній. Замѣтивъ, что она все еще не совсѣмъ готова, онъ опять развернулъ газету.

— Вотъ смѣшно,—замѣтилъ онъ вдругъ:—какъ вамъ это нравится?

И онъ указалъ ей на что-то въ газетѣ. Она подошла къ нему сзади и наклонилась надъ газетой, такъ что перья ея шляпы коснулись его щеки. Она прочла. Медленно выпрямилась и молча отошла къ окну.

— Какъ же „дитя" будетъ знать?—смѣялся Деланей.—Мамаша почему-то не догадалась подписаться.

Миссъ Клэръ отвѣтила не сразу. Она смотрѣла въ темное окно. Наконецъ она медленно сказала:

— Гарри, а у васъ есть домъ?

— Еще бы!—отвѣтилъ онъ.—Нью-Іоркъ, Америка.

— Нью-Іоркъ?

— Да, я здѣсь родился,—сказалъ онъ.—А что?

Она молчала. Онъ посмотрѣлъ на нее съ любопытствомъ.

— У васъ что-то есть на умѣ, милочка,—замѣтилъ онъ.—Выкладывайте-ка!

— У меня?—сказала она разсѣянно и повернулась къ нему.—Я только-что вспомнила, Гарри, что я сегодня занята и не могу итти съ вами.

Деланей подмигнулъ ей:

— Кто же „онъ", Бэрди?

— Никто. Не спрашивайте, пожалуйста. Уйдите, будьте добры!

Онъ всталъ.

— Что вы собираетесь устроить?—спросилъ онъ.

— О, вамъ нечего безпокоиться!—сказала она устало.

— Ну, ладно!—Онъ взялся за шляпу.—Желаю вамъ счастливыхъ праздниковъ!

Едва дверь закрылась за нимъ, миссъ Клэръ крикнула горничную.

— Люсиль,—приказала она:—вотъ деньги, возьмите сейчасъ же билеты на ночной поѣздъ въ Портлэндъ. Мы сегодня ѣдемъ!

Деланей, выйдя на улицу, вдругъ разсердился.

— Нѣтъ, какое нахальство!—пробормоталъ онъ.—Такъ обойтись со мной! Со мной!

Онъ сердито отшвырнулъ отъ себя сложенную газету, которая, описавъ въ воздухѣ кругъ, упала на сидѣнье большого блестящаго автомобиля, стоявшаго у подъѣзда.

IV.

Идя съ мужемъ къ автомобилю, Мистрисъ Эджертонъ чувствовала, что нервы ея, страшно напряженные за послѣднее время, не выдержатъ. Почему ея мужъ всегда желалъ отъ нея невозможнаго? Гордо поднявъ голову, она вошла въ автомобиль и сѣла, стараясь держаться какъ можно дальше отъ мужа. Она не смотрѣла на него, но и не глядя знала, что на его лицѣ сейчасъ то выраженіе терпѣливой доброты, которое раздражало ее сильнѣе всего.

Самъ Эджертонъ чувствовалъ себя плохо: онъ зналъ, что сдѣлалъ глупость, преждевременно заговоривъ съ женой о томъ, что такъ ее взволновало. Ему слѣдовало подождать болѣе благопріятной минуты.

Онъ поднялъ сложенную газету, лежавшую на сидѣньѣ, и, не развертывая ея, старался при смутномъ свѣтѣ пробѣгающихъ фонарей разсмотрѣть отдѣльныя слова. Вдругъ онъ опустилъ руку съ газетой и задумчиво посмотрѣлъ прямо передъ собой: потомъ, видимо, что-то рѣшивъ, онъ вынулъ изъ кармана карандашъ и старательно обвелъ чертой одно объявленіе. Автомобиль остановился на углу пятой улицы, пережидая трамвай.

— Филлисъ,—сказалъ онъ:—прочитай это!

Она нехотя повернулась, когда онъ вложилъ ей газету въ руку, взяла ее и прочла. И, читая эти немногія слова, она хотѣла, но не могла побѣдить въ себѣ нѣжность, которая невольно овладѣла ея сердцемъ.

— Это—всеобщій крикъ, Филлисъ,—тихо сказалъ ей Эджертонъ.—„Дитя мое, вернись домой!"—это—крикъ всѣхъ матерей. Мы здѣсь одиноки въ этой большой чужой столицѣ: но, слава Богу, и у насъ есть куда поѣхать „домой". Конечно, если мы поѣдемъ съ тобой въ Кливлэндъ, тебѣ не придется выѣзжать на праздникахъ; конечно, тебѣ будетъ скучно,—тебѣ всегда скучно въ моей семьѣ,—но, Филлисъ, если ты и поскучаешь немножко, это успокоитъ твои нервы, и ты отдохнешь. А моя мать ждетъ насъ, Филлисъ. Подумай объ этомъ!

Мистрисъ Эджертонъ нагнула голову и уронила газету на мостовую.

— Не говори больше!—прошептала она.—Мы поѣдемъ.

Автомобиль тронулся.

V.

Билль изъ Миссури подобралъ газету, смятую колесами и копытами. Въ ночлежномъ домѣ на третьей улицѣ, куда онъ направлялся и гдѣ могъ за 10 центовъ провести ночь, пріятно будетъ почитать что-нибудь: кромѣ того, по прочтеніи, газету можно было употребить вмѣсто подушки.

Миссурійскому Биллю было лѣтъ сорокъ: онъ былъ толстъ, съ водянистыми глазами и рыжей щетиной на подбородкѣ. Средства къ существованію зарабатывалъ онъ своимъ краснорѣчіемъ и серьезной искренностью голоса.

Въ этотъ вечеръ онъ прочелъ газету отъ доски до доски, и очерченное карандашомъ объявленіе естественно привлекло его вниманіе. Но, за неимѣніемъ подходящихъ слушателей, онъ пока воздерживался отъ комментаріевъ.

Въ половинѣ одиннадцатаго въ ночлежный домъ забрелъ молодой Чарли. Въ глазахъ Билля онъ былъ еще мальчишкой,—ему было лѣтъ двадцать. Что изъ того, что на лицѣ его лежала печать порока, а въ глазахъ независимое выраженіе! Развѣ онъ не былъ молодъ? И Билль началъ:

— А куда ты собираешься на праздники?

— Въ „Армію Спасенія"!—иронически отвѣтилъ Чарли.

Билль серьезно посмотрѣлъ на молодого человѣка.

— А откуда,—началъ онъ снова:—тебя занесло сюда, въ Нью-Іоркъ?

— Изъ Шенектеди.

— Родные тамъ, вѣрно?

— Должно-быть, что такъ. Я ужъ четыре года тамъ не бывалъ.—Молодой Чарли зѣвнулъ.—Старикъ-то на фабрикѣ работаетъ. Я раньше тоже работалъ.

— Вотъ!—миссурійскій Билль медленно протянулъ ему сложенную газету.—Вотъ тутъ есть кое-что, прямо-таки для тебя написано: „Дитя мое, вернись домой! Вернись домой къ празднику".—Билль прочелъ это съ большимъ выраженіемъ.

— И подписано: „Мама",—прибавилъ онъ.

Молодой Чарли отвернулся.

— Мнѣ то что за дѣло!—пробормоталъ онъ

— А почему бы тебѣ и не съѣздить?—настаивалъ Билль.

— Поѣзжай самъ!—возразилъ молодой Чарли.

— Нѣтъ, это дѣло другое!—сказалъ Билль.—Мнѣ, братъ, этой роли не сыграть. Я ужъ слишкомъ давно здѣсь живу. Вотъ ты,—ты всего четыре года, какъ съ родины. Дай матери-то взглянуть на тебя. Поѣшь тамъ индѣйки и всякой штуки. Со старикомъ выкуришь трубочку, другую. Наври имъ, что ты на службѣ у Моргана, и что у тебя нѣтъ времени часто бывать у нихъ. И тебѣ будетъ пріятно, и матери радость. Что скажешь?..

— Да зачѣмъ все это?—спросилъ сердито молодой Чарли.

— А я почемъ знаю?—отвѣтилъ Билль изъ Миссури.—Я тебѣ только совѣтъ далъ. Поѣзжай-ка ты завтра же. Хорошо проведешь время, право! Наври имъ только съ три короба, чтобъ доставить удовольствіе. А потомъ удирай сюда. Думаю, что, если блудный сынъ не совсѣмъ былъ глупъ, онъ тоже удралъ на другое утро. Зачѣмъ показывать старикамъ, чѣмъ ты сталъ? А сразу они не разберутъ.

— А ты вѣдь, пожалуй, правду говоришь!—задумчиво сказалъ молодой Чарли.

VI.

Худенькая женщина съ изжелта-сѣдыми волосами стояла у окна своего домика въ Коннектикутской деревнѣ. Въ комнатѣ былъ накрытый бѣлоснѣжной скатертью столъ; изъ кухни доносился запахъ вкусныхъ вещей: но женщина смотрѣла съ тоской и ожиданьемъ на улицу. Новый священникъ, проходя, увидѣлъ ее у окна.

— Бѣдная вдова Барнэмъ!—сказалъ онъ.—Некому сегодня раздѣлить съ нею праздникъ!—И, вспомнивъ, какъ онъ въ первый разъ встрѣтилъ ее на почтѣ, онъ прибавилъ:—Хотѣлось бы мнѣ знать, что сталось съ тѣмъ письмомъ, которое она тогда послала?

Между жизнью и смертью.

(Теорія анабіоза проф. П. И. Бахметьева).

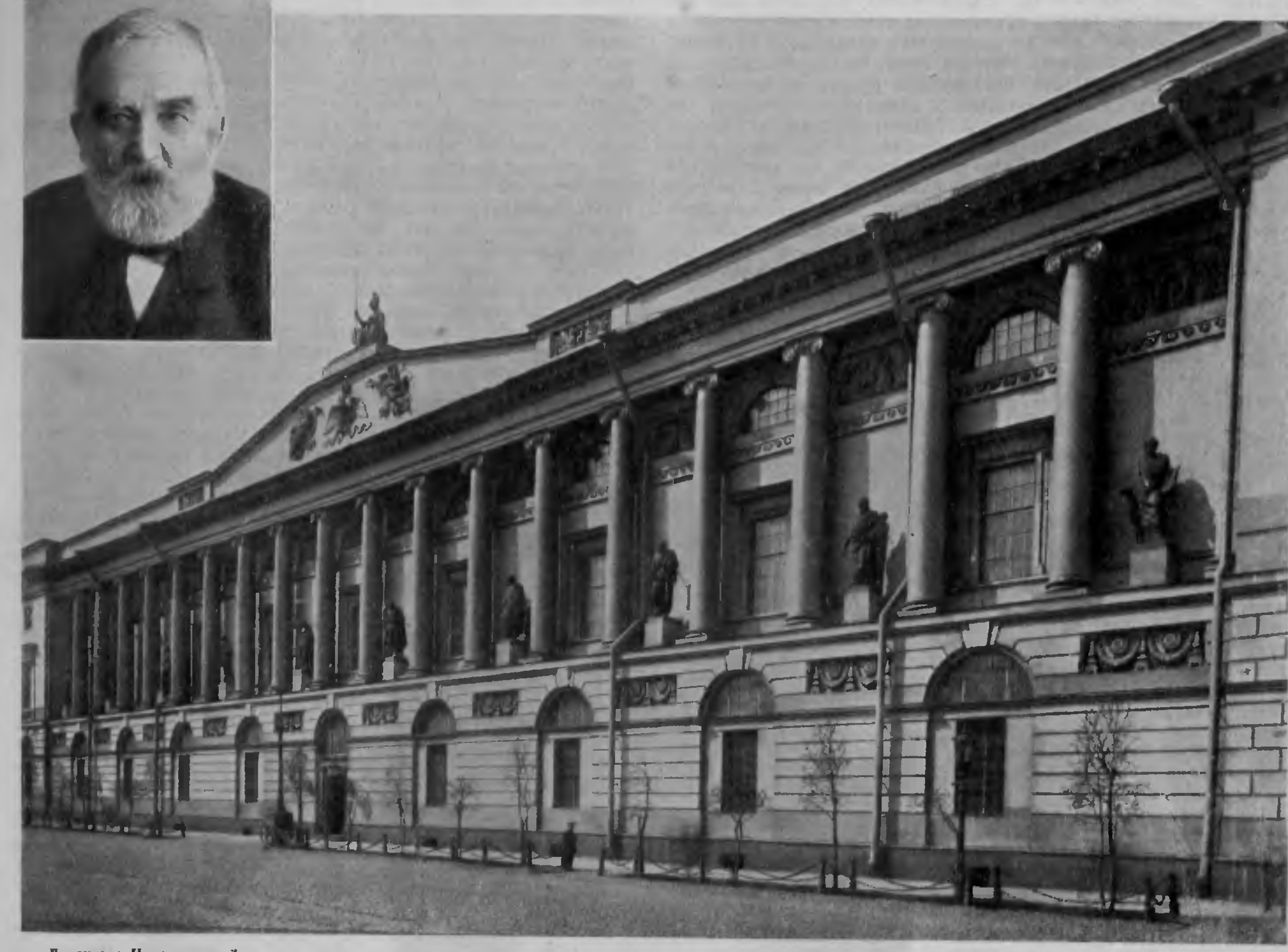
Очеркъ прив.-доц. П. Ю. Шмкдта.

Вопросъ о сущности жизни—самый захватывающій, жгучій и наиболѣе близко касающійся каждаго изъ насъ вопросъ изъ всѣхъ разсматриваемыхъ біологической наукой. Дѣйствительно, каждый живетъ и ощущаетъ жизнь въ любомъ своемъ движеніи, въ любой мысли, пронизывающей молніей его сознаніе. Между тѣмъ что такое жизнь—никто не знаетъ: пока для насъ это—великая тайна, ревниво оберегаемая природой!

Снять покровъ таинственности съ вопроса о жизни, разгадать вѣковую загадку давно уже старается наука, посвященная жизни: біологія. Она подходитъ къ рѣшенію различными путями. Прежде всего она старается выяснить механизмъ жизненныхъ явленій, ихъ зависимость отъ внѣшнихъ условій, ихъ связь съ живымъ веществомъ. Затѣмъ она изучаетъ строеніе живого вещества, его составъ изъ отдѣльныхъ элементовъ (клѣтокъ), взаимную связь и соотношенія между послѣдними, ихъ тончайшую структуру. Наконецъ она изслѣдуетъ соотношенія между живыми существами, законы ихъ развитія и возникновенія.

Имѣется однако и еще одинъ путь къ уясненію сущности жизни, это—изученіе смерти, представляющей собою полное отрицаніе жизни. На этотъ путь біологическая наука вступила лишь недавно, и только первые шаги пока сдѣланы ею на немъ. Не малыя заслуги въ этомъ направленіи принадлежатъ столь преждевременно утраченному наукою русскому ученому, профессору Софійскаго университета, Порфирію Ивановичу Бахметьеву, прославившемуся своимъ замѣчательнымъ открытіемъ совершенно особаго состоянія организма,—состоянія, находящагося между жизнью и смертью—такъ называемаго анабіоза.

Это состояніе, впрочемъ, было и ранѣе извѣстно у нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ. Въ илу и тинѣ прудовъ и канавъ водятся мелкія существа, называемыя коловратками и тихоходками. По строенію своему первыя ближе всего стоятъ къ червямъ, вторыя—къ паукамъ. Относительно нихъ зоологи давно уже знали, что, извлеченныя изъ воды, они способны совершенно высыхать и превращаться въ безформенный комочекъ, не обнаруживающій никакихъ признаковъ жизни. Но затѣмъ, какъ только такой комочекъ попадетъ снова въ воду,—жизнь пробуждается съ немъ, организмъ оживаетъ и начинаетъ какъ ни въ чемъ ни бывало двигаться, питаться и размножаться. Его состояніе въ засохшемъ видѣ можно сравнить съ состояніемъ зерна растенія, таящаго въ себѣ жизнь и ничѣмъ ее не про-

Директоръ Императорской Публичной Библіотеки Д. Ѳ. Кобеко.

100-лѣтіе Императорской Публичной Библіотеки. Фасадъ зданія Библіотеки на Александринской площади. По фот. К. Булла.

являющаго до наступленія благопріятныхъ условій. Такое состояніе, промежуточное между жизнью и смертью, и было названо „анабіозомъ".

П. И. Бахметьевъ открылъ, что анабіозъ свойственъ не однѣмъ низшимъ, но и высшимъ формамъ животныхъ и получается не только при высушиваніи, какъ въ приведенномъ случаѣ, а и подъ вліяніемъ низкихъ температуръ. На это открытіе онъ первоначально натолкнулся случайно. Его интересовалъ вопросъ относительно температуры тѣла насѣкомыхъ, и съ этою цѣлью онъ предпринялъ рядъ изслѣдованій надъ различными насѣкомыми, преимущественно надъ бабочками. Въ тѣло насѣкомаго вводилась игла электрическаго термометра, чрезвычайно чувствительнаго къ измѣненіямъ температуры. Показанія этого термометра опредѣляются отклоненіемъ магнитной стрѣлки гальванометра (приборъ для опредѣленія силы гальваническаго тока), при чемъ отклоненія эти отсчитываются путемъ наблюденія подзорной трубой за отражающимися въ маленькомъ зеркальцѣ цифрами скалы. Способъ этотъ даетъ возможность опредѣлять малѣйшія колебанія температуры, обнаруживающіяся вокругъ конца иглы.

Оказалось, что въ спокойномъ состояніи температура тѣла насѣкомаго совершенно соотвѣтствуетъ температурѣ окружающей среды, но при движеніяхъ насѣкомаго она сильно повышается. Такъ, когда бабочка, выйдя изъ спокойнаго состоянія, начинала бить крыльями, температура ея повышалась на 20—25^{0} Ц. Бахметьевъ попытался затѣмъ опредѣлить, до какихъ предѣловъ можно безнаказанно повышать искусственно температуру тѣла насѣкомаго. Оказалось, что при 39^{0} Ц. бабочка начинала сильно безпокоиться, а при 46^{0} Ц. неминуемо погибала, очевидно, отъ свертыванія соковъ и всего ея живого вещества.

Тогда Бахметьевъ принялся за выясненіе вопроса, что происходитъ съ температурой бабочки при пониженіи температуры окружающаго воздуха, и при этомъ-то и натолкнулся на цѣлый рядъ интереснѣйшихъ явленій.

Онъ помѣстилъ бабочку въ сосудъ, въ которомъ, съ помощью окружавшей его охладительной смѣси, поддерживалась температура въ—20^{0} Ц. Температура тѣла бабочки опредѣлялась съ помощью электрическаго термометра, позволявшаго непосредственно слѣдить за ея колебаніями. И вотъ обнаружилось, что при дѣйствіи сильнаго холода температура тѣла насѣкомаго постепенно падала, достигла нуля и продолжала падать далѣе. Наконецъ она спустилась до—9,3^{0} Ц. и затѣмъ вдругъ поднялась снова до—1,7^{0} Ц., при томъ въ очень короткое время. Температурная кривая сдѣлала какъ бы рѣзкій скачокъ вверхъ, далѣе температура тѣла стала падать вторично, снова достигла—9^{0} Ц. и начала спускаться еще ниже, пока не сравнялась съ температурой окружающей среды, т.-е. пока не достигла—20^{0} Ц.

Спрашивается прежде всего: отъ чего зависитъ этотъ рѣзкій скачокъ температуры? Почему послѣдняя вдругъ повысилась, какъ будто выдѣлилось откуда-то тепло?

Каждому, кто знакомъ съ законами физики, извѣстно, что любую жидкость можно переохладить, т.-е. охладить до температуры, значительно болѣе низкой, чѣмъ температура ея замерзанія. Стоитъ, напр., на поверхность воды налить масла, и такую воду можно охладить до—20^{0} Ц., и она не превратится въ ледъ. Но затѣмъ, когда температура дойдетъ до этого предѣла, вдругъ наступитъ быстрое замерзаніе, и при этомъ выдѣлится тепло, такъ что температура сразу поднимается до нуля. Точно такъ же легко переохлаждаются жидкости въ тонкихъ волосныхъ трубочкахъ.

Очевидно, и при замерзаніи соковъ тѣла бабочки наблюдается первоначально такое же переохлажденіе, а затѣмъ одновременно съ внезапнымъ повышеніемъ температуры („температурнымъ скачкомъ") начинается замерзаніе соковъ тѣла. Это и на самомъ

дѣлѣ было доказано Бахметьевымъ путемъ опытовъ замораживанія выдавленнаго сока бабочекъ,—температура замерзанія его была—1,5° Ц.

Но, спрашивается, что же происходитъ далѣе съ бабочкой, и когда же наступаетъ ея смерть? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Бахметьевъ сталъ прерывать охлажденіе бабочки на разныхъ стадіяхъ пониженія температуры ея тѣла, иначе говоря, въ разныхъ точкахъ температурной кривой.

Опыты показали, что если вынуть бабочку изъ холода до первой минимальной температуры ея тѣла въ—9,3° Ц., то она очень быстро оживаетъ и улетаетъ. Если выждать, когда температура ея тѣла начнетъ вторично понижаться послѣ „температурнаго скачка“, то она нѣсколько дольше пребываетъ въ оцѣпенѣломъ состояніи, но затѣмъ все же оживаетъ. Но когда температура ея тѣла вторично достигнетъ — 9° Ц., ничто ужъ не въ состояніи пробудить насѣкомое отъ вѣчнаго сна, оно погибло безвозвратно! Здѣсь при — 9° Ц., слѣдовательно, находится какъ бы „точка смерти“ на кривой температуры тѣла, и, разъ перейдя за эту точку, насѣкомое уже не можетъ быть возвращено къ жизни.

Можно было бы думать, что эта точка смерти совпадаетъ съ моментомъ окончательнаго превращенія соковъ въ твердое состояніе, т.-е. съ ихъ окончательнымъ замерзаніемъ. Различными опытами и соображеніями П. И. Бахметьевъ доказалъ однако, что соки тѣла бабочки замерзаютъ гораздо раньше, именно они окончательно приходятъ въ твердое состояніе при температурѣ тѣла—4,5° Ц. Слѣдовательно, все время, пока температура тѣла насѣкомаго понижается отъ—4,5° до—9° Ц., соки его оказываются уже совершенно замерзшими, твердыми и неподвижными! Между тѣмъ при своевременномъ оттаиваніи насѣкомое и при этихъ температурахъ оживаетъ! Спрашивается, въ какомъ же состояніи находится оно между — 4,5° и — 9,0° Ц.? Оно не живетъ, такъ какъ соки его тверды, какъ камень, и, слѣдовательно, невозможно ни кровообращеніе, ни дыханіе, ни пищевареніе,—но, оно и не мертво, такъ какъ жизнь теплится въ немъ и при повышеніи температуры каждую минуту можетъ вернуться. Однимъ словомъ, насѣкомое находится въ состояніи анабіоза, — въ состояніи, промежуточномъ между жизнью и смертью.

Бахметьевъ приводитъ очень удачное сравненіе: „Вотъ часы,—говоритъ онъ: — съ обыкновеннымъ маятникомъ: они идутъ, издавая „тикъ-такъ“,—они живутъ. Мы останавливаемъ рукою маятникъ—и часы останавливаются, они умолкаютъ,—они болѣе не живутъ: но они не умерли, такъ какъ стоитъ только толкнуть маятникъ—и они снова пойдутъ, заживутъ прежней жизнью. Состояніе часовъ, когда ихъ маятникъ былъ остановленъ,—состояніе безжизненное, подобное тому состоянію насѣкомаго, которое я назвалъ анабіотическимъ состояніемъ“.

Конечно, такое состояніе не вѣчно, но оно все же можетъ быть достаточно продолжительнымъ, и, слѣдовательно, долгое время въ неподвижномъ, твердомъ, какъ камень, трупѣ насѣкомаго можетъ таиться скрытая жизнь, способная проявиться въ любой моментъ. Какъ только наступятъ благопріятныя температурныя условія—насѣкомое воскресаетъ.

Для различныхъ насѣкомыхъ, находящихся въ разныхъ условіяхъ, состояніе анабіоза привязано къ не совсѣмъ одинаковымъ температурамъ: положеніе „точки температурнаго скачка“ и „мертвой точки“ на температурной кривой можетъ мѣняться въ нѣкоторыхъ границахъ. Повидимому, чѣмъ менѣе совершенна организація, тѣмъ легче переносится анабіотическое состояніе.

Послѣднее обстоятельство позволяетъ думать, что анабіозъ—достояніе лишь низшихъ животныхъ и никоимъ образомъ недопустимъ у теплокровныхъ позвоночныхъ съ постоянной высокой температурой тѣла. Дѣйствительно, у птицъ и у млекопитающихъ внутреннее тепло, вырабатываемое путемъ сложныхъ химическихъ процессовъ въ крови, играетъ огромную роль въ жизни, и стоитъ температурѣ тѣла упасть на нѣсколько градусовъ, чтобы наступила неминуемая смерть. Мыслимо ли представить себѣ, чтобы у нихъ былъ возможенъ анабіозъ?

Имѣются между тѣмъ млекопитающія, у которыхъ температура тѣла непостоянна и можетъ сильно понижаться при охлажденіи: таковы всѣ животныя, впадающія въ зимнюю спячку, напр., сурки, суслики, летучія мыши. Бахметьевъ и взялъ для своихъ опытовъ летучихъ мышей, находящихся въ спячкѣ. Онъ произвелъ надъ ними такіе же точно эксперименты, какъ надъ насѣкомыми, и получилъ совершенно тожественные результаты. Точно такъ же и у летучихъ мышей кривая температура тѣла дѣлаетъ скачокъ, послѣ котораго всѣ соки начинаютъ замерзать и наконецъ затвердѣваютъ, при чемъ животное не утрачиваетъ способности возвращаться къ жизни, пока температура его тѣла не опустится до „мертвой точки“.

Въ одномъ изъ опытовъ летучая мышь была вынута изъ окружавшей ее холодной атмосферы, когда температура тѣла достигла 7° Ц. У нея тотчасъ же вскрыли грудную клѣтку, и оказалось, что сердце ея—совершенно твердое, замерзшее, какъ ледышка. Однако по прошествіи нѣсколькихъ минутъ сердце оттаяло и слабо забилось, затѣмъ его біеніе становилось все сильнѣе и сильнѣе, достигнувъ 64 ударовъ въ минуту. „При этомъ опытѣ получалось странное впечатлѣніе,—пишетъ Бахметьевъ:—передъ нами лежала летучая мышь съ распоротой грудной клѣткой и бьющимся сердцемъ, но она не дышала и не двигала своими членами: словомъ, мы имѣли передъ собою какъ бы мертвый трупъ, но съ бьющимся сердцемъ. Я знаю, что слѣдовало бы только залѣпить сдѣланный разрѣзъ коллодіумомъ—и мышь начала бы снова дышать, но коллодіума въ 3 часа ночи негдѣ было достать. Отъ потери крови летучая мышь къ утру погибла“.

Такимъ образомъ былъ открытъ анабіозъ и у млекопитающихъ. Оставалось доказать, что онъ возможенъ у теплокровныхъ, а не только у тѣхъ, которыя впадаютъ въ спячку. Неумолимая смерть, застигшая нашего высокоталантливаго ученаго въ разгарѣ работы, помѣшала ему довести до конца уже намѣченные опыты, и надо надѣяться, что они будутъ произведены другими. Успѣшный результатъ ихъ болѣе чѣмъ вѣроятенъ. По наблюденіямъ Дюбуа, причина зимней спячки сурковъ лежитъ въ накопленіи въ крови животнаго углекислоты. Изъ этого Дюбуа сдѣлалъ выводъ, что, быть-можетъ, и другихъ млекопитающихъ можно превратить въ животныхъ съ перемѣнною температуры крови, если заставить ихъ вдыхать углекислоту. Онъ продѣлалъ такой опытъ надъ кроликами, и оказалось, что дѣйствительно они впадаютъ въ летаргическій сонъ, и температура ихъ тѣла можетъ быть значительно понижена. Очень возможно, слѣдовательно, что примѣненіемъ различныхъ пріемовъ удастся добиться анабіотическаго состоянія и у всѣхъ теплокровныхъ животныхъ и, можетъ-быть, даже у человѣка.

Въ смыслѣ выясненія сущности жизни анабіозъ представляетъ огромный интересъ. Мы видимъ, что жизненные процессы могутъ временно пріостанавливаться и находиться какъ бы въ состояніи нѣкотораго подвижного равновѣсія: небольшой толчокъ въ одну сторону даетъ жизнь, въ другую—смерть!

Не малый интересъ имѣетъ анабіозъ однако и въ практическомъ отношеніи,—уже и при современномъ состояніи вопроса возможны нѣкоторыя приложенія анабіоза къ практической жизни; если же оправдается возможность полученія анабіотическаго состоянія у всѣхъ теплокровныхъ животныхъ, то примѣненія этого явленія будутъ неисчислимы, и очень трудно учесть, какое они будутъ имѣть значеніе для человѣчества!

Бахметьевъ правильно указываетъ, что уже и сейчасъ, будучи знакомы съ анабіозомъ насѣкомыхъ, мы могли бы воспользоваться этимъ явленіемъ въ двухъ случаяхъ.

Извѣстно, какой страшный вредъ наносятъ иногда сельскому хозяйству различныя насѣкомыя—жучокъ-кузька, бабочка-монашенка, озимая совка и множество другихъ вредителей, и несомнѣнно, что вредъ ихъ былъ бы еще больше, если бы у нихъ не было враговъ среди насѣкомыхъ же—въ родѣ различныхъ хищниковъ, наѣздниковъ, откладывающихъ въ ихъ тѣла свои яйца, и т. п. Эти крылатые враги являются настоящими спасителями нашихъ полей, садовъ и огородовъ. Къ сожалѣнію, насѣкомыя-спасители не всегда имѣются въ наличности въ достаточномъ количествѣ, когда на наши посѣвы нападаютъ насѣкомыя-разрушители. И вотъ въ состояніи анабіоза можно было бы постоянно держать въ холодильныхъ складахъ большое количество насѣкомыхъ-спасителей и разсылать ихъ всюду, гдѣ нужна ихъ помощь, а ожививъ — выпускать на волю для истребленія нашихъ шестиногихъ враговъ! Извѣстно также, что пчеловодамъ приходится терпѣть большіе убытки изъ-за того, что пчелы во время зимовки съѣдаютъ огромное количество меда. Между тѣмъ, если бы пчелъ приводить на зиму въ анабіотическое состояніе, содержаніе ихъ ничего бы не стоило пчеловодамъ!

Если же удалось бы овладѣть анабіозомъ и высшихъ животныхъ, то какъ упростились бы всѣ условія перевозки живой рыбы, птицы и четвероногихъ животныхъ! Ихъ можно было бы перевозить въ анабіотическомъ состояніи и затѣмъ оживлять.

Наконецъ—почемъ знать?—быть-можетъ, сбылась бы и мечта многихъ фантазеровъ и утопистовъ о сохраненіи человѣка въ анабіотическомъ состояніи въ теченіе мѣсяцевъ, годовъ или даже десятилѣтій! Намъ это кажется пока невѣроятнымъ, но вѣдь многое изъ того, что мы сейчасъ видимъ осуществленнымъ, казалось въ свое время—и не такъ еще давно—точно такъ же немыслимымъ.

Наука нерѣдко создаетъ мечты, но наука же часто мечты и осуществляетъ!

Бюстъ Императора Александра I, Основателя Библіотеки. Внизу надпись: „Открыта на пользу общую 2-го января 1814-го года“.

Столѣтіе Императорской Публичной Библіотеки.

Очеркъ П. В. Быкова. (Съ 11 рис. и портр.).

Высящееся предъ памятникомъ императрицѣ Екатеринѣ Великой, на площади Александринскаго театра, длинное красивое зданіе, воздвигнутое по повелѣнію этой императрицы, украшенное великолѣпной колоннадой въ дорическомъ стилѣ съ десятью колоссальными статуями греческихъ философовъ, нѣсколькими барельефами и величественнымъ изваяніемъ богини мудрости Минервы на фронтонѣ зданія, — Императорская Публичная Библіотека, наша національная краса и гордость.

Это—одно изъ величайшихъ учрежденій въ Россіи, единственное въ своемъ родѣ по многочисленности книжныхъ сокровищъ и матеріаловъ для научныхъ изысканій, пользованіе которыми доступно всѣмъ и каждому.

Двери Публичной Библіотеки гостепріимно открыты были для публики 2-го января 1814 года. Но существуетъ книгохранилище наше несравненно давнѣе. Время возникновенія того, что послужило впослѣдствіи главной основой Публичной Библіотеки, опредѣлить въ точности едва ли возможно. Оно относится къ двадцатымъ годамъ XVIII вѣка, когда графы Залусскіе, двое братьевъ, основали на собственныя средства общедоступную библіотеку въ Варшавѣ. Одинъ изъ нихъ, Іосифъ Залусскій, былъ завзятый библіоманъ, и сперва на родинѣ, а потомъ во Франціи, когда онъ тамъ владѣлъ аббатствомъ, онъ всѣ доходы тратилъ на увеличеніе сокровищъ своего книгохранилища. Сосланный въ Калугу въ 1767 году, онъ и въ ссылкѣ, гдѣ пробылъ до 1773 года, продолжалъ заботиться о немъ, хотя въ отсутствіе владѣльца оно подверглось расхищенію въ значительной степени. По смерти Іосифа Залусскаго, книгохранилище сдѣлалось нераздѣльной собственностью республики. Вскорѣ подоспѣли политическія событія, способствовавшія охранѣ книгохранилища отъ порчи и расхищенія и рѣшившія его дальнѣйшую судьбу. Осенью 1794 года русскія войска подъ командою Суворова взяли Прагу, а затѣмъ имъ сдалась и Варшава,—и книгохранилище по трактату досталось Россіи. Въ 1795 году оно было отправлено въ Петербургъ, при чемъ много потерпѣло отъ сырости въ дорогѣ во время переѣздки. Часть его сокровищъ, именно рукописныхъ, улетучилась изъ плохо упакованныхъ ящиковъ. Одинъ польскій магнатъ воспользовался такой плохой упаковкой и выкралъ все мало-мальски цѣнное.

Извѣстный статсъ-секретарь императрицы Екатерины, Василій Степановичъ Поповъ по Высочайшему повелѣнію былъ назна-

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО,
и прочая, и прочая, и прочая.

Отъ Москвы до [illegible] ... лошадä съ проводникомъ за указные прогоны безъ задержанія.

Москва, [illegible] 15 дня 1825 года.

Рѣдкій документъ—Подорожная, выданная 15 декабря 1825 года по указу Императора Константина Павловича.

Собственноручная записка Императора Александра III.

Тоя нянинька! посылаю вамъ гостинцы; пожалуйте подѣлитесь съ моими Катиньками и поклонитесь имъ отъ меня. Я васъ люблю и буду всегда помнить.

Николай.

Маія 11. дня 1803. года.

Письмо семилѣтняго Велккаго Ккязя Николая Павловича — впослѣдствіи Императора Николая I.

100-лѣтіе Императорской Публичной Библіотеки (1814—1914). Изъ собранія Библіотеки.

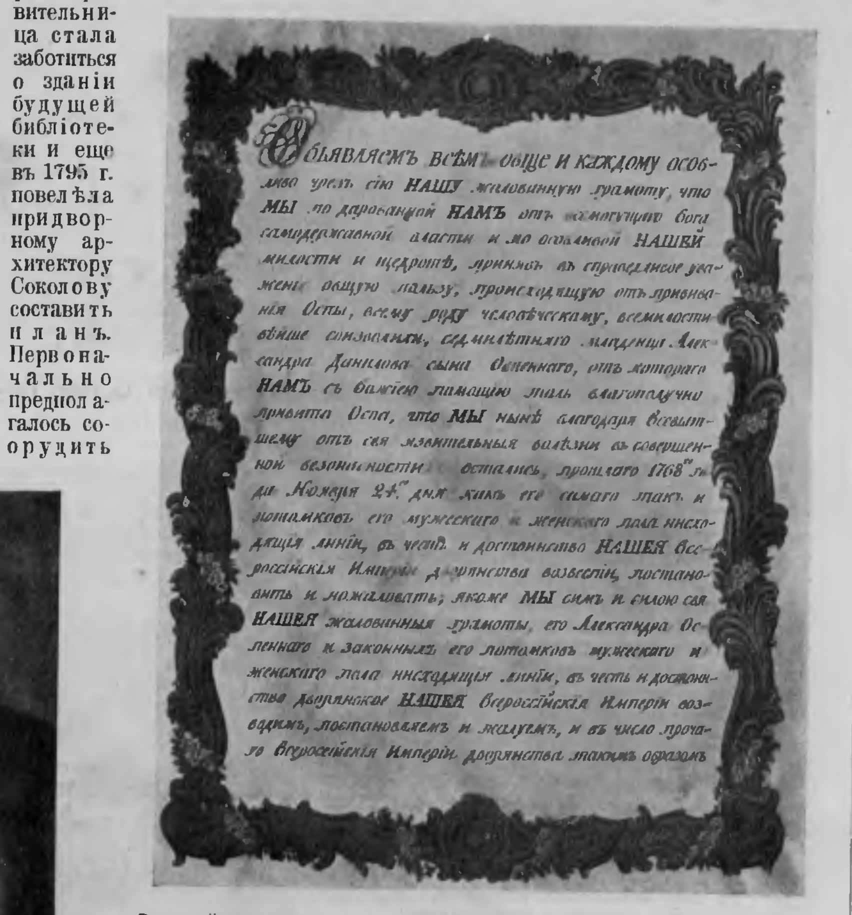
По фот. К. Глыбовской.

ченъ попечителемъ привезеннаго книгохранилища, которое было временно помѣщено въ домѣ близъ Аничковскаго дворца и взято подъ покровительство Императорскаго Кабинета. Между тѣмъ мудрая правительница стала заботиться о зданіи будущей библіотеки и еще въ 1795 г. повелѣла придворному архитектору Соколову составить планъ. Первоначально предполагалось соорудить громадное помѣщеніе для библіотеки и тутъ же отвести залы для пособій по всѣмъ отраслямъ знаній, теоретическихъ и практическихъ, а на самомъ верху зданія должна была находиться обсерваторія. Зданіе проектировалось посредствомъ роскошнаго зимняго сада и портиковъ, украшенныхъ статуями, фонтанами и гимнастическими приспособленіями, соединить съ Аничковскимъ дворцомъ. Но Екатерина скончалась — и весь этотъ проектъ былъ оставленъ, и начата постройка зданія для одной библіотеки по новому плану архитектора-француза Луиса Руско. Зданіе возведено при графѣ Строгановѣ въ 1801 году и составляетъ ту часть библіотеки, которая въ нынѣшнемъ видѣ выходитъ на Невскій и образуетъ закругленный слегка уголъ на Садовую улицу. При Павлѣ I управленіе библіотекой было поручено французскому литератору графу Шуазель-Гуфье, который завѣдываніе ею, въ свою очередь, поручилъ своему соплеменнику эмигранту Д'Огару, и оба галла усердно занимались расхищеніемъ книгохронилища около двухъ лѣтъ. Мало того, Шуазель-Гуфье хлопоталъ, чтобы библіотеку раздать по частямъ разнымъ учрежденіямъ.

По счастью, хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ, самъ онъ былъ уволенъ отъ должности, и для библіотеки учреждено было особое управленіе, во главѣ котораго сталъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей русскихъ, ревнитель просвѣщенія и покровитель искусствъ графъ А. С. Строгановъ, въ званіи главнаго директора библіотеки. При немъ книгохранилище стало расти, обогатилось богатой коллекціей рукописей, содержащей много рѣдкостей, памятниковъ письменности, документовъ и автографовъ знаменитыхъ дѣятелей разныхъ странъ. Коллекцію эту принесъ въ даръ императору Александру I ученый Адріанъ Дубровскій, бывшій студентъ Петербургской Академіи Наукъ, затѣмъ писатель, переводчикъ „Заиры" Вольтера и т. д. Въ его рѣдкомъ собраніи заключались образцы всѣхъ разнородныхъ графическихъ школъ Европы съ IV вѣка до изобрѣтенія книгопечатанія, памятники миніатюрной живописи до Рафаэля включительно, мемуары государей Европы и разныхъ историческихъ лицъ. Даръ Дубровскаго императоръ пожаловалъ библіотекѣ, а бывшаго владѣльца коллекціи назначилъ хранителемъ рукописей книгохранилища съ назначеніемъ Дубровскому приличнаго пожизненнаго содержанія.

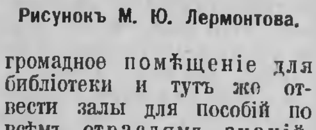

Дворянскій гербъ семилѣтняго Александра Оспеннаго, которому Высочайше пожаловано было потомственное дворянство 24 ноября 1768 г.—какъ первому въ Россіи лицу, которому привита была оспа.

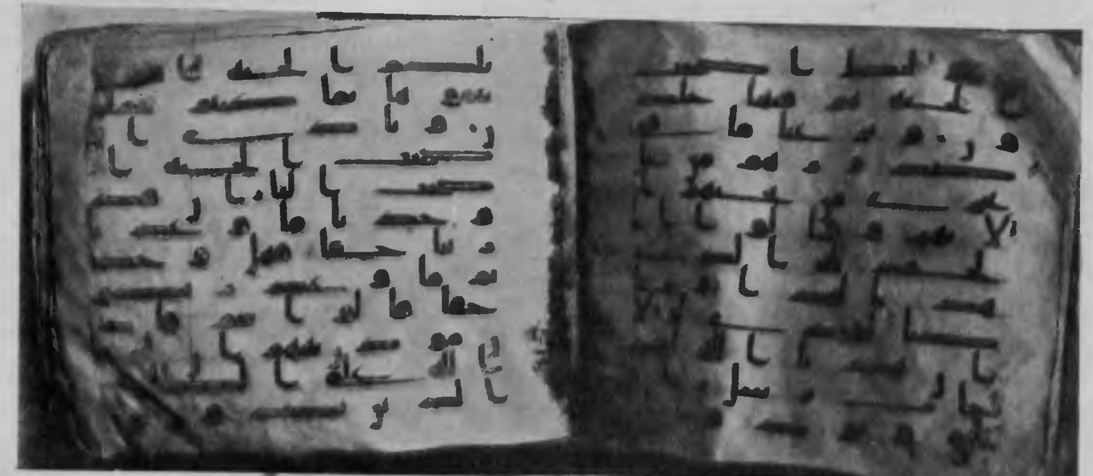

Объявляемъ всѣмъ обще и каждому особливо чрезъ сію НАШУ жаловинную грамоту, что МЫ по дарованной НАМЪ отъ всемогущаго бога самодержавной власти и по особливой НАШЕЙ милости и щедротѣ, приимая въ справедливое уважение общую пользу, происходящую отъ прививания Оспы, всему роду человѣческому, всемилостивѣйше соизволили, семилѣтняго младенца Александра Данилова сына Оспеннаго, отъ котораго НАМЪ съ божіею помощію паль благополучно привита Оспа, что МЫ нынѣ благодаря всевышнему отъ сея мзвительныя болѣзни въ совершенной безопасности остались, прошлаго 1768го года Ноября 24го дня какъ его самаго такъ и потомковъ его мужескаго и женскаго пола нисходящія линіи, въ честь и достоинство НАШЕЯ Всероссійскія Имперіи дворянства возвесели, постановить и пожаловать; якоже МЫ симъ и силою сея НАШЕЯ жаловинныя грамоты, его Александра Оспеннаго и законныхъ его потомковъ мужескаго и женскаго пола нисходящія линіи, въ честь и достоинство дворянское НАШЕЯ Всероссійскія Имперіи возводимъ, постановляемъ и жалуемъ, и въ число прочаго Всероссійскія Имперіи дворянства такимъ образомъ

Высочайшая грамота о пожалованіи потомственнаго дворянства Александру Оспенному, которому впервые въ Россіи была привита оспа въ 1768 г.

Рисунокъ М. Ю. Лермонтова.

Страницы Корана калифа Омара. За чтеніемъ этой священной книги онъ былъ убитъ, и на страницахъ ея видны пятна крови.

100-лѣтіе Императорской Публичной Библіотеки (1814—1914). Изъ собранія Библіотеки.
По фот. К. Глыбовской.

Несмотря на увольненіе Шуазеля-Гуфье, его протеже, кавалеръ Д'Огаръ, все еще оставался управляющимъ библіотекой и лишь въ 1808 году былъ наконецъ отстраненъ отъ должности. Его мѣсто заступилъ бывшій впослѣдствіи президентомъ Академіи Художествъ и членомъ Государственнаго Совѣта Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей александровской эпохи. Въ домѣ его и въ домѣ гр. Строганова сосредоточивалось все сколько-нибудь выдающееся въ нашей столицѣ въ области литературы и искусствъ. Много труда положилъ Оленинъ, переименованный въ директоры Публичной Библіотеки, на ея устройство, окруживъ себя помощниками изъ членовъ своего кружка, болѣе или менѣе извѣстными въ литературѣ, что вошло въ обыкновеніе и дальше въ теченіе многихъ лѣтъ. Библіотекаремъ русскаго отдѣленія назначенъ былъ большой книговѣдъ, библіографъ В. С. Сопиковъ, составитель многотомнаго „Опыта россійской библіографіи", а его помощникомъ — нашъ знаменитый баснописецъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Другими отдѣленіями завѣдывали Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, переводчикъ „Иліады", извѣстный языковѣдъ Александръ Христіановичъ Востоковъ, по грамматикѣ котораго училось столько поколѣній, и наконецъ переводчикъ „Ифигеніи" Расина, стихотворецъ и драматургъ М. Е. Лобановъ. Нѣсколько позднѣе въ библіотечное управленіе вступили извѣстный поэтъ баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ и историческій романистъ Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ. Крыловъ, прослужившій библіотекаремъ около тридцати лѣтъ (1812—1841), не отличался особенной ретивостью и, по свидѣтельству Плетнева, убивалъ время за чтеніемъ глупѣйшихъ романовъ, усѣвшись съ ногами на диванъ и забывая обо всемъ окружающемъ. Не лучше былъ и Гнѣдичъ. Тотъ лѣтомъ постоянно выходилъ во дворъ библіотеки и прогуливался въ тѣни. За всѣхъ работалъ Сопиковъ, а когда онъ умеръ, пришлось и Крылову стряхнуть съ себя лѣнь. При Оленинѣ 2 января 1812 года библіотеку посѣтилъ императоръ и собирался сдѣлать распоряженіе объ открытіи ея для публики.

Библіотеку постигла вновь превратность судьбы. Наступали событія Двѣнадцатаго года, и правительство позаботилось на всякій случай о спасеніи ея сокровищъ. Все сколько-нибудь цѣнное было упаковано въ громадные ящики и подъ присмотромъ Сопикова отправлено воднымъ путемъ въ деревню Устланку, Олонецкой губерніи, гдѣ и хранилось.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. И. Тимашевъ. (Портр. на этой стр.).

Въ концѣ минувшаго года исполнилось 35-лѣтіе государственной службы министра торговли и промышленности С. И. Тимашева.

Сергѣй Ивановичъ Тимашевъ является главою самаго молодого изъ нашихъ министерствъ. Министерство Торговли и Промышленности было учреждено всего 8 лѣтъ тому назадъ, будучи выдѣлено въ самостоятельное учрежденіе вслѣдствіе исключительно быстраго развитія промышленныхъ силъ Россіи. Министромъ торговли и промышленности С. И. Тимашевъ состоитъ уже четыре года, будучи призванъ на этотъ постъ въ декабрѣ 1911 года. За это время юбиляръ-министръ проявилъ себя энергичнымъ и талантливымъ дѣятелемъ въ данной области. Онъ всегда обращалъ и обращаетъ чуткое вниманіе къ голосу представителей промышленности и торговли. При немъ и отчасти по его иниціативѣ возникъ рядъ постоянныхъ органовъ торгово-промышленнаго представительства, которые принимаютъ близкое участіе въ подготовкѣ и разрѣшеніи хозяйственныхъ мѣропріятій. Затѣмъ при С. И. Тимашевѣ были учреждены заграничныя агентуры министерства и организована справочная часть по внѣшней торговлѣ. Много вниманія удѣляется С. И. Тимашевымъ устройству промышленныхъ выставокъ. При немъ же получили разрѣшеніе такіе важные въ государственномъ хозяйствѣ вопросы, какъ государственное страхованіе рабочихъ и поощреніе судостроенія и сельскохозяйственнаго машиностроенія. Наконецъ дѣятельность С. И. Тимашева должна быть отмѣчена еще портостроительствомъ, на которое отпущено 90 милліоновъ рублей, и которое начато въ широкихъ размѣрахъ.

Дѣятельность С. И. Тимашева вообще отличается широкимъ кругозоромъ, дальновидностью и умѣньемъ быстро оріентироваться въ насущныхъ хозяйственныхъ и торговыхъ нуждахъ государства и своевременно на нихъ откликаться. Живой и энергичный характеръ этой дѣятельности отразился на нашей промышленности быстрымъ ростомъ послѣдней.

Министръ торговли и промышленности С. И. Тимашевъ. (Къ 35-лѣтію служебной дѣятельности).

С. И. Тимашевъ — воспитанникъ Александровскаго Лицея, по окончаніи курса въ которомъ въ 1878 году онъ поступилъ на службу въ Св. Сенатъ. Въ 1882 г. онъ отправился за границу для изученія политической экономіи. Въ то же время имъ было написано нѣсколько сочиненій по финансовымъ и народно-хозяйственнымъ вопросамъ. По возвращеніи изъ-за границы С. И. Тимашевъ вступилъ на службу въ Министерство Финансовъ. Въ 1893 году онъ занялъ должность товарища управляющаго Государственнымъ банкомъ, а въ 1903 году былъ назначенъ на постъ управляющаго. Въ теченіе шести лѣтъ онъ руководилъ дѣятельностью нашего высшаго государственнаго финансоваго учрежденія — и притомъ въ самое трудное время, когда вспыхнули русско-японская война и за нею безпорядки 1905 года. Эта пора ничѣмъ не отразилась на банкѣ, благодаря тактичной и осторожной дѣятельности С. И. Тимашева и его мѣропріятіямъ въ области кредита и денежнаго обращенія.

Юбилей застаетъ С. И. Тимашева въ расцвѣтѣ его силъ и энергіи, и можно надѣяться, что его дѣятельность принесетъ еще много добрыхъ результатовъ въ области государственнаго хозяйства.

Нобелевскіе лауреаты.

(Съ 6 портр. на стр. 18 и 19).

Въ минувшемъ году преміи имени Нобеля были распредѣлены между шестью избранниками, въ число которыхъ впервые попалъ не-европеецъ — индійскій поэтъ Рабиндранатъ-Тагоръ (ему будетъ посвящена отдѣльная статья). Остальные пять лауреатовъ — обитатели Европы: французскій ученый, профессоръ физіологіи, Шарль Рише, голландскій ученый, профессоръ физики, д-ръ Каммерлингъ-Оннесъ, нѣмецкій химикъ, проф. Альфредъ Вернеръ и наконецъ извѣстные дѣятели въ области международныхъ отношеній: бельгійскій сенаторъ Лафонтенъ и американскій сенаторъ Рутъ.

Нобелевскій лауреатъ по отдѣлу медицины профессоръ Шарль Рише имѣетъ европейское имя, какъ выдающійся ученый въ области физіологіи. Сынъ знаменитаго въ свое время хирурга Альфреда Рише, онъ родился въ 1850 году, окончилъ парижскій медицинскій факультетъ и съ 1887 года занимаетъ тамъ каѳедру физіологіи. Онъ создалъ себѣ ученое имя первымъ же своимъ крупнымъ трудомъ: „Физіологія мускуловъ и нервовъ". Позднѣе Рише прославился трудами и открытіями по вопросамъ механизма дыханія, регулированія тепла въ организмѣ и вліянія питанія на кровообращеніе. Онъ же создалъ почву для серотерапіи опытами надъ прививкой заразныхъ началъ животнымъ. Нобелевская премія присуждена ему преимущественно за его позднѣйшія работы по открытію и изслѣдованію такъ называемой анафилаксіи. Подъ анафилаксіей понимается нѣчто прямо противоположное иммунитету. Рише удалось найти своеобразный законъ, согласно которому организмъ, привыкая къ извѣстнымъ дозамъ ядовъ, становится чрезвычайно воспріимчивымъ къ малымъ дозамъ тѣхъ же ядовъ. Такъ, напримѣръ, животное, могу-

щее безнаказанно переносить сильныя дозы той или иной субстанціи, погибаетъ отъ ничтожной ея дозы.

Это открытіе способствовало установленію новыхъ взглядовъ и методовъ въ серотераціи и теперь всегда принимается во вниманіе при лѣченіи прививками. Во всякомъ случаѣ Рише сказалъ здѣсь, какъ ученый, вѣское и значительное новое слово, достойное увѣнчанія Нобелевской преміей. Рише не чуждается и изящной литературы: его перу принадлежатъ драмы „Сестра Марта“ и „Смерть Сократа“ и много болѣе мелкихъ произведеній.

Въ области физики Нобелевская премія въ этомъ году присуждена профессору Лейденскаго университета, д-ру Кеммерлингъ-Оннесъ. Этотъ ученый родился въ 1853 году. Высшее образованіе получилъ въ Лейденскомъ университетѣ. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ трудовъ по изученію физическихъ особенностей тѣлъ, подвергнутыхъ дѣйствію низкихъ температуръ. Въ Лейденскомъ университетѣ, гдѣ онъ уже давно занимаетъ каѳедру физики, Оннесъ устроилъ замѣчательно оборудованную „лабораторію холода“ и здѣсь работаетъ надъ превращеніемъ газовъ въ жидкое состояніе. Между прочимъ, ему здѣсь удалось превратить въ жидкость гелій, который до сихъ поръ считался практически непереводимымъ въ это состояніе. Въ этой же „лабораторіи холода“ Оннесъ подвергалъ планомѣрному дѣйствію низкихъ температуръ всевозможныя тѣла и наблюдалъ ихъ. Труды Оннеса, опубликованные преимущественно на англійскомъ языкѣ, доставили ему громкую научную извѣстность. Извѣстно его имя и въ прикладной технике, для которой изслѣдованія лейденскаго физика доставили немало матеріала.

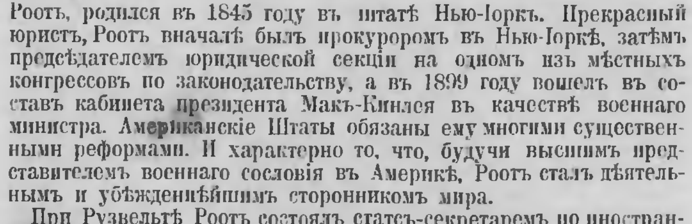
Премія за труды по химіи присуждена нѣмецкому ученому, профессору А. Вернеру. Уроженецъ Эльзаса, д-ръ Вернеръ занимаетъ въ настоящее время каѳедру въ Цюрихскомъ университетѣ. Онъ много работалъ у знаменитаго Бертело въ Парижѣ, специализировавшись надъ систематикой элементовъ. Въ этой области Вернеръ внесъ нѣчто новое въ извѣстную „періодическую систему элементовъ“ и извѣстенъ также своими изысканіями касательно такъ называемой валентности элементовъ. Какъ ученый, Альфредъ Вернеръ извѣстенъ всему научному міру, и его труды по химіи пользуются заслуженнымъ авторитетомъ и популярностью.

Наконецъ премія за дѣятельность по распространенію идеи всесвѣтнаго мира выпала двумъ дѣятелямъ въ этой области: бельгійскому сенатору Анри Лафонтену и американскому сенатору Рооту.

Сенаторъ Лафонтенъ принадлежитъ къ виднымъ пацифистамъ, и его имя пользуется среди нихъ большимъ уваженіемъ. Онъ извѣстенъ, какъ сторонникъ того взгляда, согласно которому Бельгія признается наиболѣе подходящимъ государствомъ для роли государства-посредника въ международныхъ спорахъ и конфликтахъ. Сенаторъ Лафонтенъ родился въ 1854 году въ Брюсселѣ. Его дѣятельность въ области мирной международной политики началась уже давно. Въ настоящее время онъ стоитъ во главѣ Международнаго Союза Мира въ Бернѣ и принадлежитъ также къ числу членовъ Межпарламентскаго Союза. Идея международнаго объединенія на почвѣ культурной работы привела его къ созданію извѣстнаго Международнаго Библіографическаго Института въ Брюсселѣ. Кромѣ того, онъ издаетъ журналъ „La Vie Internationale“, пользующійся большимъ вліяніемъ въ области международной политики.

Анри Лафонтенъ извѣстенъ и какъ ученый: онъ занимаетъ профессорскую каѳедру въ Брюссельскомъ университетѣ, читая тамъ международное право. Съ 1895 года онъ принадлежитъ къ составу бельгійскаго сената.

Его товарищъ по Нобелевской преміи, американскій сенаторъ

Роотъ, родился въ 1845 году въ штатѣ Нью-Іоркъ. Прекрасный юристъ, Роотъ вначалѣ былъ прокуроромъ въ Нью-Іоркѣ, затѣмъ предсѣдателемъ юридической секціи на одномъ изъ мѣстныхъ конгрессовъ по законодательству, а въ 1899 году вошелъ въ составъ кабинета президента Макъ-Кинлея въ качествѣ военнаго министра. Американскіе Штаты обязаны ему многими существенными реформами. И характерно то, что, будучи высшимъ представителемъ военнаго сословія въ Америкѣ, Роотъ сталъ дѣятельнымъ и убѣжденнѣйшимъ сторонникомъ мира.

При Рузвельтѣ Роотъ состоялъ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ, а съ 1909 года онъ занялъ постъ республиканскаго сенатора отъ штата Нью-Іоркъ и, какъ пацифистъ, получилъ извѣстность и въ Западной Европѣ, будучи командированъ въ Гаагу въ качествѣ одного изъ судей постояннаго Гаагскаго международнаго трибунала.

Роотъ считается трезвымъ и реальнымъ политикомъ въ области мирныхъ международныхъ сношеній. Онъ чуждается всякой излишней сентиментальности и мечтательности въ этой области, и въ этомъ отношеніи его миротворческая дѣятельность способна дать болѣе реальные результаты, чѣмъ дѣятельность многихъ и многихъ пацифистовъ иного типа.

Къ рисункамъ.

Подъ звонъ бокаловъ, въ толпѣ веселыхъ, сверкающихъ нарядами и улыбками людей прилетѣлъ Новый годъ. Новый годъ изъ безконечной цѣпи грядущихъ годовъ, въ которые все еще не устало вѣрить человѣчество, и отъ которыхъ все еще ждетъ оно осуществленія своихъ вѣковыхъ надеждъ. И еще не угасли улыбки людей, встрѣтившихъ новаго загадочнаго Гостя. И еще не погасли праздничные огни: всего только часъ прошелъ послѣ Новаго года. Но тѣмъ, кто собрался на праздникѣ новыхъ надеждъ и новаго счастья, уже кажется, что Новаго года не наступало, но надъ землей царитъ попрежнему Время, не знающее ни годовъ ни минутъ, но только одно непрерывное стремленіе все далѣе и далѣе — волна за волной навстрѣчу новымъ переживаніямъ: радостнымъ для молодежи и печальнымъ для стариковъ. И оттого на этомъ праздникѣ Новаго года улыбки уже стали перемѣшиваться съ задумчивыми взглядами, улыбки молодости—съ задумчивостью тѣхъ, кого Время уноситъ въ колыбель смерти...

Этимъ настроеніемъ полна красивая картина Ж. Грюна „*Черезъ часъ послѣ Новаго года*“.

Портретный эскизъ К. Маковскаго „*Задорная*“ отличается, какъ и всѣ произведенія этого мастера кисти, свѣжестью красокъ и рѣдкой граціозностью. Красивая дѣвушка въ старинномъ русскомъ нарядѣ цвѣтетъ молодостью, красотой и жизненностью. Она—настоящее олицетвореніе молодого и бодраго Новаго года, обѣщающаго и красоту и радость въ нашей сѣрой жизни.

Итоги года.

(Политическое обозрѣніе).

Политическое наслѣдіе минувшаго года является какимъ-то неопредѣленнымъ и спорнымъ, подобно наслѣдству любившаго хорошо пожить родственника, обремененному множествомъ долговыхъ обязательствъ и самыхъ неожиданныхъ претензій. Получивъ такой даръ, наслѣдники нерѣдко долго колеблются и не знаютъ, стоитъ ли его принимать, и не лучше ли совсѣмъ отказаться отъ сомнительнаго богатства. Отъ политическаго наслѣдства отказываться можно только, отказываясь въ то же время и отъ своей исторической національной личности, что уже гораздо

Бельгійскій сенаторъ Анри Лафонтенъ, получившій премію мира.

Индійскій писатель Рабиндранатъ-Тагоръ, получившій премію по литературѣ.

Профессоръ Альфредъ Вернеръ, получившій премію по химіи.

Нобелевскіе лауреаты 1913 года.

труднѣе и рискованнѣе. Его принимаютъ, каково оно есть—или какъ радостное пріобрѣтеніе, или какъ тяжкое бремя, которое надо нести до конца. Минувшій годъ несомнѣнно далъ намъ очень много цѣннаго въ смыслѣ окончательной ликвидаціи турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ, но въ то же время онъ былъ свидѣтелемъ и цѣлаго ряда глубоко горестныхъ событій въ родѣ преступнаго междоусобія вчерашнихъ союзниковъ, обратнаго отобранія турками Адріанополя, суженія поля сербско-черногорскихъ завоеваній на берегахъ Адріатическаго моря съ присужденіемъ всей береговой линіи и крѣпости Скутари въ пользу Албаніи и пр., и пр. Разумѣется, здѣсь было много и плюсовъ и минусовъ, но въ конечномъ итогѣ положительные результаты все-таки возобладали надъ отрицательными: сравнительно съ недавнимъ прошлымъ славянское дѣло оказалось въ большомъ и безусловномъ выигрышѣ. Удвоеніе территоріи и населенія Сербіи и Черногоріи, быстро налаживающійся новый балканскій союзъ съ участіемъ Греціи и Румыніи, рѣшительный переворотъ въ политическомъ настроеніи Болгаріи, требующей возстановленія братскаго союза съ сербами, — все это открываетъ передъ ними самыя широкія перспективы въ будущемъ. Сербское правительство должно пойти навстрѣчу требованіямъ болгарскаго народа, смягчить горечь старой розни смягченіемъ суроваго режима въ Македоніи и другими, соотвѣтствующими психологическому моменту, мѣрами. Несомнѣнно, что осуществленіе самыхъ крупныхъ интересовъ Сербіи на сѣверо-западѣ и Болгаріи на юго-востокѣ обязываетъ ихъ къ взаимной дружбѣ, а не враждѣ. Ихъ минутная вражда, посѣянная и на этотъ разъ, какъ раньше, благодѣтелями извнѣ, сослужила службу только видамъ Австріи и Турціи. Но если антинародная и антиславянская политика вызвала такой протестъ со стороны всего болгарскаго народа, то о продолженіи ея не можетъ быть и рѣчи. Политическое нравоученіе и завѣтъ минувшаго года, ознаменованнаго братоубійственной войной и внутреннимъ болгарскимъ разваломъ, а также успѣхомъ Сербіи, сумѣвшей согласовать свои требованія съ интересами сосѣдей—румынъ и грековъ, совершенно ясны: они указываютъ на гибельность слѣпого національнаго эгоизма и ставятъ передъ балканскими политиками задачу объединенія всѣхъ балканскихъ народовъ. Несправедливое разграниченіе Македоніи, Албаніи и пр. опасно только до тѣхъ поръ, пока балканскіе народы, искусственно распаленные въ національной розни, находятся другъ съ другомъ въ раздѣленіи и враждѣ, но при союзническомъ объединеніи противъ угрожающихъ имъ пришельцевъ—турокъ, итальянцевъ и австрійцевъ—эти мелочные вопросы сразу утрачиваютъ свою остроту и кажутся нестоящими пустяками. Только въ союзѣ съ Сербіей Болгарія можетъ снова взять Адріаноподь, всю Ѳракію и приблизиться къ „вратамъ Цареграда“; только въ союзѣ съ Болгаріей Сербія можетъ присоединить къ себѣ сербскія провинціи Австро-Венгріи; только въ союзѣ съ той и другой и при поддержкѣ Россіи Румынія можетъ возсоединиться съ четырьмя милліонами венгерскихъ румынъ; только опираясь на ту же коалицію, албанцы и греки Эпира и острововъ могутъ отстоять себя отъ итальянскаго или австрійскаго захвата. Такимъ образомъ главный завѣтъ минувшаго года балканскимъ дипломатамъ заключается въ томъ, чтобы они выработали болѣе широкую, гуманную и примиряющую всѣ мѣстные интересы формулу рѣшенія восточнаго вопроса: Балканы для балканцевъ!

Кромѣ временной неполноты рѣшенія балканскаго вопроса, правильная постановка котораго обѣщаетъ дать новое направленіе всей европейской политикѣ, наиболѣе чувствительной дипломатической неудачей Россіи было внѣдреніе германскаго вліянія на Босфорѣ въ видѣ назначенія германскаго генерала и офицеровъ во главѣ I-го корпуса, стоящаго въ Константинополѣ. Принимая во вниманіе, что еще со временъ Олега Россія вела борьбу за подступъ къ Царьграду и могла только съ грѣхомъ пополамъ временно мириться на обладаніи проливами слабой, разваливающейся Турціей, захватъ Дарданеллъ генералами могущественной Германіи нельзя толковать иначе, какъ ликвидацію тысячелѣтней мечты всего русскаго народа. Отдача Константинополя подъ команду нѣмецкаго генералитета наступала на такіе основные интересы всего славянскаго міра, что ее можно было понять только какъ намѣренный вызовъ русской арміи, какъ перчатку, брошенную намъ милыми сосѣдями, постоянно увѣряющими насъ въ своей неизмѣнной дружбѣ. Такъ какъ Германія въ настоящій моментъ вовсе не желаетъ войны, то имѣлись всѣ данныя за то, что послѣ соотвѣтствую щихъ разъясненій съ русской стороны вся комбинація рухнетъ сама собою. Однакоже факты сложились иначе. Когда русская дипломатія предъявила протестъ въ Берлинѣ, тамъ отвѣтили, что вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ въ Константинополѣ, а пока русская дипломатія успѣла сказать свое слово на берегахъ Босфора—тамъ было уже обнародовано ирадэ султана о назначеніи генерала Сандерса, и даже состоялась торжественная встрѣча дорогихъ гостей. Русскому послу г. Гирсу пришлось протестовать противъ уже совершившагося факта — и нечего удивляться, что слишкомъ запоздалые и нерѣшительные протесты до сихъ поръ остаются безплодными. Однакоже перемѣны, происшедшія на Балканахъ, даже при возможности рѣшительнаго столкновенія славянскаго и германскаго міровъ, сдѣлали наше положеніе значительно болѣе благопріятнымъ, чѣмъ оно было годъ назадъ. Мы косвеннымъ образомъ учитываемъ въ свою пользу выигрыши, полученные другими, болѣе счастливыми и болѣе активными, игроками, быть-можетъ, игравшими на свой страхъ, но отчасти и на наши деньги. Удачно проведенное и столь осуществимое послѣ пережитаго Болгаріей краха фердинандовской политики объединеніе Балканъ сдѣлаетъ нашъ выигрышъ еще болѣе значительнымъ и рѣшающимъ. Наиболѣе проигравшей стороной явится, разумѣется, наша дипломатическая противница — Австрія, сумѣвшая возбудить къ себѣ заслуженную ненависть сербовъ, но все-таки не предупредившая быстраго политическаго роста побѣдоносной Сербіи. Только въ самое послѣднее время австрійское правительство перешло въ своей внутренней политикѣ отъ систематическаго гоненія противъ сербовъ къ попыткамъ примиренія съ сербами. Подъ впечатлѣніемъ сербскихъ побѣдъ оно пошло на уступки, отмѣнило военное положеніе въ Хорватіи, возстановило конституцію, разрѣшило переименовать по-хорватски мѣстныя желѣзнодорожныя станціи, допустило хорватскій языкъ на желѣзнодорожныхъ дорогахъ, составило проектъ новаго избирательнаго закона въ Галиціи, дающаго гражданскія права русинскому большинству, угнетаемому польскимъ меньшинствомъ, и пр., и пр. Усиленіе славянскаго элемента въ Австріи, разъ начавшись, въ концѣ концовъ должно отразиться и на общемъ направленіи ея внѣшней политики. Австрія или сдѣлается славянской державой, или перестанетъ существовать, какъ государство. Во всякомъ случаѣ ея роль слѣпого подсобника воинствующаго германизма скоро будетъ кончена.

Крушеніе республики въ Китаѣ и подчиненіе колоссальной по численности населенія страны единодержавной власти честолюбиваго президента Юаньшикая ставитъ Россію лицомъ къ лицу передъ желтой опасностью. Европейскія и русскія въ томъ числѣ

Профессоръ Кеммерлингъ-Оннесъ, получившій премію по физикѣ.

Профессоръ Шарль Ришэ, получившій премію по медицинѣ.

Сенаторъ штата Нью-Іоркъ—Олиху Роотъ, получившій премію мира.

Нобелевскіе лауреаты 1913 года.

деньги пошли на укрѣпленіе завтрашняго врага, и вмѣсто того, чтобы способствовать возможно большему раздробленію грознаго колосса путемъ поддержки стремящагося къ отдѣленію Южнаго Китая, наша и европейская дипломатія заботливо охраняли китайское государственное единство. Идея созданія буфернаго государства въ видѣ Монголіи тоже получила только половинчатое осуществленіе. Значительную часть Монголіи, такъ называемую Внутреннюю, русско-китайскій договоръ оставилъ во владѣніи Китая, да и заранѣе обезсиленной Внѣшней Монголіи мы упорно отказываемъ въ помощи по широкой организаціи вооруженія. Наши инструкторы старательно переучиваютъ идеальныхъ кавалеристовъ монгольскихъ степей пѣшему строю вмѣсто того, чтобы приспособить военную технику къ особенностямъ мѣстнаго быта. Въ результатѣ помощь оружіемъ монголы получаютъ отъ японцевъ, а вмѣсто русскихъ военныхъ инструкторовъ и тамъ внѣдряются германскіе. Но будемъ надѣяться, что и въ военной и въ дипломатической областяхъ начавшійся годъ подаритъ насъ болѣе крупными и болѣе активными успѣхами русской политики и на Востокѣ и на Западѣ.

Отъ распада къ возрожденію.

(Вопросы внутренней жизни).

Чѣмъ будетъ отмѣченъ минувшій годъ въ исторіи внутренней жизни Россіи? Естественнымъ центромъ общественной и государственной жизни страны съ момента своего учрежденія сдѣлалась Гос. Дума. Окончаніе срока полномочій членовъ третьей Думы и созывъ четвертой Думы не внесли ничего существенно новаго и обновляющаго, не открыли никакихъ новыхъ горизонтовъ государственнаго возрожденія. Самый ходъ выборовъ до нѣкоторой степени отразилъ значительное поправѣніе правительства, выразившееся прежде всего въ ослабленіи поддержки фаворитнымъ партіямъ центра, и вызвалъ въ отвѣтъ рѣзкое полѣвѣніе тѣхъ парламентскихъ группъ, которыя вчера еще считались надеждою и опорою правительства. Наиболѣе популярный вождь октябристовъ, смѣло выступившій въ одномъ изъ наиболѣе щекотливыхъ запросовъ обличителемъ оберъ-прокурора Св. Синода В. К. Саблера, оказался забаллотированнымъ на московскихъ выборахъ, да и вся его партія нѣсколько утратила свое господствующее положеніе благодаря энергичному участію въ избирательныхъ собраніяхъ многочисленныхъ и дисциплинированныхъ кадровъ духовенства. Многолѣтній союзъ, заключенный при Столыпинѣ, былъ разорванъ, а главная правительственная партія передвинута въ ряды непримиримой оппозиціи. Особенно выдающуюся роль въ полѣвѣніи октябристовъ сыгралъ А. И. Гучковъ. Своею рѣчью и предложенными въ ней резолюціями на кіевскомъ съѣздѣ городскихъ дѣятелей съ рѣзкими протестами противъ бюрократическаго произвола и повтореніемъ тѣхъ же по духу резолюцій на съѣздѣ октябристовъ въ Петербургѣ онъ какъ бы предопредѣлилъ новый курсъ октябристовъ. Ихъ готовность къ рѣшительной и энергичной борьбѣ за право и законъ встрѣтила горячее одобреніе всѣхъ общественныхъ круговъ. Къ сожалѣнію, она очень плохо вязалась и съ традиціями и съ психологіей той партіи, при поддержкѣ которой въ теченіе всей третьей Гос. Думы проводился цѣлый рядъ рѣзко антиконституціонныхъ мѣропріятій въ порядкѣ пресловутой 87 статьи. Не только по своему прошлому, но и по самой своей глубоко мирной природѣ октябристы оказались неспособными слѣдовать своимъ собственнымъ гордымъ резолюціямъ и въ третьемъ же совѣщаніи парламентской фракціи, долженствовавшей осуществлять партійныя постановленія, откровенно отступились отъ своихъ призывныхъ кличей. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ лѣвое крыло фракціи въ числѣ 15 депутатовъ вышло изъ ея состава, вслѣдъ затѣмъ отдѣлились въ особую группу 45 умѣренныхъ октябристовъ-земцевъ, и человѣкъ 15 остались въ качествѣ правыхъ октябристовъ.

Такимъ образомъ главная дѣйствующая партія нашего молодого парламента раздробилась на три группы и политически умерла, „раздѣлившись на ся“. Такую же, въ сущности, драму внутренняго раздѣленія переживаютъ и всѣ остальныя наши партіи, начиная отъ книжныхъ соціалъ-демократовъ, расколовшихся на непримиримо-враждующія между собой „шестерку“ и „семерку“ (большевиковъ и меньшевиковъ). О вѣчныхъ междоусобіяхъ крайнихъ правыхъ, доходившихъ до кулачныхъ боевъ, и говорить не приходится: тамъ всегда шла борьба между Дубровинымъ и Пуришкевичемъ, марковцами и союзниками и пр., и пр. Расколъ въ партіи націоналистовъ, недавно угрожавшій взрывомъ, подавленъ какими-то экстраординарными мѣрами; партія осталась подъ главенствомъ г. Балашева и сохранила свое единство цѣною самообреченія на внутренній застой, безплодность и бездѣятельность. Несомнѣнно, такое же внутреннее разномысліе по самымъ основнымъ вопросамъ общественно-государственной жизни таится и въ рядахъ наиболѣе организованной изъ нашихъ политическихъ партій — кадетовъ. Въ истекшемъ году Россія видѣла только начало духовнаго распада политическихъ партій, не отвѣчающихъ своими программами истиннымъ запросамъ общественно-государственной жизни великой страны, созданіе же новыхъ программъ и новыхъ партій составляетъ неотложную задачу, завѣщанную новому году, новой эпохѣ. Наша общественная мысль зашла въ какой-то тупикъ, она уже больше не вѣритъ самой себѣ и путемъ безконечнаго раздробленія политическихъ формулъ ищетъ новыхъ путей жизни. Формальное провозглашеніе переживаемаго кризиса общественно-государственной мысли составляетъ самое крупное и богатое послѣдствіями событіе прошлаго года. На ряду съ нимъ приходится отмѣтить развѣ только такой многообѣщающій фактъ, какъ первая попытка организаціи въ Гос. Думѣ крестьянской партіи, въ составѣ которой намѣчается уже около 80-ти членовъ. Крестьянская партія въ крестьянскомъ царствѣ, какимъ до сихъ поръ остается Россія по соціальному положенію огромнаго большинства своего населенія, это — первый шагъ къ реальной постановкѣ всей нашей политической жизни, первый шагъ къ освобожденію ея отъ умерщвляющаго деспотизма книжной доктрины, первый шагъ къ выработкѣ путей органическаго прогресса страны, предуказанныхъ ея прошлою исторіею и особенностями ея соціальнаго строенія, первый шагъ къ насажденію реальной свободы. Таковъ завѣтъ минувшаго года, и дай Богъ, чтобы начавшійся годъ явился свидѣтелемъ благополучнаго рѣшенія завѣщанной нашему поколѣнію великой задачи и отмѣтилъ въ своей лѣтописи начало внутренняго возрожденія нашей родины и перестройки ея жизни на священныхъ началахъ закона и свободы, права и правды въ полномъ согласіи съ интересами и разумѣніемъ многомилліоннаго русскаго крестьянства, на могучемъ горбѣ котораго держится и официальная и интеллигентная Россія.

Библіографія.

„Незабудка“.—Было это давно, въ первые дни творенья. Только-что созданъ былъ рай, и прекрасные благоухающіе цвѣты зацвѣли въ первый разъ. Самъ Господь проходилъ по раю и давалъ цвѣтамъ названія. Но одинъ маленькій голубой цвѣточекъ, устремивъ въ восхищеніи свое золотое сердечко къ Богу и не думая ни о чемъ, кромѣ Него, позабылъ свое имя и смутился.

Отъ стыда зарумянились кончики его лепестковъ, а Господь посмотрѣлъ на него ласковымъ взоромъ и промолвилъ: «За то, что ты забылъ себя ради Меня, Я тебя не забуду. Называйся впередъ Незабудкой, и пусть люди, глядя на тебя, также учатся забывать о себѣ ради Меня».

Этой красивой легендой открывается новый дѣтскій ежемѣсячный журналъ «Незабудка», редактируемый и издаваемый извѣстнымъ духовнымъ дѣятелемъ и педагогомъ, о. прот. А. Темномѣровымъ. Редакція этого изящнаго и содержательнаго журнальчика приводитъ легенду о незабудкѣ, какъ лозунгъ самого журнала: въ основу журнала кладется идейное начало, проникнутое высшими побужденіями и запросами человѣческаго духа. Возбуждать и воспитывать такіе запросы — дѣло доброе и заслуживающее всяческаго уваженія и похвалы. Въ этомъ отношеніи «Незабудка» несомнѣнно должна рѣзко выдѣляться въ хорошую сторону среди большинства многихъ современныхъ журналовъ, въ основу которыхъ кладется нѣчто совершенно случайное, и которые поэтому ведутся недостаточно послѣдовательно и цѣлесообразно въ отношеніи развитія дѣтскаго духа.

Только-что вышедшая первая книжка (январская) журнала «Незабудка» составлена обстоятельно и полно. Разсказы изъ дѣтскаго быта («Любимчикъ», «На родной нивѣ» и др.), написанные литературно и съ знаніемъ дѣтской психики, смѣняются очерками образовательнаго характера (картинка древней Руси «Царица-печальница», ботаническій очеркъ Д. Кайгородова «Подъ снѣгомъ», очеркъ В. Павловскаго «На днѣ морскомъ» и др.) и различными интересными и полезными свѣдѣніями изъ повседневной жизни. Очень интересенъ и живо написанъ полуэтнографическій, полубеллетристическій очеркъ А. Мирской изъ жизни Алтая — «Двое». Всѣ эти очерки и разсказы въ общей сложности даютъ дѣйствительно прекрасное и содержательное и притомъ идейное чтеніе для дѣтей.

Чрезвычайно пріятное впечатлѣніе производитъ внѣшность новаго журнала: много рисунковъ, и рисунковъ хорошихъ и хорошо воспроизведенныхъ. Четкій шрифтъ, отличная бумага. Въ общемъ надо признать «Незабудку» однимъ изъ лучшихъ, если не лучшимъ дѣтскимъ журналомъ въ настоящее время. Журналъ назначенъ для 8—12-лѣтняго возраста, но кое-что въ немъ годится и для дѣтей болѣе ранняго возраста.

По цѣнѣ (4 р. въ годъ съ дост. и пер.) «Незабудка» является вполнѣ общедоступнымъ журналомъ и даетъ за эту плату множество матеріала для чтенія.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія за Январь 1914 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за Январь 1914 г. съ 34 рис., отдѣльн. листъ съ 29 черт. выкр. въ натур. величину, 27 рис. дамскихъ рукодѣлій и „Отрывной ежемѣсячный КАЛЕНДАРЬ“ на 1914 годъ, отпечатанный красками.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

№ 2. 11 Января 1914 г.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1914 г.

А. И. Куинджи. Эффектъ заката. Эскизъ 1901 г. Собственность Общества имени А. И. Куинджи.

Море.

Повѣсть **А. М. Ѳедорова.**

(Продолженіе).

VI.

Мутные отсвѣты дня уступали сумеркамъ; какъ будто пепломъ покрылись предметы и теряли свою реальность. Даже накрытый столъ, на которомъ перестали блестѣть грани хрусталя и металлическіе предметы, утратилъ свою грубую самоувѣренность, и парадная скатерть его уже не кичилась такъ своей бѣлизной.

Вошедшій благодаря всему этому не былъ замѣченъ никѣмъ. Онъ молча слушалъ, какъ профессоръ говорилъ съ привычными спокойствіемъ и убѣдительностью:

— Мало того, господа. Что особенно замѣчательно, такъ это то, что, разъ коснулся стебель хмеля ствола, въ немъ прекращается это загадочное круженіе растущихъ побѣговъ. Безъ опоры стебель хирѣетъ и чахнетъ, волочась по землѣ.

Онъ остановился, можетъ-быть, намѣреваясь снова перейти къ литературѣ, къ оправданію своего равнодушія къ ней, но въ эту минуту всѣ, вздрогнувъ отъ неожиданности, обернулись на отчетливый, сдержанный голосъ, продолжавшій разглагольствованія профессора въ его тонѣ:

— ...А если два родственныхъ другъ другу стебля не находятъ поблизости опоры, они обвиваютъ другъ друга и сами поднимаются надъ землею.

Майновъ и Прозоровъ сразу вспомнили и узнали его, но, должно-быть, мѣшали сумерки, а можетъ-быть, по неожиданности фигура его сейчасъ показалась всѣмъ, кромѣ профессора, загадочной, и даже слова, бывшія, въ сущности, продолженіемъ того же, что они слышали передъ тѣмъ, прозвучали особенно значительно и западали въ память случайнымъ, но не безразличнымъ намекомъ.

Только профессоръ не почувствовалъ ничего подобнаго. Онъ весело улыбнулся навстрѣчу вошедшему и протянулъ къ нему свои коротковатыя, мужицкія руки:

— Ты! Вотъ легокъ на поминѣ. Ну, я радъ! Ужасно, какъ радъ... Я ужъ опасался, что ты не придешь.

— Прости, запоздалъ немного... Были на то нѣкоторыя причины.

Бросилось въ глаза, что онъ не шевельнулся у двери, а Шугаевъ подошелъ къ нему и обнялъ его, и по звуку поцѣлуя, имѣвшему что-то общее съ тѣмъ, какъ профессоръ откусывалъ яблоко, ясно было, что цѣловалъ гостя хозяинъ.

— Ты вошелъ, какъ привидѣніе,—продолжалъ Шугаевъ все тѣмъ же повышеннымъ тономъ.—Тебя и не замѣтили. Вошелъ и молчишь.

— Я ждалъ... ждалъ конца твоей рѣчи...

Онъ говорилъ ровно, монотонно, почти не повышая и не понижая голоса, и даже, когда двинулся навстрѣчу вошедшей Аринѣ Ивановнѣ, не измѣнилъ этого тона:

— Здравствуйте, Арина Ивановна. Давно мы съ вами не видались.

— Да, много воды утекло. Мало-мало, прошло двадцать лѣтъ.

Они подержались за руки, внимательно глядя въ глаза другъ другу при сумеречномъ свѣтѣ, который дѣлалъ ихъ встрѣчу еще болѣе смутной. Но Арина Ивановна съ той простотой, которая у старыхъ людей никогда не кажется безцеремонностью, тотчасъ отошла отъ гостя безъ дальнихъ словъ и стала помогать прислугѣ зажигать лампу, висѣвшую надъ столомъ.

Шугаевъ очень оживленно сталъ знакомить гостя съ присутствующими:

— Господа. Вотъ мой товарищъ по университету—Эльмонтъ. А это—все товарищи моей жены. Пожалуйста, господа, называйте сами себя, а то я всегда перевираю фамиліи.

И въ то время, какъ руки сходились и расходились, профессоръ докладывалъ Эльмонту, все такъ же преувеличенно громко:

— Мы по-студенчески справили свадьбу. Видишь, изъ моей компаніи даже нѣтъ ни одного экземпляра. Такъ-то оно лучше...

Онъ перемѣнилъ тонъ и съ гостепріимнымъ жестомъ указалъ гостямъ на столъ:

— Вы извините, господа... Идите къ столу... Пейте... кушайте... будьте, какъ дома. А мы съ пріятелемъ побесѣдуемъ. Сто лѣтъ не видались. Мама, угощай.

Лампа загорѣлась, покачиваясь, и сразу свѣтотѣни заколыхались во всѣхъ углахъ. Старуха остановила лампу, и все сразу успокоилось и побуднѣло. Больше не было ничего необыкновеннаго ни въ гостѣ, ни въ звукѣ его голоса, ни въ чемъ.

Арина Ивановна радушно усадила гостей:

— Пожалуйста... пожалуйста.

Шугаевъ на ходу наклонился къ ней и тихо шепнулъ съ любовнымъ укоромъ:

— Только, мама, прошу васъ. Вѣдь обѣщали...

— Хорошо, хорошо, знаю.—вслухъ и недовольно отвѣтила Арина Ивановна.

— Да нѣтъ, я собственно потому... Вы ужъ и такъ немного...

Арина Ивановна смутилась и тоже шепнула тихо сыну, видя, что онъ догадался:

— Не буду больше, Гришенька, не буду. День такой.

Шугаевъ взялъ подъ руку Эльмонта и пошелъ съ нимъ въ гостиную. Тамъ онъ усадилъ его на диванъ и почему-то засмѣялся, потрепавъ пріятеля по плечу и заглядывая въ его глаза:

— Да, да, мать права: много воды утекло. Въ письмахъ всего не напишешь. Иногда вотъ такъ взглянешь въ лицо — и гораздо больше поймешь.

Онъ покачалъ головой не то съ укоромъ, не то съ сожалѣніемъ:

— Измѣнился ты... Постарѣлъ... И въ глазахъ что-то такое...

Тотъ отвелъ свои глаза, не поворачивая однако головы, и отвѣтилъ:

— А ты мало измѣнился.

Шугаеву пріятенъ былъ этотъ отвѣтъ. Онъ очень слѣдилъ за собой и зналъ это. Съ удовольствіемъ сказалъ:

— Моя жизнь кабинетная. Мы разно живемъ. Хотя, конечно, я не могъ замкнуться въ тѣсную раковину. Бродятъ еще прежнія дрожжи... И въ самой наукѣ я ищу свѣта для жизни...

Ему еще хотѣлось поговорить о себѣ, но замѣтилъ разсѣянное выраженіе въ глазахъ гостя и спросилъ его, однако какъ будто по необходимости, изъ приличія:

— Ну, а какъ ты? Все тотъ же?

Эльмонтъ шевельнулъ своими нервными губами, но тотчасъ же сомкнулъ ихъ и уже открылъ не сразу и совсѣмъ, видимо, съ другими словами, чѣмъ пронеслось у него раньше:

— Я живу, какъ и прежде. Только для себя.

Шугаевъ нѣсколько смутился, понявъ, что не совсѣмъ ловко обернулась его рѣчь.

— Ты меня не понялъ... Я... Э, да что объ этомъ! — воскликнулъ онъ съ настоящей симпатіей къ нему. — Во всякомъ случаѣ я убѣжденъ, — рано или поздно, ты что-нибудь сдѣлаешь выдающееся. Значитъ, не только для себя. Талантъ не можетъ не выразиться и остаться особнякомъ.

— Спасибо за утѣшеніе.

— Какое тамъ утѣшеніе! Ахъ, ты!..

Рѣчь его какъ будто зацѣпилась за что-то.

Эльмонтъ закурилъ папиросу, поискалъ глазами пепельницу и, не найдя, обратилъ въ пепельницу коробочку отъ спичекъ, благо она была уже пустая. Закружился, засинѣлъ дымокъ папиросы, и молчаніе таинственнымъ образомъ сочеталось съ нимъ.

Профессоръ еле замѣтно шевельнулъ плечами.

— Странное дѣло,—произнесъ онъ, ощущая неловкость молчанія.—Кажется, такъ много накопилось, а встрѣтишься—не знаешь, съ чего начать...

Эльмонтъ спокойно возразилъ:

— Признаюсь, мнѣ нечего. Обо мнѣ и меня лучше не касаться.

Но Шугаевъ и этого заявленія не могъ оставить безъ объясненія:

— Понимаю. Иногда лучше все претворять въ себѣ.

И тутъ же сдѣлалъ новое заключеніе:

— Вѣдь вотъ, разные мы люди, а влечетъ меня къ тебѣ.

Эльмонтъ, продолжая курить, неопредѣленно отвѣтилъ:

— Да, это бываетъ.

Подумалъ о чемъ-то своемъ и, любуясь повисшимъ, какъ кисея, и медленно расползающимся дымомъ, какъ бы про себя закончилъ:

— У судьбы, вѣрно, есть свои цѣли.

Профессоръ на свое интимное слово ждалъ не того и, слегка разочарованный его отвѣтомъ, нѣсколько иронически спросилъ:

— А ты попрежнему вѣришь въ судьбу?.. И во все таинственное?

Эльмонтъ пересталъ курить, положилъ папиросу въ коробочку, и лицо его, худощавое и смуглое, стало еще болѣе строгимъ и печальнымъ:

— Послѣ того, что происходитъ всегда... Что случилось недавно... я не могу не вѣрить еще больше.

Вѣрно, это недавно случившееся было на самомъ дѣлѣ очень значительно, потому что профессоръ уже не иронизировалъ болѣе, а сочувственно поджалъ свои розовыя ровныя губы.

VII.

Вошла Лидія Михайловна, переодѣтая въ сѣрое дорожное платье, такъ же хорошо на ней сидѣвшее, какъ и подвѣнечное, но то красиво обтягивало ея фигуру и застегивалось на спинѣ, между тѣмъ какъ это было разсчитано на то, чтобы обходиться безъ посторонней помощи. И, какъ всегда женщина въ другомъ платьѣ, она казалась не та, что была въ бѣломъ: какъ-то спокойнѣе и, пожалуй, естественнѣе.

Цвѣты, конечно, были сняты, и даже измѣнена прическа на обычную, по настоянію Шурочки, которая шла за своей невѣсткой, любуясь и гордясь ею съ дѣтскимъ восторгомъ.

При видѣ гостя, Лидія Михайловна остановилась, пораженная: онъ смотрѣлъ на нее прямо и пристально внимательнымъ, какъ будто что-то выпытывающимъ, взглядомъ. О, она сразу узнала его по этимъ глазамъ. Это онъ былъ въ церкви. Но зачѣмъ же такъ таинственно? Почему онъ тамъ же не подошелъ и не поздравилъ послѣ вѣнчанія, а скрылся куда-то такъ внезапно, что его появленіе по временамъ представлялось ей видѣніемъ?

Правда, она слышала отъ Шугаева, что пріятель его не безъ странностей, но это уже слишкомъ.

Почему—слишкомъ? Она сама не могла бы дать себѣ настоящаго отчета, но то смутное безпокойство, которое не покидало ея съ того самаго момента, какъ изъ полутемной глубины церкви ее встревожилъ этотъ взглядъ, обратилось сейчасъ почти въ суевѣрное чувство жуткаго недоумѣнія. Ясно было, что это и есть тотъ пріятель, котораго ожидалъ Шугаевъ. Къ нему-то и поѣдутъ они на цѣлое лѣто.

Такое открытіе не то, чтобы испугало ее, а остановило. Ей, конечно, не приходило въ голову перемѣнить рѣшеніе. Если бы даже по одному ея слову Шугаевъ согласился поѣхать за границу, какъ предполагалось раньше, она не заикнулась бы объ этомъ. Билеты были взяты. Все готово къ отъѣзду.

Но это не главное. Вмѣстѣ съ безпокойнымъ, почти непріятнымъ ощущеніемъ, поднявшимся въ ней помимо воли,—защекотало какое-то острое любопытство, значеніе и смыслъ котораго она не только не оцѣнивала, но, можетъ-быть, и не сознавала, какъ надо.

Шугаевъ, любуясь ею и гордясь своимъ выборомъ передъ пріятелемъ, съ наивно-довольной улыбкой, свѣтившейся среди густыхъ бѣлокурыхъ усовъ, обратился къ женѣ, поднявъ въ ея сторону руку, нѣсколько, какъ ей показалось, на этотъ разъ слишкомъ по-хозяйски:

— Моя жена. — И, другой рукой указывая на Эльмонта: — тебѣ, Лида, не надо называть его.

Нѣкоторое время онъ такъ и остался съ растопыренными руками.

Эльмонтъ ступилъ нѣсколько шаговъ къ Лидіи Михайловнѣ, не сводя съ нея своихъ выпытывающихъ глазъ.

Она, опуская рѣсницы, протянула ему руку и услышала его монотонный, сдержанный голосъ:

— Я также знаю васъ. Примите мое искреннее поздравленіе.

И вмѣстѣ съ этимъ голосомъ почувствовала она пролившійся тепломъ на ея пальцы поцѣлуй.

Онъ тотчасъ отошелъ къ Шурочкѣ и совсѣмъ по-товарищески обратился къ ней:

— Здравствуйте, Александра Матвѣевна.

Шурочка была очень благодарна, что онъ не помянулъ о томъ, какъ она выросла, и прочее. Ей онъ показался очень постарѣвшимъ: въ черныхъ волосахъ уже свѣтилась сѣдина. Она знала кое-что о его несчастьѣ, — было его жаль, но почему-то сразу не нашлись слова для привѣтствія; а тутъ и Лидія Михайловна обратилась съ вопросомъ къ нему:

— Вы только-что пріѣхали?

Эльмонтъ обернулся къ ней:

— Къ вамъ? Да.

— А въ Москву?

Шугаевъ не далъ ему отвѣтить и поспѣшилъ подчеркнуть:

— Это—скрытый упрекъ тебѣ, что ты опоздалъ къ вѣнцу.

А. И. Куинджи. Украинская ночь. (Третьяковская галлерея въ Москвѣ).

Но Лидія Михайловна не остановилась на этихъ вопросахъ. У нея опять зародилось сомнѣніе, и хотѣлось и не хотѣлось, чтобы это сомнѣніе оправдалось...

— Вы сказали, что знаете меня.

Но эта настойчивость не смутила его. Онъ уклончиво отвѣтилъ:

— Да, я видѣлъ...—замялся онъ, и отъ ея сомнѣнія не осталось и тѣни:—видѣлъ въ салонѣ вашу работу „Макъ“.

— Ахъ, вотъ оно что̀!

Сердце почему-то начинало биться сильнѣе, и было досадно за эту неожиданную нервность.

Онъ продолжалъ невозмутимо:

— Въ ней много угаданнаго. Есть порывъ.

Пріятно было, что онъ знакомъ съ ея лучшей работой, имѣвшей въ Парижѣ успѣхъ, но раздражало то, что̀ она мысленно называла „игра“, то, что онъ скрывалъ почему-то, что былъ въ церкви. Она рѣшила тотчасъ заставить его сознаться въ этомъ, но Шугаевъ и тутъ перебилъ ей путь. На этотъ разъ онъ, впрочемъ, уже обратился къ ней на „вы“.

— Гордитесь его похвалой: это—человѣкъ, понимающій въ искусствѣ. Да въ чемъ онъ не понимаетъ! Тутъ онъ блеснулъ такимъ знаніемъ въ ботаникѣ...

Эльмонтъ поспѣшилъ закончить эту любезную похвалу.

— Которое извѣстно каждому огороднику.

Арина Ивановна показалась изъ столовой:

— Гриша, что̀ же ужинъ-то? Вѣдь ты съ утра ничего не ѣлъ.

Молодежь также высыпала оттуда. Они успѣли выпить.

Сизовъ съ восторгомъ подхватилъ:

— А ужъ какой ужинъ!

— Къ столу! Къ столу! — весело призывала Саша.

— Идемъ!—откликнулся Шугаевъ и на ходу все еще продолжалъ аттестовать гостя:—Онъ причастенъ также къ искусству, да не къ одному... Ты какимъ искусствомъ сейчасъ занимаешься?

— Музыкой, — вскользь отвѣтилъ Эльмонтъ.

VIII.

Въ столовой, гдѣ пахло аппетитно и сочно, и гдѣ ароматъ гіацинтовъ сливался съ запахомъ кушанья и вина, Шурочка распоряжалась съ привѣтливой ловкостью:

А. И. Куинджи. Финляндія. (Третьяковская галлерея въ Москвѣ).

— Лидія Михайловна, — вотъ ваше мѣсто. Гриша, куда ты? Садитесь рядомъ.

Но Шугаевъ въ эту минуту былъ возлѣ матери. Она сѣла-было въ уголкѣ, а онъ взялъ ее нѣжно подъ руку и сталъ усаживать рядомъ съ собою:

Нѣтъ, нѣтъ, мама. Вамъ принадлежитъ первое мѣсто по праву.

Въ то время, какъ къ Лидіи Михайловнѣ онъ обращался иногда на „ты“ довольно свободно, съ матерью всю жизнь онъ разговаривалъ на „вы“, несмотря на ихъ кровную и сердечную глубокую близость. И то и другое было просто въ обычаѣ.

Аринѣ Ивановнѣ было ужасно пріятно вниманіе сына. Она даже покраснѣла отъ умиленія; все же, смущенная, покачала головой:

— Что ты конфузишь меня, старуху.

Но всѣ дружно и ласково поддержали ея сына:

— Вѣрно, вѣрно... Самое почетное мѣсто Аринѣ Ивановнѣ!

— За здоровье Арины Ивановны,—ура!—воскликнулъ Прозоровъ, поднимая стаканъ съ виномъ.

Всѣ стали подходить къ ней и чокаться.

Сизовъ подалъ Аринѣ Ивановнѣ стаканъ съ виномъ.

— Позвольте мнѣ налить вамъ вина, Лидія Михайловна? — вызвался „вѣчный шаферъ“ и, не дожидаясь ея согласія, налилъ бокалъ.

Она, чтобы оправдать разсѣянность, съ которой отнеслась къ чествованію старухи, поспѣшила отозваться:

— У меня что-то кружится голова,—но дайте.

Подошла къ Аринѣ Ивановнѣ и чокнулась съ нею:

— За ваше здоровье, мама.

Слово „мама“ въ первый разъ сказала она, и это слово прозвучало какъ-то особенно для нея самой. Никогда не знала она настоящаго смысла этого слова, и то, что̀ въ немъ сказалось сейчасъ, было не то, чтобы фальшиво, а какъ-то механически. Однако старуху такое обращеніе растрогало.

— Спасибо, что вы меня такъ назвали.

Но тутъ же прежнее огорченіе вспыхнуло въ ней, хотя безъ особенной остроты. Она, чтобы окончательно растворить его въ сыновней нѣжности, произнесла:

— Да что̀ мое здоровье! Кому оно теперь нужно?

И сынъ тотчасъ отозвался, какъ она и ожидала:

— А мнѣ-то, мамочка!.. А намъ-то!..—поправился онъ, и по мужицкой простотѣ, которая жила въ немъ рядомъ съ его ученостью, а еще болѣе изъ желанія окончательно развеселить ее, лукаво намекнулъ:—А можетъ-быть, впослѣдствіи и еще для кого-нибудь...

Но Саша даже обидѣлась на укоръ матери:

— А меня вы, что̀ же, мама, и знать не хотите?

Арина Ивановна, совсѣмъ развеселившаяся, съ нѣжнымъ смѣшкомъ отвѣтила дочери:

— Ну, ты и безъ меня лису перегонишь.

— Что̀, скушали?—подхватилъ „вѣчный шаферъ“, съ которымъ дѣвушка все время пикировалась.

— Съ аппетитомъ!—живо откликнулась она.—Это во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ быть въ хвостѣ.

— Да еще двадцать восьмой разъ,—поддержалъ ее Прозоровъ.

Арина Ивановна еще разъ налила стаканы и обратилась къ гостямъ:

— Вотъ за милыхъ дѣтокъ моихъ прошу выкушать! — Расчувствовавшись, она обернулась къ Лидіи Михайловнѣ:—Люби его, Лидушка. Онъ у меня однолюбъ будетъ, какъ былъ его отецъ.

Шугаевъ, нѣсколько взволнованный отъ бокала выпитаго вина, котораго вообще въ ротъ не бралъ, и отъ всего событія и тостовъ, сказалъ матери, которая вдругъ стала ему еще дороже, чѣмъ всегда:

— Стой, мама, за насъ достаточно пили. Дай сказать нѣсколько словъ тебѣ. Гости, надѣюсь, извинятъ меня за интимное отклоненіе.

Профессоръ подошелъ къ матери, положилъ ей руки на плечи и любовно посмотрѣлъ въ ея глаза:

— Раньше дай при всѣхъ обнять тебя, родная.

Онъ обнялъ ее и трижды поцѣловалъ, ощущая на своей щекѣ влагу слезъ, выкатившихся изъ материнскихъ глазъ.

— Спасибо тебѣ за все, что̀ ты для меня сдѣлала. Если я теперь достигъ того, о чемъ мечталъ, я обязанъ этимъ моей матери. Я былъ бы преступникъ, если бъ не оправдалъ ея горя и слезъ изъ-за меня.

Арина Ивановна всплакнула отъ всей души:

А. И. Куинджи. Лѣсъ. (Рисунокъ изъ собранія И. Е. Цвѣткова въ Москвѣ).

А. И. Куинджи. Ночь на Днѣпрѣ. (Собственность Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича).

— Ахъ, сынокъ мой! Женщина я простая. Дѣлала такъ, какъ велѣло мнѣ сердце.

Шугаевъ горячо ухватился за эти слова. Ему, видимо, хотѣлось сблизить сейчасъ этихъ двухъ дорогихъ для него женщинъ—мать и жену, которая, онъ зналъ, также вышла изъ низшей среды, и которую онъ полюбилъ дѣйствительно, какъ сказала мать, и какъ чувствовалъ самъ — навсегда, хотя не умѣлъ этого высказать вполнѣ, да и стыдился.

Чтò именно плѣнило его въ ней, кромѣ ея красоты,—онъ не могъ себѣ уяснить, да и не пытался. Люди они были разные, и не только по своему положенію и интересамъ, но и по характеру.

Полюбила ли его она такъ, какъ онъ ее? О, конечно, нѣтъ. Это было невозможно не только для нея, но и вообще, по его мнѣнію, для женщины. Вѣроятно, ее просто тронули его чувство, робость перваго признанія, въ которомъ, при его учености, при этой большой бородѣ и сильной фигурѣ, было что-то новое ей и привлекательное.

Довольно было, что она согласилась стать его женой. Это возбуждало въ немъ свѣтлую гордость и удивленіе къ своему счастью. Въ новомъ беззавѣтномъ чувствѣ на время какъ бы потонула даже любовь къ матери. Теперь стало нѣсколько стыдно за это забвеніе, и онъ съ воодушевленіемъ продолжалъ:

— Да, мама, ты—женщина простая. И въ лицѣ моей матери я поднимаю свой бокалъ за простую русскую женщину—и за ту, которая стоитъ у сохи, у рабочей лодки, и за ту, которая стремится оттуда сама или ведетъ дѣтей своихъ къ наукѣ и красотѣ. Но и оставаясь тамъ и возвышаясь изъ своей среды, пусть она сохранитъ въ себѣ драгоцѣннѣйшее свое качество: пусть остается простой русской женщиной. Итакъ, за нашихъ простыхъ женщинъ! За нашихъ простыхъ матерей!

Цѣлый хоръ громкихъ восклицаній взорвался въ отвѣтъ на эту рѣчь:

— Ура! Браво! Браво!

Подходили и чокались съ Ариной Ивановной, которая уже не стѣснялась своихъ слезъ, затѣмъ съ Лидіей Михайловной. Эльмонтъ обошелъ столъ и также чокнулся съ обѣими женщинами.

Арина Ивановна не хотѣла остаться въ долгу. Смахнувъ слезы, она отвѣтила, не торопясь и не ища словъ и складныхъ выраженій:

— Спасибо вамъ всѣмъ. И тебѣ, сынокъ мой, спасибо. Только по совѣсти говорю, не за что меня чествовать такъ: какая бы я была мать, если бы своему сыну добра не желала? Я чуяла материнскимъ сердцемъ, что мои старанія и заботы впрокъ пойдутъ. Вотъ ты и сталъ, мой Гришенька, извѣстнымъ, умнымъ, большимъ человѣкомъ, профессоромъ Григоріемъ Матвѣевичемъ Шугаевымъ.

Она гордо оглянула всѣхъ и особенно пристально-ревниво обратила свой взглядъ на невѣстку.

Но ея наивность никому не показалась смѣшной. Только профессоръ улыбнулся снисходительно и любовно:

— Милая мамочка,—для васъ я навсегда хотѣлъ бы остаться прежнимъ Гришей. Только вы преувеличили касательно моего ума и извѣстности.

Но новые крики: „браво!“ „ура!“—покрыли его возраженіе. Всѣ оживленно и дружно привѣтствовали Арину Ивановну.

— Ахъ, ну васъ! Совсѣмъ вы меня растревожили,—снова прослезившись, отмахнулась старуха отъ окружавшей ее молодежи и пошла изъ-за стола въ гостиную.

А. И. Куинджи. Дарьяльское ущелье. (Собственность общества имени А. И. Куинджи).

А. И. Куинджи. Березовая роща. (Третьяковская галлерея въ Москвѣ).

Лидіи Михайловнѣ показалась, что она недостаточно внимательно и прочувствованно отозвалась на материнскій порывъ, и она направилась вслѣдъ за нею.

Поцѣловавъ старуху, она съ искренней горячностью воскликнула:

— Клянусь вамъ, мама!.. — Эта ничтожная оговорка сбила ее съ тона, она поспѣшно поправилась: — клянусь вамъ, мама, я постараюсь сдѣлать все, чтобы Григорій Матвѣевичъ былъ счастливъ со мною!

Но уже слова эти прозвучали фальшивымъ паѳосомъ, и она сама покраснѣла за ихъ тонъ.

Вѣрно, старуха уловила неестественность, но не поняла, что это изъ-за пустой оговорки, и съ невольной холодностью отвѣтила:

— Зачѣмъ клясться? Клятва — грѣхъ. Коли любишь его—такъ ему и безъ твоего старанія будетъ хорошо. А не любишь—такъ сердцу не закажешь.

Лидія Михайловна также сразу охладѣла и, досадуя на себя втайнѣ за такой неожиданный переломъ, отвѣтила тоже сдержанно:

— Я такъ уважаю Григорія Матвѣевича и такъ люблю свое искусство, что ясно вижу всю жизнь впереди.

Фраза оказалась не только непонятной старухѣ, но и не совсѣмъ уясненной ею самой. Но уже поправить было нельзя. И Арина Ивановна, ухвативъ только послѣднія слова, на нихъ и отвѣтила съ мудростью человѣка, опытомъ провѣрившаго превратности бытія:

— Большая она, жизнь-то. Многаго не угадаешь въ ней. Какъ люди иной разъ ни сторонятся, а отъ бѣды не схоронятся.

Неожиданно губы ея вздрогнули, перекривились, и изъ глазъ брызнули слезы.

Она торопливо и хмуро рванула ихъ платкомъ.

— Охъ, я со своими слезами... Вотъ ужъ не къ мѣсту. Пойду одна выплачусь. Извините.

Она рѣшительно повернулась и пошла въ свою комнату, полную иконъ и пропахнувшую деревяннымъ масломъ.

Лидія Михайловна хотѣла-было остановить ее:

— Да о чемъ же плакать, мама?

Но та, даже не оглянувшись, переступила порогъ. Лидія Михайловна остановилась, опѣшившая, огорченная, чувствуя, что сейчасъ случилось что-то еще не сознанное, но знаменательное.

„Въ сущности, чтò тутъ такого?“ — спросила она себя. Было ясно, что дѣло не въ оговоркѣ и даже не въ недовѣріи матери, явно пробившемся сейчасъ, а въ чемъ-то всколыхнувшемся въ ней самой, въ какомъ-то заострившемся испугѣ, котораго прежде не ощущала.

Она склонила голову и замерла съ отяжелѣвшими и опустившимися руками.

IX.

Изъ столовой доносились веселые шумные голоса, но ей представилось, что все это сразу ушло куда-то страшно далеко и какъ будто оторвалось отъ нея. Лишь одно живое темное пятно шло оттуда все ближе и ближе.

Она съ жуткимъ чувствомъ прислушалась.

Несомнѣнно, онъ стоялъ уже за ея спиной, но она боялась обернуться сразу, чтобы не вскрикнуть отъ неожиданности. Собравшись съ силами, придала лицу спокойное выраженіе и все же, когда увидѣла его, слегка вздрогнула.

— Чтò съ вами?—наклонившись къ ней, спросилъ онъ.

— Ничего, — отвѣтила она, досадуя на себя за свою слабость.—Пустяки. Вы незамѣтно вошли.

— Черезъ часъ мы ѣдемъ,—объявилъ онъ такъ твердо и рѣшительно, какъ будто все зависѣло отъ одного его.

Лидія Михайловна уже совсѣмъ спокойно спросила:

— Вы ѣдете этимъ же поѣздомъ?

— Да, я пріѣхалъ только за вами.

Онъ выговаривалъ слишкомъ отчетливо, и потому казалось, что въ его словахъ двойной смыслъ. И особенно казалось это еще потому, что онъ смотрѣлъ опять-таки прямо въ глаза.

До сихъ поръ она не могла сказать себѣ, смотрятъ ли такъ же въ глаза во время разговора съ кѣмъ бы то ни было. Сейчасъ, несомнѣнно, нѣтъ. И можетъ-быть, ей только чудится, что онъ смотритъ какъ-то особенно, а на самомъ дѣлѣ и всѣ такъ смотрятъ. И можетъ-быть, онъ истолковываетъ какъ-нибудь неблагопріятно для нея то, что она опускаетъ рѣсницы подъ его взглядомъ.

Она заставила себя такъ же прямо взглянуть на него и отвѣтила умышленно банально:

— Это очень любезно съ вашей стороны.—Но когда онъ промолчалъ на эту фразу, она поспѣшила прибавить съ вспыхнувшимъ противъ него раздраженіемъ: — Григорій Матвѣевичъ ждалъ, что вы будете въ церкви.—Онъ произнесъ:

— Я опоздалъ.

Странно, его слова какъ будто были сами по себѣ и, какъ монета, имѣли двѣ стороны: одна сторона—обычная ходовая цѣна ихъ, другая—чуть ли не символъ.

Она принужденно разсмѣялась, умышленно принимая только одну первую сторону:

— Вы опоздали. Но глаза ваши были въ церкви.

Онъ не сразу отвѣтилъ:

— Вы въ этомъ увѣрены?

Нѣтъ, она не умѣла и не могла смотрѣть такъ прямо, какъ онъ. Да и невозможно было, глядя прямо въ глаза, говорить такимъ тономъ.

Она взволнованно продолжала:

— Я не разглядѣла въ темнотѣ лица, но хорошо запомнила этотъ взглядъ.

Тогда онъ просто сознался.

— Вы правы. Я былъ тамъ.

Притворившись удивленной, она спросила:

— Зачѣмъ же вы скрыли это?

Онъ съ странной искренностью и прямотой отвѣтилъ:

— Мнѣ хотѣлось прежде, чѣмъ я узнаю васъ, услышу вашъ голосъ... издали опредѣлить: будетъ ли счастливъ этотъ бракъ?

Эти слова обожгли ее, какъ горячій уголь. Поблѣднѣвъ, она съ бьющимся сердцемъ гордо встряхнула головой. Какъ онъ смѣетъ высказывать сомнѣнія? Это чуть ли не дерзость.

— Конечно, да!—строго отвѣтила она.

Но, несмотря на возмущеніе и строгость, слова ея какъ будто вывернулись наизнанку, какъ зонтикъ, въ который ударилъ вихрь.

Стало горько и обидно за свою безпомощность. И когда на мгновеніе онъ остановилъ ея взглядъ своимъ упорнымъ, выпытывающимъ взглядомъ, она едва не растерялась.

Однажды въ Парижѣ одинъ влюбленный комедіантъ грозилъ застрѣлить ее; она стояла передъ поднятымъ дуломъ револьвера, но ей хотѣлось разсмѣяться: чувствовала, что онъ даже не подниметъ курка. А сейчасъ курокъ поднятъ. Вотъ-вотъ, одинъ нажимъ—и онъ смертельно ранитъ ее, ранитъ однимъ словомъ:— Нѣтъ.—Она уже готовилась отозваться на это слово такъ, чтобы онъ не смѣлъ больше позволять себѣ подобныхъ выходокъ.

Но въ эту минуту Майновъ запѣлъ въ столовой неожиданнымъ для его маленькой фигурки сильнымъ басомъ эпиталаму изъ „Нерона“:

Эросъ, богъ любви: меня-а при-зы-ва-етъ.
Не-вѣс-ту про-во-жа-ютъ въ чер-то-ги мои...

Его „нѣтъ“ потерялось въ хлынувшей сюда волнѣ этого баса. Какъ бы то ни было, она сдѣлала видъ, что не слышала его отвѣта.

Прозоровъ, тоже успѣвшій подвыпить, появился въ дверяхъ столовой.

— Лидія Михайловна!—съ укоромъ взывалъ онъ оттуда.— Это несправедливо. Зачѣмъ вы бросили насъ? Вѣдь сегодня еще пока вы намъ принадлежите. Вы нашъ товарищъ.

Она обрадовалась этому голосу изъ міра, который опять сталъ ей близокъ. Она съ преувеличенной горячностью воскликнула:

— И я останусь вашимъ товарищемъ навсегда!

Шугаевъ также вышелъ слѣдомъ за всѣми. Ей хотѣлось стряхнуть съ себя окончательно наважденіе, даже разсмѣяться надъ нимъ.

Громкимъ и напряженнымъ голосомъ она обратилась къ мужу, скользнувъ по своему собесѣднику неспокойнымъ взглядомъ:

— А знаете, Григорій Матвѣевичъ, нашъ другъ очень...— Слова летѣли впереди мыслей. Было намѣреніе сказать что-нибудь язвительное, но сказала только:

— ... оригинальный человѣкъ.

А. И. Куинджи. Вечеръ въ Малороссіи.
Собственность Общества имени А. И. Куинджи.

Профессоръ простодушно обрадовался:

— О, я былъ увѣренъ, что вы сойдетесь и будете друзьями.

Она была недовольна на себя за свою нерѣшительность и ненаходчивость и не хотѣла примириться. Все такъ же вызывающе громко она продолжала, уже прямо смотря на Эльмонта:

— Онъ сказалъ мнѣ сейчасъ... очень забавную вещь.

И опять было не то. Она обрадовалась, когда профессоръ спросилъ, видя въ ея повышенномъ тонѣ и словахъ шутку

— Именно?

Лидія Михайловна повернула голову къ Эльмонту:

— Сказать?

Онъ отвѣтилъ просто.

— Скажите.

Она, дѣля слова, начала:

— Вашъ другъ сказалъ...—запнулась, и сразу стало неловко за бравирующій тонъ, за нелѣпый размахъ.—Пустое,—сказала она, застѣнчиво улыбаясь, совсѣмъ просто:—неудачное стремленіе къ пророчеству.

Сизовъ подалъ ей бокалъ съ шампанскимъ, принесенный для нея изъ столовой:

— Мы не хотимъ пить безъ васъ.

Она выпила вино съ какой-то жадностью, и оно сразу обволокло ея встревоженное сердце нѣжностью и сладкой печалью. Хотѣлось быть ясной и трогательной, и, отвернувшись отъ Эльмонта и Шугаева, опять ухватилась за брошенный ей со стороны конецъ.

— Да, друзья мои, я на всегда останусь вашимъ товарищемъ. Насъ связываетъ искусство, свѣтлое и радостное, какъ молодость. Я до сихъ поръ принадлежала только искусству. Я почти не помню отца, не помню матери... Я не имѣла никакой другой привязанности, кромѣ привязанности къ искусству. Это было мое счастье... Оно останется со мною... — Хотѣлось такъ и оборвать рѣчь, но мелькнула мысль, что такъ будетъ кому-то обидно, и она прибавила:—... что бы ни было... чѣмъ бы ни загорѣлось еще мое сердце...—Протянула руку съ бокаломъ художникамъ и дружески проговоряла:—Я чокаюсь съ моими товарищами за нашу нерушимую связь!

Тостъ былъ принятъ особенно радостно.

Майновъ съ такимъ чувствомъ вливалъ въ себя вино, что Прозоровъ выразилъ съ притворнымъ испугомъ, какъ бы тотъ не проглотилъ въ честь Лидіи Михайловны бокалъ.

Шугаева эта рѣчь гдѣ-то въ глубинѣ задѣла за живое. Онъ, конечно, понималъ, что не можетъ вытѣснить всего, что связывало его съ прошлымъ, да и странно было бы ревновать ее къ искусству. Пожалуй, не вверни она явно въ угоду ему нѣсколькихъ словъ, онъ не принялъ бы ея рѣчь такъ близко къ сердцу. Онъ рѣшилъ затушить въ себѣ нечаянно обжегшую его искорку и радушно обратился къ художникамъ:

— Господа, вы должны пріѣхать къ намъ... туда... на берегъ моря. Она къ вамъ привыкла и будетъ тосковать. Я вѣдь человѣкъ, далекій искусству.

Лидія Михайловна также чистосердечно пригласила:

— Непремѣнно пріѣзжайте. Я дѣйствительно буду скучать о васъ.

Всѣмъ пришлось по душѣ это приглашеніе, кромѣ Арины Ивановны: только-что изъ подъ вѣнца, а ужъ скучать собирается. Обидѣлась она за сына.

— Пріѣдемъ. Пріѣдемъ... Спасибо. Непремѣнно прикатимъ всѣ.

Шугаевъ не остановился на этомъ.

— Къ твоимъ товарищамъ прибавится еще одинъ,—указалъ онъ на Эльмонта:—также артистическая натура. Онъ-то будетъ постоянно съ нами.

Лидія Михайловна обратила свое лицо къ Эльмонту.

Тотъ утвердительно наклонилъ голову:

— Да. Я внизу, вы—наверху.

Она спросила съ внезапно зажегшейся мечтой:

— Отъ васъ видно море?

— Ваши окна выходятъ въ открытое море. Когда буря и волны бьются объ утесы, весь домъ звучитъ, какъ раковина. Васъ это не будетъ безпокоить?—освѣдомился онъ съ чуткимъ опасеніемъ.

Лидія Михайловна радостно улыбнулась:

— Наоборотъ, это удивительно. Засыпать и просыпаться подъ шумъ моря.

Она остановилась, необыкновенно живо представляя себѣ все это, взволнованная не только этой картиной, но и сладостно связавшимися съ ней словами. И неожиданно эти слова отворили какія-то давнишнія, наглухо запертыя дверцы. Смутные далекіе образы и воспоминанія, какъ птички, вылетѣли оттуда, и она, сама изумленная этими зашевелившимися снами прошлаго, какъ бы про себя заговорила:

— Такъ было въ моемъ дѣтствѣ.—Блаженный холодокъ охватилъ ее, и она, вѣря и не вѣря своей памяти, продолжала, точно ловя и лаская этихъ маленькихъ птичекъ—воспоминанія:—Широкій берегъ... Песокъ... Рыбачья палатка. Такъ было въ моемъ дѣтствѣ.

Шугаевъ съ прорвавшейся нѣжностью пояснилъ:

— Вѣдь она родилась у моря. Ей будетъ это особенно пріятно.

Эльмонтъ, ловившій ея слова съ напряженнымъ вниманіемъ, задалъ вопросъ, какъ докторъ, который хочетъ поставить вѣрный діагнозъ:

— Съ тѣхъ поръ вы не видѣли моря?

Лидія Михайловна сразу пришла въ себя. Воспоминанія исчезли, какъ исчезаютъ сны, какъ только открываются глаза. Но настроеніе осталось, и она, не скрываясь, отвѣтила:

— Я не видѣла моря съ тѣхъ поръ. Мнѣ становится жутко: я вдругъ опять стану съ нимъ лицомъ къ лицу. До того жутко, что я и хочу и боюсь этой встрѣчи.

Такое ощущеніе только сейчасъ опредѣлилось такъ ясно, и въ этомъ какимъ-то непонятнымъ образомъ былъ замѣшанъ этотъ загадочный человѣкъ.

— Вы вѣрите въ предчувствія?—все такъ же пытливо и прямо задалъ ей снова вопросъ Эльмонтъ.

Шугаевъ полушутливо отвѣтилъ за нее:

— Она вѣритъ во все. Вообще вы, артисты, народъ суевѣрный.

И ужъ совсѣмъ шутливо онъ закончилъ:

— Однако я надѣюсь, что близость науки излѣчитъ ее отъ этого недостатка.

Эльмонтъ пожалъ плечами.

— Почему же излѣчить? Развѣ наука не имѣетъ дѣла съ явленіями, болѣе таинственными? Электричество. Магнетизмъ. Разъ можетъ существовать телеграфъ безъ проводовъ, какъ можно отрицать передачу чувствъ на разстояніи или предвѣдѣніе? Я увѣренъ,—закончилъ онъ съ спокойной твердостью:—что достаточно вглядѣться въ глаза человѣка, чтобы угадать, будетъ онъ мнѣ близокъ, или нѣтъ.

Онъ не смотрѣлъ на нее въ эту минуту, но ей казалось, что взглядъ его почти касается ея. Она рѣшила шуткою перебороть неловкость:

— Вы опасны. Не занимаетесь ли вы колдовствомъ?

Онъ нисколько не смутился и съ ясной простотой, которая обычно такъ не вязалась съ значительностью словъ его, отвѣтилъ:

— Да, такъ же, какъ и вы. Искусство — тоже своего рода колдовство.

— Ну, пошла музыка! — съ снисходительной усмѣшкой махнулъ рукой профессоръ.

Этотъ жестъ, очевидно, задѣлъ Эльмонта. Онъ такъ же насмѣшливо отпарировалъ:

— Человѣческія отношенія возникаютъ гораздо таинственнѣе, чѣмъ это думаютъ профессора.

Но Шугаевъ нисколько не обидѣлся. Онъ продолжалъ стоять на своемъ:

— Ты, братъ, не иронизируй насчетъ профессоровъ. Что же таинственнаго, напримѣръ, въ моихъ отношеніяхъ съ женой? У насъ—уваженіе... общность интересовъ, хотя мы и люди разныхъ профессій... Кажется, тутъ нѣтъ ничего таинственнаго.

Онъ произносилъ всѣ эти слова съ видимой ясностью, а на самомъ дѣлѣ за ними ему самому мерещилось что-то болѣе сокровенное: вѣдь эта женщина, которую онъ и узналъ-то такъ недавно, пришла и завладѣла его сердцемъ.

Эльмонтъ спросилъ:

— Что же ты уважаешь въ человѣкѣ?

— Что за вопросъ! То, что составляетъ человѣческое достоинство, что человѣчествомъ завоевано вѣками.

— Въ данномъ случаѣ это не важно.

— Что не важно?

— То, что не составляетъ человѣческаго достоинства,— прямо отвѣтилъ Эльмонтъ.

Но Шугаева такая прямота смутила.

— Вотъ какъ!..—только и нашелся проговорить онъ.

Эльмонтъ, не смущаясь, продолжалъ все съ тѣмъ же непреложнымъ сознаніемъ своей правоты:

— Вспышка молніи, порывъ вѣтра, даже ароматъ цвѣтка иногда значатъ больше, чѣмъ то, что, какъ ты выразился, человѣчество завоевало вѣками.

Шугаевъ обратился къ Лидіи Михайловнѣ и, какъ и прежде, когда желалъ побороть неловкость своихъ новыхъ отношеній съ ней, назвалъ ее—жена:

— Чтò скажетъ на это моя жена?

Эльмонтъ поморщился не то въ серьезъ, не то шутливо:

— Жена. Какое странное слово. Мнѣ въ немъ слышится смутный, безнадежный звонъ.

Арина Ивановна, опустившаяся на стулъ у двери гостиной съ тѣхъ поръ, какъ вошла, встала, недовольно покачала головой и ушла въ столовую.

Майновъ, которому съ перваго же взгляда не понравился новый гость, отправился за нею, ворча:

— Этотъ Дельфійскій оракулъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы прикусилъ себѣ языкъ, а глаза разрядилъ, а то они у него, того гляди, выстрѣлятъ.

Лидію Михайловну удивила смѣлость Эльмонта. Какъ онъ угадалъ то, чтò ее нѣсколько царапало? Она, стараясь улыбкой смягчить свои слова, тоже подтвердила:

— Это вы тонко замѣтили... про звонъ...

И, обратившись къ мужу, какъ будто извиняясь и вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждая:

— Я еще не привыкла къ этому слову. Оно какъ будто роняетъ... хоронитъ... меня, прежнюю... есть только—жена.

Шугаевъ, покраснѣвъ, оглянулся. Слава Богу, матери не было. Его не поняли, но объяснять было неумѣстно. Онъ принудилъ себя сказать:

— Если тебѣ это непріятно, я такъ называть не буду.

Но она видѣла, что обидѣла его, и незаслуженно:

— Ты не обижайся.

Шугаевъ уже нѣсколько суше возразилъ:

— Я не обижаюсь. Я знаю, что у артистовъ есть свои особенности... свои... тонкости.

Слова вырвались не тѣ, которыя онъ хотѣлъ сказать, и упали они холодно и тяжело, установивъ сразу напряженное и непріятное молчаніе.

Эльмонтъ взглянулъ на часы и, какъ ни въ чемъ не бывало, заявилъ:

— Одиннадцать. Черезъ часъ уходитъ поѣздъ. Я буду ждать васъ на вокзалѣ.

И онъ сдержанно и равнодушно поклонился.

Шугаевъ, спохватившись, что могъ обидѣть его, предложилъ съ усиленной мягкой ласковостью:

— Мы можемъ выѣхать изъ дома вмѣстѣ.

Но тотъ отвергъ его предложеніе:

— Я долженъ заѣхать за вещами. Онѣ въ гостиницѣ.

Поклонился художникамъ, съ молчаливымъ вниманіемъ и, пожалуй, недоумѣніемъ слушавшимъ этого любопытнаго человѣка:

— Господа, мы съ вами, надѣюсь, встрѣтимся на вокзалѣ.

Направился къ выходу.

Шугаевъ пошелъ проводить его.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Пѣсня сердца—пѣсня птицы,
Голосъ свѣтлаго ключа.
Зажжены мои страницы
Золотымъ крыломъ зарницы,
Нитью радужной луча.

Міръ лучистыхъ пѣсенъ проситъ
Для защиты отъ грѣха.
Вдохновенье жемчугъ броситъ —
И его въ просторъ уноситъ
Золотой потокъ стиха...

Нѣжно затканы страницы
Нитью призрачной луча.
Пѣсня сердца—пѣсня птицы,
Серебристый зовъ зарницы,
Голосъ свѣтлаго ключа!

Николай Мезько.

Звѣздный сафиръ.

Сказка **Наталіи Грушко.**

Вмѣстѣ съ расцвѣтающей утренней зарей входила она въ городскія ворота и скромно садилась у стѣны, подъ тѣнью молчаливаго вѣкового бука.

Никто не зналъ, какого она возраста, красива или безобразна. Ея лицо всегда было закрыто густымъ покрываломъ.

Корзина, которую она приносила съ собой, была наполнена цвѣтами, и ни у одной изъ цвѣточницъ не было такихъ пышныхъ розъ, какъ у кроткой Лидіи,—такъ звали ее,—отъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ на вершинахъ горъ, до темно-красныхъ, какъ зерна граната.

Всѣ знали, что она не посѣщаетъ храмовъ и не приноситъ жертвъ богамъ, а исповѣдуетъ какую-то невѣдомую религію любви и всепрощенія, но снисходили къ ней и охотно покупали у нея цвѣты.

Ея мягкій, ласковый голосъ подкупалъ людей своей искренностью; особенно же любили ее дѣти. Они избрали для своихъ игръ площадку передъ букомъ и часто, перессорившись, бѣжали къ Лидіи. Она внимательно разбирала ихъ маленькія дѣла, и обидчикъ и обиженный легко подчинялись ея приговору.

Нерѣдко, собравшись въ тѣсный кружокъ, дѣти слушали разсказы Лидіи о далекой знойной странѣ, гдѣ нѣкогда жилъ Великій Учитель, принесшій міру любовь.

Тихимъ голосомъ разсказывала она, какъ въ догорающій лѣтній вечеръ однажды вступилъ Онъ въ городъ. Несмѣтныя толпы народа въ пестрыхъ одеждахъ выходили къ Нему навстрѣчу и радостными кликами привѣтствовали Его приближеніе, а Онъ, тихій и ясный, какъ этотъ догорающій день, медленно ѣхалъ на осликѣ, а люди, бросая Ему подъ ноги пальмовыя вѣтви, кричали: „Осанна, Осанна!“

И жадно раскрывались глаза маленькихъ слушателей Лидіи: затаивъ дыханіе, они старались не проронить ни одного изъ ея словъ, и грезился имъ невѣдомый городъ въ далекой Палестинѣ, золотой отблескъ догорающаго вечера и звонкіе дѣтскіе голоса, привѣтствующіе Назаретскаго Учителя.

Лидія жила далеко за городомъ, въ горахъ, въ маленькой хижинѣ, оставленной пастухами, ушедшими съ своими стадами въ другія мѣста.

Усталая пробиралась она по крутымъ тропинкамъ къ своему жилью. На половинѣ дороги навстрѣчу къ ней выходилъ мальчикъ, почти юноша, и, взявъ изъ ея рукъ пустую корзинку, шелъ вмѣстѣ съ нею къ хижинѣ. Тамъ, совершивъ молитву, они садились у очага, и хотя ужинъ у нихъ былъ скуденъ, они чувствовали себя довольными.

Мать неутомимо слѣдила, какъ развивался и крѣпъ ея сынъ, котораго звали Климентомъ, и, видя его мужественнымъ и сильнымъ, съ радостью думала, что ему не будетъ страшна никакая борьба, исполненная трудовъ и лишеній. А когда онъ дѣлился съ нею своими мыслями и наблюденіями надъ окружающей природой, она видѣла, что умъ его ясенъ, а душа чиста и прекрасна, какъ тѣ розы, которыя собирала она въ своемъ маленькомъ садикѣ.

Они не говорили другъ другу ласковыхъ словъ, но каждый взглядъ ихъ былъ полонъ нѣжности и свидѣтельствовалъ о томъ, что эти двое живутъ только другъ для друга.

Часто онъ задавалъ ей вопросы о жизни, которой онъ не зналъ, и о людяхъ, которыхъ видѣлъ такъ рѣдко и случайно, и она обогащала его умъ своими наблюденіями и познаніями. Она отвѣчала на всѣ его вопросы, и только одинъ оставался безъ отвѣта, и это какъ будто стояло между ними и грустной тѣнью омрачало его свѣтлые глаза.

То былъ вопросъ о перстнѣ, который она, никогда не снимая, носила на правой рукѣ. Странный перстень съ зіяющей пустотой въ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ вдѣланъ камень. Откуда этотъ перстень? Какое онъ имѣлъ значеніе? Куда дѣвался украшавшій его нѣкогда драгоцѣнный камень, и чтò это былъ за камень? На всѣ эти вопросы, которые онъ возобновлялъ отъ времени до времени, она отвѣчала только глубокимъ вздохомъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Климентъ выросъ и сталъ красивымъ и сильнымъ юношей, но сама она отъ скуднаго питанія, отъ утомительнаго каждодневнаго хожденія въ городъ и обратно по крутымъ и извилистымъ горнымъ тропинкамъ, а также отъ тайной скорби, которая, какъ ни старалась она скрыть ее даже отъ самой себя, истощала ея сердце,—ослабѣла.

Стали дрожать ея ноги, трудно уже было ей нагибаться, чтобы срѣзать розы съ вѣтвей кустарниковъ, и съ каждымъ днемъ угасало ея зрѣніе. Вотъ уже она не могла различать бѣлыхъ розъ отъ красныхъ и, идя въ городъ, чтобы продать цвѣты и на вырученныя деньги купить хлѣба и для себя и для сына, принуждена была ощупывать дорогу посохомъ.

Сколько разъ сынъ умолялъ ее послать его въ городъ, а самой остаться въ жилищѣ,—она не соглашалась. Она боялась, чтобы соблазны города не вселили въ его сердце несбыточныхъ надеждъ и не замутили его кристально-чистую душу.

И видѣлъ Климентъ, что съ каждымъ днемъ падаютъ ея силы, и невыразимая скорбь охватывала его при мысли, что онъ ничѣмъ не въ состояніи помочь ей.

Однажды, послѣ захода солнца, подоивъ козъ, молоко которыхъ составляло главную часть ихъ скуднаго стола, онъ вошелъ въ хижину и увидѣлъ мать безсильно лежащей на постели. Съ испугомъ онъ бросился къ ней, а она нѣжной улыбкой успокоила его, взяла его за руку и усадила у изголовья своей постели. Она сказала:

— Слушай, Климентъ. Ты часто спрашивалъ меня о перстнѣ, чтò никогда не разстается съ моей рукой. Знай же, что въ этомъ перстнѣ вся моя прошлая жизнь. Я молчала, потому что мнѣ больно вспоминать о прошломъ. Но теперь ты видишь, какъ мало у меня осталось силъ. Богъ, Которому мы молимся, позволяетъ человѣку жить на землѣ столько, сколько онъ заслужилъ, и никто не знаетъ Его воли. Можетъ-быть, Онъ завтра захочетъ взять меня къ Себѣ. И потому настало время, чтобы ты узналъ, какъ все это было.

„Слушай же, Климентъ, мой милый сынъ. Далеко-далеко, въ томъ краю, гдѣ солнце грѣетъ только половину года, въ остальное же время его застилаютъ сѣрыя облака, а земля покрывается бѣлой пеленой снѣга, гдѣ море изрѣзало берега острыми извилистыми линіями, гдѣ нѣтъ такихъ, какъ здѣсь, широколиственныхъ деревьевъ и причудливо окрашенныхъ пышныхъ цвѣтовъ, гдѣ люди, рослые и сильные, живутъ въ хижинахъ, построенныхъ изъ стволовъ древесныхъ, одѣваются въ бѣлыя льняныя ткани, зимой же прикрываютъ тѣло звѣриными шкурами, а поклоняются и приносятъ жертвы деревяннымъ истуканамъ,— жилъ человѣкъ, которому повиновалась обширная страна.

„Онъ былъ могущественъ и жестокъ. Любилъ ходить на охоту и на войну, вѣчно ссорился и дрался съ своими сосѣдями, а у себя дома проводилъ время въ веселыхъ празднествахъ и пирахъ. Въ тѣхъ пирахъ неизмѣнно участвовала и его любимая жена, на которую онъ глядѣлъ и не могъ наглядѣться, за чье здоровье онъ всякій разъ, когда колоколъ на дворцовой башнѣ возглашалъ наступленіе новаго часа, подымалъ кубокъ, наполненный виномъ.

„Ихъ любовный союзъ, какъ имъ казалось, навѣки скрѣпилъ дивный малютка-сынъ, рожденіе котораго радостно привѣтствовала вся страна.

„Однажды среди веселаго пира въ зàмокъ явился странникъ дивнаго вида — высокій, бѣловолосый, съ кроткимъ взглядомъ ясныхъ глазъ, съ тихой, всепримиряющей улыбкой на устахъ.

„Посреди роскошной, тысячью свѣтильниковъ ярко освѣщенной залы остановился онъ, величественнымъ движеніемъ руки сдѣлалъ знакъ молчанія и глубокимъ, въ душу проникающимъ голосомъ заговорилъ о Великомъ Пророкѣ изъ Назарета, учившемъ любить и прощать не только близкихъ, но и враговъ, и о высокомъ примѣрѣ, который Онъ показалъ людямъ Своею жизнью, принявъ за нихъ страданіе и простивъ даже тѣхъ, чтò распяли Его.

„И слушали всѣ и со страхомъ смотрѣли на смѣлаго старца, не зная, какъ приметъ это суровый властелинъ. Но тотъ былъ милостивъ къ старцу. Своими странными и новыми рѣчами старецъ развлекъ его, которому уже пріѣлись нехитрыя и грубыя выдумки придворныхъ шутовъ.

„И онъ сказалъ:

„— Старецъ говоритъ вздоръ. Не найдется на свѣтѣ ни одного человѣка, который, если онъ не безуменъ, любилъ бы и прощалъ своихъ враговъ. Я ненавижу моихъ враговъ и не знаю высшаго наслажденія, какъ убить врага. Но онъ такъ живописенъ въ этой рамкѣ сѣдыхъ волосъ и такъ пламенно вѣритъ въ свою дѣтскую сказку... Пусть же накормятъ его и дадутъ ему пріютъ въ нашемъ зàмкѣ.

„И старецъ остался въ зàмкѣ. Въ долгіе зимніе вечера, когда властелинъ уѣзжалъ съ дружиной къ сосѣдямъ или на охоту, онъ приходилъ въ покои жены властелина. Здѣсь, въ то время, какъ она вмѣстѣ съ другими женщинами занималась сученіемъ пряжи и тканьемъ одеждъ для себя и для мужа, а прекрасное дитя играло у ея ногъ, дивный старикъ разсказывалъ ей о земной жизни своего Пророка, Котораго онъ называлъ Богомъ, о Его страданіяхъ за весь человѣческій родъ, о смерти, чудесномъ воскресеніи и вознесеніи на небо. И такъ пламенны были его рѣчи, такимъ неземнымъ огнемъ загорались его глаза, что женщина повѣрила его словамъ и въ душѣ поклонилась его Богу.

Однажды, когда мужъ ея былъ на охотѣ, посѣтилъ ее старецъ и сообщилъ, что пришло время ему оставить зàмокъ. И женщина протянула къ нему руки и со слезами молила его остаться.

„Но онъ твердо покачалъ головой и сказалъ:

„— Дитя мое, моя жизнь принадлежитъ не мнѣ, а Ему, Которому я служу. Я подъялъ на себя сладкое бремя—сѣять на землѣ истину, и этотъ долгъ призываетъ меня. Но такъ какъ ты своимъ чистымъ сердцемъ полюбила Его, то—крестись, и тогда Онъ вѣчно пребудетъ съ тобою.

„И женщина радостно согласилась, и старецъ крестилъ ихъ обоихъ—ее и маленькаго сына, а передъ тѣмъ, какъ уйти, онъ подарилъ ей дивный перстень съ драгоцѣннымъ сафиромъ и, возложивъ на ея голову руки, сказалъ:

„— Тому, въ чьемъ сердцѣ горятъ завѣщанныя Имъ любовь и прощеніе, этотъ перстень да будетъ никогда не гаснущей путеводной звѣздой!

„И, промолвивъ эти слова, онъ ушелъ изъ зàмка и покинулъ страну. А когда послѣ его ухода женщина надѣла себѣ на палецъ драгоцѣнный перстень, въ глубинѣ вдѣланнаго въ него сафира вдругъ тихимъ небеснымъ свѣтомъ зажглась звѣзда, и женщина смотрѣла на нее и не могла оторвать глазъ отъ нея.

„Услышавъ звукъ охотничьяго рога, извѣщавшаго о возвращеніи мужа, она, радостная, побѣжала къ нему навстрѣчу и показала ему перстень. Властелинъ съ изумленіемъ глядѣлъ на горѣвшую неподдѣльнымъ свѣтомъ звѣзду и воскликнулъ:

„— О, да, онъ—кудесникъ, этотъ таинственный старецъ! Я прикажу ему зажечь такія же звѣзды во всѣхъ драгоцѣнныхъ каменьяхъ, украшающихъ мои праздничныя одежды и вѣнецъ.

„— Но онъ ушелъ, онъ покинулъ нашу страну, чтобы больше никогда въ нее не возвращаться.

— „Ну, такъ я призову всѣхъ кудесниковъ моей страны и прикажу имъ проникнуть въ тайну его волшебства. Дай мнѣ перстень!

„— Я не могу разстаться съ нимъ и на мгновеніе, — отвѣтила женщина.

„Тогда въ припадкѣ сильнаго гнѣва онъ схватилъ ея руку и, силясь сорвать съ ея пальца ослѣпительно сіяющій перстень, вырвалъ изъ него только камень. И въ тотъ же мигъ погасла звѣзда, и въ рукѣ его лежалъ безжизненный кусокъ камня.

„Чувствуя себя обманутымъ и оскорбленнымъ, не помня себя отъ бѣшенства, размахнулся онъ рукой изо всей силы и съ проклятіемъ швырнулъ камень на далекое пространство.

„Напрасно искали его приближенные и слуги, напрасно и она сама съ своими женщинами обошла всю поляну, прилегавшую къ зàмку, обшаривъ каждую щель и каждый стебелекъ росшей на ней травы — камень не засіялъ ей, въ немъ не зажглась звѣзда. Онъ затерялся въ кучѣ пыли.

„А властелинъ въ тотъ день обезглавилъ двѣнадцать своихъ вѣрныхъ слугъ, которые ни въ чемъ не провинились, и приказалъ выбрать самыхъ красивыхъ юношей изъ народа, чтобы принести ихъ въ жертву его богамъ. Онъ не зналъ, чѣмъ еще насытить злобу.

„Въ ту ночь изъ зàмка потайнымъ ходомъ вышла женщина съ закутаннымъ въ покрывало лицомъ, неся на рукахъ спящаго мальчика. А къ утру она перешла границу страны, и никакая погоня уже не была ей страшна.

„Много дней и недѣль и мѣсяцевъ шла она, питая подаяніемъ себя и сына, пока не достигла благословеннаго края, гдѣ солнце никогда не перестаетъ согрѣвать землю, и гдѣ цвѣты пышнѣе всѣхъ царственныхъ красавицъ міра, а щедрая природа даетъ человѣку все необходимое для жизни, не требуя отъ него непосильнаго труда.

„Остальное ты знаешь, потому что та женщина была твоя мать, Климентъ, и тебя она принесла въ этотъ край на своихъ рукахъ, а властелинъ — твой отецъ“.

Утомленная разсказомъ, Лидія умолкла и долго лежала неподвижно съ закрытыми глазами, какъ бы еще разъ внутренно переживая всю прошедшую жизнь.

Климентъ сидѣлъ у постели, боясь пошевельнуться, чтобы не нарушить ея покоя. Все, чтò онъ услышалъ отъ нея, казалось ему сказкой, и по временамъ ему даже чудилось, что бѣдная мать его бредитъ.

Онъ — сынъ властелина какой-то страны, такъ непохожей на здѣшнюю, гдѣ онъ выросъ и сжился съ каждымъ поворотомъ тропинки и съ каждымъ изгибомъ скалы! Онъ, никогда не знавшій иной пищи, кромѣ хлѣба, овощей и фруктовъ, и другого напитка, кромѣ козьяго молока и прозрачной ключевой воды!.. Какъ все это мало похоже на жизнь подъ высокими сводами роскошнаго дворца, среди пировъ и празднествъ!

Но ни на одну минуту не шевельнулся въ его сердцѣ укоръ

матери за то, что она лишила его этихъ благъ. Беззавѣтно любя ее, онъ любилъ и ту жизнь, которая была съ нею, и все, что она сдѣлала или рѣшила, для него было непреложнымъ закономъ.

Лидія открыла глаза.

— Ты еще здѣсь, мой Клементъ? — тихо спросила она, нащупывая его руку. — Я еще должна досказать тебѣ... Милый мой сынъ, мнѣ тяжело было бы умереть, не исполнивъ завѣтной мечты, которую я лелѣяла въ душѣ такъ много лѣтъ. Твой отецъ живъ, я это знаю. Людская молва и въ этотъ отдаленный край приноситъ вѣсти о жестокостяхъ властелина сѣверной страны. Но мы съ тобой, владѣющіе истиной, не должны оставлять его въ языческомъ заблужденіи. Если мнѣ, бѣдной, незначительной женщинѣ, не удалось просвѣтить его душу, то это сдѣлаешь ты, мой сынъ. Ты пойдешь къ нему и отыщешь его... Но прежде ты долженъ отыскать камень отъ этого перстня, хотя бы тебѣ пришлось для этого трижды обойти всю землю. Я вѣрю, что ты найдешь его, и отъ любви твоей въ немъ зажжется погасшая звѣзда, и отецъ твой просвѣтится ея божественнымъ сіяніемъ. Иди же, мой сынъ, возьми посохъ и обойди города и селенія и найди, найди его, тотъ камень.

— Но могу ли я рѣшиться уйти отъ тебя, моя любимая, единственная, самое дорогое существо во всемъ мірѣ? Какъ я оставлю тебя, такую слабую и безпомощную? — попытался возразить ей Климентъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, не бойся. Я не умру. Я знаю, что Великій Страдалецъ дастъ мнѣ силы дождаться твоего возвращенія, увидѣть еще разъ сіяніе вновь загорѣвшейся звѣзды и благословить твой путь на поиски отца. Вотъ я снимаю съ моего пальца перстень и надѣваю его на твой... Я осѣняю тебя крестомъ, я прижимаю тебя къ груди... Я благословляю тебя... Иди, иди...

Не могъ ослушаться матери Климентъ, взялъ въ руки посохъ и отправился въ путь. Но, отойдя отъ дома разстояніе не болѣе, какъ на сутки, утомленный, онъ сѣлъ на берегу тихой и прозрачной рѣки и задумался.

Къ чему поведетъ его путешествіе? Развѣ можно допустить хоть малѣйшую надежду найти этотъ камень, который тогда не могли сыскать приближенные и слуги и сама мать его съ своими женщинами? Развѣ они плохо искали его?

А земля такъ огромна, что, сколько бы ни обошелъ онъ городовъ и селеній, онъ никогда не будетъ имѣть права сказать, что исходилъ ее всю. А это значитъ, что путешествіе его будетъ длиться безъ конца.

И въ это время бѣдная мать его умретъ отъ голода и болѣзней, и онъ никогда, никогда больше не увидитъ ее. И если суждено ей отойти въ вѣчность, кто закроетъ ей глаза, кто предастъ землѣ дорогіе останки, кто совершитъ молитву надъ ея могилой?

И въ то время, какъ онъ такъ думалъ, взглядъ его упалъ на камешекъ, лежавшій среди другихъ такихъ же, смѣшанныхъ съ пескомъ, на берегу рѣки.

Маленькій осколокъ гранита, обтесанный и округленный водой и волною выброшенный на берегъ. И ему показалось, что онъ по своимъ размѣрамъ и по формѣ пригоденъ для перстня.

Онъ поднялъ его, поднесъ къ перстню и примѣрилъ. Были незначительныя шероховатости, которыя безъ труда сумѣетъ устранить любой мастеръ.

„Пусть такъ и будетъ, — сказалъ себѣ Климентъ: — моя мать все равно ничего не увидитъ. Бѣдняжка, она совсѣмъ утратила зрѣніе. Я скажу ей, что нашелъ тотъ самый камень, что подарилъ ей старецъ, и что въ немъ яснымъ свѣтомъ горитъ звѣзда, и она мнѣ повѣритъ. Я обману ее, но справедливый Богъ видитъ мои чистыя намѣренія и проститъ мнѣ этотъ обманъ“.

Онъ всталъ и пошелъ въ ближайшій городъ и, отыскавъ мастера, попросилъ его вставить въ перстень поднятый имъ на берегу кусочекъ горнаго камня. Съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него мастеръ.

„Это, должно-быть, связано съ какимъ-нибудь незабвеннымъ воспоминаніемъ“, — подумалъ онъ и исполнилъ желаніе Климента.

Климентъ надѣлъ на палецъ перстень съ вставленнымъ въ него камнемъ и отправился въ обратный путь.

Когда онъ среди глубокой ночи пришелъ домой и вошелъ въ хижину, тамъ была тишина. Сквозь небольшое отверстіе въ стѣнѣ въ хижину проникалъ блѣдный свѣтъ мѣсяца, слабо освѣщая постель и недвижно лежавшую на ней женщину.

Скорбная мысль, какъ острая отравленная стрѣла, ударила въ его мозгъ: „Умерла!“

Дрожащими руками онъ нащупалъ свѣтильникъ и хотѣлъ зажечь его, но въ немъ не оказалось ни капли масла, и даже фитиль догорѣлъ до основанія.

Тогда, тихо ступая, онъ приблизился къ постели и, наклонившись, осторожно прикоснулся къ рукѣ матери. Она была тепла. Лидія зашевелилась и приподняла голову.

— Кто это? — едва слышнымъ голосомъ произнесла она. — Неужели это ты, Климентъ, мой сынъ? Такъ, значитъ, я не замѣтила, какъ прошли мѣсяцы, а можетъ-быть, и годы, пока ты исходилъ всю землю и нашелъ драгоцѣнный камень отъ моего перстня.

— Да, я нашелъ его... Вотъ онъ, — сказалъ Климентъ. — Развѣ ты не чувствуешь, дорогая, какъ дивно сіяетъ въ немъ звѣзда, освѣщая нашу скромную хижину и превращая ее въ палату роскошнаго замка?

При этихъ словахъ онъ поднесъ къ ея рукамъ перстень и далъ ей ощупать его. И вдругъ какъ будто милліоны свѣтильниковъ зажглись въ хижинѣ — вся она озарилась яркимъ сіяніемъ.

Въ простомъ камешкѣ, въ осколкѣ гранитной скалы, когда-то выброшенномъ волнами на берегъ рѣки, дивнымъ свѣтомъ загорѣлась звѣзда, и самый камень превратился въ драгоцѣнный сафиръ.

Съ радостнымъ изумленіемъ осматривался вокругъ Климентъ и видѣлъ, что любовь его совершила чудо.

Улыбка счастья озарила мертвенно-блѣдное лицо Лидіи.

— Ты нашелъ его, ты нашелъ, милый мой сынъ. Да будетъ же онъ тебѣ путеводной звѣздой. Да горитъ онъ небеснымъ сіяніемъ, пока въ груди твоей будетъ биться теплое сердце. Да поможетъ онъ тебѣ честно пройти твой путь и мужественно совершить назначенный тебѣ подвигъ жизни: найти твоего отца и просвѣтить его умъ божественной истиной. Вотъ и мои глаза открылись, и ко мнѣ вернулось зрѣніе, чтобы я могла въ послѣдній разъ увидѣть черты твоего дорогого лица. Теперь я могу спокойно умереть.

Она возложила свои руки на его склоненную голову, и руки эти вдругъ похолодѣли. Сердце ея перестало биться.

Климентъ закрылъ глаза матери и, вырывъ могилу неподалеку отъ хижины, съ молитвой похоронилъ въ землю ея останки. Изъ горнаго камня высѣкъ онъ крестъ и поставилъ его надъ могилой.

И до сихъ поръ еще путники останавливаются для отдыха у этого безмолвнаго креста, въ теченіе вѣковъ почернѣвшаго и обросшаго мхомъ.

Самъ же Климентъ пошелъ на сѣверъ и отыскалъ страну, гдѣ властелиномъ былъ его отецъ. Звѣзда, ярко горѣвшая въ его перстнѣ, помогла ему доказать свое происхожденіе.

Усталый отъ битвъ и пировъ и собственной жестокости, преждевременно состарившійся властелинъ нашелъ сладостный отдыхъ на груди такъ чудесно вернувшагося къ нему сына.

Передъ смертью онъ принялъ крещеніе. Климентъ же, вступивъ въ управленіе страной, кротостью и справедливостью привлекъ къ себѣ сердца всѣхъ подданныхъ, и весь народъ пожелалъ присоединиться къ его вѣрѣ.

И былъ счастливъ народъ, и процвѣтала страна подъ его управленіемъ. А въ перстнѣ его никогда не переставала яркимъ сіяніемъ горѣть звѣзда, зажженная его любовью.

Первый русскій импрессіонистъ.

А. И. Куинджи.

Очеркъ **М. Невѣдомскаго.**

(Съ 8 снимками съ картинъ и портретомъ на стр. 21, 23—26, 28 и 33).

Нѣкогда — въ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ XIX столѣтія — имя А. И. Куинджи было боевымъ и, такъ сказать, спорнымъ.

Каждая новая картина его вызывала горячіе дебаты и ожесточенные споры: одни превозносили и восхваляли, радовались и гордились; другіе недоумѣнно пожимали плечами или сердито ворчали, а то и негодовали. Въ тѣ дни Куинджи являлся новаторомъ, былъ, по выраженію Н. Н. Крамского, „ошеломляюще новъ“, пролагалъ пути и открывалъ горизонты. Это была эпоха, когда въ нашей живописи царилъ передвижническій реализмъ, съ его уклономъ въ сторону „протокольности“, съ его специфическимъ и узкимъ пониманіемъ художественной правды.

Сейчасъ для Куинджи уже настала исторія. Каждый судящій о немъ можетъ и долженъ высказываться спокойно и безпристрастно, именно исторически. Его миссія и значеніе въ эволюціи русской живописи вообще и пейзажной нашей живописи въ частности обозначены въ самомъ заглавіи настоящей замѣтки. Онъ пролагалъ у насъ пути импрессіонизму. А вѣдь за протекшее съ той поры тридцатилѣтіе принципъ импрессіонизма завоевалъ и покорилъ всю нашу живопись и пластику вообще. (Да и одну ли пластику? Не то же ли надо сказать и про поэзію?); въ Западной же Европѣ еще со временъ Тернера и Коро искусство неуклонно развивалось подъ знакомъ именно этого принципа. Это уже не только не новшество, а нѣчто уже давно завоеванное, общая база, на которой всѣ строятся. За это тридцатилѣтіе выдвинулись и другіе новые идеи и запросы, искусство обогатилось новыми методами — символизма и стилизаціи: народился вобравшій въ себя эти пріемы неоимпрессіонизмъ (я ужъ не говорю о пѣтушиномъ крикѣ самоновѣйшихъ изъ новаторовъ — „кубистовъ“ и „футуристовъ“).

Но если художникъ и его творчество уже принадлежатъ исторіи, то это совсѣмъ не значитъ, что его произведенія представляютъ лишь историческій или „археологическій“ интересъ, какъ очень часто склонны трактовать вопросъ наши „молодые“.

Во всякомъ подлинномъ произведеніи искусства есть элементы вѣчные.

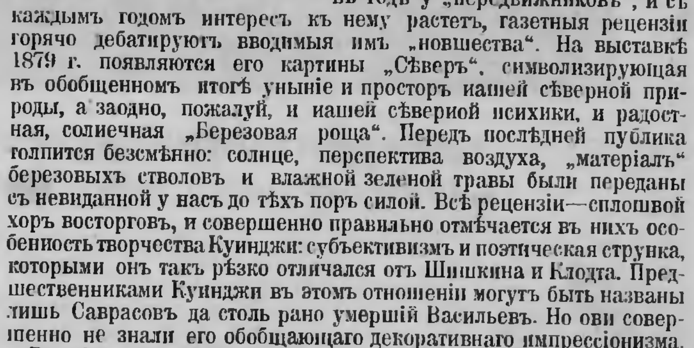
А Куинджи былъ безспорно подлиннымъ художникомъ „Божіей милостью“, — стихійнымъ прирожденнымъ талантомъ.

Серьезное, незабываемое и совершенно своеобразное впечатлѣніе производятъ холсты Куинджи и посейчасъ на всякаго, кто не разучился смотрѣть на художество непосредственно, чей глазъ не подернутъ „катарактой“ ходячаго модернизма. Техника, манера, — словомъ, поверхность произведеній Куинджи, конечно, устарѣлыя, соотвѣтствуютъ вполнѣ тому уровню, на которомъ стояла наша живопись въ „самобытническую“ эпоху 70-хъ годовъ. Не ищите въ нихъ того изящества, того вкуса и „вкусности“, которыми художники наши съ тѣхъ поръ позаимствовались у своихъ старшихъ, западно-европейскихъ собратьевъ. Но зато самая сущность его пейзажа, „варварски“-мощное чувство природы, поэзія просторовъ и далей, игра могучей свѣтотѣни — все это дѣлаетъ картины Куинджи глубоко интересными, независимо отъ „историческаго“ ихъ значенія, какъ первыхъ этаповъ нарождавшагося у насъ импрессіонизма. Печать оригинальности и самобытности лежитъ на всемъ, созданномъ Куинджи. Вы никогда и ни съ кѣмъ его не смѣшаете ни изъ сверстниковъ его ни изъ предшественниковъ или художниковъ позднѣйшихъ поколѣній. Это одно, само по себѣ, уже свидѣтельствуетъ о крупной творческой индивидуальности. У Куинджи свой языкъ, свой, ни съ кѣмъ не сравнимый, душевный складъ и своя „философія“, умѣющая обобщать природу, подводить ей итогъ или намекать зрителю на возможность такого итога. Вотъ почему картины Куинджи не забываются, какъ забываются тысячи картинъ, гораздо изящнѣе и искуснѣе „написанныхъ“...

Какъ самобытно было творчество Куинджи, такъ необычны, безконечно оригинальны были и самъ онъ, какъ человѣкъ, и весь его жизненный путь.

Необычность этого жизненнаго пути породила еще при его жизни немало легендъ и фантастическихъ слуховъ.

Многіе — особенно недоброжелатели его — увѣряли, что въ его біографіи много загадочныхъ, а то и „темныхъ“ страницъ, и строили вздорныя догадки о происхожденіи его славы и богатства. Теперь, благодаря матеріаламъ, собраннымъ и опубликованнымъ учениками Куинджи и членами Общества его имени *), жизнь Куинджи извѣстна, этапъ за этапомъ, отъ дѣтства до самой смерти. Легенды и басни, разумѣется, пали и разсѣялись. Фантастическаго не оказалось ничего. Но отъ этого ничуть не проиграли, а только выиграли какъ самый обликъ этого оригинальнѣйшаго изъ смертныхъ, такъ и значеніе всей его дѣятельности, этого безсмѣннаго служенія единому богу — богу искусства.

Архипъ Ивановичъ Куинджи.

Куинджи родился въ Маріуполѣ въ 1840 г. Отецъ его, по ремеслу сапожникъ, былъ греческаго происхожденія. На шестомъ году мальчикъ теряетъ сначала отца, а вскорѣ и мать. Онъ остается на попеченіи своего старшаго брата Спиридона, а частью и тетки. Дѣтство проходитъ въ нуждѣ: мальчикъ пасетъ гусей, собираетъ кизяки для топки. Грамотѣ обучается въ „вольной школѣ“ учителя-грека, а потомъ въ городской школѣ. Съ 11 лѣтъ служитъ мальчикомъ у хуторянина Чабонеики, а затѣмъ у хлѣботорговца Аморети. Страсть къ рисованію сказывается уже въ эти годы, и наивные цѣнители приходятъ въ восторгъ отъ его „фресокъ“ углемъ на стѣнахъ кухни и отъ карандашныхъ портретовъ въ записной книжкѣ для пріемки кирпича. По совѣту друзей, Аморети посылаетъ 15-лѣтняго юнца за совѣтомъ къ знаменитому земляку Айвазовскому, въ Θеодосію. Вопреки ходячей молвѣ, нашъ извѣстный маринистъ очень мало заинтересовывается судьбой юнаго Куинджи, и за 2—3 лѣтнихъ мѣсяца, проведенныхъ на его виллѣ, мальчикъ получаетъ очень мало „руководящихъ“ указаній: къ „живописи“ онъ прикасается подъ кровомъ Айвазовскаго лишь въ формѣ раскраски забора. Затѣмъ начинается долгая, до самаго конца 60-хъ годовъ длившаяся, работа ради пропитанія въ качествѣ ретушера при фотографіяхъ, сначала въ Маріуполѣ, затѣмъ въ Одессѣ, а съ 1860 года — въ Петербургѣ, куда юноша перебирается въ надеждѣ проникнуть въ Академію Художествъ. Всѣ эти годы Куинджи самоучкой рисуетъ и пишетъ красками. Поступленіе въ Академію долго не дается: два года подъ рядъ держитъ онъ экзаменъ и „проваливается“ изъ-за неудовлетворительнаго рисунка. На третій годъ, одинъ въ своей каморкѣ, онъ принимается за картину „Татарская сакля“; картина выставлена въ Академіи, и автору присуждается званіе „некласснаго художника“. Куинджи проситъ замѣнить его званіемъ вольнослушателя.

И вотъ онъ наконецъ въ 1868 г. — въ Академіи. Доходитъ онъ лишь до натурнаго класса. Въ тѣ годы отрицаніе Академіи съ ея ложно-классицизмомъ и рутиной было распространено среди всей передовой художественной молодежи. Уже работала вольнолюбивая „артель“ вышедшихъ изъ Академіи смѣльчаковъ, и нарождалось „Товарищество передвижныхъ выставокъ“, завладѣвшее вскорѣ общими симпатіями и вниманіемъ.

Девизы демократизма, народности и реализма, выдвинутые новой школой живописи, привлекали всѣ сердца: да и немудрено, ибо въ лицѣ передвижниковъ живопись лишь вступила на тотъ самый путь, по которому давно уже шла наша литература того времени, выражавшая завѣтныя стремленія всей интеллигенціи.

И вотъ Куинджи черезъ Шишкина и Рѣпина сближается съ „передвижниками“. На Академической выставкѣ его картины появлялись съ 1869 по 1873 г. Это еще подражательный, ученическій періодъ. Вліяніе Айвазовскаго и Калама сказывается довольно замѣтно, хотя чувствуется уже собственный мужественный темпераментъ. Съ 1874 года Куинджи — „передвижникъ“ душой и тѣломъ. Онъ дебютируетъ въ качествѣ „экспонента“ „Забытой деревней“, написанной въ „передвижническихъ“ сѣро-бурыхъ тонахъ, дающей впечатлѣніе мѣстности, забытой и людьми и Богомъ. Картина отмѣчена рецензентами, и Куинджи уже составляетъ себѣ имя. Но подлинный и большой успѣхъ имѣетъ картина 1876 г. — „Украинская ночь“. Здѣсь Куинджи впервые выявляетъ всѣ особенности своего таланта — въ передачѣ загадочнаго луннаго освѣщенія и въ чисто импрессіонистической обобщенной концепціи. Эта „ночь“, находящаяся въ Третьяковской галлереѣ, и посейчасъ овладѣваетъ зрителемъ, вызывая въ душѣ и жуткое и поэтическое настроеніе. Въ 1878 г. на Парижской выставкѣ картина эта привлекала наибольшее вниманіе французской критики среди всего, что фигурировало въ русскомъ отдѣлѣ выставки. Произведенія Куинджи появляются изъ года въ годъ у „передвижниковъ“, и съ каждымъ годомъ интересъ къ нему растетъ, газетныя рецензіи горячо дебатируютъ вводимыя имъ „новшества“. На выставкѣ 1879 г. появляются его картины „Сѣверъ“, символизирующая въ обобщенномъ итогѣ уныніе и просторъ нашей сѣверной природы, а заодно, пожалуй, и нашей сѣверной психики, и радостная, солнечная „Березовая роща“. Передъ послѣдней публика толпится безсмѣнно: солнце, перспектива воздуха, „матеріалъ“ березовыхъ стволовъ и влажной зеленой травы были переданы съ невиданной у насъ до тѣхъ поръ силой. Всѣ рецензіи — сплошной хоръ восторговъ, и совершенно правильно отмѣчается въ нихъ особенность творчества Куинджи: субъективизмъ и поэтическая струнка, которыми онъ такъ рѣзко отличался отъ Шишкина и Клодта. Предшественниками Куинджи въ этомъ отношеніи могутъ быть названы лишь Саврасовъ да столь рано умершій Васильевъ. Но они совершенно не знали его обобщающаго декоративнаго импрессіонизма.

Въ 1880 году Куинджи уходитъ изъ „Товарищества“ и выставляетъ одинъ. Первая его самостоятельная выставка становится настоящимъ „событіемъ“. Никогда еще Петербургъ такъ не волновался изъ-за картины, не интересовался такъ живописью, какъ это случилось въ дни, когда въ „Обществѣ Поощренія Художествъ“ на Морской появилась „Ночь на Днѣпрѣ“. Зрители наполняли домъ, сотнями дожидались очереди на лѣстницѣ и у крыльца; кареты стояли длинной вереницей отъ подъѣзда до угла Невскаго и загибали по Невскому до Малой Морской (нынѣ улица Гоголя). Всѣ газеты давали по цѣлому ряду замѣтокъ о картинѣ; въ журналахъ появились статьи о творчествѣ Куинджи. Восторженно отзывались о картинѣ такіе чуткіе зрители, какъ Тургеневъ и Крамской. Картина поражала свѣтовымъ эффектомъ залитой лунными лучами ленты Днѣпра и огоньковъ въ хаткахъ по берегамъ и сіяющей подлиннымъ свѣтомъ луны, плывущей въ облакахъ, которыя растянулись по темному южному ночному небу. А поэзія и живое чувство природы, разлитыя по всей картинѣ, трогали и очаровывали.

*) См. А. И. Куинджи (И. Е. Рѣпинъ — „Куинджи, какъ художникъ“ М. Н. Невѣдомскій — „Біографія-характеристика“): Изд. Общ. имени А. И. Куинджи. СПБ. 1913 г.

Въ 1881 году появилась, опять на отдѣльной выставкѣ, вторая „Березовая роща", съ значительно измѣненнымъ и разработаннымъ по сравненію съ картиной 1879 года мотивомъ лѣсной прогалины, залитой солнцемъ; а въ слѣдующемъ году — „Днѣпръ утромъ", въ нѣжныхъ молочно-бѣлыхъ тонахъ. Это были послѣднія картины, которыя Куинджи выставилъ на судъ публики при его жизни. Въ моментъ, когда была достигнута вершина успѣха и славы, — онъ замолчалъ. Продолжая усиленно работать въ тайнѣ своей мастерской, онъ въ теченіе 30 лѣтъ не выдавалъ этой „тайны" зрителямъ, публикѣ. Послѣ его смерти въ мастерской его оказалось до 30 большихъ картинъ, не говоря уже о безчисленныхъ этюдахъ и эскизахъ. Что побудило художника отказаться отъ общенія съ публикой? — вотъ, пожалуй, единственная загадка, которая осталась да и останется навсегда въ біографіи Куинджи. Тутъ можно строить только предположенія.

И, мнѣ думается, наиболѣе правдоподобнымъ является предположеніе, что новаторъ, пролагатель путей импрессіонизму въ нашей живописи, „но все же по всѣмъ техническимъ навыкамъ своимъ истый „передвижникъ" Куинджи былъ какъ бы врасплохъ застигнутъ тѣмъ переворотомъ въ нашей живописи, который начинается съ 90-хъ годовъ. Замолчалъ онъ съ 82 года. Эпоха 80-хъ годовъ была эпохой всяческихъ сомнѣній и пересмотровъ (вспомнимъ кризисъ, пережитый въ эту годину Л. Толстымъ, а также художникомъ Ге). А затѣмъ, когда подлиннымъ потокомъ хлынули въ наше искусство европейскія вліянія, отъ которыхъ отвертывалось самобытнически настроенное „передвижничество", Куинджи, звавшій, — можетъ-быть, безсознательно, но, въ сущности, вѣдь именно на этотъ путь, — „могъ почувствовать свою техническую отсталость, и въ аскетическомъ заточеніи онъ предался усиленной работѣ надъ своими холстами, переписывая и передѣлывая картины безпрерывно, почти до самой смерти. Если мое предположеніе правильно, то въ загадочномъ „молчаніи" этого уже „сковавшаго" себѣ громкую славу художника надо видѣть свидѣтельство огромной искренности, поистинѣ религіознаго отношенія къ своей миссіи и къ художественному творчеству.

К. Штратманъ (Мюнхенъ). Поклоненіе волхвовъ. Право воспроизведенія разрѣшено авторомъ.

Много ли найдется художниковъ, которые ушли бы отъ „міра" въ подобныхъ условіяхъ?

Матеріально этотъ уходъ былъ возможенъ для Куинджи потому, что добытыя картинами и олеографическими репродукціями съ нихъ средства были очень удачно использованы имъ: въ 1886 г. онъ купилъ огромный запущенный домъ на Васильевскомъ островѣ, продававшійся за-дешево съ торговъ (съ переводомъ долга). Отремонтировавъ зданіе, Куинджи черезъ шесть лѣтъ очень выгодно продалъ эту недвижимость за 385.000 наличными, съ переводомъ долга на покупщика. Эта продажа явилась источникомъ его богатства. Самъ онъ этимъ богатствомъ, можно сказать, не пользовался, ведя почти студенческій образъ жизни: демократизмъ залегъ прочнымъ пластомъ въ его душѣ еще съ юношескихъ лѣтъ, и на себя супруги Куинджи тратили гроши, живя безъ прислуги, въ скромной обстановкѣ. Деньги тратились на помощь нуждающимся, особенно молодымъ художникамъ; а главная часть денегъ пошла на преміи для тѣхъ же художниковъ и на то „Общество", которое основалъ Куинджи въ послѣдніе годы своей жизни (объ Обществѣ я скажу ниже). Въ 1894 г. Куинджи становится преподавателемъ въ реформированной — отчасти подъ его вліяніемъ — Академіи Художествъ и за какіе-нибудь три года воспитываетъ въ своей мастерской цѣлую плеяду выдающихся пейзажистовъ (Рерихъ, Борисовъ, Рыловъ, Рущицъ, Пурвитъ, Богаевскій и др.). Среди обычной у насъ бюрократической атмосферы, которая осталась и въ реформированной Академіи, мастерская Куинджи являлась подлиннымъ оазисомъ: сердечныя, простыя отношенія царили здѣсь между учителемъ и учениками; учитель помогалъ имъ, чѣмъ могъ: и духовнымъ руководительствомъ и средствами въ случаѣ нужды; стоялъ за нихъ горой при всякихъ столкновеніяхъ съ начальствомъ и т. д. Съ любовью и благодарностью вспоминаютъ ученики Куинджи объ этихъ годахъ, проведенныхъ въ его мастерской. Но студенческая исторія, разыгравшаяся въ 1897 г., положила конецъ преподавательской дѣятельности Куинджи. Повелѣніемъ Президента Академіи Великаго Князя Владиміра Александровича

Куинджи былъ „въ 24 часа" исключенъ изъ состава преподавателей (хотя вся роль его въ этой исторіи сводилась только къ попыткамъ успокоить молодежь, взволнованную оскорбленіемъ, которое нанесено было одному изъ учениковъ ректоромъ Томишко). Тяжело отозвался этотъ неожиданный ударъ на влюбленномъ въ свою мастерскую учителѣ. Связи съ молодежью онъ однако не порвалъ. Черезъ годъ онъ повезъ на свои средства 12 учениковъ въ Европу для изученія памятниковъ искусства. Въ 1899 году кружокъ его учениковъ, подъ его ближайшимъ руководствомъ, становится ядромъ „Весенней выставки". Духъ объединенія, духъ солидарности — вотъ что хочетъ воспитать въ молодежи Куинджи, и именно этими цѣлями задавалась въ тѣ годы упомянутая выставка, чуждавшаяся всякаго направленства. Объединеніе работниковъ на поприщѣ искусства, моральная солидарность ихъ и взаимопомощь — подъ такимъ лозунгомъ проходитъ вся дѣятельность Куинджи за послѣднее десятилѣтіе его жизни. Послѣ неудачи, постигшей попытку съ „Весенней выставкой" (часть экспонентовъ ушла, недовольная и зависимостью отъ Академіи и отсутствіемъ направленія), Куинджи пытается создать объединяющій центръ изъ кружка понедѣльниковъ. Но здѣсь его постигаетъ еще горшая неудача: раздоры и свара, задѣтыя честолюбія и самолюбія приводятъ къ уходу Куинджи вмѣстѣ съ 30-ю его единомышленниками (послѣ клеветнической газетной статьи, написанной однимъ изъ членовъ кружка). Но эти неудачи не сломили желѣзной энергіи и стихійнаго упорства „объединителя". Всего за годъ передъ смертью, полубольной (болѣзнь сердца, сведшая его въ могилу, года три уже давала себя знать), онъ основываетъ „Общество", имѣющее объединить всѣ существующіе кружки и организаціи художниковъ, и отдаетъ ему часть своихъ денегъ и пріобрѣтенную въ Крыму землю. Въ духовномъ завѣщаніи онъ передаетъ этой организаціи, назвавшей себя въ его честь „Обществомъ имени А. И. Кунджи", всѣ свои средства и всѣ оставшіеся въ его мастерской картины и этюды. Задача общества, по мысли Куинджи, — во-первыхъ, духовное объединеніе, во-вторыхъ — матеріальная помощь начинающимъ художникамъ. Этимъ путемъ онъ надѣялся спасти талантливую молодежь отъ необходимости подчиняться гибельнымъ условіямъ рынка, надѣялся вообще передать въ руки самихъ художниковъ дѣло искусства въ Россіи. „Своя Академія будетъ!" — мечталъ онъ, какъ передаетъ въ своихъ запискахъ покойный К. Я. Крыжицкій. Умеръ Куинджи на 68-мъ году своей жизни 11 іюля 1910 г.

Такова въ основаніи своихъ линій біографія Куинджи. Чудесъ, какъ видитъ читатель, въ ней нѣтъ, кромѣ одного, впрочемъ: удивительнаго результата, къ которому приводятъ такихъ „самоучекъ", такихъ не ограненныхъ культурою людей подлинное призваніе и религіозное служеніе ему.

Объ оригинальныхъ чертахъ Куинджи, какъ человѣка, распространяться не буду. Всѣмъ извѣстны его милыя чудачества съ кормленіемъ птицъ, его буйная неукротимая энергія, съ которой онъ, не считаясь ни съ какими „правилами", обрушивался на каждаго, посягавшаго, по его мнѣнію, на судьбу русскаго искусства или художественной молодежи (анекдотовъ о его дѣятельности въ Совѣтѣ Академіи, членомъ котораго онъ состоялъ до смерти, ходитъ по рукамъ великое множество); всѣмъ извѣстна и его широкая благотворительность, которую онъ объяснялъ такимъ изреченіемъ: „Съ дѣтства привыкъ, что я сильнѣе, и помогать долженъ."

Самъ „своимъ умомъ" до всего доходившій, мало образованный, почти не признававшій книжки, этотъ богато одаренный человѣкъ сумѣлъ оставить глубокій слѣдъ не только въ нашей живописи своими открытіями по части импрессіонистической передачи свѣта и пространства, но и всей общественной своей дѣятельностью, направленной на пользу родного искусства и художественной молодежи.

Говоря о чисто-художественномъ наслѣдствѣ, оставленномъ намъ Куинджи, необходимо упомянуть, что обстоятельства сложились здѣсь крайне несчастливо. Вслѣдствіе плохого качества красокъ, бывшихъ въ ходу въ 70-хъ годахъ, картины того времени страшно почернѣли, а Куинджи, вдобавокъ, допускалъ такія смѣшенія красокъ, которыя, можно сказать, погубили весь колоритъ его картинъ того времени. Почти всѣ произведенія Куинджи „передвижническаго" періода хранятся сейчасъ въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ — и вотъ лучшія свѣтовыя достиженія его померкли до неузнаваемости подъ бурымъ флеромъ (особенно надо это помнить относительно „Березовой рощи", которая нѣкогда радовала глазъ именно свѣжестью и чистотой красокъ). Это касается старыхъ картинъ. Позднѣйшія же произведенія, которыя публика увидѣла лишь послѣ смерти автора на выставкахъ, устроенныхъ Обществомъ его имени, — подвергались, какъ я указывалъ, неоднократной переработкѣ, такъ и не доведенной въ иныхъ случаяхъ до конца (такъ, наиболѣе широкая по захвату вещь, исполненная чисто-космическаго настроенія: „Туманъ на морѣ" — вся затерта бѣлилами, и достоинства картины лишь проглядываютъ — опять-таки сквозь флеръ, на этотъ разъ бѣлый).

Воспроизводимые здѣсь въ краскахъ снимки сдѣланы съ двухъ „посмертныхъ" произведеній Куинджи: „Эффектъ зимняго заката въ лѣсу" представляетъ эскизъ, переработкѣ не подвергавшійся, и даетъ понятіе о смѣлости этого прирожденнаго колориста и импрессіониста. Картина „Закатъ въ Малороссіи" подверглась, по свидѣтельству друзей Куинджи, значительной переработкѣ послѣ 1900 года: но и здѣсь могучая игра свѣта и тѣней и чудесно уловленный розовый отблескъ, которымъ рдѣетъ известь хатокъ, знакомятъ съ тѣмъ „варварски"-мощнымъ чувствомъ природы, которымъ обладалъ этотъ „солнце-поклонникъ", этотъ пѣвецъ „свѣта и просторовъ". Черные снимки воспроизводятъ картины „передвижническаго" періода, находящіяся въ галлереѣ Третьякова, и знаменитую „Ночь на Днѣпрѣ", создавшую славу зачинателю нашего импрессіонизма въ живописи.

Рабиндранатъ Тагоръ.

Очеркъ Зин. Львовскаго.

Еще недавно это имя не было извѣстно, — вѣрнѣе, оно было совсѣмъ неизвѣстно. Въ концѣ истекшаго года телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что премія Нобеля по литературѣ присуждена англо-индусскому поэту и писателю Рабиндранату (Рабиндра-нату) Тагору. Русская литература о Тагорѣ крайне скудна. Въ Западной же Европѣ о немъ говорятъ очень много, а въ Индіи на него молятся въ буквальномъ смыслѣ слова.

Біографическія свѣдѣнія о Тагорѣ очень кратки. Онъ родился въ 1861 году, въ Калькуттѣ. Выдвинулся онъ одновременно, какъ музыкантъ и поэтъ. Его первымъ значительнымъ произведеніемъ явилась опера, написанная имъ 18-ти лѣтъ отъ роду. Послѣ того онъ написалъ много романовъ, повѣстей, новеллъ, поэмъ и наконецъ „Джитанджали", — сборникъ поэмъ, который принесъ автору всеобщее признаніе и поклоненіе. Этотъ же сборникъ главнымъ образомъ способствовалъ присужденію ему преміи Нобеля. Тагоръ лично перевелъ „Джитанджали" („Жертвоприношеніе пѣснями") на англійскій языкъ, и успѣхъ книги былъ такъ великъ, что менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ разошлись три изданія.

Книга вышла съ предисловіемъ извѣстнаго художника и критика Вильяма Ротенштейна, которому принадлежитъ честь „открытія" Рабиндраната Тагора. Онъ познакомился съ индусомъ и его произведеніями во время путешествія по Индіи, предложилъ Тагору съѣздить въ Европу и тамъ издать свои произведенія. Тагоръ побывалъ въ Лондонѣ, затѣмъ въ Парижѣ, гдѣ принималъ участіе въ засѣданіяхъ Конгресса Религій.

Второе предисловіе написано выдающимся, къ сожалѣнію, у насъ мало извѣстнымъ ирландскимъ поэтомъ В. В. Итсомъ. Авторъ, между прочимъ, разсказываетъ про свою бесѣду съ однимъ индусомъ, получившимъ европейское образованіе и докторомъ медицины по профессіи. Докторъ не выразилъ никакого удивленія по поводу того успѣха, который выпалъ на долю его соотечественника. Разсказъ доктора до того интересенъ, что я считаю необходимымъ привести нѣкоторыя выдержки:

„Я каждый день читаю Рабиндраната. Стихи его заставляютъ меня забыть про всѣ горести, которыя выпадаютъ на долю каждаго изъ насъ. У насъ много другихъ великихъ поэтовъ, но никому изъ нихъ не сравниться съ Рабиндранатомъ. По нѣмому общему соглашенію мы назвали наше время „эпохой Рабиндраната". Безъ преувеличенія могу сказать, что ни единый европейскій поэтъ не пользуется у себя на родинѣ такимъ почитаніемъ, какъ у насъ Рабиндранатъ. Онъ одинаково великъ, какъ поэтъ и какъ музыкантъ, и его стихи распѣваютъ 50.000.000 человѣкъ, отъ Западной Индіи до Бирманіи, повсюду, гдѣ говорятъ на языкѣ „бенгали". Онъ прославился уже 19-ти лѣтъ отъ роду, тотчасъ же послѣ того, какъ написалъ свой первый романъ. Въ Калькуттѣ еще играютъ его юношескія драмы. Въ возрастѣ отъ 25 до 35 лѣтъ, быть-можетъ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ и горестныхъ переживаній, онъ написалъ лучшія произведенія на нашемъ языкѣ.

„Онъ — первый и единственный изъ нашихъ святыхъ, который не презрѣлъ жизнь, но, напротивъ, возлюбилъ и воспѣлъ ее, и вотъ почему народъ нашъ такъ любитъ его... Сравнительно недавно ему пришлось читать свои божественныя поэмы въ одномъ изъ самыхъ большихъ нашихъ храмовъ, въ Калькуттѣ, и скопленіе молящихся было до того велико, что оказались запруженными и закрытыми для прохода и проѣзда всѣ прилегающія улицы... Какъ бы я ни старался, я не могъ бы передать вамъ про любовь нашу къ Рабиндранату..."

Другой индусъ разсказываетъ:

„Я сообщаю вамъ то, что неоднократно видѣлъ собственными глазами. Ежедневно около трехъ часовъ утра онъ усаживается на землю и лишь по истеченіи нѣсколькихъ часовъ выходитъ изъ состоянія задумчивости и созерцанія. Въ этомъ отношеніи онъ похожъ на своего отца Мага-Риши, который нерѣдко въ подобномъ состояніи оставался съ утра до вечера, отъ восхода до захода солнца. Однажды, находясь на рѣкѣ, больше обычнаго пораженный красотой Божьяго міра, Мага-Риши упалъ на колѣни и долго оставался въ такомъ положеніи. Гребцы продержались на одномъ мѣстѣ больше 8 часовъ, не смѣя нарушить молитвеннаго состоянія своего господина.

Къ 100-лѣтію Императорской Публичной Библіотеки. Изъ собранія Библіотеки. Страница Остромирова Евангелія — древнѣйшей рукописи Кирилловскаго начертанія 1056—57 гг. По фот. К. Глыбовской.

„Родъ Тагора далъ намъ уже много выдающихся личностей. Гогонендранатъ и Абининдранатъ — прославленные артисты. Движендранатъ, братъ поэта,—великій философъ. Очевидцы разсказываютъ, что съ деревьевъ спускаются бѣлки и усаживаются на его колѣняхъ; птицы часто отдыхаютъ на его плечахъ...“

Итсъ продолжаетъ:

„Я не разстаюсь съ книгой Тагора. Она со мной въ поѣздѣ, въ вагонѣ трамвая, въ ресторанѣ.—повсюду, и мнѣ часто приходится прекращать чтеніе для того, чтобы не обнаружить предъ посторонними, до чего я взволнованъ и потрясенъ. Его поэмы, прекрасныя и ритмичныя въ оригиналѣ, почти не поддаются переводу,—даже переводу самого автора. Читая ихъ, я уношусь въ міръ, о которомъ мечталъ всю жизнь, о которомъ мечтаетъ каждый изъ насъ. Продукты утонченнѣйшей культуры, онѣ въ то же время кажутся выросшими изъ почвы, подобно травѣ или камышу...“

Поэмы Тагора читаются очень медленно, громко, нараспѣвъ, и только при этихъ условіяхъ можно почувствовать всю красоту, весь ароматъ каждой строфы, каждаго слова. Поэмы Тагора распѣваются, при чемъ слова и мелодіи до того связаны, что кажутся однимъ цѣлымъ, — подобно бумагѣ и буквамъ, на ней напечатаннымъ. Конечно, ихъ можно раздѣлить, но съ большимъ ущербомъ какъ для текста, такъ и для мелодіи. Нѣкоторыя поэмы поютъ при восходѣ солнца, другія—при заходѣ или же въ полдень. Имѣются поэмы для всѣхъ временъ года, для всѣхъ случаевъ жизни.

Рабиндранатъ Тагоръ—оптимистъ и пантеистъ въ лучшемъ значеніи этихъ словъ. Жизнь — прекрасна, и столь же прекрасно все въ ней. Прекрасна расцвѣтшая роза, прелестна и дѣвочка, протягивающая ручку за подаяніемъ. Неизвѣстно, что̀ чудеснѣе: зрѣлище заходящаго солнца, или тощій, съ горящимъ взоромъ пилигримъ...

Нѣсколько стихотвореній въ прозѣ дадутъ читателю нѣкоторое, хоть и далеко не полное представленіе о творчествѣ Рабиндраната Тагора:

1. Ты создалъ меня безграничнымъ, ибо такова была Твоя воля! Безъ конца Ты опорожняешь хрупкую чашу и снова наполняешь ее свѣтлой, чистой жизнью.

Ты вознесъ поверхъ холмовъ и долинъ маленькую камышевую флейту и напѣваешь на ней безсмертныя новыя пѣсни.

Подъ чудеснымъ прикосновеніемъ Твоихъ рукъ, трепеща отъ радости, безпредѣльно ширится мое бѣдное сердце и изливается въ нечленораздѣльныхъ звукахъ благодарности къ Тебѣ.

На мои протянутыя впередъ руки падаютъ неисчислимыя благодѣянія Твои. Годы проходятъ и уходятъ,—Ты осыпаешь меня дарами, а въ хрупкой вазѣ свѣтлая жидкость все же не переходитъ черезъ край.

2. Онъ пришелъ и сѣлъ рядомъ со мной, но я не проснулся... О, какой проклятый сонъ!

Онъ пришелъ ко мнѣ въ покойную, тихую ночь. Онъ пришелъ съ лирой въ рукѣ, и сонъ мой украсился отзвуками Его пѣсенъ.

Увы! Безполезно проходятъ мои ночи... Почему я не вижу наяву Того, чье дыханіе стелется надъ моимъ сномъ?

3. Когда Ты былъ сверстникомъ моихъ игръ и забавъ, я никогда не спрашивалъ себя: кто Ты? Я не зналъ ни робости ни страха, шумна была моя жизнь!

Какъ добрый товарищъ, Ты будилъ меня по утрамъ, на зарѣ, и вслѣдъ за мной носился съ лужайки на лужайку.

Въ тѣ дни я не спрашивалъ себя, что̀ въ Твоихъ пѣсняхъ, но мой слухъ улавливалъ напѣвы, и сердце мое билось въ тактъ имъ.

Давно миновали времена дѣтскихъ игръ, — и что̀ же теперь открывается моему взору? Весь міръ, опустивъ глаза къ ногамъ Твоимъ, замеръ въ страхѣ и уваженіи къ Тебѣ.

4. Смерть, служанка Твоя, стучится въ мою дверь...

Она перешла невѣдомыя моря для того, чтобы принести мнѣ велѣніе Твое...

Ночь непроглядно-черна, въ испугѣ бьется и мечется сердце,—но все же я возьму свѣтильникъ, отворю дверь и, низко кланяясь, скажу: „Добро пожаловать!“

Я подчинюсь, со скрещенными на груди руками, со слезами на глазахъ,—я подчинюсь, сложивъ къ ногамъ ея всѣ сокровища моего сердца.

Исполнивъ повелѣніе Твое, она уйдетъ,—она уйдетъ, оставивъ черную тѣнь на блескѣ утра моего и — послѣднее приношеніе Тебѣ — мой трупъ!

Изъ „Жертвоприношенія пѣснями“.

1. О повелитель, я не въ состояніи различить всѣ оттѣнки твоего голоса.

Я слушаю тебя въ молчаніи, точно зачарованный.

Къ 100-лѣтію Императорской Публичной Библіотеки. Изъ собранія Библіотеки. Остромирово Евангеліе. Окладъ изъ массивнаго серебра, позолоченный, украшенный крупными самоцвѣтными камнями, сдѣланъ на средства, пожертвованныя П. В. Голубковымъ. По фот. К. Глыбовской.

Свѣтъ напѣвовъ твоихъ заливаетъ пламенемъ весь міръ, дыханіе напѣвовъ твоихъ разсѣкаетъ небеса, священный громъ напѣвовъ твоихъ разрушаетъ, сметаетъ всѣ препятствія съ пути.

Къ тебѣ стремится мое сердце, желая слиться съ волнами твоихъ пѣсенъ, но тщетно... Я хочу говорить, но слова не претворяются въ пѣснь, и, смущенный, я только кричу:

О властелинъ мой! Мое сердце плѣнено, — плѣнено тончайшими нитями напѣвовъ твоихъ.

2. Я не пѣлъ еще о томъ, зачѣмъ я здѣсь.

Всѣ дни жизни моей я провожу въ томъ, что настраиваю и разстраиваю лиру, которую ты далъ мнѣ.

Еще не пришелъ часъ. Еще не сказаны слова, — и въ сердцѣ моемъ только тоска.

Еще не раскрылись цвѣты,—лишь вѣтеръ вздыхаетъ надъ ними и кружитъ безъ конца.

Я еще не узрѣлъ его лика, я еще не слыхалъ его голоса,—я слышалъ лишь его легкіе шаги подъ окномъ, на дорогѣ.

День жизни прошелъ въ томъ, что я готовилъ тронъ для него.

Еще не зажженъ свѣтъ, и я не могу еще пригласить его.

Я живу въ надеждѣ увидѣть его, встрѣтить его, — но встрѣча эта такъ далека...

3. Когда ты молчишь, сердце мое полнится тишиной, и я мечтаю о томъ, чтобы продлить эту тишину.

Недвижный, я жду момента, когда затканная звѣздами ночь неторопливо опуститъ свою голову на нашъ міръ.

Я знаю,—придетъ заря, исчезнетъ мракъ, и голосъ твой золотыми потоками заструится по небесамъ.

Тогда слова и пѣсни твои найдутъ крылья въ гнѣздахъ птицъ и чудесными цвѣтами разсыплются по полямъ и лѣсамъ.

4. Другъ мой, готовъ ли ты въ Путь Любви въ эту страшную грозовую ночь?

Полно отчаянія, стонетъ и плачетъ небо...

Другъ мой, я не могу уснуть въ эту ночь.

Я неустанно отворяю дверь и гляжу во мракъ, но не вижу ничего,—даже тропинки.

Скажи мнѣ, другъ мой,—вдоль какого мрачнаго берега черной рѣки, вдоль какой лужайки угрюмаго, печальнаго лѣса, вдоль какихъ извилистыхъ дорожекъ отчаянія ты устремляешь ко мнѣ бѣгъ свой въ ночи?

Столѣтіе Императорской Публичной Библіотеки.

Очеркъ П. В. Быкова.

(Окончаніе).

Два года затѣмъ, по возвращеніи книгъ и рукописей въ Петербургъ, Библіотека приводилась въ порядокъ и только 2 января 1814 года была открыта для публики, при чемъ посѣтители допускались лишь три раза въ недѣлю. Все болѣе и болѣе обогащалась Библіотека собраніями книгъ, жертвовавшимися владѣльцами или покупаемыми у нихъ; одно перечисленіе такихъ пріобрѣтеній заняло бы много листовъ, а потому скажемъ только, что книги, рукописи, гравюры и т. д. шли изъ Европы и съ Востока, откуда, благодаря успѣхамъ русскаго оружія, было доставлено въ Библіотеку не мало трофеевъ въ видѣ книгъ и разныхъ документовъ, добытыхъ въ мечетяхъ. Въ 1829 году внукъ шаха персидскаго принцъ Хозревъ-мирза поднесъ императору Николаю Павловичу богатое собраніе историческихъ сочиненій и твореній знаменитыхъ персидскихъ поэтовъ, которые императоръ и передалъ въ Библіотеку. Затѣмъ въ 1831—1834 гг. всѣ рѣдкія роскошныя изданія изъ Библіотеки упраздненной іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ перешли въ наше книгохранилище, а также книги и рукописи изъ библіотекъ Сапѣги и гр. Ржевусскаго и изъ замѣчательнаго собранія князей Чарторійскихъ изъ Пулавъ, перешедшихъ въ казну послѣ польскаго возстанія. При Оленинѣ были произведены и капитальныя пристройки къ главному корпусу библіотечнаго зданія. Это было сдѣлано въ 1828 году, по повелѣнію императора Николая, архитекторомъ К. И. Росси, большимъ эстетикомъ. Проектируя великолѣпный фасадъ, который долженъ былъ декорировать Александринскую площадь, архитекторъ увлекся и ради этого пожертвовалъ внутренними удобствами Библіотеки: въ залахъ стало темно, такъ какъ верхнія окна были задѣланы и на ихъ мѣсто поставлены барельефы: лѣтъ тридцать въ залахъ царила полутьма, пока, по Высочайшему повелѣнію, уже въ шестидесятыхъ годахъ, не были убраны барельефы и не возстановлены окна.

Сидятъ за столомъ слѣва направо: 1) П. Н. Рекшинскій, юрисконсультъ министерства. 2) П. Д. Мордухай-Болтовской, юрисконсультъ министерства. 3) Вице-директоръ I департамента А. В. Лядовъ. 4) Директоръ I департамента П. Н. Милютинъ. 5) Товарищъ министра Н. Д. Чаплинъ. 6) Товарищъ министра Алекс. Н. Веревкинъ. 7) Министръ юстиціи статсъ-секретарь И. Г. Щегловитовъ. 8) Товарищъ министра И. И. Ильященко. 9) Директоръ II департамента Д. А. Живковичъ. 10) П. Г. Лошкаревъ, старшій предсѣдатель Харьковской судебной палаты. 11) А. И. Зайцевъ, вице-директоръ II департамента. 12) Андр. Н. Веревкинъ, вице-директоръ II департамента.

Группа предсѣдателей Съѣздовъ мировыхъ судей десяти губерній (Харьковской, Екатеринославской, Курской, Полтавской, Черниговской, Кіевской, Волынской, Подольской, Херсонской и Таврической), въ которыхъ введена съ 1 января с. г. реформа мѣстнаго суда. Руководителей мѣстнаго суда, собравшихся въ Петербургѣ, привѣтствовали министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ вмѣстѣ съ своими товарищами и прочими высшими чинами судебнаго вѣдомства. По фот. К. Булла.

Въ 1843 году Оленинъ умеръ, проработавъ на пользу нашего книгохранилища ровно тридцать пять лѣтъ, и преемникомъ его сдѣлался Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, членъ Государственнаго Совѣта, бывшій кавалергардъ, флигель-адъютантъ императора Александра Павловича, участникъ войнъ Отечественной и турецкой (1829), авторъ многихъ сочиненій на русскомъ и инстранныхъ языкахъ. Онъ оказался чрезвычайно дѣятельнымъ директоромъ. Немедленно озаботился составленіемъ каталоговъ, привелъ въ образцовый порядокъ рукописное отдѣленіе и содѣйствовалъ приращенію Библіотеки. За время его управленія Библіотека получила въ даръ отъ купеческаго сына С. Ѳ. Соловьева богатое собраніе древнѣйшихъ книгъ церковно-славянской печати, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ, пріобрѣтенныхъ имъ у наслѣдниковъ Кастерина, усерднаго коллекціонера старопечатныхъ книгъ. Бутурлинъ ввелъ также новые порядки въ Библіотекѣ для посѣтителей ея, а именно гостепріимно раскрывалъ двери книгохранилища не по три раза въ недѣлю, а ежедневно, не выключая и праздничныхъ дней. Но относительно выдачи книгъ онъ оказался куда суровѣе своего предшественника. Характерно его распоряженіе относительно выдачи книгъ. „Если многіе читатели, —говорилъ въ своемъ предписаніи Бутурлинъ:—будутъ требовать книгу, которой одинъ только экземпляръ находится въ библіотекѣ, то оную получаетъ напередъ тотъ, кто имѣетъ въ ней нужду по своему званію“. Однажды, увидѣвъ въ читальной залѣ посѣтителя въ пальто и калошахъ, онъ въ тотъ же день распорядился вывѣсить слѣдующее объявленіе: „По отмѣнной теплотѣ комнатъ библіотеки даже въ самое холодное зимнее время, посѣтители обязаны оставлять шинели, плащи, салопы и бекеши у сторожа въ сѣняхъ; исключеніе допускаю лишь для „холодныхъ сюртуковъ“, а непристойно одѣтые не войдутъ въ библіотеку“. Онъ же добился запрещенія учащимся посѣщать Библіотеку и обставилъ особенными строгостями занятія въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки, во избѣжаніе порчи рукописей и воровства, въ которомъ нынѣ и при отличныхъ порядкахъ Библіотеки изощряются многіе посѣтители читальной залы.

Бутурлинъ былъ директоромъ Публичной Библіотеки всего шесть лѣтъ. По смерти его, послѣдовавшей въ октябрѣ 1849 года, директоромъ ея назначенъ былъ баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, не только какъ государственный дѣятель подвизавшійся блистательно на служебномъ поприщѣ, но и въ качествѣ ученаго обогатившій науку цѣнными вкладами, авторъ капитальнаго труда „Жизнь графа Сперанскаго“ и цѣлаго ряда историческихъ сочиненій. Съ его директорствомъ всѣ злоключенія Публичной Библіотеки заканчиваются, и начинается свѣтлый періодъ ея существованія. Дѣло каталогизаціи двинуто значительно впередъ, публикѣ предоставлены всѣ удобства для пользованія сокровищами нашего богатѣйшаго книгохранилища. По почину бар. Корфа, императоръ принялъ Библіотеку въ свое ближайшее вѣдѣніе: въ февралѣ 1850 г. она отчислена отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и вошла въ составъ Министерства Императорскаго Двора; власть директора значительно расширилась, и ему дано право непосредственно сноситься со всѣми вѣдомствами и представлять доклады государю чрезъ министра Императорскаго Двора. Вмѣстѣ съ тѣмъ было утверждено новое положеніе о Библіотекѣ. При баронѣ Корфѣ возросли въ значительной степени ея средства: было испрошено пособіе въ 20.000 рублей, притекло болѣе 50.000 рублей, пожертвованныхъ И. Ф. Базилевскимъ, П. В. Голубковымъ, П. А. Демидовымъ, И. Н. Латкинымъ, гр. А. Ѳ. Ростопчинымъ, кн. Н. А. Орловымъ, В. А. Кокоревымъ, извѣстнымъ историкомъ М. П. Погодинымъ и другими. Кромѣ того, баронъ Корфъ ввелъ продажу дублетовъ съ аукціона, что̀ также давало доходъ.

Что̀ касается увеличенія содержимаго Библіотеки, то и здѣсь баронъ Корфъ хлопоталъ неустанно и сдѣлалъ очень много. Дозволено было перенести въ Библіотеку много спеціальныхъ книгъ и рукописей самыхъ рѣдчайшихъ изъ Эрмитажной библіотеки, пріобрѣтены: богатѣйшее „древлехранилище“ Погодина, состоявшее изъ книгъ, документовъ, церковно-славянскихъ рукописей, портретовъ, гравюръ и пр., богатое собраніе книгъ П. Ѳ. Коробанова, собиравшаго все, что̀ печаталось при Петрѣ I, собраніе рукописей извѣстнаго ученаго, академика Ф. П. Аделунга, коллекція палимпсестовъ и греческихъ рукописей лейпцигскаго профессора Тишендорфа, богатѣйшіе еврейскіе манускрипты Фирковича, около 15.000 гравированныхъ портретовъ, собранныхъ однимъ изъ артистовъ петербургской труппы нѣмецкаго театра, коллекція восточныхъ рукописей Д. И. Долгорукаго, бывшаго нашего посланника въ Персіи и пр. Затѣмъ цѣнныя разнообразныя собранія пожертвованы наслѣдницами гр. М. Ю. Віельгорскаго, А. Я. Лобановымъ-Ростовскимъ (множество портретовъ Петра Великаго и болѣе 1.000 томовъ книгъ), Н. И. Гречемъ, извѣстнымъ писателемъ и издателемъ „Сѣверной Пчелы“, Владиміромъ Ивановичемъ Далемъ, знаменитымъ нашимъ литературнымъ дѣятелемъ, авторомъ „Толковаго словаря живого великорусскаго языка“, востоковѣдомъ Х. Я. Лазаревымъ, библіографомъ А. Н. Неустроевымъ, гр. Кушелевымъ-Безбородко, директоромъ лицея его имени, и мн. др. Бар. Корфъ съ цѣлью умноженія книгохранилища нерѣдко ѣздилъ за границу, посѣщая антикваровъ, ученыхъ, писателей, и давалъ командировки для ученыхъ изысканій библіотекарямъ Б. А. Дорну, Э. Г. Муральту, Ѳ. А. Вальтеру, М. Ѳ. Поссельту, К. А. Беккеру, В. И. Собольщикову, А. Д. Ивановскому. Важную услугу оказалъ бар. Корфъ дѣлу нашего образованія, учредивъ въ Библіотекѣ особое отдѣленіе иноязычныхъ книгъ о Россіи, такъ называемое „Rossica“, которое, по выраженію позднѣйшаго директора Публичной Библіотеки, „росло, какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ“.

Рѣшительно обновивъ и преобразовавъ Библіотеку, бар. Корфъ сталъ съ 1850 года печатать ея отчеты, издалъ путеводитель по книгохранилищу, перепечаталъ первыя русскія Вѣдомости 1703 г. и цѣлый рядъ рѣдкихъ книгъ, памятниковъ старины. Въ первый годъ его директорства было выдано билетовъ для занятій въ читальной залѣ Библіотеки около 900, а спустя девять лѣтъ число ихъ увеличилось до четырехъ тысячъ слишкомъ. Въ 1851 и 1852 гг. снова сдѣланы въ Библіотекѣ капитальныя перестройки, введено пневматическое отопленіе; въ 1857 году расширена и заново отдѣлана зала инкунаболовъ и нѣкоторыя другія помѣщенія. Число посѣтителей книгохранилища росло непомѣрно, и читальная зала сдѣлалась до-нельзя тѣсной. Стараніями бар. Корфа выхлопотана ассигновка на сооруженіе новой залы. 29 іюня 1860 г. съ особенной торжественностью состоялась закладка зданія новой читальной залы, которая помѣстилась въ бельэтажѣ Библіотеки и была окончена 4 ноября 1862 года. Вообще директорство бар. Корфа представляетъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи нашего книгохранилища. Помощникомъ бар. Корфа былъ извѣстный писатель князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, беллетристъ, превосходный дѣтскій разсказчикъ, человѣкъ съ разносторонними талантами, писавшій также много по музыкѣ и занимавшій до самой кончины (1869 г.) должность директора Русскаго Музыкальнаго Общества въ Москвѣ.

Призванный 6 декабря 1861 года на болѣе важный государственный постъ, баронъ Корфъ оставилъ свое любимое дѣтище. Спустя десять дней послѣ его новаго назначенія, состоялось Высочайшее повелѣніе, которымъ та зала въ Публичной Библіотекѣ, гдѣ находится отдѣленіе „Rossica“ съ иноязычными книгами о Россіи, созданное бар. Корфомъ, наименована „залою барона Корфа“. Въ ней помѣщенъ и портретъ его, работы академика Горбунова, заказанный тогдашними сослуживцами незабвеннаго директора.

Членъ Государственнаго Совѣта генералъ-отъ-инфантеріи Н. И. Гродековъ, сподвижникъ М. Д. Скобелева, герой Хивинскаго похода (1873 г.), завоевавшій огромныя заслуги своей продолжительной военной и административной дѣятельностью на Дальнемъ Востокѣ — въ Ферганской области, Туркестанѣ, Афганистанѣ и Пріамурьѣ. (1843—1913).

Его постъ занялъ Иванъ Давыдовичъ Деляновъ, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія, а тогда попечитель петербургскаго учебнаго округа. Онъ продолжалъ дѣло барона Корфа, и Библіотека обязана ему многимъ, но, одновременно занимая разныя отвѣтственныя должности, онъ естественно не могъ сосредоточить на Библіотекѣ все свое вниманіе. При немъ состоялось открытіе новой читальни. Постройкой новой залы не кончились еще перестройки Библіотеки. Онѣ возобновлялись нѣсколько разъ и преимущественно имѣли цѣлью противопожарныя приспособленія.

При Деляновѣ все зданіе Публичной Библіотеки занимало площадь въ двадцать тысячъ слишкомъ квадратныхъ футовъ, и протяженіе всѣхъ фасадовъ равнялось 625 футамъ, при высотѣ въ 64 фута. Длина всѣхъ книжныхъ полокъ, если бы ихъ вытянули въ одну линію, простиралась бы до двадцати верстъ. А если бы кто-нибудь пожелалъ сколько-нибудь внимательно прочитать содержимое этихъ полокъ, то такому человѣку надо было бы прожить болѣе ста лѣтъ, при чемъ онъ долженъ былъ бы заниматься день и ночь безъ отдыха.

Иванъ Давыдовичъ Деляновъ занималъ постъ директора Библіотеки около двадцати лѣтъ. Назначенный въ 1882 году министромъ народнаго просвѣщенія, онъ уступилъ свой постъ извѣстному изслѣдователю русской письменности и литературы, академику Аѳанасію Ѳедоровичу Бычкову. Работа по обогащенію нашего книгохранилища продолжалось также и при немъ, въ чемъ дѣятельно помогали ему такіе просвѣщенные, талантливые дѣятели, какъ его помощникъ—Леонидъ Николаевичъ Майковъ, историкъ литературы, впослѣдствіи вице-президентъ Академіи Наукъ, родной братъ поэта Аполлона Николаевича, затѣмъ поступившій въ библіотеку еще при бар. Корфѣ Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей русскихъ, завѣдывавшій до самой кончины своей отдѣленіемъ изящныхъ искусствъ, полиграфія, Ѳедоръ Петровичъ Кеппенъ, ученый естествовѣдъ, и наконецъ родной сынъ Аѳанасія Ѳедоровича, Иванъ Аѳанасьевичъ, хранитель рукописей, библіотекарь самаго драгоцѣннаго отдѣленія Библіотеки, страстный любитель и знатокъ литературы, влюбленный въ свое дѣло, приведшій порученное ему отдѣленіе въ образцовый порядокъ. Наконецъ не менѣе дѣятельными исполнителями директорскихъ распоряженій были библіотекарь такъ называемаго русскаго отдѣленія покойный Владиміръ Петровичъ Ламбинъ, сынъ извѣстнаго библіографа, принимавшій участіе въ его трудѣ „Русская историческая библіографія“, отличавшійся громадной памятью, которой пользовались всѣ посѣтители русскаго отдѣленія, и его помощникъ Владиміръ Ивановичъ Саитовъ, нынѣ заступающій мѣсто Ламбина, замѣчательный знатокъ литературы, въ особенности Пушкина, библіографъ, авторъ цѣнныхъ трудовъ по его спеціальности.

Хорошо извѣстный всему ученому и литературному міру, какъ блестящій знатокъ исторіи и словесности русской, талантливый разыскатель историческихъ древностей, систематизаторъ и редакторъ историческихъ и литературныхъ документовъ и матеріаловъ, академикъ Бычковъ очень много сдѣлалъ для нашего книгохранилища: организовалъ Русскій Рукописный Отдѣлъ и составилъ обширные каталоги славяно-русскихъ рукописей и описалъ манускрипты Публичной Библіотеки. При немъ значительно расширено ея помѣщеніе, и его стараніями улучшены штаты служебнаго состава Библіотеки. Благодаря его вниманію, его стараніямъ и съ такими помощниками, какъ Л. Н. Майковъ, какъ библіотекари Ламбинъ и Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, онъ много содѣйствовалъ увеличенію числа занимающихся въ русскомъ отдѣленіи. Постъ директора Бычковъ занималъ семнадцать лѣтъ, съ 1882 по 1899 годъ, вплоть до смерти, послѣдовавшей 2 апрѣля 1899 года.

По смерти Бычкова, его мѣсто заступилъ Николай Карловичъ Шильдеръ, извѣстный историкъ, авторъ жизнеописаній императоровъ Павла, Александра I и Николая I и цѣлаго ряда работъ по его спеціальности. Директоромъ онъ прослужилъ недолго, такъ какъ скончался въ 1902 году. За годъ до его смерти состоялось открытіе новой читальной залы Публичной Библіотеки, занимающей огромное великолѣпное помѣщеніе съ отдѣльнымъ входомъ, пристройка котораго началась еще при Бычковѣ. Новая читальная зала, выходящая угломъ на Толмазовъ переулокъ, сдѣлала зданіе Библіотеки еще болѣе красивымъ и способствовала значительному расширенію русскаго отдѣленія. Въ старой читальной залѣ въ настоящее время сосредоточены почти всѣ провинціальныя періодическія изданія и бо̀льшая часть иллюстрированныхъ журналовъ. Теперь она служитъ и выходомъ изъ русскаго отдѣленія, всегда переполненнаго занимающимися.

Директоромъ Библіотеки на мѣсто скончавшагося генерала Шильдера назначенъ былъ Дмитрій Ѳомичъ Кобеко, извѣстный государственный дѣятель, ученый археологъ, большой любитель старины, древней письменности, авторъ цѣлаго ряда трудовъ и, между прочимъ, цѣнной книги „О разработкѣ генеалогическихъ данныхъ въ смыслѣ пособія для русской археологіи“. Ему же принадлежитъ интересный очеркъ „Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо“ и множество ученыхъ замѣтокъ въ области библіографіи. Помощникомъ Д. Ѳ. Кобеко состоитъ Николай Петровичъ Лихачевъ, также одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей русской науки, историкъ, палеографъ, знатокъ иконописнаго мастерства въ Россіи, страстный книголюбъ, владѣющій цѣнной библіотекой. Со времени вступленія въ Библіотеку Д. Ѳ. Кобеко въ ней введены новые благодѣтельные порядки, предотвращающіе воровство и порчу книгъ въ читальной залѣ Библіотеки, столь страдавшей въ прежніе годы отъ дерзкихъ хищниковъ. Отдѣленія библіотеки, особенно помѣщающіяся во второмъ этажѣ, приняли благообразный видъ, въ нихъ—и главнымъ образомъ въ русскомъ отдѣленіи—прибавлено значительное число книжныхъ шкаповъ. Словомъ, нынѣ въ Библіотекѣ наступило время бережнаго отношенія къ ея содержимому и къ самому помѣщенію. Новые порядки, которые людьми малопонимающими считаются строгими, нимало не повліяли на число посѣщающихъ наше книгохранилище. Цифры служатъ краснорѣчивыми тому доказательствами. Съ 1902 по 1912 годъ включительно выдано свыше пяти милліоновъ книгъ. Приращенія Библіотеки продолжаются и донынѣ. Въ русскомъ отдѣленіи, благодаря дѣятельности его библіотекаря Вл. Ив. Саитова, заведены образцовые порядки, которымъ каждый занимающійся въ этой богатѣйшей сокровищницѣ родной печати можетъ только радоваться.

Вело-торпедо на полномъ ходу.

„Вело-торпедо“ французскаго инженера Бюно-Варилья — новое изобрѣтеніе для преодолѣнія сопротивленія воздуха. Съ этой цѣлью прикрѣплена къ велосипеду своеобразная сигаровидная легкая клѣтка, обращенная впередъ тупымъ концомъ. Сидя въ этой клѣткѣ, самый заурядный велосипедистъ безъ малѣйшаго труда побилъ больше, чѣмъ на 10%, всѣ міровые рекорды велосипедной скорости. Насколько незначительно было сопротивленіе воздуха, видно было изъ того, что зажженная свѣча, помѣщенная позади мчавшагося велосипеда, не потухла. Идея г. Бюно-Варилья сможетъ произвести переворотъ въ техникѣ сооруженія автомобилей, локомотивовъ и морскихъ судовъ, скорость движенія которыхъ значительно увеличится при помощи одного лишь измѣненія формы кузова.

Вело-торпедо спереди.

Библіографія.

(Полное собраніе сочиненій **М. Л. Михайлова**. Т. I—III. СПБ. 1914. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ). Цѣна 1 р. 25 к. за томъ.

Всѣ мы знаемъ великолѣпно переведенную на русскій языкъ „Пѣсню о рубашкѣ“ Томаса Гуда („Затекшіе пальцы болятъ“) и не менѣе прекрасный переводъ „Двухъ гренадеровъ“ Гейне въ знаменитомъ музыкальномъ изложеніи Шумана. Быть-можетъ, еще болѣе того намъ знакомо „Бѣлое покрывало“ М. Гартмана, безъ чтенія котораго еще такъ недавно не обходился почти ни одинъ вокально-музыкальный вечеръ. Но авторъ этихъ

Вело-торпедо въ раскрытомъ видѣ.

прекрасныхъ переводовъ и многихъ прелестныхъ оригинальныхъ стихотвореній, талантливый поэтъ и беллетристъ Михаилъ Ларіоновичъ Михайловъ сравнительно мало извѣстенъ современнымъ читателямъ.

Между тѣмъ, если мы дадимъ себѣ трудъ просмотрѣть газеты и въ особенности журналы 50-хъ годовъ, то имя М. Л. Михайлова будетъ встрѣчаться намъ на каждомъ шагу въ ореолѣ громкой извѣстности и излюбленности у тогдашняго читателя. И если мы прочтемъ въ этихъ журналахъ подписанныя именемъ М. Л. Михайлова произведенія, то не сможемъ не признать, что авторъ ихъ и теперь ничего не потерялъ бы въ глазахъ современнаго избалованнаго читателя: такъ свѣжи и художественны всѣ эти разсказы, повѣсти и стихи М. Л. Михайлова, и такой жизненностью вѣетъ отъ нихъ. Умный и образованный человѣкъ, съ обширнымъ кругозоромъ, М. Л. Михайловъ по справедливости считался однимъ изъ самыхъ передовыхъ русскихъ людей того времени. И какое это было время! Подготовлялись шестидесятые годы съ ихъ великими реформами, въ интеллигентномъ обществѣ шла живая подготовительная работа творческой мысли. Было что наблюдать и переживать, было о чемъ писать художнику-беллетристу. Предъ нимъ возникала задача—изобразить, съ одной стороны, косное провинціальное общество съ разсѣянными въ немъ тамъ и сямъ „свѣтлыми личностями“ (терминъ тогдашняго времени), а съ другой стороны—представить общественную работу этихъ лучшихъ людей того времени, освѣтить ихъ идеалы и стремленія, осмыслить ихъ бытіе, какъ людей своей эпохи. М. Л. Михайловъ прекрасно зналъ провинціальный бытъ, былъ свой человѣкъ и въ высшихъ интеллигентныхъ кружкахъ и, обладая яркимъ и мѣткимъ художественнымъ перомъ, имѣлъ возможность представить картины своего времени въ блестящей литературной формѣ. И тѣмъ страннѣе, повторяемъ, что современные читатели такъ скоро позабыли этого замѣчательнаго поэта и беллетриста пятидесятыхъ годовъ.

Среди прозаическихъ произведеній М. Л. Михайлова мы встрѣчаемъ большой романъ изъ стараго актерскаго провинціальнаго быта „Перелетныя птицы“, съ великолѣпно очерченными фигурами крупныхъ и малыхъ лицедѣевъ добраго стараго времени, и занимательную повѣсть „Адамъ Адамычъ“, въ которой авторъ из[illegible]каетъ [illegible]огательный и немного комическій обликъ своего стар[illegible] [illegible]ве[illegible]ера. Въ этой повѣсти много живого и теплаго [illegible]я на трагическій конецъ ея. Такимъ же юмо[illegible]ромъ [illegible] свойственнымъ Михайлову, вѣетъ и отъ разска[illegible]зовъ [illegible] „Кумушки“, „Сынокъ и маменька“ и др. Въ нихъ [illegible] очерченъ старый провинціальный бытъ. Въ этомъ отн[illegible] [illegible]ихайлова можно сблизить съ Писемскимъ: какъ у Писем[illegible] такъ и у Михайлова много какой-то грубоватой свѣжест[illegible] [illegible]ычайно ярокъ и выразителенъ чисто-народный языкъ. [illegible] снабжено прекрасно исполненнымъ портретомъ Михайло[illegible] [illegible] насъ глядитъ живое и выразительное, въ высшей степе[illegible] [illegible]воеобразное лицо съ слегка монгольскими чертами, съ х[illegible] [illegible]ерпымъ выгибомъ бровей—лицо одухотворенное, съ такимъ „[illegible]щимъ“ выраженіемъ, что нельзя пройти мимо, не зам[illegible]ь его.

[illegible]красно написанъ П. В. Быковымъ живой и интересный біографическій очеркъ М. Л. Михайлова, и тщательно составлена имъ же библіографія всѣхъ его произведеній. Просматривая это изящное и полное изданіе сочиненій Михайлова, мы должны сознаться, что наконецъ-то достойнымъ образомъ представленъ предъ нашимъ культурнымъ обществомъ этотъ талантливый русскій писатель.

Причиною того, что произведенія Михайлова такъ мало еще знакомы намъ, отчасти можетъ служить то обстоятельство, что онъ въ расцвѣтѣ своего творчества подвергся суровой ссылкѣ въ далекую Сибирь, гдѣ вскорѣ и скончался, едва доживъ до сорокалѣтняго возраста. А на его произведенія было наложено строгое цензурное veto: выпущенное въ 1867 году полное собраніе сочиненій Михайлова было уничтожено еще до выхода въ свѣтъ, и самое имя его надолго стало запретнымъ. Запретъ этотъ былъ снятъ, правда, уже двадцать лѣтъ тому назадъ, но онъ сдѣлалъ свое дѣло: надолго разобщилъ талантливаго писателя съ его читателями и изгладилъ его изъ ихъ памяти.

Послѣ упомянутой неудачной попытки изданія полнаго собранія сочиненій Л. М. Михайлова уже не предпринималось никакихъ другихъ попытокъ вплоть до самаго послѣдняго времени. И только теперь сочиненія безвременно угасшаго блестящаго беллетриста вышли въ свѣтъ въ изданіи Т-ва А. Ф. Марксъ. Вышли три тома компактной печати, вмѣщающіе всѣ стихи—оригинальные и переводные—и прозаическую беллетристику Михайлова. Какъ переводчикъ, М. [illegible] Михайловъ предстаетъ здѣсь предъ читателемъ въ полномъ блескѣ. Онъ переводилъ необычайно продуктивно и въ полномъ смыслѣ слова превосходно и безукоризненно, сохраняя не только духъ подлинника, но мѣстами и текстъ почти слово въ слово. Онъ перевелъ почти всю „Книгу пѣсенъ“ Гейне, множество стихотвореній Беранже, Шамиссо, Лонгфелло, Ленау, Кернера, Шиллера, Гёте и другихъ западно-европейскихъ знаменитыхъ поэтовъ. Для любителей поэзіи этотъ томъ (первый) является настоящей сокровищницей.

Фромантенъ. Старинные мастера. Издательство „Грядущій день“. СПБ. Цѣна 3 руб.

На Западѣ книга Фромантена („Les maitres d'autrefois“) давно считается классическимъ введеніемъ въ изученіе голландской живописи. Въ ней нѣтъ ни какой-нибудь явной тенденціи, ни внѣшней системы, ни даже хронологическаго порядка. Это рядъ очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ лучшимъ представителямъ такъ называемой нидерландской школы: Рубенсу, Ванъ-Дейку, П. Поттеру, Рюисдалю, Кейпу, Фр. Гальсу, Рембрандту. Фромантенъ не историкъ, а критикъ-идеалистъ и импрессіонистъ. „Я обойду музеи, не обозрѣвая ихъ цѣликомъ. Я буду останавливаться лишь передъ нѣкоторыми художественными величинами... Я опредѣлю насколько возможно безпристрастно, насколько это мнѣ доступно, нѣкоторыя характерныя черты ихъ генія и таланта. Слишкомъ большихъ вопросовъ я ставить не буду. Всякаго рода глубины и зіяющія пропасти буду обходить. Искусство въ живописи есть, въ сущности, только искусство изображать невидимое посредствомъ видимаго. Пути этого искусства, большіе и малые, усѣяны проблемами, которыя мы, въ нашемъ стремленіи къ истинѣ, для себя лично можемъ подвергать критическому обслѣдованію, но которыя было бы куда лучше оставить неприкосновенными подъ темнымъ покровомъ тайны...“ Лучшія главы, написанныя съ наибольшимъ увлеченіемъ и сочувствіемъ,—о Рембрандтѣ. Въ этомъ великомъ реалистѣ Фромантенъ показалъ иллюзіонера, стремящагося дать выраженіе видѣніямъ. Рембрандтъ „творилъ, какъ метафизикъ, въ большей степени, чѣмъ какъ поэтъ. Никогда дѣйствительность не овладѣвала имъ въ своихъ ансамбляхъ. Когда смотришь, какъ онъ трактовалъ тѣла, можно усомниться, интересовался ли онъ оболочками... Совершенно невозможно въ изобразительномъ искусствѣ зайти дальше въ любопытствѣ къ бытію въ себѣ. Красоту физическую онъ замѣнялъ духовнымъ выраженіемъ; подражаніе внѣшности—почти полнымъ преображеніемъ вещей; непосредственное разсмотрѣніе—умозрѣніемъ психолога; точное, умѣлое или наивное наблюденіемъ—ясновидѣніемъ призраковъ, столь искреннимъ, что онъ самъ обманывался. Благодаря этому дару двойного зрѣнія, этой интуиціи лунатика, онъ въ области сверхъестественнаго видитъ дальше, чѣмъ кто бы то ни было“. Одною изъ отправныхъ точекъ для такого вывода автору служитъ знаменитый „Ночной дозоръ“ съ его всегда интриговавшей критику яркой женской фигурой на второмъ планѣ. Анализъ этой удивительной картины принадлежитъ къ самымъ умнымъ и убѣдительнымъ страницамъ прекрасной книги.

Календари на 1914 годъ. Изданія О. Ф. Кирхнеръ.

Извѣстная фирма О. Ф. Кирхнеръ, пріобрѣвшая огромную, вполнѣ заслуженную, популярность своими изящными и практичными календарями, выпустила въ свѣтъ на 1914 годъ массу разнообразныхъ отрывныхъ календарей (отъ „Гиганта“ и „Колосса“ до крохотнаго карманнаго дамскаго „Миньонъ“), настольныхъ календарей („Дневникъ“, „Письменный Бюваръ“, „Записные Еженедѣльники“), карманныя записныя книжки („День за днемъ“, „Календарь для юристовъ“, Календари для учителей и студентовъ), ежемѣсячные и табельные, настольные и тетрадные, передвижные и отрывные настольные („Торгово-промышленный“, „Историческій“, „Дѣловой“) и т. д. Всѣ они изданы изящно и содержатъ массу полезныхъ и интересныхъ свѣдѣній. Цѣны календарей вполнѣ общедоступны.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 1“.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 3

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей [illegible]

Выданъ 18 января 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. [illegible]

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова“ кн. I.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1914 г.

Море.

Повѣсть **А. М. Ѳедорова.**

(Продолженіе).

X.

За нимъ затворилась дверь, Саша, не выдержавъ, не[illegible]:

— Фу!.. Наконецъ-то ушелъ!

Шугаевъ также сочувственно протянулъ:

— Н-да... Атмосфера какъ будто разрѣдилась.

Лидія Михайловна по уходѣ Эльмонта почувствовала такую усталость, что не хотѣла ни говорить ни двигаться.

Она сѣла въ кресло, стараясь собрать свои мысли, дать себѣ отчетъ въ томъ, что съ нею происходитъ; но мысли терялись въ [illegible] туманахъ, и томило недовольство собой за что-то, чего она не могла [illegible] осознать.

[illegible] вышелъ изъ столовой, красный отъ выпитаго вина, [illegible] не то отъ слезъ, не то отъ хмеля глазами, и, рас[illegible], обратился къ Лидіи Михайловнѣ:

— Глубокоуважаемая Лидія Михайловна. Я искренно... я чистосердечно желаю вамъ счастья... Я не могу сейчасъ говорить, потому что... опьянѣлъ... Я боюсь говорить, чтобы не сказать вамъ того... чего я не хочу сказать. Но я желаю вамъ счастья, Лидія Михайловна. Разрѣшите мнѣ поцѣловать ваши умные, чуткіе пальцы.

Прежде чѣмъ Лидія Михайловна успѣла протянуть ему руку, Прозоровъ, спрятавшись за кресломъ, протянулъ Майнову свои пальцы, чтобы тотъ поцѣловалъ ихъ, но Майновъ, разсерженный, [illegible] его руку:

— Довольно [illegible] въ эту минуту я...

Прозоровъ [illegible] за него:

[illegible]

[illegible] долго и пристально посмотрѣлъ на него:

— [illegible] совѣтую шутить со мной.

— Перестаньте, — устало прервала ихъ ссору Лидія Михайловна и протянула Майнову руки.

[illegible] забылъ свое огорченіе и съ строгой почти[illegible] съ благоговѣніемъ цѣловалъ ихъ.

XI.

[illegible] проводивъ Эльмонта, вернулся въ гостиную, и пер[illegible] онъ обратился къ Лидіи Михайловнѣ, былъ вопросъ:

— Какъ онъ вамъ понравился?

[illegible] чистосердечно отвѣтила:

— Не знаю.

Шугаева изумилъ этотъ отвѣтъ. Онъ даже переспросилъ ее:

— Не знаете?

Лидія Михайловна стала вслухъ разбираться въ этомъ:

— Впечатлѣніе странное. У меня есть свойство: когда я вижу [illegible] въ первый разъ, я могу представить черты его настолько живо, что, кажется, чувствую ихъ въ моихъ пальцахъ.

Она закрыла глаза, желая сосредоточиться, вспомнить, и за[illegible] разводя руками:

— [illegible] Онъ расплывается, какъ туманъ.

— [illegible] попросту онъ не нравится, — громко заявила Саша. — [illegible] раньше, не нравится и теперь.

[illegible] задумчиво сказалъ:

— [illegible] что-то такое есть...

[illegible]

— Иногда вотъ такъ... Сидятъ люди... Спокойно, свѣтло. Вдругъ хлопаетъ окно... врывается вѣтеръ... гаснетъ огонь... и сразу становится жутко... холодно...

Она замолчала, и всѣмъ почувствовалась настоящая правда въ этомъ опредѣленіи того настроенія, которое онъ вызвалъ во всѣхъ, и противъ котораго особенно горячо возставала жизнерадостная душа дѣвушки.

Шугаевъ, не то съ цѣлью защитить пріятеля, не то объяснить нѣкоторую странность его поведенія, замѣтилъ:

— Видите ли... въ прошломъ у него своя трагедія.

— Любви?—встрепенувшись, спросила Лидія Михайловна.

— Да... Любовь и смерть, какъ пишутъ въ романахъ...

Прозоровъ насмѣшливо вставилъ:

— То-то онъ производитъ впечатлѣніе... точно убилъ кого-то.

— Смерть его невѣсты... Неожиданная!—закончилъ профессоръ.

Вѣроятно, Шугаева попросили бы объяснить все, что онъ знаетъ объ этомъ, если бы не воспротестовала Саша:

— Да что же это такое?.. Начали за здравіе... А теперь ужъ ѣхать пора!

— Господа! — предложилъ Прозоровъ: — ѣдемъ на вокзалъ. Надо дать Лидіи Михайловнѣ хоть минуту покоя передъ дорогой.

— И вы съ нами, Александра Матвѣевна?

— Хорошо, согласна.

Майновъ еще разъ приложился къ рукѣ Лидіи Михайловны и, уходя, повѣдалъ Прозорову:

— Я чувствую, что не могу... разрыдаюсь.

Прозоровъ комично махнулъ рукой:

— Прощай, мой жилетъ. Ну, пойдемъ на улицу... плакать.

Они еще долго однако шумѣли въ передней, забирая вещи молодыхъ. Надо было избавить ихъ отъ малѣйшихъ хлопотъ. Саша нѣкоторое время оставалась съ матерью въ Петербургѣ. А такъ хотѣлось уѣхать вмѣстѣ съ ними.

Съ уходомъ гостей сразу наступила такая тишина, что оставшіеся дома Шугаевъ и Лидія Михайловна сами себѣ показались совсѣмъ иными, чѣмъ при постороннихъ. И то, что за минуту передъ тѣмъ какъ бы растворялось въ общеніи и шумѣ, теперь сосредоточило на себѣ вниманіе и требовало уясненія и неприкрашенной правды.

Шугаевъ поднималъ нѣсколько разъ взглядъ на Лидію Михайловну, хотѣлъ что-то сказать, но все не рѣшался. А она сидѣла, опустивъ голову, испытывая такую мучительную неловкость отъ охватившей ее тоски, что была бы счастлива, если бы онъ ушелъ и оставилъ ее одну.

Онъ, заложивъ руки за спину, прошелъ раза три изъ угла въ уголъ и наконецъ подошелъ къ ней, взялъ ее молча за руки. Она подняла голову и встрѣтила его внимательный, честный и добрый взглядъ.

— Лида!—услышала она его голосъ, отъ котораго ей становилось тепло и уютно.—Лида! Въ этотъ вечеръ я нѣсколько разъ замѣчалъ грусть и смятеніе въ вашемъ лицѣ.

— Смятеніе? — повторила она. — Можетъ-быть... Можетъ-быть... Я не знаю.

— Да, — подтвердилъ онъ и тихо сжалъ ея пальцы, [illegible] сильные, а сейчасъ безпомощные, почти безжизненные. [illegible]

[illegible]

— Загляните сейчасъ въ свою душу. Если есть тамъ какая-нибудь тѣнь... какое-нибудь сомнѣніе...

Но она не дала ему договорить: онъ подкупилъ и обезоружилъ ее своею кротостью и прямотою.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула она, поднимаясь и снова опускаясь въ кресло, но все еще не смѣя поднять на него глазъ.— Не говорите. Этого... этого не можетъ быть. Нѣтъ. Я просто взволнована... Это такъ понятно...

Она сама обрадовалась своему объясненію, и онъ, также обрадованный, крѣпко сжалъ ея руки:

— Нѣтъ?

— Нѣтъ!

Она точно убивала этимъ короткимъ словомъ поднявшее змѣиную голову сомнѣніе.

— Что такое, мама?

Мать также улыбнулась, довольная, протягивая букетъ:

— Вотъ принесли.

— Отъ кого?—живо спросилъ Шугаевъ.

— Посыльный принесъ и ушелъ, — нѣсколько ворчливо отвѣтила Арина Ивановна.

Лидія Михайловна осторожно сняла бумагу съ букета. Ярко-красные маки запылали передъ ея глазами, и нѣсколько лепестковъ упали на полъ вмѣстѣ съ бѣлымъ легкимъ покровомъ.

— Макъ!—воскликнулъ Шугаевъ.—Что за мысль поднести цвѣты, которые уже осыпаются!

— Макъ... макъ...—блѣднѣя, повторяла она, чувствуя глубокое волненіе, непонятно овладѣвшее ея сердцемъ, сразу догадавшись, отъ кого эти цвѣты.

А. Лалозъ. Тревога въ лагерѣ легкой кавалеріи (1812 г.). Парижскій Салонъ.

Шугаевъ потянулъ ее къ себѣ, и ей пріятно было, что въ этомъ движеніи его ощущалась настоящая мужская сила, которой хотѣлось довѣриться съ новымъ для нея чувствомъ покорности.

Какъ было бы хорошо, если бы онъ молча прижалъ ее къ себѣ, даже взялъ на руки и унесъ, куда хочетъ. Только бы не говорилъ больше ни слова.

Но онъ не понялъ этого. Даже цѣлуя ее, лаская ея волосы, онъ не могъ удержаться отъ словъ, которые возбуждали въ ней тоску и тревогу за себя, за него, за что-то, покуда еще такъ хрупко связавшее ихъ.

— Ахъ, какъ свѣтло, какъ ясно передъ нами лежитъ нашъ путь! До сихъ поръ я не зналъ любви. Это было мнѣ чуждо. Я жилъ одиноко... А теперь мнѣ такъ тепло здѣсь. Такъ счастливо!

Можетъ-быть, онъ и раньше говорилъ ей эти слова, но сейчасъ они падали тяжело, какъ монеты заимодавца, которыя нельзя не принять.

Вошла Арина Ивановна. Въ рукахъ она бережно держала что-то большое, но легкое, обернутое въ папиросную бѣлую бумагу. Она, конечно, не вошла бы, если бы ожидала увидѣть ихъ въ такой нѣжной сценѣ. Но Лидія Михайловна обрадовалась появленію ея и отшатнулась отъ мужа.

Онъ стоялъ счастливый, но смущенный, съ нѣсколько растрепавшейся большой бородой, и съ застѣнчивой, но гордой улыбкой обратился къ матери:

Для Шугаева это также не могло быть тайной:

— Я узнаю его. Это несомнѣнно онъ прислалъ.

У нея подкашивались ноги, и букетъ дрожалъ въ рукахъ. И отъ каждаго, даже слабаго, движенія все падали и падали безшумно лепестокъ за лепесткомъ.

— Осыпаются... Уже осыпаются... — печально говорила она, глядя на полъ, гдѣ алѣли у ея ногъ клочочки цвѣтовъ, легкіе какъ пятна свѣта.

Шугаевъ, желая утѣшить ее, нашелся сказать:

— А вѣдь это очень мило съ его стороны. Макъ—это, конечно, не что иное, какъ напоминаніе о твоей работѣ.

Напоминаніе о ея работѣ! Пусть. Но теперь эта самая работа пріобрѣла въ ея глазахъ особый смыслъ, который, можетъ-быть, былъ пророчески предопредѣленъ судьбой. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Зачѣмъ? Это было слишкомъ безпощадно и жестоко.

Она также не хотѣла допустить, что тутъ была хоть доля правды, и все же смутное волненіе, томившее ее до этого, теперь собралось въ груди въ живое, влажное облако, поднимавшееся къ горлу и застилавшее глаза.

— Осыпаются,—прошептала она, не въ силахъ удержать слезы.

И онъ, замѣтивъ ихъ и позабывъ даже о присутствіи матери, напоминавшей, что надо немедленно ѣхать, наклонился къ лицу своей жены, сразу смоченному влагою слезъ, и съ внезапно охватившей его тоской тихо спросилъ:

П. Дюпюи. Пляжъ въ Біаррицѣ. Парижскій Салонъ.

— У нась слезы?

Опа вмѣсто отвѣта подняла на него умоляющіе глаза. Но онъ не сталъ ее разспрашивать, хотя мать отвернулась и ушла. Подавленный, только спросилъ ее коротко, но вѣско:

— Можетъ-быть, не ѣхать?

— О, нѣтъ, нѣтъ, ѣдемъ...

Она поднесла платокъ къ глазамъ и съ досадой на себя стыдливо и поспѣшно вытерла слезы.

Ж. Диффръ. Хота. Парижскій Салонъ.

XII.

— Ты на этотъ разъ взялся серьезно?

— Да, кажется.

— Пора.

Шугаевъ спускался съ Эльмонтомъ съ террасы своей дачи къ морю.

Приближалось къ закату солнце, и, какъ всегда въ такой часъ, не только на природу, но и на душу ложилась прозрачная, легкая тѣнь покоя. Хотѣлось тихо и дружно говорить и улыбаться кротко и, пожалуй, печально.

Въ цвѣтникѣ садовникъ готовилъ шлангъ для поливки, развертывая его съ подвижного ворота. Но цвѣты, озаренные уже утратившимъ жаръ солнцемъ, еще жили дневной жизнью, и порхали дневныя бабочки, и даже ночная красавица у окна въ тѣни не распускала еще своихъ свившихся вѣнчиковъ.

Солнце скрывалось далеко въ степи, за домомъ, а домъ стоялъ на обрывѣ надъ моремъ. Съ моря онъ былъ особенно красивъ и походилъ на за̀мокъ съ своей высокой башней и обширной террасой, открытой къ морю.

Вотъ уже два мѣсяца, какъ Шугаевы пріѣхали сюда и зажили совсѣмъ новой, видимо, спокойной и ясной жизнью... Саша и мать также жили съ ними. Весь верхъ принадлежалъ имъ. Эльмонтъ жилъ внизу съ отцомъ, старымъ морякомъ.

Въ послѣдніе дни онъ усердно занимался своей симфоніей, и объ этомъ-то сейчасъ велъ съ нимъ разговоръ Шугаевъ.

Едва они сошли съ обрыва на тропинку, ведущую черезъ холмы къ морю, ихъ приняла безсолнечная ласковая тишина, которая какъ будто жила среди этихъ спокойныхъ, покрытыхъ скудной

М. Бутэ де-Монвель. Шествіе Жанны д'Аркъ передъ освобожденіемъ Орлеана. Парижскій Салонъ.

травой и кустарникомъ, холмовъ, исчерченныхъ тропинками, протоптанными пасущейся скотиной. Слѣва холмы прерывались мысомъ съ бѣлой башней маяка, а справа—тянулись далеко подъ высокими обрывами, которые кое-гдѣ осѣдали и все увеличивали дикую красоту побережья. Мѣстами холмы подходили прямо къ морю, и морской песокъ лежалъ у ихъ подножья, а чаще также обрывались надъ пескомъ красными съ желтыми прослойками невысокими глиняными откосами, за которые цѣплялись рѣдкіе кусты боярышника и чумака.

Несмотря на полную предзакатную тишину, море нынче рябилось отъ зыби и далеко оторачивало песокъ арабесками бѣлой пѣны. У берега оно было мутно-желто отъ пѣны, но дальше, на глубинѣ, сразу пятно его обрывалось, и вода сверкала ярью и синью и лиловымъ переливомъ, переходя на горизонтѣ въ сиреневый тонъ, который сливался съ горизонтомъ.

Три большихъ трехмачтовыхъ бота, бравшіе гравій неподалеку отсюда, сильно груженные и низко сидѣвшіе въ водѣ, подняли одинъ за другимъ якоря и, тихо поворачиваясь, качались на волнахъ, пока слабый вѣтеръ не налилси въ ихъ сѣрыя, заплатанныя паруса. Тогда, слегка накренясь и сразу какъ будто полегчавъ, они медленно и важно, красиво потянулись вдаль, точно громадныя сказочныя птицы.

— Удивительно! — залюбовавшись ими, сказалъ Шугаевъ. — Сколько я видѣлъ картинъ, изображающихъ море и корабли, и никогда это не было похоже на то, что̀ вотъ я вижу передъ собою.

— И слава Богу, — отвѣтилъ Эльмонтъ.—Каждый передаетъ совсѣмъ не такъ, какъ видите вы, а конечно—такъ, какъ видитъ самъ художникъ.

Ж. Жоффруа. Въ госпиталѣ. Парижскій Салонъ.

Э. Бутиньи. Пираты. Парижскій Салонъ.

— Знаю... знаю, — недовольно возразилъ профессоръ: — не въ томъ суть. Я говорю о томъ, что художникъ не можетъ мнѣ дать больше того, что̀ дастъ природа.

— Но вѣдь художникъ во всякомъ случаѣ видитъ въ природѣ больше того, что̀ видите вы, хотя бы потому, что его спеціальность — всматриваться внимательно въ краски природы и линіи. Художникъ вовсе не долженъ копировать природу. Онъ долженъ выражать себя въ своемъ творчествѣ.

— Я думаю, не только художникъ, но и ученый выражаетъ себя въ томъ, что̀ онъ создаетъ, — ревниво замѣтилъ профессоръ.

Эльмонтъ покосился на него: ему не нравились эти возраженія, а еще больше костюмъ Шугаева: рубашка на выпускъ съ завязанымъ на боку поясомъ съ кистями и бѣлыя широкія брюки.

— Ну, конечно,—поспѣшилъ съ иронической улыбкой успокоить его Эльмонтъ:—художникъ долженъ выразить то, что̀ составляетъ... какъ бы это тебѣ сказать...

— Его сущность.

— Почти такъ. Это, понимаешь ли, должно быть откликомъ всего человѣка.

Шугаевъ, по свойственной ему обстоятельности, вспомнилъ начало разговора и вернулся къ нему:

— Ты разсказывай свою симфонію. Можетъ-быть, тогда я тебя лучше пойму.

Но Эльмонтъ уже потерялъ охоту разсказывать.

— Вотъ видишь ли... —неохотно началъ онъ и тутъ же перебилъ себя: — да нѣтъ, я не стану разсказывать. Тебѣ это совсѣмъ не интересно.

Шугаевъ пожалъ плечами:

— Почему? Это наконецъ обидно.

Эльмонтъ сорвалъ горсточку чибрика, помялъ между пальцами, понюхалъ душистую травку и, отбросивъ ее, отвѣтилъ:

— Это естественно. Самые умные люди понимаютъ только то, что̀ имъ нравится.

— Но мнѣ жена говорила, что это интересно,—привелъ Шугаевъ доводъ, наиболѣе вѣскій для него самого.

Эльмонтъ живо обернулся къ нему:

— Жена? Она тебѣ это говорила? Въ такомъ случаѣ я не стану разсказывать.

Шугаевъ даже пріостановился, изумленный и обиженный:

— Не понимаю.

Эльмонтомъ вдругъ овладѣло веселое настроеніе, и онъ примирительно и шутливо сказалъ:

— Не обижайся. Какъ всѣ ученые обидчивы! Они думаютъ, что все могутъ постичь.

Но Шугаева такое отношеніе къ нему привело въ дурное расположеніе духа. Онъ сдѣлалъ недовольное движеніе впередъ и нѣсколько шаговъ прошелъ молча.

Запахъ дикой травки, росшей на холмахъ, уступилъ влажному запаху моря, дышавшаго прямо въ лицо. Сейчасъ будетъ проломъ въ обрывѣ и сходъ на песчаный морской берегъ.

Шумъ моря протяжными, мѣрными переливами шелъ навстрѣчу и тяжелыми вздохами разбивался у черной гряды камней, справа отъ нихъ выступавшихъ въ морѣ изъ бѣлой пѣны.

XIII.

Шугаевъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ схода, и Эльмонтъ остановился также.

— Наши уже, вѣроятно, искупались,—сухо выговорилъ онъ, не глядя на своего спутника, и громко крикнулъ по направленію къ морю:—Лида!

Голосъ Саши отозвался снизу:

— Ау! Мы одѣваемся.

И вслѣдъ затѣмъ ясно долетѣлъ голосъ Лидіи Михайловны:

— Какая нынче странная вода! Точно море опьянѣло отъ чего-то.

Шугаевъ присѣлъ на холмикъ, чтобы переждать, пока женщины одѣнутся.

Эльмонтъ слѣдилъ за плывущими вдаль парусами, за волнами, которыя набѣгали одна на другую, сливались и расходились, и въ душѣ его занималась та щемящая тоска, которая всегда жила въ немъ и не давала ему ни на чемъ остановиться.

Онъ замѣтилъ обидчивость Шугаева и почувствовалъ нѣкоторую неловкось за свой отказъ.

— Хорошо,—обратился онъ къ нему.—Слушай, я тебѣ разскажу.

И, не сводя глазъ съ моря, уже успѣвшаго нѣсколько разъ перемѣнить свои краски въ тѣ недолгія минуты, какъ они спускались сверху, онъ продолжалъ, сначала нѣсколько неохотно и вяло, а потомъ съ разгорающейся, но сдержанной страстностью и почти болѣзненнымъ напряженіемъ:

— Видишь ли... море. Сначала тихое, спокойное... такое тихое, что кажется, солнечные лучи, ударяясь въ его поверхность, вызываютъ изъ него хрустальный звонъ.

Это неожиданное для него самого сравненіе понравилось ему. Онъ слегка поднялъ руку и сдѣлалъ неопредѣленный жестъ въ сторону моря.

— Тамъ облака проходятъ... Гдѣ-то поднимается вѣтеръ. Но море все спокойно. У него своя жизнь. Ему нѣтъ дѣла до неба и до облаковъ. Оно томится чѣмъ-то. Что-то пробуждается въ его глубинѣ... Какое-то глухое недовольство... понимаешь... какъ въ душѣ, которая кажется спокойной, а она только усталая, потому что нѣтъ одной души... понимаешь... Каждая душа — это міръ душъ... Да!

Онъ тряхнулъ головой и прислушался къ женскимъ голосамъ, доносившимся снизу.

— Такъ вотъ... Море начинаетъ волноваться, вздыхать, подниматься... И тутъ чувствуется, что это не одно, а цѣлый міръ живыхъ, слитыхъ вмѣстѣ, существъ, которыя хотятъ раздѣлиться, оторваться другъ отъ друга... Ихъ соединило проклятіе, вѣчное проклятіе чувственности. Когда-то они жили во вселенной, жили каждый своей жизнью... Но вотъ это желаніе... Понимаешь ли, это страстное желаніе, данное человѣку дьяволомъ... Оно вспыхнуло въ нихъ, потянуло ихъ другъ къ другу, и... понимаешь ли... разъ объединенныя имъ, они уже не могли другъ отъ друга оторваться. Это стало ихъ проклятіемъ, вѣчнымъ проклятіемъ. Усталые отъ него, они ненавидятъ другъ друга и бѣгутъ... Бросаются къ землѣ... цѣпляются за нее своими бѣлыми, мохнатыми лапами, стараясь удержаться. Но, обезсиленныя, срываются и падаютъ назадъ... И опять... опять сливаются вмѣстѣ и, утомленныя, замираютъ.

Шугаевъ старался со вниманіемъ слушать его, но никакъ не могъ отдѣлаться отъ непріятнаго ощущенія неловкости за Эльмонта. Онъ, человѣкъ, привыкшій говорить передъ большой аудиторіей, почти стыдился за то, что̀ говоритъ Эльмонтъ, и особенно—какъ онъ говоритъ. Эту пышность и напряженность образовъ и фразъ, за которыми если и скрывалась мысль, то мысль самая, на его ученый взглядъ, простая,—онъ только оправдывалъ словомъ „художникъ“. Не то, чтобы въ этомъ словѣ было что-нибудь оскорбительное или даже снисходительное для Эльмонта, а просто онъ опредѣлялъ имъ породу людей, совершенно ему чуждую, которые могутъ и въ правѣ не стыдиться говорить такъ

Чтобы поддержать Эльмонта и вызвать его на дальнѣйшее истолкованіе задуманной имъ симфоніи, онъ, притворяясь отлично все постигшимъ, какъ могъ серьезно и сочувственно замѣтилъ:

— Понимаю. Ты хочешь представить борьбу двухъ началъ— животнаго и духовнаго.

Эльмонтъ сразу какъ бы очнулся и, разсѣянно глядя на профессора, очевидно, не разслышавъ или не понявъ его, спросилъ:

— Что̀?

Но тому уже не хотѣлось повторять своихъ ненужныхъ словъ. Кстати, въ эту минуту донесся снова голосъ Лидіи Михайловны:

— Вы не одинъ здѣсь?

— Нѣтъ, не одинъ,—отвѣтилъ онъ, почему-то не назвавъ своего спутника, и съ огорченіемъ подумалъ въ то же время о разсказанномъ ему: „И это ей нравится...“

Было ему непріятно, что она обратилась къ нему на „вы“,— какъ почему-то всегда обращалась въ присутствіи Эльмонта, но на этомъ онъ не остановился.

Эльмонтъ, какъ бы угадавъ его мысль, произнесъ:

— Впрочемъ, я это нынче совсѣмъ иначе разсказывалъ Лидіи Михайловнѣ. А такъ будетъ хорошо.

И безцеремонно добавилъ вслѣдъ затѣмъ:

— Странно, что такъ именно разсказалось тебѣ.

Шугаевъ не успѣлъ на это отвѣтить, какъ голосъ Саши весело позвалъ:

— Идите сюда. Теперь можно.

XIV.

Они спустились внизъ по нѣсколькимъ крутымъ ступенькамъ, выбитымъ въ глинистомъ обрывѣ, и ступили на песокъ, широкой

Р. Деваррѐ. Дампьеръ во главѣ парижанъ, въ бою при Жеманнѣ (1792 г.). Парижскій Салонъ.

П. Даньянъ-Бyврэ. У святой воды. Парижскій Салонъ.

полосой уходившій въ море, отороченный бордюромъ коричневыхъ водорослей. Волны прыгали на берегъ съ смутнымъ шумомъ, свиваясь, скручиваясь и разсыпаясь быстро тающей пѣной, подъ которой песокъ темно лиловѣлъ узорной каймой. На песокъ уже легла отъ невысокаго обрыва прозрачная тѣнь, и тѣнь отъ красной кабинки на сваяхъ ломалась на волнахъ, но дальше море было еще въ свѣту: солнце не успѣло закатиться.

Саша, вся въ бѣломъ, свѣжая и веселая, стояла на лѣстницѣ возлѣ кабинки и, увидѣвъ брата, пожаловалась ему на золовку:

- Гриша, скажи Лидіи Михайловнѣ, чтобы она не уплывала далеко. Не все ли равно у берега вода, или тамъ, въ этой дьявольской пучинѣ?

Лидія Михайловна вышла изъ кабинки также въ бѣломъ, и на красномъ фонѣ кабинки ея высокая фигура выдѣлялась сильнымъ, легкимъ пятномъ. На черные волосы ея былъ наброшенъ шелковый фуляръ, и она напоминала въ такомъ видѣ Эльмонту какую-то давно видѣнную имъ картину французскаго художника

— Ахъ, Шурочка!—весело возразила Лидія Михайловна.— Ну какъ можно сравнить у берега, или вдали, на глубинѣ! Совсѣмъ другое ощущеніе. Тутъ вся какъ будто корнями держишься за землю, а тамъ принадлежишь волнамъ вполнѣ.

— И гдѣ это ты такъ чудесно выучилась плавать?—удивился Шугаевъ

— Да я, сколько себя помню, всегда умѣла. Точно родилась такой. А потомъ много плавала въ Ронѣ, когда жила въ Женевѣ.

— А вы не боитесь?—спросилъ Эльмонтъ, чтобы только слышать ея необыкновенный голосъ, который казался ему таинственно родственнымъ шуму этихъ волнъ.

— Нѣтъ,—пѣвуче протянула она. Но тутъ вспомнила и засмѣялась:—Вотъ утромъ нынче я дѣйствительно очень испугалась: плыву къ берегу... задумалась... случайно взглянула внизъ. Вижу, сбоку движется какое-то чудовище. Я даже вскрикнула...

— И это былъ морской бычокъ или крабъ. — пошутилъ Эльмонтъ.

— Представьте, тѣнь моя.

Шугаеву тоже хотѣлось попасть въ тонъ ихъ болтовни, и онъ вставилъ свое слово:

— Людямъ свойственно пугаться своей тѣни.

Но она не захотѣла принять эти слова, какъ желалъ онъ, и не въ укоръ, но и не въ шутку, сказала:

— Что у васъ за страсть къ сентенціямъ!

Мужъ покраснѣлъ.

Саша, склонившись съ мостковъ, смотрѣла въ воду и вдругъ обратилась къ Лидіи Михайловнѣ съ таинственными знаками, ребяческимъ шопотомъ:

— Смотрите, Лидія Михайловна, вотъ тутъ бычокъ. Одинъ, другой... да посмотрите же...

— Да, да, я вижу,—отозвалась Лидія Михайловна, мелькомъ взглянувъ на воду.

Саша огорчилась ея невниманіемъ:

— „Вижу". а сами не смотрите. А вонъ и крабъ... Какъ онъ высовываетъ свои клешни изъ мха... Поползъ! Поползъ! Ишь, какъ перебираетъ клешнями! Да это онъ за бычкомъ... Ахъ, разбойникъ! Стой же!

Она легла на доски, откинула широкій рукавъ и обнаженной рукой ударила по водѣ.

Шугаевъ не воздержался и опять замѣтилъ, забывъ о только-что полученномъ урокѣ:

— Что же, и крабу питаться надо. Борьба за существованіе вездѣ. Растенія, и тѣ поѣдаютъ другъ друга.

Эльмонтъ и Лидія Михайловна одновременно взглянули другъ другу въ глаза, и Эльмонтъ поспѣшилъ сказать первое, что пришло ему въ голову:

— Вы однако не лѣпили меня нынче, Лидія Михайловна.

Она почему-то сразу утратила свою веселую бодрость и отвѣтила:

— Не ладится что-то работа. У меня взглядъ притупился. Необходимо сдѣлать перерывъ. Васъ очень трудно лѣпить.

Шугаевъ втайнѣ обрадовался этому заявленію. Онъ спросилъ:

— Почему? Кажется, у него довольно правильныя черты лица.

— Наоборотъ,—возразила она:—лицо ассимметричное. Положимъ, у всѣхъ людей лица ассимметричны.

— И у меня?—наивно спросилъ профессоръ, черты лица котораго были дѣйствительно очень правильны.

Лидія Михайловна продолжала:

— Только у классическихъ статуй—все строгая симметрія, зато онѣ и скучны. А у васъ,—обратилась она къ Эльмонту:— у васъ лѣвый и правый профиль какъ будто имѣютъ различныя выраженія, оттого такъ трудно все согласовать.

— А мнѣ кажется, лицо вышло очень похоже, — говорилъ Шугаевъ.—Живетъ.

Но Лидія Михайловна, какъ бы даже не слушая мужа, пристально вглядываясь въ лицо Эльмонта, призналась:

— Не могу я схватить одного... Чего-то, что мнѣ въ васъ не нравится.

Саша быстро подхватила:

— А я знаю! Знаю. И мнѣ это не нравится.

Эльмонтъ усмѣхнулся:

— Ну, тогда дѣло безнадежное. Во мнѣ все не нравится Александрѣ Матвѣевнѣ.

Шугаевъ шутливо похлопалъ Сашу по плечу:

— Тебя Лидія Михайловна совсѣмъ въ попугая обратила: что она скажетъ, то ты и повторяешь.

Все еще влюбленная въ Лидію Михайловну, Саша, чтобы угодить ей, дурачливо бросила брату:

— Это гораздо интереснѣе, чѣмъ быть твоимъ попугаемъ. Лидія Михайловна по крайней мѣрѣ никогда не навязываетъ своихъ мнѣній.

Нисколько на сестру не обидѣвшись, Шугаевъ погрозилъ ей:

—Смотри у меня, дерзкая ты дѣвчонка!

Лидія Михайловна опустилась на песокъ, еще не успѣвшій остыть послѣ жаркаго солнца, и, облокотясь, задумчиво произнесла, глядя въ морскую даль и чувствуя шелковистую мягкость песка всѣмъ своимъ освѣженнымъ послѣ купанья тѣломъ:

— Ахъ, какъ хорошо!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Петръ въ Голландіи.

(ГРАВЮРА).

На грубой синевѣ крутыя облака
И парусныхъ снастей надъ ними лѣсъ узорный.
Стучитъ плетеный хлыстъ о кожу башмака.
Прищуренъ глазъ. Другой — прижатъ къ трубѣ подзорной.

Немного поодаль—веселый ротозѣй,
Спѣшащій куаферъ, гуляющая дама.
А внизу у воды—таверна „Трехъ Друзей".
Гдѣ стекла пестрыя съ гербами Амстердама.

Знакомы такъ и верфь и кубокъ костяной
Въ рукѣ сановника, принесшаго напитокъ,
Что не зачѣмъ читать по небу развитой
Межъ трубъ и геніевъ колеблющійся свитокъ.

Георгій Ивановъ.

„Принцесса Иза".

Разсказъ **Л. М. Савёлова.**

Былъ у меня пріятель, котораго я очень любилъ. Это былъ сердечный и весьма отзывчивый человѣкъ, большой фантазеръ и идеалистъ. Мы съ нимъ были въ очень дальнемъ родствѣ, но росли вмѣстѣ и сохранили наши дружескія отношенія до самой смерти.

Онъ любилъ путешествовать, на что средствъ у него было вполнѣ достаточно, и нерѣдко мы разставались съ нимъ на цѣлые годы, когда онъ скрывался съ русскаго горизонта: но эти продолжительныя его поѣздки нисколько не нарушали нашихъ дружескихъ отношеній, такъ какъ мы были въ самой оживленной перепискѣ, и онъ самымъ подробнымъ образомъ описывалъ свои всевозможныя приключенія и впечатлѣнія, и его письма-тетради всегда доставляли и мнѣ искреннюю радость, внося въ мою однообразную, одинокую жизнь струю свѣжаго воздуха, а иногда такъ заинтересовывали меня, что я укладывалъ свой чемоданъ и отправлялся на розыски пріятеля.

Но разъ въ нашей перепискѣ наступилъ перерывъ въ нѣсколько лѣтъ, и я рѣшилъ уже, что мой другъ сложилъ свои кости на берегахъ Нила, куда онъ поѣхалъ, и откуда я получилъ отъ него его послѣднее письмо съ подробнымъ описаніемъ Каира, пирамидъ, гробницъ аписовъ и другихъ памятниковъ египетской старины. Послѣ этого письма онъ вдругъ замолкъ. Я написалъ нашему дипломатическому представителю, прося его навести справки, но и это нисколько не разсѣяло моей тревоги, такъ какъ я узналъ только, что въ числѣ умершихъ русскихъ за послѣднее время Петра Петровича Иволгина нѣтъ: но это ничего не разъясняло,—мало ли что могло случиться: онъ могъ утонуть, могъ наконецъ забраться въ какія-нибудь глухія мѣста Египта и быть тамъ убитымъ,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ его смерть могла быть не зарегистрована..

У меня въ головѣ возникали всевозможныя предположенія,— мнѣ не хотѣлось вѣрить, что Иволгинъ погибъ: но когда прошло около двухъ лѣтъ—то я пришелъ къ заключенію, что друга моего уже нѣтъ въ живыхъ,—какъ вдругъ получаю отъ него письмо изъ того же Каира, въ которомъ онъ просилъ простить его за долгое молчаніе, объясняя его какими-то особыми событіями, случившимися въ его жизни за это время, сообщалъ, что женился на египтянкѣ и окончательно поселился въ Египтѣ, гдѣ и рѣшилъ окончить свои дни. „Моя жена,—писалъ Иволгинъ:—не можетъ выѣзжать за предѣлы Египта, а вмѣстѣ съ нею и я привязанъ окончательно къ священной землѣ Гаторъ и Аммонъ Ра, исповѣдуя религію моей жены, т.-е. религію древняго Египта". Меня нисколько не удивила фантазія Иволгина поселиться окончательно въ Египтѣ, не удивило и то, что онъ принялъ религію жены-египтянки,—какъ я говорилъ уже, Иволгинъ былъ въ высшей степени сердечнымъ и привязчивымъ человѣкомъ, и было вполнѣ естественно его желаніе молиться вмѣстѣ съ любимой женой: удивило только упоминаніе о какой-то религіи древняго Египта: это для меня было совершенной новостью, я никакъ не предполагалъ, что такая можетъ еще существовать. Неужели могли быть еще люди, поклоняющіеся Изидѣ, Аммонъ Ра, Гаторъ и ихъ божественнымъ современникамъ?

Иволгинъ звалъ меня въ Каиръ посмотрѣть, какъ онъ устроился тамъ. Приглашеніе пришлось мнѣ очень по вкусу: кромѣ того, что я никогда не былъ въ Египтѣ, меня потянуло взглянуть на Иволгина и обнять моего друга. Сборы мои были недолгіе: устроивъ свои дѣла въ Петербургѣ, я выѣхалъ въ Одессу, гдѣ сѣлъ на пароходъ, отходившій въ Александрію. Была наша глухая осень, мрачное небо, мрачное море, заунывное завываніе вѣтра, сѣрыя, точно свинцовыя, волны, бившія о бортъ корабля, кото-

рый скрипѣлъ и вздрагивалъ всѣмъ корпусомъ. Все это мало содѣйствовало хорошему настроенію духа, и я началъ жалѣть, что пустился въ это путешествіе. Въ Константинополѣ было немногимъ лучше: тѣ же свинцовыя тучи, тотъ же холодный вѣтеръ. Послѣ Дарданеллъ стало теплѣй, днемъ можно было уже сидѣть на палубѣ, а когда мы попали въ Архипелагъ, то я уже не жалѣлъ, что поѣхалъ. Группы зеленыхъ острововъ, голубое небо и теплый вѣтерокъ, тянувшій съ юга—все это заставило скоро забыть всю ту мерзость русской осени, которую я оставилъ дома. Послѣ Пирея пришлось достать легкое пальто, а подходя къ Александріи, я уже обходился и безъ него.

Въ Каиръ я пріѣхалъ вечеромъ: на вокзалѣ меня встрѣтилъ Иволгинъ. Онъ мало измѣнился за эти нѣсколько лѣтъ, что я его не видѣлъ, только взглядъ его сталъ какъ-то сосредоточенъ, въ глазахъ появилось какое-то незнакомое мнѣ выраженіе, наложившее особую печать на его красивое загорѣвшее лицо. Я почувствовалъ, что мой другъ духовно измѣнился, что въ немъ что-то есть новое, что онъ сталъ еще дальше отъ обыденной жизни, отъ него точно исходило какое-то сіяніе, отражавшееся во всей его фигурѣ, въ лицѣ и особенно въ глазахъ. Видно, что Иволгинъ жилъ своей внутренней жизнью и ею былъ безконечно счастливъ. Такое впечатлѣніе онъ произвелъ на меня съ перваго же момента встрѣчи: проведенные затѣмъ съ нимъ три мѣсяца вполнѣ подтвердили мое первое впечатлѣніе, а разсказъ его объ его жизни объяснилъ мнѣ и самую причину такой перемѣны.

Иволгинъ повезъ меня къ себѣ. Онъ жилъ въ арабской части, въ своемъ домѣ, богато отдѣланномъ въ древне-египетскомъ вкусѣ, что̀ было и оригинально и красиво. Поражало особенно то, что вся обстановка его дома была крайне древняя, поддѣлокъ почти не было: все это должно было стоить огромныхъ денегъ, не говоря уже о трудѣ собрать ее,—и я не могъ не удивляться, какимъ образомъ Иволгинъ успѣлъ это сдѣлать въ такой сравнительно недолгій срокъ.

Послѣ ужина, при чемъ Иволгинъ ѣлъ вегетаріанскій столъ, мы довольно долго сидѣли въ кабинетѣ, гдѣ въ особой нишѣ возвышалась мраморная статуя какой-то египетской богини, убранная свѣжими цвѣтами; передъ статуей стоялъ мраморный же жертвенникъ съ нѣсколькими свѣтильниками. Иволгинъ много и подробно разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ, но, къ моему удивленію, ни разу не коснулся одного вопроса — своей женитьбы и вообще ни однимъ словомъ не упомянулъ о своей женѣ, отсутствіе которой меня не мало смущало. Если бы она была нездорова, то все же, казалось бы, Иволгину слѣдовало объяснить мнѣ причины ея отсутствія, спросить же я постѣснялся: мало ли что̀ могло случиться между супругами—въ концѣ XIX вѣка для того, чтобы разъѣхаться, многаго не требуется. Однимъ словомъ, онъ молчалъ, и я не спрашивалъ, и мы такъ и разошлись по своимъ спальнямъ, а я ничего не узналъ о хозяйкѣ дома. На другой день утромъ мы сошлись въ столовой, но были опять вдвоемъ, и опять Иволгинъ не упомянулъ ни однимъ словомъ о своей женѣ, и я положительно терялся въ догадкахъ. Передъ завтракомъ хозяинъ предложилъ мнѣ осмотрѣть его домъ, который представлялъ изъ себя точное воспроизведеніе жилища знатнаго египтянина. Стиль вездѣ былъ строго выдержанъ: но меня, какъ и наканунѣ, особенно поразило то, что почти вся обстановка была дѣйствительно страшно древняя, и нужно было удивляться не только огромной цѣнности всего собраннаго, но и тому, какъ можно было собрать всю эту драгоцѣнную коллекцію древнѣйшей мебели, что̀ даже при большихъ средствахъ Иволгина казалось почти невѣроятнымъ. Обстановка всего дома, думаю, стоила не одну сотню тысячъ, а такихъ средствъ на одно убранство дома Иволгинъ истратить, конечно, не могъ. Вѣроятно, на моемъ лицѣ отразилось недоумѣніе, потому что Иволгинъ безъ всякаго вопроса съ моей стороны замѣтилъ:—Вся обстановка дома принадлежитъ моей женѣ, и я бы самъ, конечно, не могъ его такъ обставить.—„Ага,—подумалъ я:—наконецъ-то заговорилъ о женѣ. Можетъ-быть, загадка ея отсутствія и разрѣшится“. Но я ошибся: мы продолжали обходъ дома, Иволгинъ давалъ разъясненія, но о женѣ молчалъ. Вездѣ были видны признаки присутствія въ домѣ женщины, видно было, что это—обиталище женатаго человѣка: все было изящно, уютно, всюду былъ порядокъ, чистота, но самой хозяйки нигдѣ не было. Наконецъ мы вошли въ комнату, отдѣланную весьма изящно, стѣны были украшены старинными металлическими зеркалами и опахалами изъ страусовыхъ и павлиньихъ перьевъ: такъ же, какъ и въ кабинетѣ самого Иволгина, въ глубокой нишѣ стояла статуя той же богини, убранная цвѣтами, и передъ нею возвышался бѣлый жертвенникъ. Все было въ строгомъ древне-египетскомъ стилѣ и было удивительно поэтично: комнату наполнялъ какой-то странный ароматъ, совершенно мнѣ незнакомый, но очень пріятный и подходившій къ этой поэтической и оригинальной обстановкѣ. На одной изъ стѣнъ висѣлъ большой, но современный уже портретъ великолѣпной кисти: на немъ была изображена въ древнемъ египетскомъ одѣяніи молодая женщина поразительной красоты. Я невольно остановился передъ этимъ портретомъ и спросилъ Иволгина, кого онъ изображаетъ.

— Это—моя жена,—отвѣтилъ онъ.

— Кстати, Петя, я все жду, когда ты представишь меня своей супругѣ; ея, вѣроятно, нѣтъ дома. Вѣдь ты мнѣ ничего еще не разсказалъ о своей женитьбѣ и о своей подругѣ жизни, которая перевернула всю твою жизнь, измѣнила все твое міровоззрѣніе, превратила тебя въ поклонника древнихъ египетскихъ боговъ, наконецъ сдѣлала тебя, повидимому, осѣдлымъ человѣкомъ.

— Нѣтъ, жена дома, но ее сейчасъ нельзя видѣть,—какъ-то смутившись, отвѣтилъ Иволгинъ.

— Значитъ, у тебя есть еще комнаты въ домѣ,—хотя мы какъ будто обошли его весь.

— Нѣтъ, это все, что̀ ты видѣлъ, но жена не всегда бываетъ видима.

Я съ недоумѣніемъ взглянулъ на Иволгина, такъ какъ рѣшительно ничего не понялъ изъ его словъ, что̀ значитъ „не всегда бываетъ видима“. Иволгинъ, повидимому, замѣтилъ мое недоумѣніе, потому что взялъ меня подъ руку и довольно смущеннымъ голосомъ сказалъ:

— Не думай, мой другъ, во-первыхъ, что я сошелъ съ ума, а во-вторыхъ, что я хочу отъ тебя что-нибудь скрыть. Ты долженъ знать, что никакихъ тайнъ у меня отъ тебя не существуетъ: но это не моя тайна, это—тайна моей жены, и я долженъ спросить у нея разрѣшенія разсказать тебѣ все то, что̀ произошло съ нами обоими за то время, какъ я впервые увидѣлъ мою теперешнюю жену. Это съ обыкновенной точки зрѣнія ни во что не вѣрующаго и все отрицающаго человѣчества весьма необычно и непонятно. Но я не боюсь, что ты сочтешь меня сумасшедшимъ, и если жена разрѣшитъ мнѣ—то я подробно, ничего не скрывая, разскажу тебѣ о встрѣчѣ съ Изой, о нашей женитьбѣ и о всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ нашей жизни. А можетъ-быть, мнѣ удастся уговорить жену показаться и тебѣ, и я почти увѣренъ въ этомъ, такъ какъ ближе тебя у меня никого нѣтъ на этомъ свѣтѣ. Кромѣ меня, ее дѣйствительно теперь никто не видитъ, но я все же надѣюсь, что изъ любви ко мнѣ она на этотъ разъ сдѣлаетъ для тебя исключеніе. А пока, мой другъ, ты меня ни о чемъ не разспрашивай; какъ только я получу согласіе жены—я сейчасъ же, безъ твоихъ просьбъ, разскажу тебѣ о всѣхъ событіяхъ въ моей жизни, случившихся послѣ того, какъ я написалъ тебѣ первое письмо изъ Каира.

Несмотря на то, что Иволгинъ убѣждалъ меня не считать его сумасшедшимъ,— грѣшный человѣкъ, я въ ту минуту заподозрѣлъ, что мой другъ въ дѣйствительности малость рехнулся. Я никакъ не могъ себѣ представить, что̀ это за таинственная жена, которую никто не можетъ видѣть за исключеніемъ одного мужа, и меня невольно интересовалъ вопросъ, видитъ ли ее самъ Иволгинъ, и не есть ли эта прекрасная египтянка плодъ его больной фантазіи. Смущало меня лишь присутствіе портрета: откуда могъ онъ взяться? Если не существовало самого оригинала, не могъ же его выдумать самъ художникъ въ угоду Иволгину.

Единственно, чѣмъ можно было объяснить его появленіе, — это внушеніе, но, насколько мнѣ было извѣстно, Иволгинъ никогда не обладалъ гипнотическими способностями, такъ что это объясненіе въ концѣ концовъ меня мало удовлетворяло; наконецъ обстановка и убранство дома говорили за то, что есть кто-то помимо Иволгина во всей этой странной исторіи,—но кому же постороннему придетъ блажь тратить огромный капиталъ на убранство чужого дома?—все это были вопросы, въ которыхъ я окончательно запутался. Я видѣлъ только одно: что Иволгинъ какъ-то переродился и совершенно счастливъ съ своей таинственной женой-невидимкой, и мнѣ оставалось лишь запастись терпѣніемъ и ожидать отъ самого Иволгина разъясненія тѣхъ загадокъ, которыми онъ оказался окруженъ.

Отложивъ всѣ свои недоумѣнія, я занялся тщательнымъ осмотромъ самого Каира и его окрестностей, на что уходили всѣ дни, а вечера мы проводили съ Иволгинымъ въ его кабинетѣ,—онъ разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ, а я передавалъ ему свои впечатлѣнія, вынесенныя за истекшій день отъ осмотра древностей. Дни проходили за днями, но о женѣ Иволгинъ ни разу не сказалъ ни одного слова, точно ея и не существовало; я же, помня его просьбу и обѣщаніе, также не намекалъ ему, что желаю узнать что-нибудь объ его удивительной женѣ, и ничѣмъ не выдавалъ терзавшаго меня, долженъ сознаться, любопытства.

Одинъ день я посвятилъ осмотру гробницъ священныхъ аписовъ. Надо было ѣхать по желѣзной дорогѣ, затѣмъ довольно долго на ослахъ, такъ какъ гробница эта расположена въ пустынѣ. Было очень жарко, раскаленный песокъ жегъ ноги, а солнце, казалось, хотѣло превратить насъ въ сухари, и если бы не спасительный „домикъ Марріэта“, гдѣ мы передохнули и подкрѣпились взятыми съ собой припасами,—вѣроятно, тѣмъ дѣло бы и кончилось, и насъ бы привезли домой въ видѣ жаркого. Гробницы аписовъ произвели на меня сильное впечатлѣніе, чему способствовала и самая обстановка посѣщенія подземелья, гдѣ стоятъ огромные саркофаги, хранящіе останки священныхъ животныхъ.

Мы спустились туда при свѣтѣ факеловъ, которые придавали какой-то кровавый оттѣнокъ мрачнымъ стѣнамъ и сводамъ; гулко отдавались наши шаги въ этой могильной тишинѣ, отъ движенія пламя факеловъ колебалось и вызывало на стѣнахъ какія-то тѣни, которыя точно сопровождали насъ, оберегая вѣчный сонъ аписовъ.

Температура была очень высока, и чѣмъ дальше мы углублялись, тѣмъ труднѣе становилось дышать.

Возвратился я домой очень усталымъ и, противъ обыкновенія, на этотъ разъ не отдалъ своему хозяину отчета о видѣнномъ въ теченіе дня и не подѣлился съ нимъ своими впечатлѣніями,

а, вытянувшись на диванѣ, разглядывалъ Иволгина, который сидѣлъ въ креслѣ и былъ какъ-то торжественно сосредоточенъ. Всматриваясь въ черты его лица, я былъ удивленъ найти въ нихъ слѣды египетскаго типа, на что я раньше никогда не обращалъ вниманія: теперь же, чѣмъ больше я вглядывался, тѣмъ этотъ типъ становился для меня все яснѣй и яснѣй, а между тѣмъ это было все то же лицо, которое я зналъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ. „Какое странное совпаденіе,—думалъ я.—Почему это природѣ угодно было дать ему сходство съ какимъ-то египтяниномъ, точно соскочившимъ съ древнихъ фресокъ, а судьба послала ему жену-египтянку, переселила его въ Египетъ и сдѣлала изъ него поклонника Аммонъ Ра? Чего только не бываетъ въ этомъ чудномъ изъ міровъ,“—подумалъ я, не воображая, что все это имѣло свои основанія и далеко не было случайнымъ.

Передъ тѣмъ, какъ разойтись по своимъ комнатамъ, Петръ Петровичъ сообщилъ мнѣ, что завтра надѣется видѣть жену, и тогда спроситъ ея разрѣшенія разсказать мнѣ о своей женитьбѣ и о всѣхъ своихъ приключеніяхъ. Лицо Иволгина отражало такое счастье, что я невольно позавидовалъ моему другу: онъ, видимо, предвкушалъ всю сладость предстоящаго свиданія, а я недоумѣвалъ еще больше. На другой день я почти не видѣлъ Иволгина, онъ весь ушелъ въ себя, былъ крайне сосредоточенъ и сидѣлъ, все время запершись у себя въ кабинетѣ, выходилъ только къ завтраку и обѣду, при чемъ выпилъ лишь немного молока и съѣлъ меду. Видимо, изъ кабинета онъ выходилъ только, чувствуя какъ бы обязанность хозяина не оставлять за столомъ гостя одного: хотя со мной ему церемониться было нечего, — но и въ этой мелочи сказалась его натура.

На другое утро Иволгинъ сообщилъ мнѣ, что свиданіе съ женой состоялось, разрѣшеніе послѣдовало, и что вечеромъ онъ сообщитъ мнѣ обо всемъ. Видъ у него былъ, правда, нѣсколько утомленный, но счастье отражалось въ его глазахъ попрежнему.

„Что̀ за дьявольщина,—думалъ я.—Ужъ не спиритизмомъ ли увлекается мой другъ и не вызываетъ ли онъ тѣнь своей жены? А можетъ, кто-нибудь его морочитъ? Но тогда откуда же вся эта обстановка? Еще, чего добраго, съ нимъ тутъ и самъ съ ума сойдешь. И дернуло же меня поѣхать въ этотъ проклятый Египетъ, гдѣ люди женятся на какихъ-то невидимыхъ призракахъ, разговариваютъ съ ними, совѣтуются и счастливы“. Но разъ попалъ въ эту кашу, приходилось ее расхлебывать и доводить дѣло до конца, и я съ нетерпѣніемъ и, не скрою, съ нѣкоторымъ волненіемъ сталъ поджидать вечера, боясь, что этотъ вечеръ окончательно выяснитъ передо мною ненормальность моего друга. Послѣ обѣда, какъ и всегда, мы перешли въ кабинетъ, и Иволгинъ разсказалъ мнѣ все то, что̀ случилось съ нимъ въ промежутокъ этихъ двухъ лѣтъ: и, къ моему удивленію, этотъ разсказъ, несмотря на свою необычность и даже фантастичность, разсѣялъ всѣ мои сомнѣнія относительно умственныхъ способностей Иволгина и убѣдилъ меня въ его совершенной нормальности.

Я поведу разсказъ отъ его имени и постараюсь передать все слышанное въ его же выраженіяхъ, какъ я записалъ это въ своемъ дневникѣ.

Смерть Иволгина освободила меня отъ моего обѣта молчанія, почему я и рѣшилъ разсказать объ его необыкновенныхъ приключеніяхъ.

II.

— Это было въ 188 . . . году,—началъ свой разсказъ Иволгинъ.— Къ этому времени я успѣлъ объѣздить всѣ страны Западной Европы, которая меня мало удовлетворила. Ты знаешь, что я въ душѣ всегда былъ поэтомъ и отчасти даже мистикомъ, и самъ ты говорилъ, что я не отъ міра сего; ну, а для этого въ Европѣ слишкомъ мало матеріала, особенно же для мистицизма: всюду приходится сталкиваться съ самымъ грубымъ и пошлымъ матеріализмомъ, вся Европа погрязла въ денежныхъ расчетахъ и въ погонѣ за матеріальными выгодами, всюду поклоняются златому тельцу. Для поэзіи нѣтъ мѣста, самые поэтическіе уголки испорчены людьми, жаждущими и изъ нихъ извлечь какой-нибудь барышъ. Я рѣшилъ посѣтить Востокъ, эту страну чудесъ, гдѣ надѣялся найти то, къ чему съ дѣтства стремилась моя душа. Начать я рѣшилъ съ Египта, который давно притягивалъ меня къ себѣ.

Съ жадностью всматривался я въ голубую даль, которая скрывала отъ меня этотъ таинственный Египетъ.

Былъ полный штиль, и нашъ пароходъ мѣрно разсѣкалъ зеркальную поверхность моря; только изрѣдка набѣгалъ легкій порывъ вѣтра и покрывалъ небольшою рябью все безконечное пространство задремавшаго моря. Появились чайки и съ рѣзкимъ крикомъ носились надъ водой, точно желая сообщить намъ о близости берега. Вся многочисленная публика, бывшая на пароходѣ, высыпала на палубу и всматривалась въ горизонтъ; у многихъ въ рукахъ были бинокли. Наконецъ на югѣ показалась какая-то бѣлая точка. Я не обратилъ на нее вниманія, но оказалось, что это былъ знаменитый Александрійскій маякъ; вскорѣ затѣмъ начала выдвигаться узкая полоса африканскаго берега, въ этомъ мѣстѣ совершенно плоскаго и нисколько не интереснаго. У меня усиленно забилось сердце: наконецъ я приближался къ великой странѣ фараоновъ, сфинксовъ и пирамидъ, къ странѣ, окутанной дымкой таинственности, къ странѣ Изиды и Аммонъ Ра. Я былъ увѣренъ, что здѣсь я не разочаруюсь, а найду полное удовлетвореніе своимъ душевнымъ наклонностямъ и утолю свою жажду поэзіи и мистицизма.

Берегъ быстро приближался, скоро мы вошли въ портъ и, исполнивъ нѣкоторыя таможенныя и санитарныя формальности, подошли къ пристани у самой набережной. Раздалась обычная команда „крѣпи концы“, переброшены мостики—и цѣлая толпа черномазыхъ носильщиковъ, комиссіонеровъ и проводниковъ хлынула на пароходъ. Черезъ нѣсколько мгновеній я былъ на берегу. Меня охватилъ такой восторгъ, что если бы не было стыдно, то я тутъ же бы припалъ къ землѣ, имѣвшей за собой длинный рядъ тысячелѣтій. Настроеніе мое было какое-то особенное: мнѣ казалось, что я вернулся на свою родину послѣ страшно долгаго отсутствія; я готовъ былъ плакать отъ восторга при взглядѣ на каждаго изъ этихъ черномазыхъ обитателей Египта, казавшихся мнѣ близкими, родными.

Александрія, какъ ты знаешь, не представляетъ изъ себя ничего интереснаго, и я, посѣтивъ музеи и катакомбы, взглянувъ на колонну Птоломея, въ тотъ же день выѣхалъ въ Каиръ. Все время я себя очень странно чувствовалъ: мнѣ казалось, что я все это уже видѣлъ и могъ обходиться почти что безъ проводника,—но особеннаго значенія тогда я этому не придалъ. Однако это чувство продолжалось и во все время моего дальнѣйшаго путешествія по Египту, что̀ меня поражало все больше и больше, пока послѣдующія событія не разъяснили мнѣ, въ чемъ тутъ дѣло.

Каиръ мнѣ удивительно понравился, и, несмотря на сознаніе, что я когда-то былъ здѣсь, я восторгался всѣмъ и всѣми. На другой же день послѣ пріѣзда я отправился къ пирамидамъ—онѣ давили меня своими размѣрами, но не могу сказать, чтобы произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Глядя на нихъ, я не чувствовалъ въ себѣ того трепета, который охватывалъ меня каждый разъ, когда я приближался къ памятникамъ древняго Египта, но зато сфинксъ, наоборотъ, произвелъ на меня особенно сильное впечатлѣніе и точно очаровалъ меня. Я долго простоялъ около него и всматривался въ эту величественную и могучую фигуру. Его таинственный взглядъ, устремленный, казалось, въ сѣдую глубь вѣковъ, притягивалъ мои глаза, и мнѣ хотѣлось разгадать его мысли, хотѣлось прозрѣть то, что̀ онъ видитъ на протяженіи длиннаго ряда протекшихъ передъ нимъ тысячелѣтій его существованія. Прошли тысячелѣтія, смѣнился безконечный рядъ поколѣній, смѣнились династіи, рушились царства, на смѣну старыхъ боговъ пришли новые, на развалинахъ древнихъ храмовъ и вѣрованій возникли новые—а этотъ безмолвный свидѣтель глубочайшей древности стоитъ все съ той же таинственной улыбкой и смотритъ въ даль, точно желая разгадать будущее священной страны Нила. Что̀ ожидаетъ ее? Перемѣнитъ ли она тяжелыя цѣпи рабства на золотой вѣнецъ свободы, и преклонитъ ли когда-нибудь туземный житель Египта колѣни передъ трономъ свободнаго царя, державшаго въ рукахъ скипетръ Верхняго и Нижняго Египта? Что̀ говоритъ намъ эта таинственная улыбка сфинкса? Не говоритъ ли она о томъ, что онъ видитъ, хотя, можетъ-быть, и въ весьма отдаленномъ времени, новое величіе старика Египта, видитъ возстановленіе стараго трона, украшеннаго цвѣтами лотоса, какъ эмблемой свободы и славы?

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть на сфинкса при лунномъ освѣщеніи, предполагая, что при этомъ освѣщеніи онъ еще больше будетъ очаровывать и долженъ вызвать особое повышенное настроеніе; но то, что̀ я увидѣлъ, превзошло всѣ мои ожиданія, не нисколько не разочаровало, а напротивъ—убѣдило въ томъ, что Египетъ можетъ дать именно то, что̀ я искалъ въ теченіе многихъ лѣтъ скитаній по бѣлому свѣту.

Солнце склонялось къ западу, когда я съ проводникомъ отправился на ослѣ къ сфинксу. Мы ѣхали довольно быстро, такъ какъ приходилось спѣшить, чтобы добраться засвѣтло: здѣсь темнота наступаетъ сейчасъ же послѣ заката солнца, Египетъ не знаетъ сумерекъ, а луны приходилось ожидать часа два. Мы добрались весьма во̀-время: когда подъѣхали къ пирамидамъ, то уже послѣдніе лучи солнца освѣщали памятникъ Хеопса. Отпустивъ своего проводника, который долженъ былъ пріѣхать за мной съ восходомъ солнца, я сталъ устраиваться на ночлегъ между огромными лапами сфинкса. Наступила темная южная ночь, миріады звѣздъ загорѣлись на темномъ небосклонѣ,—звѣздъ, которыя видѣли созданіе пирамидъ, присутствовали при возникновеніи сфинкса, видѣли ихъ величіе и могли многое разсказать изъ жизни тѣхъ, которые воздвигали все это, желая бросить свои имена грядущимъ вѣкамъ и поколѣніямъ,—но случилось не то, чего они искали: имена ихъ забыты, забыты ихъ дѣянія, стоятъ только эти безмолвные памятники ихъ былой, теперь забытой, славы и служатъ развлеченіемъ празднымъ туристамъ и доходной статьей мѣстнымъ арабамъ.

Такъ въ этомъ мірѣ все преходяще, ничто не вѣчно, вѣченъ только одинъ духъ, который двигаетъ всѣмъ, создаетъ все и переживаетъ всѣ созданія человѣчества, переживаетъ всѣ міры, наполняющіе вселенную...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЕРТОГРАДЪ ЦАРСКІЙ

Очеркъ В. Н. Агаева.
(Съ 25-ю рисунками).

I.

Въ 1702 году, когда Петръ Великій началъ дѣйствія противъ шведскихъ крѣпостей, расположенныхъ по Невѣ, берега этой рѣки въ предѣлахъ настоящаго Петербурга представляли собой низменныя мѣста, большей частью поросшія лѣсомъ и кустарникомъ. Кое-гдѣ по берегамъ разбросаны были небольшія селенія, какъ: Себрина (Säbrina-by), Сюврюна (Syvryna-hof), Враловцина (Wralofzina-by), Кандуін (Kandnia-by) и др., а противъ острова Люстъ-Эландъ (Веселый Островъ [1]) и немного восточнѣе, при выходѣ изъ Невы рѣчки Фонтанки, ютилась усадьба шведскаго майора Конау. На планѣ 1700 г. въ этомъ мѣстѣ отмѣчена мыза Парвушина или Кононова; послѣднее могло быть искаженіемъ фамиліи Конау (рис. № 1—I).

Рѣчка Фонтанка вблизи выхода изъ Невы сливается съ протокомъ Мойкой (Мьей—въ старину), и, вѣроятно, обиліе воды въ этомъ мѣстѣ позволило Конау содержать свой садъ.

Зеленый уголокъ между Невой, Мойкой и Фонтанкой, обработанный прежнимъ его хозяиномъ, вѣроятно, привлекъ вниманіе Петра, и послѣ захвата всего теченія Невы въ свои руки Царь располагаетъ въ этомъ мѣстѣ у воды среди рощицы лагерь русскихъ войскъ [2], а позднѣе, въ 1711 г., при самомъ выходѣ Фонтанки изъ Невы строитъ себѣ лѣтній домъ.

До этого времени русскіе строились преимущественно за рѣкой (на Петербургской сторонѣ), и постройка Лѣтняго дворца являлась первымъ шагомъ къ заселенію Адмиралтейской стороны. При этомъ дворцѣ былъ разбитъ новый обширный садъ, тогда же названный „лѣтнимъ“, такъ какъ онъ предназначался для одволѣтнихъ цвѣтущихъ растеній. Первоначальный планъ сада былъ составленъ самимъ Государемъ.

Надъ устройствомъ сада работало нѣсколько лицъ. Такъ, согласно „достопамятнымъ сказаніямъ о жизни и дѣлахъ Петра Великаго“ [3]), устройство сада поручено было шведскому садовнику Шредеру.

Въ 1718 г. Петръ встрѣтилъ въ Ревелѣ нѣкоего Гаспара Фохта, ганноверскаго садовника, и сталъ его усиленно звать въ Петербургъ. Фохтъ сначала не соглашался ѣхать въ русскую столицу, ссылаясь на то, что ему будетъ тяжела разлука съ семьей. Но потомъ Фохтъ согласился и, пріѣхавъ въ Петербургъ, совершенно неожиданно для себя нашелъ тамъ уже свою жену и дѣтей, доставленныхъ въ Россію распоряженіемъ Петра. Фохтъ много потрудился при разведеніи Лѣтняго и Аптекарскаго садовъ [1]).

Разбитый сначала въ голландскомъ вкусѣ, Лѣтній садъ былъ затѣмъ передѣланъ во вкусѣ французскихъ садовъ XVIII столѣтія по плану французскаго архитектора, знатока садоваго искусства—Леблона, ученика создателя Версальскаго парка и французскихъ садовъ—Ленотра.

Жанъ-Батистъ-Александръ Леблонъ попалъ въ Россію благодаря рекомендаціи русскаго агента въ Парижѣ—Лефорта. Петръ познакомился съ Леблономъ въ Пирмонтѣ, куда послѣдній отправился для представленія Царю. Французскій архитекторъ очень понравился Царю, и Леблонъ былъ принятъ на русскую службу. Петръ назначилъ его „генералъ-архитекторомъ“ и по этому поводу писалъ Меншикову: „объяви всѣмъ архитекторамъ, чтобы всѣ дѣла, которыя вновь начинать будутъ, чтобы безъ его (Леблона) подписи на чертежахъ не строили, также старое, что можно еще исправить“ [2]).

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Леблонъ организовалъ 19 мастерскихъ, во главѣ которыхъ поставилъ опытныхъ мастеровъ, какъ, напримѣръ, садоваго мастера Гадо, фонтанныхъ дѣлъ мастера Соалемъ, поручилъ литейщику Совражу отливки для садовъ, а самъ осенью 1716 года составилъ планъ разбивки Лѣтняго сада со всѣми садовыми украшеніями, бесѣдками, гротами и прочими сооруженіями, описанными очевидцемъ камеръ-юнкеромъ голштинскаго герцога Берхгольцомъ. Проектъ этотъ Леблонъ послалъ царю за границу.

Такимъ образомъ въ числѣ прочихъ начинаній Петра по устройству столицы однимъ изъ первыхъ являлся вопросъ о разведеніи садовъ.

Конечно, при этомъ съ первыхъ же шаговъ приходилось встрѣчаться съ большими затрудненіями, вызываемыми суровымъ климатомъ и часто неблагопріятной почвой. Поэтому сначала въ петербургскихъ садахъ, несмотря на старанія голландскихъ и нѣмецкихъ садовниковъ, произрастаніе шло плохо. Сырая осень и длинная холодная зима не давали возможности отогрѣться почвѣ, и все, что всходило въ лѣтніе мѣсяцы, не успѣвало созрѣть. Однако скоро садоводы освоились съ мѣстными условіями, и уже въ 1718 г. въ садахъ Меншикова на Васильевскомъ островѣ были уже отличныя ягоды и даже дыни [1]).

По плану 1700 г. I. По плану 1705 г. II. По плану 1718 г. III. По плану 1725 г. IV.

а—Мыза Парвушина. б—Лагерное расположеніе войскъ въ шалашахъ. в—Садъ и лѣтній домъ Царицы. г—Лебедянка, Лебяжій каналъ, отрытый въ 1715—1716 г. д лѣтній каналъ. е—лугъ. е[1]—поперечный каналъ, отдѣлявшій 1-й садъ отъ 2-го. К—застроенное мѣсто. З—Лѣтній домъ Петра I. П—Прудъ. I—Царицынъ лугъ. Ж—Партикулярная верфь. Л—трубы, снабжающія водой фонтаны въ Лѣтнемъ саду. Н—церковь св. Пантелеймона.

Рис. 1. Планы Петербурга (Адмиралтейской стороны) 1700—1725 г.г.

[1]) Впослѣдствіи Петропавловская крѣпость.
[2]) Рис. № 1—II.
[3]) Собраны ред. журн. „Русская Старина“ 1876 года.

[1]) Пыляевъ. „Старый Петербургъ“.
[2]) Петровъ. „Исторія Петербурга“.

Лѣтній садъ постепенно росъ и развивался. По плану 1718 г. (Хомана) видны каналы между Невой и Мойкой (Лѣтній и Лебяжій), а также каналъ, раздѣлявшій садъ на двѣ части (рис. 1—III). Царицынъ лугъ обозначенъ на планѣ пустыремъ, а къ западу отъ него за лѣтнимъ каналомъ показано застроенное мѣсто. По плану 1725 г. на Царицыномъ лугу разбиты дорожки, въ Лѣтнемъ саду обозначенъ существующій и теперь прудъ, а за Фонтанкой помѣчено направленіе водопровода для питанія фонтановъ Лѣтняго сада (рис. 1—IV).

Прямыя аллеи Лѣтняго сада были обсажены липами, дубами и плодовыми деревьями. Деревья и растенія для новаго сада выписывались отовсюду: изъ Москвы высылались ильмовыя деревья, изъ Кіева—грабины, изъ Нарвы—липы и нѣкоторыя породы цвѣтовъ, какъ бѣлыя лиліи, майоранъ и др. Нѣкоторыя породы выписывались издалека: напр., кедры—изъ Соликамска, барбарисовыя сѣмена и розаны—изъ Данцига, изъ Швеціи—яблони; цвѣты высылалъ Царю голландскій резидентъ Брандтъ.

Съ рѣдкой заботливостью относился Петръ къ своимъ садамъ, берегъ ихъ и строго наказывалъ тѣхъ, которые портили насажденія и вырубали деревья. Особенно гордился царь Лѣтнимъ садомъ. Показывая въ 1720 году свой садъ польскому послу, Петръ говорилъ: „Черезъ три года буду имѣть садъ лучше, чѣмъ въ Версалѣ у французскаго короля“ [2]).

Къ концу царствованія Петра садъ занимаетъ уже весьма обширное пространство, начиная отъ самаго берега Невы (отъ Фонтанки до нынѣшняго Мраморнаго дворца) и доходя почти до Невскаго проспекта, такъ что теперешній Лѣтній и Михайловскій сады составляли лишь его части.

По планамъ Петербурга 1737, 1738, 1750 и 1753 гг. видно, какъ расположены были эти отдѣльные сады. Въ „планѣ Императорскаго столичнаго города Санктпетербурга, сочиненнаго въ 1737 г.“ (рис. 2), а особенно въ знаменитомъ Елисаветинскомъ планѣ 1753 г. (рис. 3) ясно представлены детали сада: дорожки, цвѣтники, зданія и т. д. Послѣдній планъ, начерченный вопреки существующихъ правилъ съ сѣверомъ внизу и югомъ сверху, очень подробный. По этому плану видно, какое громадное пространство занималъ садовый районъ елизаветинскаго времени [3]).

II.

Изъ описаній современниковъ видно, что Лѣтній садъ дѣлился на три отдѣльныхъ сада:

а) первый цвѣточный,
б) второй,
в) третій.

Въ первомъ саду на самомъ берегу Невы стояли три длинныя открытыя деревянныя галлереи, служившія буфетами въ праздничные дни во время гуляній. Въ средней галлереѣ стояла мраморная статуя Венеры, которая являлась лучшимъ украшеніемъ сада, и которой Царь дорожилъ до такой степени, что ставилъ во время гуляній около нея часового.

Статуя эта не безъ хлопотъ досталась Петру.

Она была куплена по приказанію Царя за 3.000 скуди капитаномъ Юріемъ Кологривовымъ въ Римѣ въ 1718 году и тамъ же реставрирована скульпторомъ Легри, который починилъ отшибленную голову и придѣлалъ руки вмѣсто утраченныхъ. Такъ какъ вывозъ античныхъ произведеній изъ Рима былъ воспрещенъ, римскій губернаторъ Фальконьери конфисковалъ ее у скульптора, арестовалъ продавца и спряталъ статую въ скрытомъ мѣстѣ папскаго сада.

Когда Петръ узналъ объ этомъ, онъ приказалъ своему агенту въ Венеціи Беклемишеву вмѣстѣ съ дипломатомъ Рогузинскимъ отправиться въ Римъ и просить папу Климента IX о дозволеніи вывезти статую въ Россію. По настоянію кардиналовъ Оттобани и Либони, папа согласился сдѣлать исключеніе на сей разъ и, въ благодарность за благосклонность Петра къ католическимъ миссіонерамъ, предложилъ статую въ подарокъ Царю. При этомъ Оттобани писалъ Петру I (8 іюня 1719 г.), что это произведеніе скульптуры „не уступитъ никакому въ Римѣ украшенію, и чаятельно, во всей

НЕВА

Рис. 3. Елисаветинскій планъ Петербурга 1753 г.

[1]) Пекарскій. „Петербургская Старина“.
[2]) Въ числѣ книгъ, поднесенныхъ Петру Великому въ 1717 г. въ Парижѣ изъ королевской библіотеки, были фоліанты съ гравюрами, изображавшими виды Версальскаго парка.
[3]) Въ послѣдующихъ планахъ замѣчается постепенное измѣненіе и уменьшеніе садоваго района. На планахъ около 1760 г. каналъ между первымъ и вторымъ садами уже не доходитъ до Фонтанки; на планѣ 1777 г. (изъ коллекц. Цылова) обозначены Мраморный дворецъ, Царицынъ лугъ чистъ; нѣтъ Лѣтняго канала, обозначены ломбардъ, старый театръ, Прачечный мостъ; на планѣ 1799 г. обозначенъ Михайловскій замокъ (въ проектѣ); на планѣ 1840 г. обозначены памятникъ Суворову, Цѣпной мостъ, памятникъ Петру I около Инженернаго замка и т. д.

Рис. 4. Венера Таврическая.

Европѣ не найдется другой статуи ей подобной". [1]).

Петръ благодарилъ Оттобани письмомъ и подарилъ ему свой восковой бюстъ, какъ предполагаютъ, исполненія графа Растрелли. Пріобрѣтенный потомъ снова Россіей этотъ бюстъ находится теперь въ кабинетѣ Петра Великаго въ Эрмитажѣ.

Такимъ образомъ статуя Венеры была пріобрѣтена Петромъ. Согласно письму царя къ Ягужинскому, приказано было:

„Лучшую статую Венусъ, которую купилъ въ Римѣ Юрья Кологривой, отправить изъ Ливорно сухимъ путемъ до Инзбрука, а оттоль Дунаемъ водой до Вѣны, съ нарочимъ провожатымъ... ... А понеже оная статуя, какъ самъ знаешь, и тамъ славится, того для велите заранѣе сдѣлать въ Вѣнѣ каретный станокъ на пружинахъ, на которомъ бы лучше можно было ее отправить вамъ до Кракова, чтобъ ее не повредить чѣмъ, а отъ Кракова можно оную отправить паки водою"...

Эта Венера впослѣдствіи названа была Таврической, такъ какъ она помѣщалась въ Таврическомъ дворцѣ до 1850 г.; въ настоящее время она находится въ Эрмитажѣ.

Венера Таврическая—греческая копія съ произведенія Праксителевой школы IX в. до Р. Х. Попавъ въ Эрмитажъ, она послужила началомъ коллекціи античной скульптуры музея. Статуя высѣчена изъ паросскаго мрамора и позой и выраженіемъ даетъ сходство съ Медицеской Венерой и съ Книдской (рис. 4).

Она выходитъ изъ купальни. Подлѣ нея стоитъ алебастръ (сосудъ съ ароматами), покрытый сложенной одеждой богини.

Статуя найдена въ началѣ XVIII в. въ Римѣ при отрытіи фундамента дома. Голова была отбита. Руки, плохо возстановленныя скульпторомъ Легрн, въ 1850 г. были снова отняты. Носъ, губы и часть волосъ реставрированы. Высота статуи 1,67 метра. Поверхность изваянія очень попорчена. На рис. 5 изображенъ рисунокъ статуи съ реставрированными руками изъ изданія „Пропилеи" 1851 г. Это изображеніе весьма далеко отъ дѣйствительности.

Отъ средней галлереи, гдѣ стояла только что описанная статуя Венеры, шла широкая аллея, вдоль которой были расположены фонтаны и дерновыя скамьи. Первый фонтанъ находился на такъ называемой дамской площадкѣ, гдѣ во время празднествъ сидѣла Царица съ придворными дамами; на второй—шкиперской—находился самъ Петръ.

Направо отъ главной аллеи перваго сада устроены были помѣщенія для птицъ и звѣринецъ. Птичникъ былъ построенъ въ видѣ индо-китайской пагоды по проекту генералъ-архитектора Леблона въ 1718 году. Это зданіе представляло въ планѣ восьмиугольную звѣзду. Внутри помѣщенія была устроена громадная клѣтка съ деревьями. Здѣсь были посажены: орлы, черные аисты, голуби, журавль. Въ звѣринцѣ особое вниманіе Берхгольца было привлечено большимъ ежомъ съ черными и бѣлыми иглами длиной до 11 дюймовъ (вѣроятно, дикобразъ). Кромѣ другихъ звѣрей, тамъ были: синяя лисица и соболя.

Налѣво былъ устроенъ прудъ съ бесѣдкой посрединѣ. Въ эту бесѣдку Царь привозилъ на лодкѣ своихъ гостей и угощалъ венгерскимъ. Затѣмъ лодка отъѣзжала, и гости волей-неволей принуждены были продолжать пиршество. Кругомъ пруда расположены были домики—жилища прирученныхъ гусей и утокъ. Здѣсь же спущенъ былъ на воду маленькій корабликъ для катанія по водѣ карликовъ.

III.

Самое замѣчательное зданіе перваго сада, это—дворецъ въ голландскомъ вкусѣ, построенный въ 1711 году при выходѣ Фонтанки изъ Невы. Сначала зданіе было построено совершенно просто, безъ украшеній и почти безъ пристроекъ, но по указу 2 мая 1714 г. дворецъ былъ значительно отдѣланъ и обстроенъ. Въ этомъ указѣ собственной рукой Царя, между прочимъ, было написано: „на лѣтнемъ дворцѣ въ палатахъ штукатурною работою дѣлать вновь между окнами верхними и нижними фигуры, какъ баудиректоръ даетъ; . . . . круглую лѣстницу что на переходъ сдѣлать голландскимъ манерамъ, съ перилами изъ дуба же; въ поварнѣ выкласть плитками стѣны и на верху сдѣлать другую поварню и также плитками выкласть . . . , въ огородѣ сдѣлать гротъ съ погребами и ватеръкунтомъ, о чемъ пропорцію взять у баудиректора".

Баудиректоромъ въ то время былъ Андрей Шлютеръ, нѣмецкій архитекторъ и скульпторъ, приглашенный Петромъ I въ Россію въ 1713 г. Такимъ образомъ барельефы между первымъ и вторымъ этажами снаружи дворца были исполнены по проекту Шлютера. Ему же принадлежала внутренняя отдѣлка дворца. Что же касается самой постройки, то въ возведеніи Лѣтняго дома участвовали Леблонъ и Микети. Дворецъ Петра—это четырехугольное, нѣсколько продолговатое зданіе въ два этажа, обращенное двумя фасадами въ садъ: однимъ—къ Невѣ и однимъ—къ Фонтанкѣ (рис. 6).

Домъ снаружи оштукатуренъ и выкрашенъ. Наличники у оконъ и дверей обиты деревянными планками, и надъ окнами расположены барельефы съ многочисленными сюжетами, заключенные въ четырехугольныя рамки. Кровля изъ бѣлыхъ желѣзныхъ листовъ; по угламъ ея раньше были придѣланы четыре желѣзныхъ дракона, а на верху крыши былъ флюгеръ съ мѣднымъ вызолоченнымъ конемъ.

Въ нижнемъ этажѣ 11 комнатъ, столько же и въ верхнемъ. Стѣны покрыты выбѣленной холстиной, на плафонахъ аллегорическія картины въ рамкахъ лѣпной работы.

Двери дубовыя и орѣховыя съ рѣзными украшеніями, хорошей работы; на одной вырѣзано изображеніе распятія Спасителя. Многія изъ этихъ украшеній приписываются самому Петру.

Во дворцѣ находятся слѣдующія старинныя вещи: большіе стѣнные часы, купленные Царемъ въ Голландіи, съ тремя мѣдными посеребренными циферблатами. Изъ нихъ одинъ служилъ для указанія времени, другой—для опредѣленія направленія вѣтра и третій для опредѣленія состоянія атмосферы; отъ второго было сообщеніе съ флюгеромъ. Эти часы въ футлярѣ изъ орѣховаго дерева. Императоръ Павелъ приказалъ ихъ перенести въ Михайловскій дворецъ, но въ 1820 г. они опять были поставлены въ Лѣтнемъ дворцѣ на старомъ мѣстѣ.

Далѣе слѣдуетъ портретъ Петра Великаго, написанный въ ростъ, въ латахъ и съ датскимъ орденомъ. Этотъ портретъ до 1833 г. находился въ Мраморномъ дворцѣ. Кромѣ этого, во дворцѣ находятся разныя стальныя вещи съ бронзовой насѣчкой, поднесенныя Екатеринѣ II отъ тульскаго оружейнаго завода, шкапъ изъ орѣховаго дерева, работу котораго приписываютъ Петру, три стула и одно кресло.

Рис. 5. Венера Таврическая (въ реставрированномъ видѣ).

До половины XVIII вѣка на дверяхъ дворца было изображеніе часового, защищающаго входъ въ царскую мастерскую. Возникновеніе этой картины относятъ къ слѣдующему событію:

Однажды къ Петру, работавшему въ токарнѣ, хотѣлъ войти Меншиковъ, но часовой у входа, получивъ приказаніе никого не пускать, остановилъ князя. Меншиковъ вступилъ съ нимъ въ перебранку и даже попытался оттолкнуть его. Тогда часовой закричалъ: „Отойди, не то приколю на мѣстѣ!"

Рис. 6. Дворецъ Петра въ Лѣтнемъ саду.

Услыхавъ крикъ, Петръ отворилъ дверь и, когда узналъ, въ чемъ дѣло, наградилъ солдата червонцемъ, а Меншикову сказалъ: „Онъ, братъ Данилычъ, болѣе знаетъ свою должность, нежели ты". [1]).

Въ царствованіе Александра I въ покояхъ дворца Петра I квартировали нѣкоторые русскіе сановники: военный министръ кн. Горчаковъ, бывшій министръ юстиціи кн. Лобановъ-Ростовскій, военный губернаторъ графъ Милорадовичъ, министръ финансовъ графъ Канкринъ [2]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) „Пропилеи" сборн. П. Леонтьева, кн. I. 1851.—„Венера Таврическая".

[1]) Божеряновъ. „Петербургская Старина".

[2]) Пыляевъ. „Старый Петербургъ".

Воздушная броня.

Очеркъ **В. В. Рюмина.**

Извѣстный шведскій ученый физикъ Сванте Ареніусъ подсчиталъ количество летящихъ на землю въ теченіе сутокъ метеоритовъ (падающихъ звѣздъ) и нашелъ цифру, равную 100.000.

Было время, когда ученые признавали баснями всѣ разсказы о паденіи камней съ неба. Они говорили: „небо пусто, камней тамъ быть не можетъ, и падать нечему". Подъ вліяніемъ такого утвержденія выбросили изъ музеевъ много цѣнныхъ для науки метеоритовъ. Но камни продолжали падать — и наконецъ фактъ побѣдилъ. Въ началѣ прошлаго вѣка Парижская Академія, правда, послѣ большихъ споровъ, признала паденіе камней съ неба.

Случаевъ паденія метеоритовъ, сопровождавшихся несчастіями, описано очень мало. Древнія китайскія книги повѣствуютъ о бывшемъ въ 616 году каменномъ дождѣ, убившемъ 10 человѣкъ. Въ 823 году въ Саксоніи выгорѣло 35 деревень отъ падавшихъ съ неба раскаленныхъ камней. Въ Сѣверной Италіи, близъ города Крема, въ 1511 году выпало около 1.000 камней, которыми было перебито много овецъ, птицы и былъ убитъ одинъ человѣкъ. Въ 1660 году, въ Миланѣ, въ монастырѣ св. Маріи, упалъ съ неба камень и убилъ монаха.

Есть много описаній очевидцевъ паденія камней съ неба, но какъ самыхъ разсказовъ, такъ и найденныхъ метеоритовъ неизмѣримо меньше, чѣмъ можно бы ждать, принимая цифру Ареніуса, а между тѣмъ и она вѣрна, и камней, достигшихъ поверхности земли, очень мало.

Рѣдко кто не видалъ падающихъ звѣздъ, многіе видѣли и такіе метеориты, которые оставляли за собою длинный свѣтящійся хвостъ, лопались съ шумомъ высоко въ воздухѣ и исчезали. Наша атмосфера защищаетъ насъ отъ такой бомбардировки метеоритами и не допускаетъ ихъ до поверхности земли. Только рѣдкіе камни не успѣваютъ раздробиться и разсѣяться въ атмосферѣ. Какъ стальная броня кораблей задерживаетъ въ себѣ ядра, посылаемыя въ нее, такъ и атмосфера не пропускаетъ на землю падающіе на нее камни.

Атмосфера наша представляетъ собою смѣсь газовъ. Какъ всякій безцвѣтный газъ, воздухъ, конечно, нельзя увидѣть. Спокойный воздухъ не поддается ощущенію, и только воздухъ въ сильномъ движеніи даетъ почувствовать, а иногда и увидѣть себя или, вѣрнѣе, свое движеніе. Всѣ изучавшіе физику знаютъ тѣ простые, элементарные опыты, которые наглядно доказываютъ, что воздухъ обладаетъ и плотностью, и упругостью, и опредѣленнымъ вѣсомъ, словомъ—свойствами физическаго тѣла.

Ведро воздуха вѣситъ около 15 граммовъ, это—вѣсъ двухъ серебряныхъ монетъ въ 50 и 25 копеекъ. Вѣсъ, довольно ощутительный. Кубическая сажень воздуха вѣситъ около 30 фунтовъ. Но воздухъ упругъ, онъ легко расширяется и сжимается не только механически съ усиліемъ, но и съ перемѣной температуры, а потому вѣсъ его опредѣленъ въ данномъ объемѣ при 0 градусовъ.

При нагрѣваніи его объемъ на каждый градусъ, если онъ не заключенъ въ герметически запертомъ сосудѣ, увеличивается на 1/273 своего объема, какъ и всякаго газа.

Какъ тѣло вѣсомое, воздухъ, конечно, у самой поверхности земли плотнѣе, чѣмъ въ верхнихъ слояхъ. Вѣсъ воздуха, о которомъ упомянуто выше, это вѣсъ при 0 градусовъ и на поверхности моря.

Столбъ воздуха, имѣющій сѣченіе въ 1 квадратный сантиметръ, вѣситъ около 1 килограмма. Такимъ образомъ было вычислено давленіе атмосферы. Въ русскихъ мѣрахъ оно около 15 фунтовъ на квадратный дюймъ. Изъ этихъ данныхъ легко было вывести вѣсъ всей атмосферы: онъ представляетъ собой 5 квинтильоновъ (5 съ тридцатью нулями) килограммовъ, а по отношенію къ вѣсу всего земного шара—одну милліонъ-стотысячную долю.

На каждаго человѣка, имѣющаго въ среднемъ 2.000 квадратныхъ дюймовъ поверхности, давитъ тяжесть въ 750 пудовъ. Не чувствуемъ же мы ея потому, что наружное давленіе уравновѣшивается внутреннимъ.

По мѣрѣ поднятія отъ поверхности земли, давленіе становится все меньше и меньше, такъ какъ уменьшается толщина слоя воздуха, давящаго своими верхними слоями на нижніе. Самый вѣсъ одинаковаго объема воздуха мѣняется съ давленіемъ, такъ какъ въ силу упругости воздухъ стремится расшириться.

Уменьшеніе давленія атмосферы съ поднятіемъ надъ поверхностью земли идетъ очень быстро.

Равное 760 миллиметрамъ на поверхности моря, оно уже, напримѣръ, въ Парижской обсерваторіи равно 756 миллиметрамъ, въ Харьковѣ — 746, на вершинѣ Везувія, имѣющаго высоту въ 1.200 метровъ,—660, на вершинѣ Чимборазо, при высотѣ въ 6.100 метровъ, оно равно только 360 миллиметрамъ, т.-е. меньше половины нормальнаго. На высотѣ 10.000 метровъ давленіе 192, на 20.000 оно 42 миллиметра, на высотѣ въ 50.000 метровъ—0,32, а на 100.000 метровъ (около 100 верстъ) надъ землею всего 0,023 миллиметра, т.-е., съ нашей точки зрѣнія, давленія почти не существуетъ, но, какъ увидимъ дальше, эта величина довольно замѣтна и сказывается совершенно ясно.

Давленіе воздуха на поверхности земли никогда не остается постояннымъ, оно измѣняется въ небольшихъ предѣлахъ въ зависимости отъ температуры, влажности (влажный воздухъ легче сухого) и силы вѣтра. Этими колебаніями въ связи съ другими обстоятельствами — временами года, направленіемъ вѣтра, влажностью воздуха и т. п.— пользуются для предсказанія погоды, и на барометрахъ пишутъ не рѣдко: сушь, буря, перемѣнно и т. д., но къ этимъ показаніямъ надо относиться осмотрительно.

Вотъ главнѣйшія физическія данныя по занимающему насъ вопросу; теперь перейдемъ къ химическому составу атмосферы.

Вблизи поверхности воздухъ представляетъ смѣсь газовъ, паровъ воды и случайныя примѣси. Нормальный составъ воздуха—по вѣсу: 23% кислорода, 75% азота, почти 2% аргона, пары воды и около 0,04% двуокиси углерода (обычно называемой въ общежитіи — углекислотой). Кромѣ того, заводы, города, сжигающіе каменный уголь, даютъ, какъ примѣсь къ атмосфернымъ газамъ, совершенно посторонніе газы. Интересно замѣтить, что, сжигая только сто тысячъ пудовъ угля, содержащаго всего 5% сѣры, мы примѣшиваемъ къ атмосферѣ 10.000 пудовъ сѣрнистаго газа, ангидрида сѣрнистой кислоты, который, въ свою очередь, можетъ дать 15.000 пудовъ сѣрнистой кислоты. Міровое потребленіе угля вноситъ громадныя количества сѣрнистаго газа въ атмосферу, но, если принять во вниманіе общій вѣсъ ея, всѣ эти примѣси, и даже несравненно болѣе значительныя, какъ, напримѣръ, примѣси газовъ, выбрасываемыхъ вулканами, — ничто по сравненію съ пятью квинтильонами килограммовъ всей атмосферы.

Таблица, показывающая составъ воздуха на разной высотѣ надъ поверхностью земли и высоту метеоритовъ.

Примѣсь двуокиси углерода, несмотря на видимую незначительность, имѣетъ большое значеніе въ смыслѣ поддержанія жизни какъ растеній, такъ и животныхъ. Двуокиси углерода поступаетъ въ воздухъ много, ее даютъ животныя въ выдыхаемомъ ими воздухѣ, продукты горѣнія топлива и вулканы; но растенія, и только растенія, поглощаютъ ее и, взявъ изъ нея углеродъ, отдаютъ атмосферѣ обратно кислородъ. Не будь растеній—атмосфера пресытилась бы этимъ газомъ и стала негодной для дыханія, такъ какъ примѣсь къ воздуху двуокиси углерода всего въ количествѣ 5 на 1.000 дѣлаетъ его уже тяжелымъ для животныхъ.

Количество двуокиси углерода не вполнѣ постоянно, оно подвержено нѣкоторымъ суточнымъ колебаніямъ: въ населенныхъ мѣстахъ оно нѣсколько выше, въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ ниже. Повышеніе ея содержанія ночью объясняется очень просто тѣмъ, что растенія разлагаютъ ее только при свѣтѣ, т.-е. днемъ.

По мѣрѣ поднятія вверхъ отъ поверхности земли, составъ атмосферы начинаетъ измѣняться, оставаясь довольно близкимъ къ поверхностному составу до высоты въ 10 километровъ, затѣмъ на 20 километрахъ уже въ немъ кислорода только около половины, т.-е. 12%, и преобладаетъ азотъ. На высотѣ въ 30 километровъ исчезаетъ аргонъ, а около 90 уже нѣтъ и кислорода. Отъ сорока километровъ начинаетъ появляться въ атмосферѣ водородъ, самый легкій изъ извѣстныхъ намъ газовъ. Около той

Леонардо да-Винчи. Мадонна. (Пріобрѣтена Императорскимъ Эрмитажемъ за 150.000 рублей).

же высоты показывается еще новый газъ—гелій, впервые открытый спектральнымъ анализомъ на солнцѣ и затѣмъ найденный на землѣ въ нѣкоторыхъ минералахъ и получающійся при разложеніи атомовъ радія.

Чуть выше границы появленія гелія замѣчается еще, пока только при посредствѣ спектральнаго анализа, газъ, найденный тоже на солнцѣ, именно въ его коронѣ, и названный поэтому короніемъ. Этотъ газъ въ нашей атмосферѣ называютъ геокороніемъ. Гелій на высотѣ немного большей 200 километровъ исчезаетъ, а геокороній все больше и больше примѣшивается къ водороду; а такъ какъ на высотѣ около 100 километровъ уже нѣтъ и азота, то составъ атмосферы съ этой высоты не имѣетъ ничего общаго съ атмосферой, ближайшей къ поверхности: въ ней наблюдаются только геокороній и водородъ, и послѣдній довольно равномѣрно уменьшается въ количествѣ: на высотѣ около 500 километровъ его меньше 10%, остальное же—геокороній. И надо думать, что на еще большемъ разстояніи нѣтъ и водорода, а геокороній заполняетъ собою все пространство нашей солнечной системы.

Прилагаемая таблица графически изображаетъ и составъ и нѣкоторыя особенности атмосферы.

На горизонтальной линіи отложены количества, а на вертикальной—высоты. Разсматривая таблицу, мы видимъ, что на высотѣ 20 километровъ намѣчена линія А. В.—граница такъ называемой тропосферы, т.-е. той части атмосферы, въ которой имѣются еще пары воды, а потому въ ней образуются облака, дождь, снѣгъ, иней. Только въ ней воздухъ волнуется, перемѣщается въ силу температурной разницы: погода на землѣ зависитъ именно отъ движенія въ тропосферѣ. Выше уже нѣтъ ни облаковъ ни движенія вѣтра, и только иногда прорѣзаютъ ее метеориты, не задержанные выше. На высотѣ семидесяти съ небольшимъ километромъ—вторая граница, линія С. Д.; это—граница голубого цвѣта, граница зорь: слой этотъ называется стратосферой: въ ней замѣчаются сѣверныя сіянія, дающія въ спектрѣ линіи азота. Сѣверныя сіянія безъ этихъ линій разыгрывается въ сферѣ водоворота, и выше 250 километровъ иногда только замѣчаются сіянія въ видѣ разлитого ровнаго свѣта, не имѣющаго столбовъ, лучей и переливовъ.

Немного выше границы стратосферы взлетаютъ иногда облака вулканической пыли: имъ мы обязаны продолжительными розовыми зорями, какъ было послѣ изверженія и гибели Кракатоу: нѣсколько лѣтъ носились пылевыя облака, пока наконецъ они не осѣли въ низшіе слои.

Таково строеніе атмосферы по самымъ послѣднимъ работамъ, по которымъ составлена Вегенеромъ прилагаемая таблица.

Выше слоя стратосферы вспыхиваютъ падающія звѣзды, которыхъ бываетъ то больше, то меньше, но въ теченіе каждой ночи внимательный наблюдатель увидитъ простымъ глазомъ не меньше десяти въ часъ въ полѣ своего зрѣнія.

Міровое пространство наполнено космической пылью: въ ней встрѣчаются и довольно большія тѣла. Палласъ доказалъ, что найденная Меттихомъ въ Енисейской губ. на горномъ кряжѣ глыба желѣза—метеорнаго происхожденія. Ея первоначальный вѣсъ былъ 42 пуда. Главная масса этого метеорита находится теперь въ музеѣ Академіи Наукъ.

Много интереснаго представляютъ собою и самые метеориты: но теперь рѣчь идетъ не о нихъ, а только о защитной роли атмосферы. Наибольшее количество звѣздъ падаетъ около 6 часовъ утра, такъ какъ въ это время та часть земного шара, на которой находится наблюдатель, представляетъ собою переднюю часть по направленію его движенія по орбитѣ.

Къ 50-лѣтію Земскихъ учрежденій. Вѣнокъ отъ „Благодарной Земской Россіи", возложенный на гробницу Императора Александра II въ Петропавловскомъ соборѣ.

Къ 50-лѣтію Земскихъ учрежденій. Солонка къ хлѣба-соли, поднесенной Государю Императору представителями Земскихъ учрежденій.

Космическія тѣла и тѣльца летятъ со скоростью, превышающей скорость земного шара (30 километровъ въ секунду) раза въ полтора и больше. Они начинаютъ издавать свѣтъ, достигнувъ высоты около 300 верстъ надъ землей. Какъ ни мала плотность атмосферы въ этихъ областяхъ, но она при той скорости, которой обладаютъ влетающія въ нее тѣла, оказываетъ имъ значительное сопротивленіе, сама атмосфера сжимается передъ метеоритомъ, и онъ начинаетъ свѣтить. Быть-можетъ, главная причина свѣченія въ этихъ областяхъ—электрическаго происхожденія. Большая часть метеоритовъ начинаетъ свѣтить съ высоты 200 верстъ и исчезаетъ на высотѣ 80—100 верстъ. Очень немногіе достигаютъ до стратосферы, и здѣсь, на высотѣ въ среднемъ 40 верстъ, они со взрывомъ разлетаются на болѣе мелкіе камни, часть которыхъ, ничтожная относительно всего количества метеоритовъ, достигаетъ земли.

Причина взрыва съ полной достовѣрностью не выяснена,—она, быть-можетъ, лежитъ въ неравномѣрномъ нагрѣваніи. Въ 1860 г. въ Остъ-Индіи наблюдалось паденіе метеорита, разорвавшагося на небольшой высотѣ; поверхность его въ свѣжемъ изломѣ была настолько холодна (температуры междупланетнаго пространства), что давала ощущеніе ожога, какъ металлы на морозѣ. Обыкновенно поверхность упавшихъ камней бываетъ оплавлена, но не окислена. Этотъ фактъ указываетъ, что нагрѣваніе происходитъ исключительно отъ сопротивленія движенію, оказываемаго атмосферой: оно такъ быстро, что теплота не успѣваетъ передаться въ глубину камня, и эта разность температуръ вызываетъ сильное внутреннее напряженіе, доводящее до разрыва всей массы. Источникъ теплоты исключительно механическаго происхожденія, и только въ рѣдкихъ случаяхъ въ тропосферѣ можетъ встрѣтиться дѣйствительно и горѣніе, т.-е. соединеніе съ кислородомъ: тѣ тучки, которыя остаются на небѣ, какъ слѣдъ пролетѣвшаго болида,—не дымъ, а скорѣе космическая пыль. Горѣніе можно допустить только какъ исключеніе: кислорода выше тропосферы нѣтъ, значитъ—не можетъ быть и горѣнія.

Какъ ни трудно представить себѣ, что такая, по нашимъ представленіямъ, мало плотная среда, какъ воздухъ, можетъ предохранить землю отъ ударовъ падающихъ камней, тѣмъ не менѣе она это дѣлаетъ, и даже не настолько плотная, какъ низшіе, извѣстные намъ слои атмосферы, но еще болѣе рѣдкая, стратосфера.

Высшіе слои атмосферы изучены мало, и то, что сказано здѣсь, это—новыя данныя объ атмосферѣ и ея высшихъ слояхъ. Много изучено, но много еще надо поработать надъ атмосферой и даже надъ нижними слоями, въ которыхъ разыгрываются тѣ процессы, результатомъ которыхъ является погода.

Молодая метеорологія дала довольно много. Въ 100 случаяхъ предсказанія погоды 85 оказываются вѣрными: но этого мало, жизнь требуетъ еще бòльшаго, и надо думать, что, несмотря на большія трудности, продолжая изучать нашу атмосферу, мы найдемъ еще много интереснаго и важнаго въ практическомъ отношеніи.

Къ 50-лѣтію Земскихъ учрежденій. Блюдо, ка которомъ поднесена хлѣбъ-соль Государю Императору представителями Земскихъ учрежденій въ Зимнемъ Дворцѣ, В января с. г.

Къ 50-лѣтію Земскихъ учрежденій. Предсѣдатели и гласные губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ въ залѣ С.-Петербургской губернской земской управы. По фот. К. Булла.

Высочайшій рескриптъ,

данный на имя министра внутреннихъ дѣлъ по случаю 50-лѣтія земскихъ учрежденій.

Въ царственномъ попеченіи о преуспѣяніи Русскаго государства, блаженныя памяти Дѣдъ Нашъ Императоръ Александръ II даровалъ Россіи новый укладъ общественной жизни, покоящійся на началѣ свободнаго, въ очерченномъ кругѣ дѣятельности, использованія населеніемъ своихъ духовныхъ и экономическихъ силъ.

Державное намѣреніе сіе запечатлѣно рядомъ государственныхъ мѣропріятій, среди которыхъ образованіе земскаго самоуправленія — одно изъ важнѣйшихъ.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату, въ 1 день января 1864 года даннымъ, мѣстное населеніе призвано было, посредствомъ избираемыхъ отъ онаго лицъ, къ ближайшему участію въ завѣдываніи дѣлами, до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерній и уѣздовъ относящимися.

Въ заботахъ объ усовершенствованіи государственнаго управленія, возлюбленный Родитель Нашъ Императоръ Александръ III почелъ за благо тѣснѣе сочетать дѣятельность земскихъ учрежденій съ установленіями правительственными и усилить участіе въ земскомъ дѣлѣ наиболѣе просвѣщеннаго круга избирателей. Широко пріобщивъ, вслѣдствіе такого преобразованія, силы свои къ земской работѣ, неизмѣнно отзывчивое къ Монаршимъ предначертаніямъ дворянство и здѣсь внесло въ общее дѣло самоотверженное, какъ всегда, служеніе благу наиболѣе нуждающагося въ земской помощи населенія—близкаго сердцу Нашему крестьянства.

Обращая взоръ Нашъ на пройденный земствами путь, Мы съ чувствомъ отраднаго удовлетворенія признаемъ плодотворные результаты совмѣстной работы всѣхъ сословій въ области мѣстнаго хозяйства: дружными усиліями земскихъ людей населенію даны мощныя средства духовнаго развитія, тѣлеснаго оздоровленія и общаго улучшенія быта.

Успѣхи прошлаго—залогъ преуспѣянія въ будущемъ.

Оздоровленная, просвѣщенная и богатѣющая Россія да явитъ собою, подъ сѣнью Божьяго благословенія, живой памятникъ державнымъ предначертаніямъ Вѣнценосныхъ Устроителей земскихъ учрежденій.

Благодарною мыслію Нашею да будутъ почтены труды и достойныхъ сподвижниковъ ихъ и прочихъ дѣятелей на земской нивѣ, отошедшихъ уже въ вѣчность. Всѣмъ же потрудившимся и нынѣ трудящимся земскимъ людямъ и правительственнымъ чинамъ, воплотившимъ и слiявшимъ въ своихъ дѣйствіяхъ служеніе интересамъ мѣстнаго хозяйственнаго строительства съ преданностью великимъ завѣтамъ общаго Государева дѣла, выражаемъ Мы, въ настоящій знаменательный день пятидесятилѣтія со времени обнародованія перваго узаконенія о земскихъ учрежденіяхъ, Наше Монаршее благоволеніе.

Въ память празднуемаго событія повелѣли Мы выбить медаль и учредили нагрудный знакъ для ношенія по особому о немъ положенію.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Царскомъ Селѣ,
8 января 1914 г.

Учащая Россія.

І-й Всероссійскій Съѣздъ по народному образованію.

(Съ 2 группами на стр. 59).

На Рождествѣ въ Петербургѣ состоялось два учительскихъ съѣзда. Эти съѣзды объединили учащую Россію — ту Россію, которая по глухимъ закоулкамъ нашей родины сѣетъ въ сердца народа „разумное, доброе, вѣчное“. Въ нашу столицу на рождественскіе праздники собралось около 7.000 народныхъ учителей, буквально со всей Россіи. Они собрались для того, чтобы потолковать о нуждахъ и вопросахъ народнаго обученія и о своемъ положеніи. Еще ни разу Петербургъ не видалъ такого многолюднаго съѣзда, и еще ни разу вообще не было у насъ съѣздовъ народныхъ учителей. Правда, одиннадцать лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ состоялся первый съѣздъ имени К. Д. Ушинскаго, но участіе въ немъ принимали лишь представители учительскихъ обществъ взаимопомощи, а не учителя сами по себѣ, какъ таковые. И съѣздъ этотъ носилъ ограниченный характеръ и имѣлъ узкую программу. Общій же съѣздъ по народному образованію, включающій въ себѣ широкую программу съ цѣлымъ рядомъ общеобразовательныхъ вопросовъ, состоялся теперь въ первый разъ за все полувѣковое существованіе реформированной въ 60-хъ годахъ народной школы.

Этотъ съѣздъ носилъ офиціальное названіе „Перваго Всероссійскаго Съѣзда по народному образованію“. И какъ бы въ дополненіе къ нему, почти одновременно съ нимъ открылся въ Петербургѣ и „Второй Всероссійскій имени К. Д. Ушинскаго Съѣздъ представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи“. Общіе по профессіональному положенію своихъ членовъ (а отчасти и по программѣ), эти Съѣзды назывались для краткости „большой“ и „малый“, и хотя общее вниманіе естественно тяготѣло къ „большому“ Съѣзду, немалое значеніе имѣлъ и Съѣздъ имени Ушинскаго, на которомъ было выдвинуто много весьма значительныхъ вопросовъ, касающихся народныхъ школъ и учителей.

„Первый Всероссійскій Съѣздъ по народному образованію“ былъ созванъ по иниціативѣ С.-Петербургскаго Общества Грамотности. Еще въ 1903 году, т.-е. ровно десять лѣтъ тому назадъ, общество собиралось организовать учительскій съѣздъ, но этому помѣшала вспыхнувшая тогда русско-японская война, а затѣмъ неурожай и другія событія. И только въ минувшемъ году Общество Грамотности вернулось къ своей идеѣ, и на этотъ разъ ему удалось осуществить ее. Близкое участіе въ организаціи съѣзда принялъ сенаторъ В. Н. Мамантовъ (предсѣдатель организаціоннаго комитета), а также Я. И. Душечкинъ, В. П. Вахтеровъ и другіе извѣстные дѣятели въ области народнаго образованія.

Открытіе I-го Всероссійскаго съѣзда по народному образованію. Засѣданіе въ Народномъ Домѣ.

На Съѣздъ записалось около 7.000 членовъ. Еще 22 декабря, наканунѣ офиціальнаго открытія Съѣзда, съѣхавшіеся въ Петербургъ учителя собрались въ залѣ Народнаго Дома, гдѣ была устроена товарищеская встрѣча, и былъ поставленъ спеціально для участниковъ съѣзда „Демонъ“ въ исполненіи артистовъ оперы Народнаго Дома. На другой день, 23 декабря, въ той же залѣ состоялось торжественное открытіе Съѣзда: сенаторъ В. М. Мамантовъ, въ присутствіи явившихся на торжество представителей высшей администраціи—товарищей министровъ народнаго просвѣщенія, торговли и путей сообщенія, членовъ Государственной Думы и представителей петербургскаго городского управленія—произнесъ рѣчь и открылъ Съѣздъ. Затѣмъ состоялись выборы президіума, въ составъ котораго вошли сенаторъ В. Н. Мамантовъ, Я. И. Душечкинъ, В. П. Вахтеровъ, члены Государственной Думы, извѣстный поборникъ народнаго образованія Е. П. Ковалевскій, Н. С. Клюжевъ и другія лица. И „Первый Всероссійскій Съѣздъ по народному образованію“ началъ свое существованіе, выслушавъ предварительно множество привѣтствій устныхъ и телеграфныхъ отъ цѣлаго ряда учрежденій и лицъ...

Съѣздъ разбился на нѣсколько секцій по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ. Въ теченіе десятидневнаго существованія Съѣзда (съ 23-го декабря по 3-е января) Съѣздъ выполнилъ колоссальную работу: на секціонныхъ и общихъ засѣданіяхъ было разсмотрѣно множество вопросовъ, заслушано множество докладовъ и составленъ цѣлый циклъ весьма содержательныхъ и значительныхъ резолюцій. Можно сказать, что Съѣздъ впервые ярко и систематически освѣтилъ все бытіе русской народной школы, показалъ, какъ живется народному учителю, чѣмъ онъ силенъ и слабъ, и чего ему не хватаетъ въ жизни и дѣятельности. И едва ли не впервые были сообща установлены и формулированы пожеланія касательно видоизмѣненія программъ и методовъ преподаванія въ народныхъ школахъ.

Было бы затруднительно перечислить всѣ доклады, состоявшіеся на Съѣздѣ,—но уже изъ краткаго и случайнаго перечня нѣкоторыхъ докладовъ можно видѣть, какъ много педагогическихъ и школьно-общественныхъ вопросовъ было разсмотрѣно на Съѣздѣ, и какъ разнообразны были темы докладовъ.

Среди общихъ образовательныхъ вопросовъ прежде всего Съѣздъ трактовалъ вопросъ о всеобщемъ обязательномъ обученіи, объ условіяхъ, при наличности которыхъ возможно осуществленіе обязательнаго обученія, о принятомъ планѣ этого обученія. Много вниманія Съѣздъ посвятилъ затѣмъ вопросу о типѣ и характерѣ начальной народной школы, признавъ желательной единую по типу школу для всей Россіи, согласованную съ школой среднеобразовательной. Притомъ Съѣздъ призналъ желательнымъ приспособленіе школьной программы къ мѣстнымъ условіямъ даннаго края и увеличеніе въ программѣ знаній по естествовѣдѣнію и исторіи. Много говорилось также объ организаціи школы, о продолжительности обученія, о мѣстныхъ окраинныхъ школахъ, о желательности родного (материнскаго) языка въ этихъ школахъ, вслѣдствіе чего, по мнѣнію одного изъ докладчиковъ, инородцамъ легче будетъ изучать русскій государственный языкъ. Много преній вызвалъ на Съѣздѣ вопросъ о профессіональномъ образованіи. Большинствомъ мнѣній Съѣздъ пришелъ къ тому выводу, что въ народной школѣ не слѣдуетъ ставить на первое мѣсто узко-утилитарное профессіональное образованіе, но желательно включить его въ общую систему образованія лишь какъ необходимый элементъ трудового начала въ жизни. Много оживленія Съѣздъ внесъ и въ обсужденіе вопроса о свободномъ воспитаніи и школьной дисциплинѣ. Раздавались голоса за полную свободу проявленія личности ученика и за нестѣсненіе ея никакими дисциплинарными воздѣйствіями. Но Съѣздъ установилъ неизбѣжность и желательность школьной дисциплины при томъ лишь условіи, чтобы дисциплина не создавала ущерба для развитія свободной и самостоятельной личности учащагося, и чтобы требованія дисциплины органически закладывались въ самой душѣ ученика, основываясь на нравственныхъ началахъ, а не на грубо физическомъ воздѣйствіи.

Изъ вопросовъ болѣе частнаго характера, поднимавшихся на Съѣздѣ, упомянемъ слѣдующіе: объ экзаменахъ, о школьныхъ библіотекахъ, о совмѣстномъ обученіи мальчиковъ и дѣвочекъ, о нормѣ учениковъ въ классѣ, о выборѣ учебниковъ и пособій, о дошкольномъ образованіи и дѣтскихъ садахъ, объ образовательныхъ экскурсіяхъ, о дѣтскомъ театрѣ и кинематографѣ. Слѣдуетъ упомянуть и о вопросѣ о реформѣ правописанія (объ исключеніи „лишнихъ“ буквъ—ѣ, і, ѳ). Съѣздъ постановилъ ходатайствовать предъ Академіей Наукъ о скорѣйшемъ искорененіи „вредныхъ буквъ“ и даже выразилъ пожеланіе, чтобы труды Съѣзда были отпечатаны безъ твердаго знака. Можно понять это страстное отношеніе къ данному вопросу, если знать, съ какимъ трудомъ дается школьникамъ усвоеніе правописанія при нынѣшнихъ методахъ преподаванія родного языка. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что при иныхъ методахъ усвоеніе „яти“ не встрѣтитъ никакихъ особенныхъ трудностей и пройдетъ почти незамѣтнымъ въ общемъ курсѣ ученія. И въ этомъ отношеніи Съѣздъ, по нашему мнѣнію, сталъ на нѣсколько неправильную точку зрѣнія.

Много интереснаго и поучительнаго внесли работы врачебно-гигіэнической секціи Съѣзда. Въ этой секціи разсматривались вопросы о школьномъ спортѣ, о физическомъ воспитаніи, о гигіэническомъ устройствѣ школы. Выяснилось отрицательное отношеніе къ состязательному спорту въ школѣ, и рекомендовались свободныя подвижныя игры безъ тѣни азарта.

Много говорилось на Съѣздѣ и объ учителяхъ, объ ихъ правовомъ, профессіональномъ и матеріальномъ положеніи. Говорилось

Члены I-го Всероссійскаго Съѣзда по народному образованію у Казанскаго собора, послѣ молебствія.

о подготовкѣ учителей къ ихъ дѣятельности, объ учительскихъ семинаріяхъ, образовательныхъ курсахъ. Выяснилось печальное матеріальное положеніе огромнаго большинства народныхъ учителей, ихъ необезпеченность. Высказано было пожеланіе объ увеличеніи жалованья учителей до 600 рублей одинокимъ (минимумъ) съ прибавкой по 60 рублей на каждаго члена семьи у женатыхъ.

Немалый интересъ возбудилъ докладъ о школьной борьбѣ съ алкоголизмомъ, о той роли, которую можетъ и долженъ играть народный учитель въ борьбѣ съ этимъ нашимъ общегосударственнымъ бѣдствіемъ. Просвѣтительная и воспитывающая роль школы была признана въ данномъ дѣлѣ чрезвычайно важной.

Изъ перечня всѣхъ этихъ затронутыхъ Съѣздомъ вопросовъ видно, какъ много поработалъ Съѣздъ за сравнительно короткій срокъ своего существованія. Учителя, съѣхавшіеся въ столицу изъ глухихъ угловъ нашей необъятной родины, получили возможность сообща разобраться въ волнующихъ ихъ общихъ профессіональныхъ вопросахъ и обмѣняться накопленными мнѣніями и выводами. Этотъ обмѣнъ мнѣній, эта совмѣстная разработка общаго дѣла была для нихъ настоящимъ праздникомъ. И мы прибавимъ, что это былъ вообще праздникъ русскаго образованія, такъ удачно совпавшій съ извѣстнымъ праздникомъ дѣтей—Рождествомъ.

Учителя имѣли возможность осмотрѣть достопримѣчательности столицы, побывать въ Императорскихъ театрахъ (спеціально для нихъ были даны въ казенныхъ театрахъ спектакли), послушать нашихъ выдающихся пѣвцовъ и артистовъ. Самъ знаменитый Шаляпинъ пожелалъ выступить передъ народными учителями и далъ имъ 30 декабря спеціальный концертъ въ Народномъ Домѣ.

Съѣздъ закрылся 3 января. Въ послѣднемъ общемъ торжественномъ засѣданіи Съѣзда его руководитель, сенаторъ В. Н. Мамантовъ, огласилъ полученную Съѣздомъ Высочайшую телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Передайте труженикамъ народной школы Мою благодарность за ихъ чувства преданности и Мое пожеланіе имъ успѣха въ насажденіи и привитіи дѣтямъ началъ христіанской нравственности, безграничной любви къ Россіи и преданности Престолу.

Николай".

В. И. Ясевичъ-Бородаевская, извѣстная изслѣдовательница по старообрядчеству и сектантству. Первая русская женщина, трудъ которой „Борьба за вѣру", — удостоенъ Императорской Академіей Наукъ большой преміи имени М. Н. Ахматова.

Высочайшая телеграмма послѣдовала въ отвѣтъ на посланную Съѣздомъ (отъ имени организаціоннаго комитета) всеподданнѣйшую телеграмму.

Затѣмъ В. Н. Мамантовъ огласилъ большинство принятыхъ секціями Съѣзда резолюцій.

Въ заключеніе былъ исполненъ военнымъ оркестромъ народный гимнъ, и Съѣздъ былъ послѣ того объявленъ закрытымъ. Такъ кончился этотъ знаменательный праздникъ русскаго народнаго учителя, впервые получившаго возможность громко, на всю Россію высказать свои мнѣнія, пожеланія и выводы...

(Окончаніе будетъ).

Къ рисункамъ.

Рисунки настоящаго номера „Нивы" посвящены главнымъ образомъ послѣдней выставкѣ парижскаго „Салона". Въ этихъ картинахъ чувствуется большая художественная культурность, являющаяся результатомъ школы, традиціи которой исходятъ еще отъ великихъ мастеровъ Возрожденія.

Образчикомъ такого здороваго и высоко-культурнаго искусства является прелестный жанръ г-жи Демонъ-Бретонъ—„*France*". Бывалый служака-морякъ показываетъ маленькому сынишкѣ свою загрубѣлую руку, на которой вытравлено завѣтное слово „France". Талантливая художница такъ и назвала свою картину. Передъ нами прекрасная Франція, умѣющая сочетать съ служеніемъ родинѣ и любовь къ семейному очагу и живую общительность,—такую же свѣтлую и мощную, какъ омывающій Францію океанъ.

Такъ же много свѣта и здоровья въ картинѣ П. Дюпюи „*Пляжъ въ Біаррицѣ*". Живымъ весельемъ дышитъ и „*Хота*" Ж. Диффра—сценка изъ испанской жизни съ неизбѣжными гитарами и кастаньетами. Легкій налетъ грусти чувствуется въ изящной и трогательной сценкѣ Ж. Жоффруа „*Въ госпиталѣ*", но и въ ней много свѣта и своеобразной граціи, какъ и въ картинѣ П. Даньянъ-Буврэ „*У святой воды*".

Въ область историческаго жанра насъ переносятъ картины Э. Бутиньи „*Пираты*". М. Бутэ де-Монвель „*Шествіе Жанны д'Аркъ передъ освобожденіемъ Орлеана*" и Р. Деваррё „*Дампьеръ во главѣ парижанъ, въ бою при Жемаппѣ*, 1792 г." (На стр. 47 подъ снимкомъ съ картины ошибочно напечатано: Жеманнѣ). Э. Бутиньи изображаетъ жуткую сцену грабежа и насилій, чинимыхъ пиратами на Средиземномъ морѣ до покоренія Алжира. Въ картинѣ М. Бутэ де-Монвель мы видимъ торжественную процессію французской національной героини, шествовавшей на борьбу съ англичанами, какъ на религіозный подвигъ... Наконецъ картина Р. Деваррё изображаетъ эпизодъ изъ войны 1792 года, которую французы-республиканцы вели съ ополчившейся на нихъ коалиціей сосѣднихъ монархическихъ державъ. Въ этой національной борьбѣ отличились Дюмурье и его ближайшій помощникъ, генералъ Дампьеръ, предводительствовавшій отрядомъ парижской милиціи. Подъ его начальствомъ парижане храбро дрались въ битвѣ при Жемаппѣ. Дампьеръ позднѣе погибъ въ одномъ изъ сраженій съ австрійцами (при Валансьенѣ) и былъ торжественно похороненъ въ Парижѣ, какъ національный герой.

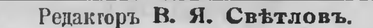
Картинная Галлерея Императорскаго Эрмитажа обогатилась новымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ: у извѣстнаго архитектора Л. Н. Бенуа куплена картина знаменитаго художника Леонардо-да-Винчи: „Мадонна". Судьба этой картины весьма замѣчательна. Она была случайно пріобрѣтена сто лѣтъ тому назадъ прадѣдомъ супруги г. Бенуа, г. Сапожниковымъ... въ Астрахани. Какъ попало въ этотъ городъ произведеніе великаго итальянскаго мастера — неизвѣстно! Что картина — подлинное созданіе великаго художника, установлено многочисленными западно-европейскими экспертами-знатоками Винчи, которые спеціально пріѣзжали въ Россію ради „Мадонны".

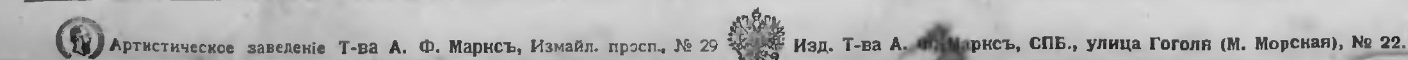
За драгоцѣнную картину западные музеи предлагали Л. Н. Бенуа 500.000 фр., но г. Бенуа предпочелъ продать ее нашему Эрмитажу.

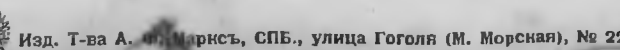
Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова" кн. I.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 4 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 25 января 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Эдмонда Ростана" кн. I.

Е. Тихменевъ. Атакуютъ. VIII Осенняя выставка картинъ.

Море.

Повѣсть **А. М. Ѳедорова**.

(Продолженіе).

XV.

Отплывшіе отсюда такъ недавно паруса рѣяли вдали призрачными тѣнями. Откуда-то взялись на горизонтѣ облака. Можетъ-быть, они были и раньше, но ихъ не замѣтили, потому что они раньше были блѣдны, а теперь засіяли золотисто-ало и тепло. Изъ церкви пригороднаго поселка донесся протяжный и важный звонъ колокола. Нынче была суббота: звонили къ всенощной, и этотъ звонъ такъ же казался золотисто-алымъ, какъ облака.

Къ берегу, гдѣ бѣлѣлъ маякъ, тянулись на этотъ звонъ рыбачьи лодки, ныряя въ волнахъ.

Пустѣло море, и горизонтъ все приближался, тускнѣя отъ золотистой пыли, которая какъ будто осыпалась съ облаковъ.

Всѣ молчали, слушая звонъ. Въ дрожащихъ переливахъ гудящей отъ ударовъ мѣди былъ внутренній призывъ къ сосредоточенію въ себѣ, въ своихъ чувствахъ, въ отношеніи къ небу и землѣ.

Неожиданно появилась Арина Ивановна. Ея всегда спокойный голосъ раздался съ обрыва:

— Что, рыбакъ еще не пріѣзжалъ?

Эльмонтъ, знавшій всѣ рыбачьи лодки на побережьѣ, указалъ на одну изъ нихъ, которая шла не къ рыбачьему поселку, а сюда:

— Вонъ его лодка. Онъ сейчасъ будетъ.

— Ахъ, жалость какая,—сокрушалась Арина Ивановна.— Уха-то. Гриша, для тебя къ ужину не поспѣетъ. Вотъ развѣ барбульки доставутъ, можно будетъ поджарить. Славная рыбка барбулька.

Шугаевъ почувствовалъ, что съ матерью ему легче говорить, чѣмъ сейчасъ было съ ними. Онъ охотно поддержалъ ее:

— Да, барбулька—одна изъ самыхъ нѣжныхъ рыбьихъ породъ. Въ родѣ нашей сибирской форельки.—Онъ обратился къ Эльмонту и пояснилъ ему:—У меня, какъ всегда, на ужинъ рыба. Ужъ такое положеніе.

Саша капризно заворчала:

— Опять рыба! Все рыба да рыба. Я, кажется, скоро въ чайку превращусь отъ этой ѣды. Вотъ и Лидія Михайловна.

— Да ничего ты не понимаешь...—прервалъ ее Шугаевъ.— На ночь всегда надо ѣсть что-нибудь легкое, чтобы спать спокойно.

— Я и такъ сплю, какъ камень,—заявила Саша.

Арина Ивановна предложила дочери:

— Пойдемъ, Сашенька, по берегу. Вотъ другіе рыбаки вернулись.

— Идите, мамочка, одна. Мнѣ здѣсь интереснѣе.

Шугаевъ, удивленный все усиливающимся волненіемъ въ морѣ, сказалъ:

— Странная вещь, такой закатъ спокойный, такая тишина, а море все больше и больше волнуется.

— Мертвая зыбь,—опредѣлилъ Эльмонтъ.—Это поразительное явленіе.

Арина Ивановна, отъ которой къ сыну перешла манера все пояснять, добавила:

— Говорятъ, это гдѣ-нибудь далеко буря.

Она тихо повернулась и пошла по твердому, слегка хрустящему песку туда, гдѣ пестрѣли лодки и уже закурился сизый дымокъ костровъ.

Лидія Михайловна, не проронившая при Аринѣ Ивановнѣ ни слова, пересыпая руками песокъ и зарывая въ него свои пальцы, мечтательно заговорила:

— Такъ бы и зарылась въ песокъ! Такой онъ ласковый и мягкій, такъ и тянетъ въ себя... такъ и тянетъ.

Она набрала полныя горсти песку и, сыпля его, стала читать стихи Эдгара По:

„Я держу въ рукахъ своихъ
Горсть песчинокъ золотыхъ,
Какъ ихъ бѣгъ мнѣ задержать,
Какъ сильнѣе руки сжать?“

Она силилась припомнить, какъ дальше, и не могла и досадовала на себя:

— Вотъ забыла. Ужасно здѣсь теряется у меня память. И сама не знаю, почему.

Саша, смотрѣвшая на обрывъ, воскликнула:

— Смотрите, смотрите, точно огонекъ пылаетъ!

— Что?—не оборачиваясь, спросила Лидія Михайловна.

— Макъ. Солнце заходитъ и освѣщаетъ его. Лидія Михайловна, хотите я сорву его для васъ? Это такъ пойдетъ къ вашимъ чернымъ волосамъ.

Она поднялась съ песка, отряхивая платье отъ песчинокъ, и быстро поднялась наверхъ.

— Не надо. Не рвите,—остановила ее Лидія Михайловна.— Онъ сейчасъ осыплется.

Она долго смотрѣла туда, гдѣ пылалъ макъ, и отъ него шли въ ея душу теплые нѣжные лучи, будившіе забытыя воспоминанія. Она ощутила легкій трепетъ, холодокъ, отъ котораго сладко заныло сердце и томительно заструилась кровь. Еще не отдавая себѣ отчета въ томъ, что проснулось въ ней, она, изумленная и обрадованная, пробормотала:

— Такъ это было тамъ... тогда...

Эльмонтъ, указывая на макъ, обратился къ Лидіи Михайловнѣ:

— Вашъ porte-bonheur.

Шугаевъ, гордясь за жену, произнесъ:

— Да, эту вещь у нея считаютъ удачной.

Эльмонтъ, желая опять загладить свою небрежность въ бесѣдѣ съ нимъ, вернулся къ прежнему:

— Ты вотъ давеча, можетъ-быть, меня не понялъ, когда я тебѣ объяснялъ. Но вотъ видишь ли... Въ этой статуѣ „Макъ“— выразилась Лидія Михайловна.

Шугаевъ опять заговорилъ о своемъ:

— Да, въ Парижѣ эта работа ея имѣла успѣхъ, хотя я, собственно, не согласенъ, что въ этомъ выразилась Лидія Михайловна. Что, собственно, символизируетъ фигура этой женщины, обвитая макомъ съ облетающими лепестками и сама похожая на макъ? Любовь? Наслажденіе?

— Положимъ,—далъ ему реплику Эльмонтъ.

— Мнѣ кажется,—развивалъ Шугаевъ свою мысль:—люди довольно занимались этимъ предметомъ. Есть идеи болѣе высокія, которыя ждутъ воплощенія въ творчествѣ.

Лидія Михайловна съ усиліемъ оторвала отъ мака свой взглядъ и, словно не вѣря тому, что проснулось въ ней, обратилась за подтвержденіемъ къ Эльмонту:

— Скажите, бывало это когда-нибудь съ вами?

— Что такое?

Она стала собираться съ мыслями, чтобы возможно яснѣе дать понять, что переживала сейчасъ.

— А вотъ... вы гдѣ-нибудь въ первый разъ... видите совсѣмъ новыя мѣста, новые предметы. И вдругъ что-то мелькнуло... зажгло. Вамъ кажется, что вы ужъ это видѣли когда-то.

Эльмонтъ отвѣтилъ:

— Да.

Шугаеву тоже было знакомо это явленіе, но онъ зналъ научное объясненіе его и хотѣлъ подѣлиться имъ:

— Ученые это объясняютъ тѣмъ, что мозгъ человѣка имѣетъ два полушарія; клѣточки и нервные центры одного полушарія...

Но Лидія Михайловна нетерпѣливо его перебила:

— Ахъ, ученые, ученые! Что они знаютъ, эти ученые! Сидятъ въ этихъ клѣточкахъ и не видятъ цѣлаго міра, огромнаго, таинственнаго міра!

Шугаевъ улыбнулся на это безсмысленное или, какъ онъ мысленно мягче опредѣлилъ: „женское возраженіе“, и улыбнулся въ отвѣтъ:

— Чѣмъ дальше отъ науки человѣкъ, тѣмъ болѣе для него таинственнаго

Лидія Михайловна не стала опровергать этого:

— Можетъ-быть, и такъ. Но иногда всякимъ премудрымъ клѣточкамъ хочется предпочесть эту таинственность.

Это мнѣніе раздѣлялъ и Эльмонтъ:

А. Писемскій. Дорожка. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

— отъ этого удовольствія. Разскажите, въ чемъ дѣло,—можетъ-быть, тутъ и нѣтъ ничего таинственнаго.

Лидія Михайловна заупрямилась:

— Не стоитъ. Я не хочу, чтобы это попало въ клѣточки.

Онъ мягко встрѣтилъ эту рѣзкость:

— Нехорошо, что вы нервничаете.

— Я нисколько не нервничаю.

— Вамъ, очевидно, вредно такъ много купаться,—объяснилъ онъ безъ тѣни желчи.

— Я чувствую, наоборотъ, послѣ купанья особый приливъ силъ.

— Сейчасъ приливъ, черезъ минуту упадокъ. Я замѣтилъ, что море на васъ странно дѣйствуетъ. Вы точно заодно съ нимъ.

Она все такъ же холодно отозвалась:

— Что же тутъ удивительнаго? Мы съ нимъ родные.

XVI.

Эльмонту непріятны были эти супружескія пререканія. Къ тому же, они мѣшали бесѣдѣ о томъ, что его интересовало. Онъ рѣшительно прервалъ ихъ, обращаясь къ Лидіи Михайловнѣ съ пристальнымъ, пронизывающимъ ее взглядомъ:

— Я почти угадываю вашу тайну.

Она по глазамъ его прочла все и закивала головой, обрадованная и немного испуганная:

— Да, да, навѣрно. Навѣрно. Это странно, необыкновенно. Не правда ли?

Шугаевъ, нѣсколько задѣтый этой интимностью артистическихъ натуръ, усмѣхнулся:

— У васъ все странно и все необыкновенно.

Лидія Михайловна съ удареніемъ возразила:

— Да, все странно и все необыкновенно. И въ душѣ человѣческой нѣтъ ничего обыкновеннаго и не страннаго для меня.

— Правда,—подтвердилъ Эльмонтъ.

— Въ чемъ же это необыкновенное и странное?—добивался профессоръ.

— Я уже сказала.

— Когда же? Я не слышалъ.

Лидія Михайловна, уже не считаясь съ настроеніемъ мужа, кивнула на Эльмонта:

— А вотъ онъ навѣрное слышалъ.

Эльмонтъ, въ подтвержденіе ея словъ, тотчасъ же спросилъ многозначительно:

— И вы думаете, что было такъ и тогда?

Лидія Михайловна, теряя самообладаніе, отвѣтила:

— Вы правы, самое скучное время будетъ тогда, когда не останется людямъ ничего таинственнаго. Когда все, что переполняетъ сердце безотчетнымъ восторгомъ, грустью, умиленіемъ, заставляетъ, понимаешь ли, волосы на головѣ шевелиться отъ какихъ-то непередаваемыхъ чувствъ...

— Все это будетъ распредѣлено по клѣточкамъ,—закончила Лидія Михайловна.

Шугаевъ съ сокрушеніемъ покачалъ головой.

— Профессору непріятенъ этотъ разговоръ,—замѣтилъ Эльмонтъ.

— Нѣтъ, отчего непріятенъ, — покривилъ было душой Шугаевъ, но затѣмъ сознался:—А впрочемъ, развѣ тебѣ было бы пріятно услышать колоченіе въ заслонъ вмѣсто музыки?

Но Эльмонтъ вовсе не склоненъ былъ вести научный диспутъ. Онъ интересовался не этимъ и тотчасъ повернулъ разговоръ назадъ:

— Лидія Михайловна, почему вы мнѣ задали этотъ вопросъ?

Но она какъ-то ушла въ себя и вяло отвѣтила:

— Право, я потеряла охоту углубляться въ то, что меня занимало.

Шугаевъ деликатно отступилъ:

— Извините, если я нечаянно отвлекъ васъ

И. Владиміровъ. На маневрахъ въ Финляндіи. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

А. Писемскій. Море. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

— Можетъ-быть... можетъ-быть... Если такъ, тогда это тѣмъ необычайнѣе.

Эльмонтъ задумчиво повторилъ:

— Да, тѣмъ необычайнѣе.

Она, отдаваясь овладѣвшимъ мыслямъ, какъ загипнотизированная, продолжала, то закрывая глаза, чтобы лучше все представить, то открывая ихъ, какъ бы затѣмъ, чтобы убѣдиться, что все это не грезы:

— Я, какъ сквозь сонъ, помню море... скалы... дикія, съ красноватой глиной. Изъ этой глины я лѣпила рыбъ и пѣтушковъ и еще что-то... Помню, у меня и тогда было это радостное ощущеніе на пальцахъ, когда я запускала ихъ въ глину. Точно что-то живое и покорное въ моихъ рукахъ. На скалахъ растутъ только дикій, жилистый кустарникъ и макъ. Какъ сорвешь цвѣтокъ, онъ тотчасъ облетаетъ.

Шугаевъ, примирившійся съ ея нервнымъ настроеніемъ и нашедшій въ ея послѣднихъ словахъ ключъ къ нему, обрадовался:

— А, такъ вотъ какъ возникла идея вашей статуи!

Она продолжала, даже не замѣтивъ его волненія:

— Весною я тамъ ловила птицъ. Онѣ перелетали изъ теплыхъ странъ; усталыя, ударялись о скалы и падали. По берегу лачуги.

Эльмонтъ осторожно задалъ ей вопросъ:

— А вы совсѣмъ не помните черты его... вашего отца?

— Не помню.

Она вся ушла въ себя, усиліемъ памяти стараясь вызвать безвозвратно ушедшее, и издали, какъ со дна моря, смутно и неопредѣленно, стало мерещиться что-то.

— Впрочемъ, вспоминается. Вотъ... Отецъ меня подбрасываетъ кверху. Но лица его не могу припомнить... нѣтъ. А руки припоминаю... Большія, грубыя и пахнутъ рыбой... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... это было не здѣсь!—усумнилась она.

Эльмонтъ спросилъ:

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Да, это было бы слишкомъ!—желая этого чуда и почему-то боясь его, отвѣтила она.

Шугаевъ наконецъ понялъ, о чемъ шла рѣчь:

— Ахъ, вотъ оно что! Ну, тутъ-то я меньше всего вижу необыкновеннаго. Это, можетъ-быть, одно изъ самыхъ простыхъ совпаденій.

Лидія Михайловна была до послѣдней степени взволнована:

— Неужели это такъ? Неужели это та самая земля, тотъ берегъ, по которому я бѣгала босымъ, безпризорнымъ ребенкомъ?

— Экая... какая вы экзальтированная. Ну, можно ли такъ?—съ нѣжностью пытался успокоить ее Шугаевъ.

Но она была внѣ себя. Оглядываясь во всѣ стороны, она воскликнула:

— Нѣтъ, нѣтъ, это было не здѣсь! Тамъ не было ни этого маяка ни этихъ дачъ!

— Но съ тѣхъ поръ прошло много времени, — подливалъ масло въ огонь Эльмонтъ.

— Да, лѣтъ двадцать. Мнѣ тогда было не болѣе шести.

Она вдругъ встала и быстро пошла прочь отъ всѣхъ вдоль берега. Шугаевъ испугался этого порыва:

— Куда вы?

Онъ пошелъ-было за нею, но она движеніемъ руки остановила его:

— Не надо. Я пойду одна. Если это такъ, я не останусь здѣсь. — Послѣднія слова она уже произнесла на ходу.

Но Эльмонтъ поймалъ ихъ и съ торжествомъ бросилъ ей вслѣдъ:

— Да, это такъ, и вы останетесь здѣсь.

К. Вещиловъ. Подъ лучами южнаго солнца. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

О. Клеверъ. Этюдъ. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

XVII.

Она удалялась по песку торопливой и неровной походкой, точно подталкиваемая какой-то невидимой силой. Ея бѣлое платье, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось тусклѣе. Вотъ оно стало сиреневымъ, какъ то облако на горизонтѣ, которое нѣсколько минутъ тому назадъ было свѣтоносно-алымъ. И волны также начинали тускнѣть. Но ихъ движеніе становилось все размашистѣе и все шумнѣе, и мѣстами онѣ уже подкатывали пѣну чуть не къ самому обрыву.

Тамъ Лидія Михайловна касалась почти самой глиняной стѣны и на мгновеніе сливалась съ нею, но потомъ выступала снова и снова тускнѣющимъ пятномъ мельтшила въ вечернемъ воздухѣ.

Шугаевъ, не на шутку раздраженный ея выходкой, вслухъ негодовалъ:

— Ну, что же это такое? Убѣжала... „Не останусь", — повторилъ онъ брошенныя ею слова. — Ахъ, это искусство! Богъ съ нимъ совсѣмъ. Не женщинамъ имъ заниматься. Нужны мужскія силы, чтобы жить въ этомъ постоянномъ нервномъ подъемѣ. Ну, какой она будетъ матерью, какого она ребенка воспитаетъ, когда у нея все „необычайно" „да чрезвычайно".

Саша, не проронившая раньше ни звука, заступилась за свою золовку:

— Какой ты, Гриша. Какъ ты этого не понимаешь. У насъ семья... мать... А вѣдь ты слышалъ? Она была заброшена... одна... И вдругъ попасть опять туда, гдѣ родилась. Это такъ необычайно! Такъ необычайно!

Она, также взволнованная до слезъ, пошла въ ту сторону, куда направилась Лидія Михайловна.

Шугаевъ окончательно возмутился этой вспышкѣ сочувствія:

— Вотъ вамъ какъ заразительна эта нервность. Дѣвочка жила, никакихъ „необычайно" да „чрезвычайно" не знала. А теперь слезы на глазахъ и все такое. Вотъ какъ эти ненормальныя настроенія заразительны. Они даже на здоровыхъ людей вредно дѣйствуютъ.

— И пускай, — вступился Эльмонтъ. — Довольно въ жизни этого здоровья. Оно — опора самодовольства, оно суживаетъ кругъ человѣческихъ чувствъ и ощущеній. Тяжелое, оно отяжеляетъ и духъ, лишаетъ его того высокаго полета, къ которому онъ призванъ, той остроты проникновенности, которая въ самомъ воздухѣ, окружающемъ людей, угадываетъ близость или враждебность, открываетъ такія дали счастья, которыя дороже и желательнѣе самаго счастья.

Онъ снова посмотрѣлъ вслѣдъ Лидіи Михайловнѣ, уже какъ будто скользившей въ отдаленіи сѣрой тѣнью, и съ прежнимъ торжествомъ заявилъ:

— Да, да, это такъ. И вы останетесь здѣсь.

Круто повернулся и сталъ подниматься вверхъ по тропинкѣ домой, съ такой поспѣшностью, точно онъ забылъ тамъ, дома, что-то необходимое сейчасъ.

XVIII.

Саша, отосланная Лидіей Михайловной, уныло вернулась назадъ и оповѣстила брата:

— Она говоритъ, что хочетъ быть одна.

— Не зачѣмъ было за ней бросаться. Вотъ и ушла съ носомъ. Такъ тебѣ и надо.

— Я на нее не обижаюсь. Я ее понимаю.

А. Писемскій. Старая скамья. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

Но профессору все это очень не нравилось: онъ почти рѣзко оборвалъ ее:

— Нечего тутъ понимать. Нервная вспышка—и больше ничего. А ты, пожалуйста, этихъ примѣровъ не бери. Она—художница, талантъ, красива. Ей приходится прощать... А къ тебѣ... къ тебѣ это не идетъ.

Саша покраснѣла, обиженная столько же за себя, сколько и за Лидію Михайловну:

— Я ни на красоту ни на талантъ и не претендую.

Ему стало жаль ея и стыдно своей рѣзкости. Онъ уже мягче проговорилъ:

— Разговаривай съ женщинами! Я тебѣ не объ этомъ. Чтобы самой найти счастье и дать счастье мужу, надо эти штуки „чрезвычайныя“ и „необычайныя“ бросить.

— Я не нарочно. У меня такъ вырвалось, — оправдывалась дѣвушка.

— Вырвалось! На то умъ и воля даны человѣку, чтобы не распускать себя. Мнѣ нужна для работы атмосфера покоя. А тутъ и она... и ты. Достаточно одной.

Саша обидѣлась на этотъ разъ за себя:

— Я давно прошу тебя отпустить меня на курсы. Мнѣ нѣтъ никакой радости сидѣть у тебя на шеѣ да писать подъ диктовку непонятныя для меня вещи.

Но онъ былъ недоволенъ:

— Дома, по крайней мѣрѣ, ты хоть мнѣ полезна, а на курсы нужно еще деньги посылать. Толку изъ этого все равно будетъ немного. Вы, женщины, какъ замужъ выйдете, такъ вся наука по боку. Вотъ вмѣсто того, чтобы приняться спокойно за работу, я долженъ бороться съ ея нервами, — закончилъ онъ совсѣмъ ужъ неожиданно и быстро пошелъ въ ту сторону, гдѣ скрылась жена, не то желая выяснить что-то, что ему представилось досаднымъ недоразумѣніемъ, не то въ смутномъ безпокойствѣ за нее, которое возбудилось въ немъ все усиливающимся волненіемъ моря.

А главное было то, что по верхней тропинкѣ приближалась мать, съ которой, очевидно, ему тяжело было сегодня бесѣдовать.

Арина Ивановна, найдя на берегу только одну Сашу, изумилась:

— Куда же всѣ разбѣжались? И почему ты одна?

Саша ничего не отвѣтила.

Арина Ивановна не стала ничего добиваться, озабоченная своей неудачей.

— Вотъ бѣда-то, не поспѣетъ къ ужину рыба. Тамъ не нашла, а этотъ только-только возвращается,—указала она на приближающагося рыбака.—Не будетъ Гришѣ рыбки на ужинъ.

Саша съ ревнивой печалью сказала:

— Все Гриша да Гриша. Все только для него, а меня какъ будто и на свѣтѣ нѣтъ.

— Да что ты, Сашенька! —строго выговорила мать. — Вѣдь онъ—извѣстный профессоръ. Сколько онъ учился. Содержитъ насъ. Какъ же о немъ не заботиться да не думать.

— Что мнѣ до того, что онъ профессоръ! Содержаніе свое я вырабатываю, даромъ не живу. Переписчица ему стоила бы не дешевле. Да развѣ въ этомъ! И когда онъ не былъ профессоромъ, вы всю свою любовь и ласку, все ему отдавали.

Арину Ивановну изумила ея дерзость:

— Это не твоего ума дѣло. Каждому корню своя земля нужна. Сильный корень—и земля ему нужна сильная. Вотъ онъ какъ поднялся. А если бы не было этого, все равно—онъ мужикъ, ему надо больше сердца, чѣмъ намъ. Какъ равняться.

Но Сашу возмущали это предпочтеніе и несправедливость:

— Нѣтъ, мама, этого уже было довольно: и униженія и рабства нашего довольно было. Столько же сердца и у насъ, у женщинъ. И умъ такой же. Теперь и женщины есть профессора.

Арина Ивановна добродушно и недовѣрчиво покачала головой:

— Да ужъ и профессора, вѣрно!

Но Саша не унималась, сама не зная, какъ рѣшилась наконецъ все высказать:

— Вы забыли, сколько вынесли и плакали свою жизнь оттого, что ваша мать смотрѣла на это, какъ вы сейчасъ.

— Не хуже другихъ прожила, — пробормотала Арина Ивановна.

Саша не сдержалась; у нея сорвалось съ языка:

— То-то вы мадеру-то и начали пить.

Но еще слова не успѣли остыть у нея на губахъ, какъ ее охватило раскаяніе за нихъ, а когда она увидѣла выраженіе материнскаго лица—ей стало стыдно до того, что она бросилась къ матери и стала цѣловать ей руки, готовая заплакать, повторяя:

— Простите, простите меня, мамочка, я виновата! Я не знаю, какъ это случилось.

Арина Ивановна качала головой и вздыхала:

— Ахъ, Саша, ахъ, Саша. Какъ у тебя повернулся языкъ!

— Мнѣ было очень больно. Вы меня не поймете. Вы сжились съ этимъ... Въѣлось это въ васъ... Все равно... простите...

А. Михайловъ. Могила А. С. Пушкина. VIII Осенняя выставка картинъ.

Арина Ивановна погладила ея волосы и перестала выговаривать, но по-своему объяснила ея несдержанность:

— А я думаю, что блажишь ты потому, что замужъ тебѣ пора.

Это разсмѣшило Сашу:

— Ахъ, мамочка, родимая вы моя, все-таки я люблю васъ со всѣмъ вашимъ тиранствомъ и все-таки... уйду отъ васъ.

Старуха только рукой махнула на это рѣшительное заявленіе. Некогда было вступать въ пренія съ ней. Лодка, которую она ждала столько времени, наконецъ подошла къ берегу, и изъ лодки кричалъ съ кормы мальчишкѣ старикъ:

— Весла-то подымай, Васянька, весла! Такъ.

XIX.

Волна подхватила лодку на гребень и толкнула ее о песокъ.

Мальчишка выскочилъ изъ лодки въ воду, въ засученныхъ выше колѣнъ штанахъ, а за нимъ выскочилъ и рыбакъ. Всклоченный, сѣдой, корявый, какъ обломокъ дерева, сломаннаго бурей и выброшеннаго моремъ.

— Слава Богу, пріѣхали!—привѣтствовала ихъ Арина Ивановна.—Барбулька есть?

— Есть, есть,—торопливо отвѣтилъ рыбакъ. — Пообождите маленько. Пристанемъ. Держи, держи, Васянька, лодку!

С. Заборовскій. Въ день цвѣтка. VIII Осенняя выставка картинъ.

Волна трепала лодку, и они вдвоемъ съ трудомъ удерживали ее, изо всѣхъ силъ волоча къ берегу. Пѣна хлестала въ нее, осѣдая на черныхъ сѣтяхъ и корзинахъ.

— Тащи, тащи! Ой, тащи да потаскивай!—командовалъ нараспѣвъ старикъ, ухватившись за бортъ по одну сторону, въ то время какъ мальчишка тащилъ за другую.

Сашѣ смерть хотѣлось помочь имъ тащить лодку, но она знала, что мать будетъ ворчать, и только машинально повторяла всѣ ихъ потуги.

Но вотъ волна поддала въ корму лодки, и она сразу выкатилась на песокъ.

— Подальше, подальше вытягивай! — покрикивалъ на подростка старикъ.—Вишь, какъ нынче зыбь-то расходится. Моря нынче шалая.

Саша наконецъ не выдержала:

— Давайте, я вамъ помогу.

— Спасибо, барышня, только, гляди, ноги замочишь. Ишь, волна какая бьетъ.

— А я вотъ туфли сниму, — весело отозналась она и, сѣвши на песокъ, проворно сняла туфли и чулки.

Къ удивленію ея, Арина Ивановна не протестовала. И Саша, также ухватившись за лодку, стала помогать рыбакамъ тащить ее, смѣясь и приговаривая и охая вмѣстѣ съ ними:

— Разъ, два—ухъ! Разъ, два—ухъ! Ухъ! Ухъ! Пошло!.. Пошло!.. Пошло-о-о!..

Но пошло слабо.

— Подложи-ка весла, Васянька. А вы, барышня, осторожно съ бѣлымъ платецемъ-то. Въ смолѣ не запачкайте.

— Ничего,—тяжело дыша и улыбаясь, отвѣтила Саша.

Васянька положилъ весла, и опять потащили.

— Ухъ, пошло... пошло... пошло-о-о!..

Лодка дѣйствительно пошла лучше и скоро довольно далеко была отъ воды.

— Ну, ладно, — скомандовалъ старикъ, отдуваясь послѣ потуги.

Арина Ивановна торопила его:

— Давай скорѣй, дѣдушка, рыбу. Мы тебя давно ждемъ.

Но старикъ не особенно спѣшилъ: поглядывая на лодку, онъ докладывалъ говоркомъ:

— Вотъ сейчасъ отберемъ. А много ли найдемъ—не знаю. Ловля-то плохая, да и рыба-то лихая.

— Хоть сколько-нибудь. Мнѣ бы только для профессора.

Саша наклонилась надъ пахучей корзиной, въ которой еще трепетали и вздрагивали серебристо-синія рыбки. И голосъ ея зазвенѣлъ дѣтской тоской и нѣжностью:

— Какъ трепещутъ! Какъ хочется имъ жить! Рыбки, рыбки, гдѣ вы были? Что вы видѣли? Эхъ, пустить бы ихъ обратно въ море!

— Ничего, имъ и на сковородѣ хорошо будетъ,—насмѣшливо замѣтила Арина Ивановна.

Она стала съ рыбакомъ отсчитывать себѣ рыбу въ ведерко.

— Тащи рыбу за барыней,—распорядился старикъ.—Да когда, Васянька, на обратно пойдешь, возьми водки полкварты, купи хлѣба, воды не забудь. Да разживись щепочками для костра.

— Пойдемъ, Саша,—обратилась къ дочери Арина Ивановна, расплатившись съ рыбакомъ.

— Нѣтъ, я останусь. Съ дѣдушкой потолкую. На море посмотрю.

— Не насмотрѣлась?

— Развѣ можно на него насмотрѣться? Ничего не можетъ быть лучше воды.

— Все у тебя: ничего не можетъ быть лучше. Воду увидишь—ничего не можетъ быть лучше воды, звѣзды разглядываешь—ничего не можетъ быть лучше звѣздъ. И про степь и про лѣсъ то же... Идемъ-ка, парень!—кликнула она Васяньку и стала подниматься по тропинкѣ.

Рыбакъ закричалъ ему вслѣдъ:

— Да смотри, поскудникъ, не мѣшкай тамъ, а то въ глоткѣ пересохло!

Рыбакъ сталъ вытаскивать изъ лодки и раскладывать по песку переметы.

Саша помогала ему разбирать ихъ, приговаривая:

— Какъ пріятно босыми ногами по песку ходить! Хорошо быть рыбакомъ.

С. Заборовскій. Духъ времени. VIII Осенняя выставка картинъ.

Ѳ. Гофманъ. Калевала. VIII Осенняя выставка картинъ.

— Хорошо, да не больно, — проворчалъ старикъ. — Наше дѣло невольно. Вотъ у меня тѣло-то, какъ телеграфный столбъ, гудетъ. Какъ къ ненастью, такъ сейчасъ въ ноги, въ руки — штафета.

— Зато свободно.

— Какая тамъ свобода! На морѣ — къ лодкѣ, а на землѣ — къ водкѣ, — вотъ и вся наша свобода. Ну, надо, какъ водится, рыбу перебрать.

— И я, дѣдушка, помогу, а ты станешь мнѣ разсказывать. Много ты видѣлъ, дѣдушка? Я думаю, сколько съ тобой опасныхъ случаевъ въ морѣ было...

— Да что и говорить! У моря родился, на морѣ крестился и въ морѣ помру, — отрапортовалъ онъ и, наклонясь надъ корзиной, сталъ перебирать рыбу, отдѣляя въ другую корзину болѣе крупную.

Саша присѣла около него и стала помогать. И ей сладостно-пріятенъ былъ запахъ рыбы и встревоженной воды, и шумъ моря, и ниспадающія на море и на берегъ сумерки.

XX.

Она не замѣтила бы за этой работой, какъ Шугаевъ подошелъ съ Лидіей Михайловной, если бы не услышала ихъ разговора.

Шугаевъ говорилъ:

— Я немного обидѣлъ Шуру. Ужасно, какъ человѣка портитъ всякая непріятность.

Лидія Михайловна довольно холодно возражала ему:

— Напрасно это васъ взволновало. Я оттого обращалась къ Эльмонту, а не къ вамъ, что онъ больше интересовался, чаще разспрашивалъ меня о моемъ дѣтствѣ. Между тѣмъ какъ вы...

Шугаевъ поспѣшилъ прекратить это непріятное объясненіе:

— Не надо, не надо объ этомъ! Мнѣ это только такъ показалось...

Онъ увидѣлъ за лодкой Шуру и мягко къ ней обратился:

— А-а... вотъ она гдѣ! Что ты такое дѣлаешь?

Саша кивнула на корзину, притворившись обиженной:

— Рыбу разбираю.

Лидія Михайловна залюбовалась ею.

— Она — дѣвочка славная. Она и забыла объ обидѣ. Ты, Саша, будешь рыбой пахнуть.

— Ну, что жъ, я искупаюсь.

— Ты же только-что купалась.

— Выкупаюсь и еще. Ничего не можетъ быть лучше купанья, особенно когда волны такъ разыграются. Я люблю въ волнахъ купаться: онѣ и качаютъ и толкаютъ. Такая выходишь изъ нихъ веселая.

— Правда, — поддержала ее и Лидія Михайловна. — Точно впитываешь въ себя радость моря.

Шугаевъ засмѣялся:

— Ну, да, вы обѣ сирены морскія. Шура, подойди ко мнѣ! — подозвалъ онъ сестру.

Та подошла, отстаняя руки съ прилипшей къ нимъ рыбьей чешуей, чтобы не запачкать брата.

Онъ обнялъ ее:

— Прости, дѣвочка, я тебя обидѣлъ.

Она, растроганная, прижалась къ нему:

— Ну, вотъ...

Лидія Михайловна оставила ихъ и подошла къ рыбаку, о чемъ-то его тихо разспрашивая. Шугаевъ однако уловилъ два-три слона изъ ихъ бесѣды и сталъ увѣщевать Лидію Михайловну:

— Оставьте, Лида; попусту волнуете себя. Не все ли равно, здѣсь это произошло или въ какомъ другомъ мѣстѣ. Все это не суть важно.

— Для меня это очень важно, — проговорила она.

И, продолжая разспрашивать, удалялась въ сторону за рыбакомъ, подбиравшимъ выброшенные моремъ обломки дерева, щепочки и сухой хворостъ.

Шугаевъ озабоченно глядѣлъ вслѣдъ женѣ и разсѣянно отвѣчалъ Сашѣ, которая, зарывая ноги въ песокъ, говорила ему:

— Знаешь, Гриша, сними сапоги. Такъ хорошо по песку босикомъ ходить.

— Нѣтъ, ужъ лучше ты сама надѣнь свои туфли — и идемъ поработаемъ до ужина.

Саша поморщилась и, не желая опять огорчать брата, стала надѣвать чулки и туфли:

— Ну, хорошо.

Шугаевъ замѣтилъ ея настроеніе:

— Тебѣ не хочется?

— Не хочется. Знаешь, — нашлась она: — давай лучше собирать водоросли. Ты вѣдь все равно хотѣлъ ихъ собирать. А ихъ сегодня много. Вонъ!

Въ сумеркахъ багровыя водоросли темнѣли на пескѣ узорной бахромой.

Саша, расширяя ноздри, вдохнула ихъ запахъ, обострявшій солоноватый запахъ моря:

— Я ужасно люблю этотъ запахъ.

— Это — запахъ іодистыхъ маслъ, заключающихся въ водорosляхъ.

— Ну, вотъ, — недовольно покачала головой Саша: — кто тебя просилъ говорить это. Теперь мнѣ будетъ казаться, что море пахнетъ лѣкарствомъ.

— Такъ, такъ, а еще собираешься на медицинскіе курсы!

— Когда еще тамъ это будетъ, а пока обо всемъ такомъ я не хочу ничего знать.

— Кипитъ все въ тебѣ, сама ты не знаешь, чего хочешь. Всего хочешь.

Саша не противорѣчила. Она обулась, поднялась и, раскинувъ въ истомѣ руки, воскликнула:

— Правда, всего! Я хочу быть и профессоромъ, и волною, и облакомъ, и рыбакомъ. Всѣмъ, всѣмъ хочу быть... Жизни хочу!

Съ обрыва надъ ними раздался голосъ Эльмонта, привѣтствовавшаго послѣднія слова дѣвушки:

— Браво! Я слышу голосъ живого человѣка, голосъ молодости и пробуждающейся силы.

Шугаевъ и Саша, сконфуженная тѣмъ, что ее услышалъ въ такую минуту Эльмонтъ, оглянулись и увидѣли его спускающимся по тропинкѣ съ веслами на плечахъ.

Шугаевъ отвѣтилъ ему:

— Просто голосъ крови. Повѣрь, Шура, лучше остаться собой, чтобы жить и за волну, и за рыбака, и за облако, и за все видимое.

— И невидимое, — въ тонъ ему закончилъ Эльмонтъ.

Саша съ завистью посмотрѣла на Эльмонта:

— Вы ѣдете на лодкѣ, возьмите и меня съ собой.

Шугаевъ запротестовалъ:

— Это въ такія-то волны, да на ночь глядя! Какъ же, пущу я тебя. Идемъ-ка лучше дѣйствительно собирать водоросли. — Онъ обернулся къ Эльмонту: — Я бы и тебѣ не совѣтовалъ рисковать.

— Какія это волны! — отозвался тотъ. — Мнѣ бы хотѣлось настоящей бури, чтобы прыгать съ волны на волну и летѣть, куда меня броситъ вѣтеръ.

Съ той стороны, куда ушла Лидія Михайловна, ясно послышались рыданія. Сначала викто не повѣрилъ своему впечатлѣнію. Можетъ-быть, такъ прошумѣла волна, простонала чайка.

Шугаевъ первый бросился туда и увидѣлъ Лидію Михайловну, сидящую на камнѣ съ лицомъ, закрытымъ руками. Она хотѣла сдержать рыданія и не могла.

— Что съ вами? — испуганно обратился къ женѣ Шугаевъ.

Подбѣжали Саша и Эльмонтъ:

— Что такое? Лидія Михайловна, родная, что случилось?

Эльмонтъ поглядѣлъ на нее и на рыбака и все понялъ:

— Да, это такъ... здѣсь... такъ и должно быть.

Шугаевъ гладилъ ея руку, отнимая отъ лица, и старался ее успокоить:

— Полно, полно. Ну, вотъ, я говорилъ...

Рыбакъ также ворчалъ недовольно:

— Да и я говорилъ. Чего къ ночи утопленниковъ поминать. Коли человѣкъ утонулъ — пусть поминаетъ попъ, а намъ что!

Лидія Михайловна, потрясенная, повторила снова разсказъ, переданный ей рыбакомъ:

— Выбросило трупъ... Мать была больная...

— Ну, да, — продолжалъ рыбакъ: — мать была больная, а дѣвчонка малая теребила его и кричала: „Тятя! Тятя!“

Шугаевъ и Саша употребляли всѣ усилія, чтобы успокоить ее:

— Лида, ради Бога, успокойтесь.

— Лидія Михайловна, не плачьте, а то я тоже буду плакать.

— Здѣсь... на этомъ мѣстѣ... Эти волны... моего отца... — вырывались у нея отрывочныя слова.

Эльмонтъ тоже прибавлялъ въ видѣ успокоенія:

— Не все ли равно, гдѣ умирать: на землѣ или на волнахъ.

Она услышала этотъ голосъ, и ей хотѣлось крикнуть морю: „Да, да, все ранно, шумите, шумите, волны! Онъ былъ вашъ, вы его и взяли. И ни проклинать ни ненавидѣть васъ я за это не стану“.

Нѣсколько успокоившись, она сказала:

— Не о томъ я плачу.

— О чемъ же?

— Не знаю, — созналась она: — сама не знаю. Такъ вотъ хлынуло что-то въ душу. Давно это накоплялось... давно подступало. Съ самаго пріѣзда, какъ только увидѣла все это, я чувствовала, что здѣсь что-то есть.

— Теперь вы должны успокоиться, — почти приказывалъ Шугаевъ.

Лидіи Михайловнѣ стало стыдно этой истерики, и она постаралась овладѣть собой:

— Въ самомъ дѣлѣ, это глупо. И давеча я пустяки говорила о томъ, чтобы уѣхать, и прочее... Мнѣ показалось что-то.

Она взглянула на Эльмонта, который повернулся, чтобы уйти отъ этой сцены, но она, чтобы загладить всю эту непріятность, остановила его:

— А вы, кажется, собираетесь въ море?

— Да.

— И я съ вами.

Шугаевъ опѣшилъ отъ этого неожиданнаго заявленія:

— Что вы! Въ такомъ состояніи! Взгляните на волны!

— Я не надолго.

Эльмонтъ обратился къ Шугаеву успокоительнымъ тономъ:

— Тебѣ нечего тревожиться: Лидія Михайловна будетъ со мной.

Но Шугаева, очевидно, это мало утѣшило.

Тогда Лидія Михайловна поспѣшила предложить ему:

— Хотите, отправимся вмѣстѣ.—Обратилась къ Эльмонту:— Вы на парусахъ?

— Да, весла я беру на всякій случай.

Лидія Михайловна настойчиво спросила мужа:

— Вы ѣдете?

— Я—нѣтъ. Вотъ Саша хотѣла.

Саша сухо отрѣзала:

— Я тоже не поѣду.

Лидія Михайловна укоризненно обратилась къ Сашѣ:

— Неужели вы тоже боитесь?

— Я не потому.

Шугаевъ забылъ вызывающій тонъ жены:

— А я, откровенно говоря, боюсь. Вы видите, я даже не купаюсь въ морѣ. Боюсь воды — и все. И васъ я прошу не ѣздить.

Но она упорно заявила:

— Я поѣду. Я хочу... Я чувствую, наоборотъ, какъ море зоветъ меня, тянетъ. Вы не безпокойтесь. Я знаю, что никогда не утону. Я на Женевскомъ озерѣ каталась не въ меньшія волны. Я хорошо умѣю править рулемъ и ставить паруса.

Шугаевъ сомнительно пожалъ плечами:

— Тутъ мужчинѣ; и то, я думаю, трудно справиться.

— О, въ моихъ рукахъ силъ нисколько не меньше, чѣмъ въ мужскихъ. Возиться съ глиной, это — хорошая гимнастика для мускуловъ.

Но Эльмонтъ заявилъ:

— Вамъ не придется воспользоваться вашей силой. Такъ ты не ѣдешь?—сдержанно спросилъ онъ Шугаева.

— Повторяю, я боюсь,—отвѣтилъ тотъ съ удареніемъ.

Эльмонтъ съ насмѣшливымъ вызовомъ замѣтилъ:

— Какъ храбро ты передъ женой сознаешься въ своей трусости!

Тотъ спокойно отвѣтилъ:

— Я не считаю достоинствомъ смѣлость. Всѣ дикіе звѣри — смѣлы.

— Ну, это, положимъ, не совсѣмъ такъ.

— Какъ кому кажется. Я не понимаю, какъ можно ввѣряться безсмысленно водѣ или вѣтру. Жизнь моя еще кому-нибудь нужна. Я понимаю самопожертвованіе, подвигъ во имя великой идеи, но чтобы меня опрокинула волна, и я, не умѣя плавать, попалъ бы въ дурацкое положеніе, сталъ бы кричать, захлебываться, барахтаться и въ концѣ концовъ пошелъ бы ко дну— тутъ я не вижу ничего: ни героическаго, ни полезнаго, ни даже красиваго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Игрушечная страна.

Золотой паутинкой опутаны мысли...
Красный лучикъ мелькнулъ на стѣнахъ.
Огоньки, огоньки надо мною повисли!
Вся душа—въ золотыхъ огонькахъ.

Рдѣютъ яхонтомъ шкалики въ сѣткахъ узорныхъ,
Расцвѣтился диковинный сводъ.
Пѣтушки золотые на ножкахъ проворныхъ,
Распѣвая, ведутъ хороводъ.

Я—въ далекомъ, забытомъ. Я—снова ребенокъ.
Нѣжно-звонокъ и ясенъ мой смѣхъ.
На груди моей—ландышъ, у ногъ—медвѣженокъ,
Въ уголкѣ моемъ — царство утѣхъ.

Заиграла шарманка. Скрипитъ балаганчикъ,
Вспыхнулъ синій тюльпанчикъ въ окнѣ.
На крыльцѣ мнѣ болтаетъ сусальный болванчикъ
Объ игрушечной пестрой странѣ.

Раскрывается книжка. Выходятъ картинки:
Замарашка, умильный Щелкунъ...
Зашептались: какъ будто звенятъ бисеринки,
Льется жалоба тоненькихъ струнъ:

„Все по-старому! Здравствуй! Вѣдь ты не обидишь,—
Подивишься, повѣришь, любя.
Мы твои, но мы умерли... Умерли... Видишь:
Мы смѣемся опять для тебя!"

Я гляжу и киваю и обручъ бросаю,
Легкій обручъ ловлю въ вышинѣ.
Развѣ было иное? Не помню... не знаю.
Я—въ игрушечной мудрой странѣ.

Ахъ, паяцъ поскользнулся! Лежитъ распростертый,
Стынутъ искры въ стеклянныхъ глазахъ.
Поднялся, завертѣлся,—раскрашенный, мертвый,
Въ огонькахъ, въ кружевахъ, въ бубенцахъ!

Ватный дѣдъ, ухмыляясь, мнѣ кажетъ со свистомъ —
Свой картонный, затѣйливый боръ;
Я, какъ въ сказкѣ пастушка, иду съ трубочистомъ
Поглядѣть въ златозвѣздный просторъ.

Но у черныхъ дверей кто-то кашляетъ глухо,
Дымный призракъ вползаетъ, стеня.
Пряха темная жизни! Старуха-шептуха,
Ты ль опять призываешь меня?

Мать холодной тоски и безкрасочныхъ будней,
Что тебѣ—въ этихъ нѣжныхъ лучахъ?
Не гляди мнѣ въ глаза, я хочу непробуднѣй
Утонуть въ расцвѣтающихъ снахъ.

Не гаси мою радугу сумрачной тѣнью:
Видишь—сказка прильнула ко мнѣ?
Дай неслышно заплакать въ покорномъ забвеньи
Здѣсь, въ игрушечной мертвой странѣ.

М. Пожарова.

„Принцесса Иза".

Разсказъ **Л. М. Савёлова.**

(Продолженіе).

На смѣну жаркаго дня наступила прохладная ночь. Я закутался въ плэдъ и сталъ всматриваться въ таинственный сумракъ. Глубокая тишина охватила дремлющую пустыню, ничто не нарушало покоя, только сфинксъ, вѣроятно, продолжалъ глядѣть сквозь этотъ черный покровъ ночи и думалъ свою тысячелѣтнюю думу. Показались признаки скораго появленія луны: небо въ одномъ мѣстѣ начало свѣтлѣть, звѣзды теряли свою яркость, наконецъ появился и дискъ луны и сразу залилъ голубымъ свѣтомъ и пустыню, и пирамиды, и всю гигантскую фигуру сфинкса.

Вдругъ два снопа ослѣпительнаго свѣта точно брызнули изъ обоихъ глазъ сфинкса, и одновременно съ этимъ мнѣ почудились какіе-то звуки, исходившіе будто изъ его нѣдръ. Я припалъ къ его груди и сталъ прислушиваться—дѣйствительно шумъ исходилъ изъ него. Я замеръ. Шумъ все увеличивался. Я сталъ различать пѣніе, вначалѣ тихое, затѣмъ все громче и громче. Казалось, оно приближалось; затѣмъ оно сдѣлалось настолько громкимъ и отчетливымъ, что ясно было, что поющіе вышли уже изъ сфинкса и поютъ на открытомъ воздухѣ. Вдругъ показалось шествіе. Я приникъ къ лапамъ сфинкса, стараясь быть въ тѣни, чтобы не выдать своего присутствія. Происходило что-то необычное.

Впереди шли жрецы, которые на богато убранныхъ носилкахъ несли какую-то золотую статую. Всѣ были въ древне-египетскихъ одеждахъ: вслѣдъ за жрецами шли мужчины въ богатыхъ одѣяніяхъ, залитыхъ драгоцѣнными камнями; головы ихъ были украшены золотыми обручами съ подымающейся впереди головкой змѣи; за ними шла большая толпа въ болѣе скромныхъ одеждахъ, съ клафтами на головахъ. Жрецы остановились передъ сфинксомъ и поставили статую на пьедесталъ: вокругъ появились жертвенники, заклубился фиміамъ, и скоро ароматическіе клубы дыма скрыли статую. Вся толпа простерлась ницъ, а женщины опять запѣли. Онѣ пѣли на древне-египетскомъ языкѣ, но странно—я понималъ все отъ перваго слова до послѣдняго. Постепенно къ женщинамъ присоединились всѣ присутствующіе: они оплакивали прошлое величіе Египта, оплакивали своихъ боговъ.

Волны густой, но величественной мелодіи, казалось, наполнили

весь міръ и поднимались въ высь — къ престолу Творца всей вселенной, къ Творцу всего жившаго и всего живущаго. Эти представители древняго Египта, казалось, хотѣли въ своемъ пѣснопѣніи высказать Отцу своему небесному все свое необъятное горе, горе своей великой страны, потерявшей свободу, потерявшей религію и принужденной покориться пришельцамъ, принесшимъ ей и свою культуру и своихъ боговъ и наложившихъ на все тяжелыя цѣпи рабства; хотѣли высказать о тѣхъ страданіяхъ, которыя переживаетъ народъ египетскій подъ тяжелымъ бременемъ чужеземнаго ига. Постепенно мелодія дѣлалась торжественнѣй — началось славословіе, говорилось о справедливости и милосердіи Царя царей, видящаго все, что̀ испытываютъ страна и народъ, затѣмъ все перешло въ мольбу о прощеніи за всѣ тѣ грѣхи, которые навлекли такую тяжелую кару, продолжающуюся уже цѣлый рядъ вѣковъ. Все закончилось могучимъ аккордомъ звуковъ, которые расходились мягкими волнами и замерли въ пескахъ пустыни. Я весь погрузился въ созерцаніе этой дивной, никогда невиданной, картины: я всматривался въ пустыню, освѣщенную голубымъ свѣтомъ луны; всматривался въ строгія лица этихъ невѣдомыхъ, таинственныхъ людей, вышедшихъ на моихъ глазахъ изъ глубокихъ нѣдръ стараго сфинкса, свидѣтеля ихъ отдаленной жизни. Страха я не испытывалъ никакого, мнѣ казалось это чѣмъ-то знакомымъ, я точно жилъ жизнью этихъ древнихъ египтянъ: я понималъ ихъ горе, переживалъ то, что̀ переживали они, страдалъ вмѣстѣ съ ними, вмѣстѣ съ ними молился, сочувствуя всему тому, что̀ они просили у Творца для себя, для своего народа, для своей страны.

Меня нисколько не поразило ихъ таинственное появленіе, мнѣ казалось это вполнѣ естественнымъ: въ ту ночь сказалось вполнѣ мое мистическое настроеніе, моя душа рвалась навстрѣчу всему таинственному, всему невѣдомому, она помимо воли, казалось, впитывала въ себя всѣ вѣрованія древняго Египта, не сознавая, что она не чужда имъ, и уже тогда готова была воспринять его религію и преклониться предъ таинственнымъ ликомъ Изиды и Гаторъ, готова была уже поклоняться тѣмъ богамъ, которымъ поклонялся древній египетскій народъ, и съ которыми она сжилась въ свое отдаленное воплощеніе.

Я не знаю, долго ли продолжалось богослуженіе, но блестящій дискъ луны былъ уже на противоположной сторонѣ неба, когда вся толпа, имѣя опять во главѣ жрецовъ, несшихъ статую богини, двинулась съ пѣніемъ въ обратный путь.

Пѣніе все удалялось, пока не замерло совсѣмъ въ нѣдрахъ сфинкса. Одновременно съ этимъ померкъ свѣтъ въ его глазахъ, и пустыня опять погрузилась въ сонъ; но черезъ нѣсколько минутъ на востокѣ, изъ-за Нила, вынырнуло солнце, пославшее свой теплый привѣтъ старику, хранившему въ своихъ невѣдомыхъ нѣдрахъ великія тайны древняго Египта, частицу которыхъ мнѣ выпало счастье увидѣть. Появился и мой проводникъ съ ослами, и я отправился въ Каиръ, подавленный и очарованный всѣмъ тѣмъ, что̀ видѣлъ въ сумракахъ этой южной ночи, полной дивныхъ ѝбразовъ и таинственныхъ видѣній. Несмотря на то, что душа моя рвалась навстрѣчу всего таинственнаго, и что гдѣ-то тамъ внутри какой-то голосъ говорилъ о возможности всѣхъ этихъ явленій,—все же во мнѣ сказывалось воспоминаніе, отвергающее все чудесное, не признающее ничего, что̀ не подходитъ подъ законы физики, и я, какъ человѣкъ XIX столѣтія, долженъ былъ отвергать все то, что̀ видѣлъ и слышалъ. Какъ человѣкъ культурный, я обязанъ былъ объяснить это возбужденнымъ состояніемъ нервовъ, самовнушеніемъ, болѣзнью мозга, однимъ словомъ—чѣмъ угодно, но только не дѣйствительностью, не возможностью подобныхъ явленій.

Въ этотъ день, конечно, я никуда уже не выходилъ, а провелъ все время у себя въ гостиницѣ, стараясь разобраться въ этихъ впечатлѣніяхъ и дать имъ возможное объясненіе—но изъ этого у меня ничего не выходило: я былъ слишкомъ увѣренъ, что ничего подобнаго я никогда себѣ раньше не представлялъ и потому внушить себѣ этого не могъ, и наконецъ всю картину я видѣлъ такъ ясно, такъ отчетливо, такъ хорошо слышалъ пѣніе, прекрасно запомнилъ его грустныя мелодіи, что говорить о какой-либо галлюцинаціи было положительно невозможно. Но отвѣтить пока на вопросъ, что̀ же это было,—я тогда еще не могъ, и только рядъ послѣдующихъ событій вполнѣ раскрылъ передо мной завѣсу, скрывающую отъ насъ другой міръ.

Но если тогдашняя ночь не отвѣтила мнѣ на мучительный вопросъ, то во всякомъ случаѣ она многое во мнѣ поколебала, она была первымъ шагомъ въ моемъ перерожденіи; эта ночь положила во мнѣ начало новаго міросозерцанія, а дальнѣйшія событія моей жизни сдѣлали меня убѣжденнымъ поклонникомъ древне-египетской культуры и приверженцемъ египетской религіи, и, какъ ты видишь, здѣсь, въ своемъ кабинетѣ, я воздвигъ статую богини Изиды и поставилъ ей жертвенникъ. Ей я обязанъ своей жизнью, она же сдѣлала меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, на ея же помощь надѣюсь я въ своей будущей жизни и во всѣхъ моихъ послѣдующихъ воплощеніяхъ.

Этимъ закончилъ Иволгинъ свой разсказъ въ этотъ вечеръ. Изъ него я началъ догадываться, къ какимъ существамъ принадлежала его жена, и, не принадлежа къ людямъ, вѣрующимъ въ возможность перевоплощенія, я, конечно, первымъ дѣломъ подумалъ, что всѣ эти видѣнія — плодъ больной фантазіи, развившейся до феноменальныхъ размѣровъ, такъ какъ нельзя же было допустить дѣйствительность всѣхъ этихъ явленій, что̀ я въ мягкихъ выраженіяхъ и высказалъ Иволгину, стараясь не оскорбить его своимъ недовѣріемъ, но онъ только съ сожалѣніемъ взглянулъ на меня и спросилъ:

— Вѣришь ли ты въ то, что матерія не исчезаетъ?

— Конечно,—отвѣтилъ я:—этому учитъ насъ самая элементарная физика.

— Но кому обязанъ міръ всѣми великими открытіями, кто открылъ паръ, электричество, кто двигаетъ массы—грубая ли матерія, или иная сила—духовная, проводящая въ жизнь свои идеи только посредствомъ этой неисчезающей матеріи?

Я, конечно, долженъ былъ согласиться, что сила духа, сила воли сильнѣй матеріи, и что матерія находится на службѣ духа.

— Но въ такомъ случаѣ, — продолжалъ Иволгинъ: — если ты признаешь духъ болѣе сильнымъ, чѣмъ матерію, то почему ты, допуская вѣчность матеріи, въ то же время отрицаешь возможность сохраненія болѣе сильнаго, чѣмъ матерія, духа? Это, согласись самъ, крайне нелогично и непослѣдовательно. Если допускать вѣчность матеріи, то надо допускать и вѣчность духа. Вѣришь ли ты въ существованіе въ мірѣ разумнаго начала? Ты долженъ, конечно, согласиться, что иначе и быть не можетъ. Взгляни на весь этотъ чудный міръ. Неужели можно все объяснить одними физическими законами, неужели эта чудная гармонія, существующая между всѣми мірами, между всѣми твореніями, не носитъ отпечатка творческой, живой мысли, а не одной сухой физической формулы? Но если признавать существованіе высшей творческой силы, то можно ли допустить, чтобы эта творческая сила была несовершенна? Въ теченіе цѣлаго ряда тысячелѣтій народы всего міра признавали существованіе этой высшей руководящей силы, отожествляя ее то съ Зевсомъ, то съ Буддой, то съ Аммономъ и съ цѣлымъ рядомъ боговъ, но въ концѣ концовъ это, конечно, было одно и то же—это тотъ невѣдомый Богъ, которому еще въ глубочайшей древности въ Аѳинахъ былъ поставленъ жертвенникъ, и дѣло было, конечно, не въ имени и не въ способахъ его прославленія. Повторяю—во всѣ времена и всѣ народы признавали это разумное начало, признавали Творца вселенной, хотя, можетъ-быть, и представляли его себѣ различно; но дѣло, конечно, не въ внѣшности и не въ способахъ прославленія. Наконецъ взгляни на красоты міра, взгляни на этотъ темный небосклонъ съ миріадами другихъ міровъ, взгляни на мотылька, порхающаго по цвѣтамъ, на орла, гордо парящаго въ воздухѣ, взгляни наконецъ на человѣка, владѣющаго разумомъ и покорившаго себѣ весь этотъ видимый міръ,— развѣ во всемъ этомъ не чувствуется разумнаго творчества, не чувствуется хозяина той лабораторіи, изъ которой вышла вся вселенная, но которую современный человѣкъ хочетъ сдѣлать бездушнымъ учрежденіемъ, гдѣ все подчинено лишь одному физическому закону, не признающему ни красоты ни поэзіи? О, какъ же все было бы мизерно и пошло, какъ бы не соотвѣтствовало величественной красотѣ вселенной, если бы все происходило такъ, какъ говорятъ наши ученые мудрецы!

„И народы древности понимали это гораздо лучше насъ, такъ какъ въ ихъ вѣрованіяхъ работало больше сердце, чѣмъ холодный разсудокъ. Тѣ же древніе египтяне говорили объ Аммонѣ, какъ о началѣ всего сущаго, единомъ творящемъ всякую плоть, сотворившемъ не только родъ человѣческій, но и остальныхъ боговъ, которые сами поклонялись Аммону, какъ творцу ихъ.

„Но идемъ дальше. Можетъ ли Творецъ этого дивнаго міра быть самъ несовершенъ? Конечно, нѣтъ. Можетъ ли онъ быть несправедливымъ? Конечно, нѣтъ—тогда бы онъ не былъ высшимъ разумнымъ началомъ, такъ какъ несправедливость явилась бы нарушеніемъ гармоніи всего его мірозданія. Но тогда, скажешь ты мнѣ, почему мы бываемъ свидѣтелями совершающихся на каждомъ шагу несправедливостей, почему мы видимъ, что сплошь и рядомъ преступленіе остается безнаказаннымъ, а порокъ торжествуетъ? И на это я дамъ тебѣ отвѣтъ: человѣку данъ разумъ, дана свободная воля, онъ самъ распоряжается своими дѣйствіями,—но это еще не значитъ, что онъ не обязанъ будетъ дать въ нихъ отчетъ и не понесетъ наказанія за совершенные имъ проступки и преступленія; иногда онъ несетъ наказаніе въ теченіе этой же жизни, а если нѣтъ—то духъ его воплощается вновь, чтобы искупить свои преступленія, совершенныя въ предыдущее воплощеніе. Христіанство говоритъ о вѣчныхъ мукахъ,—но развѣ вѣчное мученіе совмѣстимо съ идеей Божества, съ идеей высшаго, разумнаго и справедливаго начала? Гдѣ же здѣсь милосердіе, о которомъ говоритъ то же христіанство? Согласись, что это непослѣдовательно. Если Господь милосердъ, то нѣтъ вѣчныхъ мукъ, а если есть вѣчныя муки — то нѣтъ милосердія: одно другое несомнѣнно исключаетъ. Человѣчество окружено такой массой всевозможныхъ соблазновъ, борьба за существованіе такъ трудна, что карать вѣчными муками слабовольнаго человѣка за совершенные имъ проступки и даже преступленія несправедливо и несовмѣстимо съ величіемъ Творца,—и вотъ повторныя воплощенія и являются тѣми наказаніями, которыя несетъ человѣчество: но вмѣстѣ съ тѣмъ эти воплощенія даютъ духу возможность усовершенствоваться и въ своемъ совершенствованіи постепенно приближаться къ тому разумному началу, которое оживляетъ всю вселенную. Жизнь, это — школа для духа, который въ своихъ перевоплощеніяхъ стремится къ одному животворному,

разумному, руководящему началу. Вотъ моя вѣра, которая ведетъ меня по моему жизненному пути, которая объяснила и объясняетъ мнѣ все то, что̀ произошло и происходитъ со мной, и безъ которой всѣ эти явленія остаются въ области чудесъ и отрицаются холоднымъ разсудкомъ современнаго человѣчества, выводящаго свое происхожденіе и свое бытіе изъ физическаго кабинета и отрицающаго всякое духовное начало въ созданіи міра. Моя вѣра, это—жизнь, тогда какъ въ вѣрѣ современнаго человѣчества, если оно только вѣритъ еще во что-нибудь, слышится запахъ плѣсени, запахъ могилы, но не нашей могилы, являющейся звеномъ въ длинной цѣпи существованія духа, а могилы черной, сырой, безъ просвѣта и безъ надежды.

Вдохновенная рѣчь Иволгина была такъ логична, такъ заманчива, что я не нашелся, что̀ отвѣтить ему, и ничѣмъ не могъ опровергнуть высказанныхъ имъ положеній.

III.

Въ Каирѣ я въ тотъ пріѣздъ прожилъ недѣли три, нѣсколько разъ повторялъ свой опытъ и проводилъ ночи у подножія сфинкса въ надеждѣ что-нибудь увидѣть, но явленія больше не повторялись, и я рѣшилъ, что тотъ разъ у меня просто разыгрались нервы, и все то, что̀ я тогда видѣлъ, было результатомъ разыгравшейся фантазіи. Я ѣхалъ въ Египетъ въ надеждѣ увидѣть что-нибудь необычное, и видѣнное мною явилось только результатомъ моего душевнаго настроенія. Теперь-то я хорошо знаю, что все это происходило не во снѣ, а наяву. Церемоніи эти происходятъ въ извѣстные дни года, и я совершенно случайно попалъ въ ту именно ночь, когда происходила одна изъ нихъ. Конечно, для того, чтобы увидѣть что-нибудь, надо было, чтобы я удовлетворялъ нѣкоторымъ условіямъ, лежащимъ внутри меня,—чего я тогда еще не зналъ. Теперь я обыкновенно всегда присутствую на нихъ, такъ какъ мнѣ извѣстны дни, когда бываетъ богослуженіе, и если ты пожелаешь—то, я надѣюсь, мнѣ удастся получить для тебя разрѣшеніе посмотрѣть на одно изъ нихъ. Надѣюсь, ты погостишь у меня: ближайшая церемонія произойдетъ черезъ семь недѣль: это будетъ въ полнолуніе, и ты все тогда хорошо увидишь.

Эти три мѣсяца я провелъ почти исключительно въ арабской части города и въ мечетяхъ, куда меня привлекалъ ихъ таинственный полумракъ, такъ гармонирующій съ простотой ихъ обстановки и ритмическимъ гуломъ отъ чтенія корана правовѣрными. Я бѣжалъ отъ суеты современнаго Каира съ его великолѣпными отелями и напыщенными англичанами и искалъ спокойствія среди тишины молчаливыхъ мавзолеевъ, воздвигнутыхъ надъ гробами великихъ людей когда-то свободнаго Египта. Но это было все еще не то: я жаждалъ углубиться въ сѣдое прошлое древняго Египта, когда священная долина Нила управлялась туземными фараонами, углубиться въ ту эпоху, когда всюду воздвигались жертвенники Аммону, Озирису, Изидѣ и другимъ богамъ, покровительствовавшимъ странѣ великаго Рамзеса. Меня неудержимо привлекала къ себѣ эта эпоха, казавшаяся мнѣ чѣмъ-то роднымъ и близкимъ, но для этого надо было проникнуть внутрь страны, подняться вверхъ по Нилу и посѣтить знаменитые Карнакскіе храмы и древнія царскія могилы въ Ѳивахъ.

Я отправился въ Луксоръ, расположенный на восточномъ берегу Нила, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Карнака и Ѳивъ. Луксоръ, это — небольшое мѣстечко, но имѣющее нѣсколько прекрасныхъ гостиницъ, устроенныхъ съ расчетомъ удовлетворить требовательныхъ и капризныхъ англичанъ. Одна изъ нихъ лежитъ на самомъ берегу Нила, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея находятся развалины храма Аммона, выстроеннаго за 1.500 лѣтъ до Р. Х. фараономъ Аменготепомъ III; но при Рамзесѣ II храмъ былъ значительно расширенъ, была выстроена великолѣпная колоннада, поражающая и теперь своими размѣрами, поставленъ пилонъ и два обелиска и устроенъ передній дворикъ, гдѣ между пилястрами воздвигнуты были огромныя статуи самого Рамзеса; нѣкоторыя изъ нихъ сохранились и до нашего времени. Храмъ этотъ очень пострадалъ, часть его находится подъ землей, и въ этомъ мѣстѣ возвышается теперь небольшая мечеть съ минаретомъ.

Сравнительно съ храмами Карнака Луксорскій храмъ производитъ меньшее впечатлѣніе, но зато хорошъ онъ при лунномъ освѣщеніи; впрочемъ, тогда выигрываютъ вообще всѣ развалины,—напримѣръ, болѣе поэтическаго мѣста, чѣмъ Акрополь въ Аѳинахъ, при лунѣ я не видѣлъ. Рѣзко выступаютъ тѣни, фигуры кажутся еще больше, и чудится, точно оживаютъ онѣ въ эти ночи, озаряемыя блѣдными лучами таинственной луны.

На другой же день послѣ пріѣзда въ Луксоръ я отправился въ знаменитыя стовратыя Ѳивы съ цѣлью посѣтить гробницы царей и царицъ, которыя меня особенно интересовали и притягивали.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Вертоградъ Царскій.

Очеркъ **В. Н. Агаева.**

(Продолженіе).

Кромѣ Лѣтняго дворца, въ первомъ саду былъ построенъ каменный дворецъ Екатерины I на углу между Невой и Лебяжьимъ каналомъ (противъ дворца принца Ольденбургскаго).

При Екатеринѣ I въ 1725 г. около Лѣтняго дворца Петра I на берегу Невы на мѣстѣ теперешней рѣшетки была выстроена торжественная зала съ большой галлереей для празднествъ по случаю бракосочетанія цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ голштинскимъ Карломъ-Фридрихомъ. Фасадъ этого зданія имѣлъ снаружи два яруса оконъ,—внизу 10 большихъ съ украшеніями въ голландскомъ вкусѣ, сверху—11 меньшихъ размѣровъ. Въ залу вела парадная дверь съ 8 широкими ступенями. На крышѣ былъ установленъ большой государственный гербъ—двуглавый орелъ.

Это зданіе въ 1731 г. было разобрано, и вмѣсто него былъ построенъ деревянный домъ, въ которомъ жила императрица Анна Іоанновна, а по смерти ея—герцогъ Биронъ. Послѣдній въ ночь на 8 ноября 1740 г. былъ арестованъ въ этомъ домѣ и отвезенъ въ Шлиссельбургъ, послѣ чего съ фронтона этого дома былъ сорванъ огромный мѣдный гербъ Бирона. Дворецъ былъ одноэтажный, очень обширный и отличался богатымъ убранствомъ.

Пыляевъ (по запискамъ Блудовой) разсказываетъ объ одномъ явленіи, происшедшемъ въ этомъ дворцѣ. За нѣсколько дней до смерти Анны Іоанновны ночью въ тронной залѣ появился двойникъ императрицы. Призракъ ходилъ взадъ и впередъ, склоня задумчиво голову. Караульный офицеръ, предполагая, что это — дѣйствительно императрица, но въ то же время смущенный такой ночной прогулкой, рѣшился разспросить другихъ, не знаетъ ли кто намѣреній царицы. Доложено было Бирону, а затѣмъ и самой Аннѣ Іоанновнѣ. Императрица выходитъ, какъ была, въ пудермантелѣ. Биронъ идетъ съ нею. „Они видятъ женщину, поразительно похожую на императрицу... „Дерзкая“! — говоритъ Биронъ и вызываетъ весь караулъ; солдаты и всѣ присутствующіе видятъ: двѣ Анны Іоанновны... Императрица, постоявъ минуту въ удивленіи, подходитъ къ ней, говоря: „Кто ты? Зачѣмъ ты пришла?“ Не отвѣчая ни слова, привидѣніе пятится, не сводя глазъ съ императрицы, къ трону, всходитъ на него и на ступеняхъ, обращая глаза еще разъ на императрицу, исчезаетъ. Императрица обращается къ Бирону и произноситъ: „Это — моя смерть“, — и уходитъ къ себѣ“ [1]).

Изъ всѣхъ описанныхъ зданій перваго сада сохранился только первоначальный Лѣтній дворецъ Петра I.

Во второмъ саду, отдѣленномъ раньше небольшимъ поперечнымъ каналомъ отъ перваго сада, былъ устроенъ существующій до сихъ поръ прудъ, обнесенный раньше галлереей, на которой въ праздничные дни собирались петербуржцы. Съ южной стороны къ Лѣтнему саду въ 1821 г. примыкала оранжерея.

Третій садъ былъ расположенъ за Мойкой. Садъ этотъ, постепенно разрастаясь, въ Елисаветинское время занималъ довольно большую площадь отъ Фонтанки до Екатерининскаго канала и отъ Мойки до Итальянской улицы (см. рис. 3 на стр. 53).

На мѣстѣ Инженернаго замка въ 1717 г. стоялъ деревянный лѣтній дворецъ (Ж), построенный для Екатерины. Покои этого дворца были роскошно отдѣланы и украшены вызолоченными орнаментами по рисункамъ Леблона. При дворцѣ была построена церковь во имя св. Троицы, сооруженная Екатериной I. Когда въ 1750 г. Троицкій соборъ, построенный Петромъ Великимъ на Петербургской сторонѣ, сгорѣлъ, то на его мѣсто была перенесена церковь Лѣтняго дворца съ прибавкой къ ней купола и колокольни.

На Елисаветинскомъ планѣ (рис. 3) можно замѣтить садъ около лѣтняго деревяннаго дворца, носившій названіе: „Императрицына“; далѣе слѣдовалъ садъ съ двумя бассейнами (И), остатки которыхъ находятся и теперь въ Михайловскомъ саду; на мѣстѣ же Михайловскаго сада обозначенъ прямоугольный паркъ (І) съ прудами, цвѣтниками, деревьями, а приблизительно въ мѣстѣ пересѣченія Инженерной и Садовой улицъ былъ разбитъ большой садовый лабиринтъ съ запутанными дорожками (З).

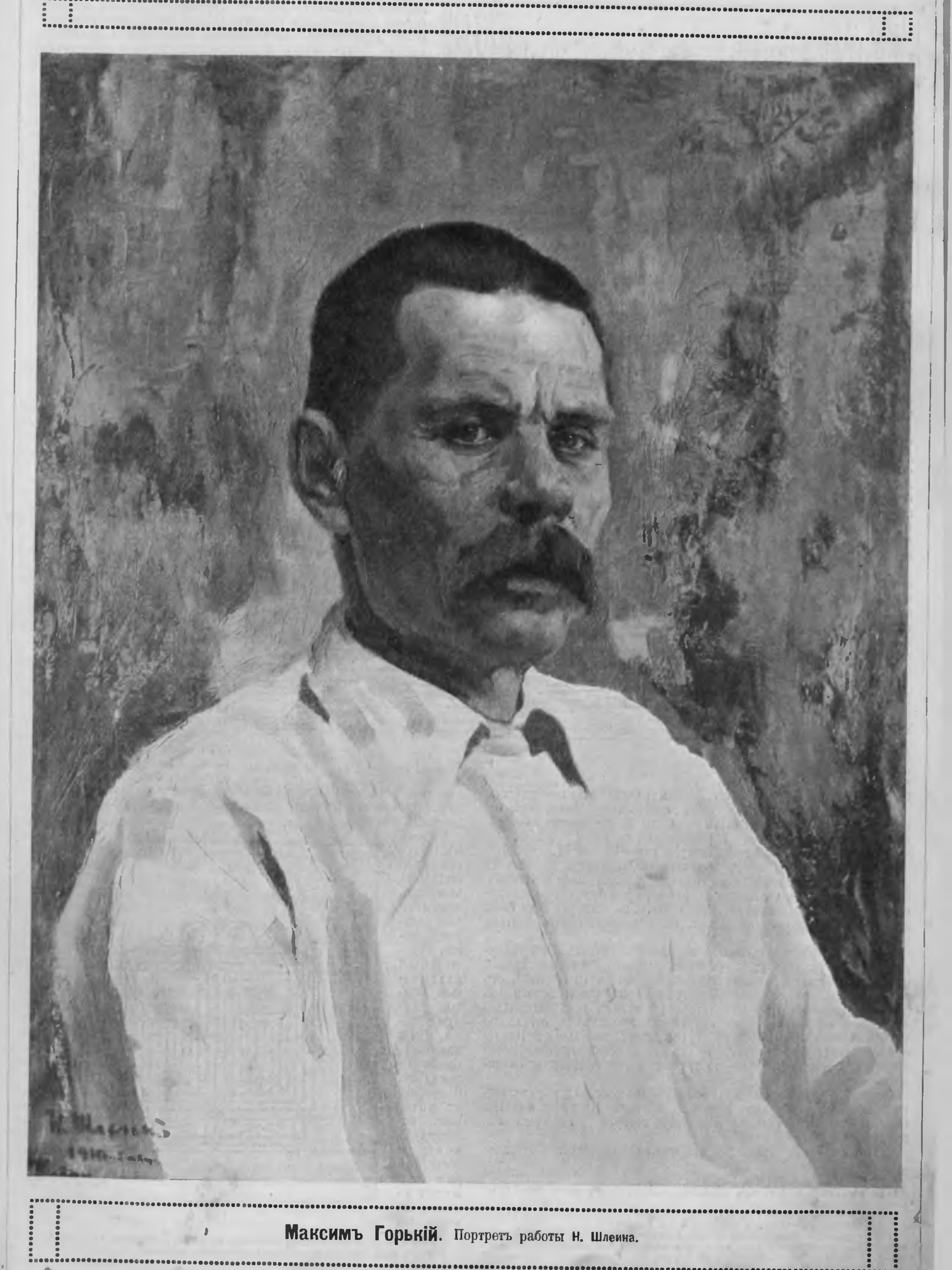
Если присоединить къ описанному еще Царицынъ лугъ съ разбитыми на немъ цвѣтниками и аллеями, то можно представить, какое большое пространство занималъ садовый районъ при Елисаветѣ Петровнѣ. Все, что̀ обозначено на Елисаветинскомъ планѣ, впослѣдствіи было неоднократно измѣняемо, передѣлываемо или уничтожаемо, и въ настоящее время отъ этого района сохранились лишь Лѣтній и Михайловскій сады.

Лѣтній деревянный дворецъ, мало обитаемый, скоро пришелъ въ ветхость. Анна Іоанновна приказала его разрушить и построить болѣе обширный новый. Хотя этотъ послѣдній дворецъ оконченъ былъ еще при жизни Анны Іоанновны, но переѣхать въ него пришлось лишь Екатеринѣ въ 1742 г. Дворецъ этотъ строилъ гр. Растрелли.

Павелъ I [1]) приказалъ его снести, и въ февралѣ 1797 на мѣстѣ Лѣтняго деревяннаго дворца на Фонтанкѣ былъ заложенъ Михайловскій, нынѣ Инженерный замокъ.

[1]) Пыляевъ „Старый Петербургъ“.

[1]) Павелъ I родился въ этомъ дворцѣ.

Максимъ Горькій. Портретъ работы **Н. Шлеина.**

Рис. 7.

Кромѣ описанныхъ дворцовъ, въ Лѣтнемъ саду были размѣщены и другія сооруженія, въ устройствѣ которыхъ дѣятельное участіе принимали Леблонъ и другіе архитекторы. [1]).

Необходимой принадлежностью французскихъ садовъ считались гроты—grottes de rocailles, и поэтому на берегу Фонтанки былъ построенъ въ 1718 г. изящный, отдѣланный внутри туфомъ, мраморомъ и раковинами, гротъ съ фонтанами, каскадами и прочими „ватеръ-кунстами". Въ этотъ гротъ были перенесены изъ галлереи на берегу Невы Венера и другія античныя статуи, купленныя Петромъ. Гротъ сверху имѣлъ куполъ съ стеклянннымъ фонаремъ (рис. 3—В).

Гротъ существовалъ еще въ началѣ XIX столѣтія. Въ 20-хъ годахъ на его мѣстѣ былъ построенъ архитекторомъ Росси каменный павильонъ, гдѣ лѣтъ тридцать содержалъ кондитерскую итальянецъ Піяцци [2]) (рис. 7).

Далѣе за гротомъ, ближе къ Мойкѣ, стояли: запасный дворецъ (Г) и водовзводная фонтанная башня (Е) [3]).

Близъ грота расположены были свинцовыя вызолоченныя статуи. Такія же фигуры съ малыми фонтаничиками были разсѣяны по всему саду. Всего ихъ было болѣе шестидесяти.

Рис. 8.

Эти фигуры представляли собой изображенія Эзоповыхъ басенъ. Группы и фонтаны были устроены въ небольшихъ бассейнахъ, обложенныхъ мхомъ и раковинами съ озера Ильменя.

Кромѣ басенъ, красовалась фигура самого горбатаго Эзопа.

Такъ какъ смыслъ этихъ изваяній былъ иногда непонятенъ для зрителей, то около каждой группы, по распоряженію Петра I, былъ вбитъ столбъ съ жестяной доской, на которой были написаны басня и толкованія ея. Кромѣ этого, въ Лѣтнемъ саду было нѣсколько фонтановъ и каскадовъ, и въ бассейнѣ одного фонтана сидѣлъ тюлень.

Устройство фонтановъ стоило не малыхъ трудовъ. Они сооружены были въ 1718 г., когда былъ прорытъ Лиговскій каналъ отъ рѣчки Лиговки, которая беретъ начало въ 10 верстахъ отъ города по правой сторонѣ Петергофской желѣзной дороги (съ Дудергофскихъ высотъ). Изъ Лиговскаго канала вода собиралась въ особые бассейны (нынѣ прудки на Пескахъ), а оттуда по трубамъ и черезъ акведукъ [4]) (на мѣстѣ нынѣшняго Пантелеймоновскаго моста) (рис. 8) къ мазанковой водоподъемной башнѣ (Е), а отсюда уже—по трубамъ къ фонтанамъ и каскадамъ сада [5]).

Одинъ изъ фонтановъ, мраморный, вызолоченный и украшенный вазами и сосудами, особенно цѣнился Петромъ; фонтанъ былъ окруженъ отдѣльной рѣшеткой, которая запиралась изъ предосторожности [6]).

1777 годъ былъ роковымъ для многихъ сооруженій Лѣтняго сада. Бурей и наводненіемъ садъ былъ опустошенъ, высокія деревья вырваны съ корнями, куртины испорчены, фигуры басенъ опрокинуты и разбиты. Вскорѣ послѣ этого фонтаны были упразднены. Императрица Екатерина II подарила своимъ придворнымъ водопроводныя трубы и свинцовыя статуи.

Въ 1778 г. по приказанію Екатерины на мѣстѣ прежнихъ галлерей, о которыхъ говорилось раньше, начали строить превосходную рѣшетку по проекту архитектора Фельтена. Она была окончена въ 1784 г. Эта ограда состоитъ изъ 36 гранитныхъ колоннъ, высѣченныхъ изъ цѣльныхъ массивовъ, высотой въ двѣ сажени и діаметромъ въ три фута, поставленныхъ на гранитныхъ пьедесталахъ 6 футовъ въ кубѣ. Между столбами на гранитномъ цоколѣ сооружена рѣшетка выдержаннаго изящнаго рисунка (рис. 9 — ворота и 24). Такимъ образомъ Лѣтній садъ постепенно приходилъ къ тому виду, какимъ онъ является теперь. Въ 1781 г. былъ засыпанъ каналъ, отдѣлявшій первый садъ отъ второго, и въ этомъ мѣстѣ образовалась одна изъ поперечныхъ аллей средней части сада [1]). Въ настоящее время Лѣтній садъ занимаетъ площадь въ 27.000 кв. саж. или $11^1/_4$ десятинъ

V.

По мѣрѣ того, какъ росъ и видоизмѣнялся Лѣтній садъ, пустопорожнія мѣста около него застраивались, рылись каналы, прокладывались улицы, выростали дома. При Петрѣ Великомъ около Лѣтняго сада были построены слѣдующія сооруженія и дома.

Къ сторонѣ Литейнаго проспекта были прорыты параллельные каналы, изъ которыхъ потомъ образовались улицы: Шпалерная, Захарьевская, Сергіевская, Литейный и Воскресенскій проспекты, а также Таврическая улица образовались тоже изъ каналовъ. Въ царствованіе Елисаветы Петровны уже приступили къ засыпкѣ ихъ, и послѣдній каналъ былъ зарытъ при Екатеринѣ II.

Противъ Лѣтняго сада на Фонтанкѣ, на мѣстѣ Соляного городка, устроена была „партикулярная верфь" для постройки мелкихъ рѣчныхъ судовъ, а для подвоза матеріаловъ къ верфи прорытъ Косой каналъ, позднѣе обращенный въ Косой переулокъ.

Къ западу отъ Лѣтняго дворца Петра на другомъ концѣ сада въ 1716 году былъ прорытъ каналъ между Лѣтнимъ садомъ и Царицынымъ лугомъ (рис. 3 — Н) [2]). На елисаветинскомъ планѣ часть луга обращена въ цвѣточный садъ. При Аннѣ Іоанновнѣ лугъ былъ покрытъ травянымъ дерномъ, и на немъ были разбиты двѣ аллеи параллельно Невѣ и двѣ діагональныя. Въ то же время здѣсь былъ лагерь трехъ гвардейскихъ полковъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ Мраморный дворецъ, стоялъ двухэтажный мазанковый, одѣтый снаружи плоскимъ камнемъ, почтовый домъ (рис. 3 — Ф), въ которомъ помѣщались почта и гостиница для пріѣзжающихъ. Въ этомъ же домѣ давались и ассамблеи, и тогда всѣ пріѣзжіе должны были выѣзжать изъ гостиницы.

Рис. 9.

[1]) Маттарнови, Микетти, Земцовъ и др.

[2]) Въ настоящее время тамъ помѣщена библіотека Русскаго Общ. Садоводства.

[3]) Постр. Земцовымъ въ 1719—1720 г.

[4]) Архитектурная обработка акведука—раб. Растрелли.

[5]) Фонтанка, ранѣе называемая „Безыменнымъ Ерикомъ", получила свое позднѣйшее названіе отъ того, что сперва вода для фонтановъ накачивалась водовзводнымъ колесомъ изъ Фонтанки.

[6]) Михневичъ. „Петербургъ весь на ладони".

[1]) На мѣстѣ предотвращеннаго покушенія на жизнь императора Александра II у Лѣтняго сада поставлена изящная мраморная часовня.

[2]) Лебяжій.

Тамъ, гдѣ теперь находится дворецъ принца Ольденбургскаго, при Екатеринѣ II былъ домъ Рибасъ, дочери Бецкаго, съ висячимъ садомъ. Домъ этотъ строилъ архитекторъ Валленъ-де-Ламотъ (въ Россіи съ 1759—1776 г.).

На мѣстѣ казармъ л.-гв. Павловскаго полка въ 1721 году былъ домъ, въ которомъ жилъ герцогъ Голштинскій, женившійся потомъ на Аннѣ, дочери Петра. Рядомъ въ каменномъ домѣ жилъ генералъ Вейде, извѣстный своими работами по составленію Воинскаго устава. Изъ старинныхъ зданій этого района уцѣлѣлъ домъ, принадлежавшій лейбъ-медику и любимцу императрицы Елисаветы Лестоку, потомъ Апраксину, затѣмъ графу Шувалову. Аптекарскій переулокъ, расположенный за Павловскими казармами, получилъ свое названіе отъ казенной аптеки въ этомъ переулкѣ.

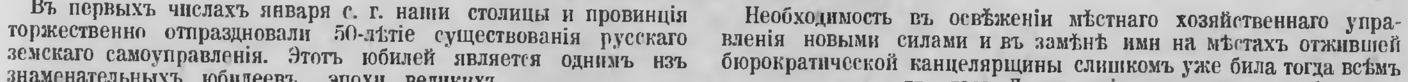
Согласно плану Елисаветинскаго Петербурга въ то время существовалъ „Красный каналъ" (рис. 3—О), параллельный Лебяжьему. Красный каналъ протекалъ мимо линій, гдѣ теперь стоятъ Павловскія казармы, вплоть до Невы (по направленію Царицынской улицы). Въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Милліонная ул. пересѣкаетъ Царицынскую, былъ бассейнъ, отведенный отъ Краснаго канала, теперь не существующій (Л). Этотъ прудъ при Елисаветѣ носилъ названіе: „Le pas de Calais". Около пруда въ домѣ гр. Скавронскаго помѣщалось англійское посольство, а въ нижнемъ этажѣ жилъ король Станиславъ Понятовскій въ качествѣ секретаря англійскаго посольства; въ домѣ Апраксина помѣщалось французское посольство.

На Милліонной ул. до сихъ поръ сохранился домъ съ четырьмя колоннами изъ чернаго мрамора съ бѣлыми жилками. Домъ этотъ принадлежалъ Густаву Бирону, брату временщика. Позднѣе этимъ домомъ владѣлъ Потемкинъ, потомъ Игнатьевъ [1]). Въ настоящее время домъ принадлежитъ князю Абамелекъ-Лазареву. Проектъ этого дома былъ составленъ академикомъ Крафтомъ.

Въ 1779 г. черезъ Лебяжій каналъ и Мойку у Лѣтняго сада были построены деревянные мосты.

[1]) Пыляевъ. „Старый Петербургъ".

(Окончаніе слѣдуетъ).

Торжество Земской Россіи.

(1864—1914).

(Съ рис., портр. и групп.).

Въ первыхъ числахъ января с. г. наши столицы и провинція торжественно отпраздновали 50-лѣтіе существованія русскаго земскаго самоуправленія. Этотъ юбилей является однимъ изъ знаменательныхъ юбилеевъ „эпохи великихъ реформъ". Мы теперь начинаемъ переживать за годомъ годъ возникновеніе юбилейныхъ откликовъ на знаменитую эпоху шестидесятыхъ годовъ. Не такъ давно мы поминали и праздновали 50-лѣтіе освободительной крестьянской реформы. Въ непродолжительномъ времени будемъ поминать и праздновать 50-лѣтіе реформированнаго суда, 50-лѣтіе городового положенія, 50-лѣтіе всеобщей воинской повинности и т. д. Всѣ эти юбилеи составляютъ одно органически-цѣлое — воспоминаніе о великомъ переустройствѣ нашей родины на началахъ мудрости, любви къ народу и живого творческаго порыва, который такъ овладѣлъ русскими передовыми людьми въ знаменательную эпоху шестидесятыхъ годовъ.

Нагрудный знакъ земскимъ дѣятелямъ въ память 50-лѣтія Земскихъ учрежденій.

Въ эту эпоху и этими людьми было зачато и земское самоуправленіе. Въ сущности, идея мѣстнаго хозяйственнаго самоуправленія не была чужда Россіи еще и въ глубокую старину, но потомъ она угасла и замерла въ эпохи развитія высшей правительственной (точнѣе, чиновнической) централизаціи. Шестидесятые годы были призваны воскресить ее. Въ особенности ярко сказалась необходимость этого воскрешенія при проведеніи крестьянской реформы (упраздненіе крѣпостного права). Творцамъ 19 февраля было съ самаго начала ясно, что невозможно освободить крестьянъ отъ рабства и не поставить ихъ обновленное существованіе въ условія болѣе разумной и культурной жизни, и что для этого необходимо мѣстное самоуправленіе по вопросамъ мѣстной хозяйственной политики и практики. Тѣ дѣла и заботы, которыя въ прежнее время отчасти возлагались на „людевладѣльцевъ"-помѣщиковъ, а частью на органы правительственной власти, неизбѣжно должны были перейти къ органамъ власти общественной, къ людямъ, которымъ близко знакомы всѣ мѣстныя общественныя дѣла и заботы. Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости былъ такъ тѣсно слитъ съ вопросомъ о земскомъ самоуправленіи, что самая мысль о необходимости образованія особыхъ органовъ мѣстнаго хозяйственнаго-распорядительнаго управленія возникла одновременно съ составленіемъ положеній объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостного рабства и впервые была провозглашена еще въ 1859 году въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 25 марта. Въ этомъ повелѣніи, направленномъ къ лицамъ, трудившимся надъ осуществленіемъ крестьянской реформы, было предписано: при устройствѣ исполнительной и слѣдственной частей войти въ разсмотрѣніе хозяйственно-распорядительнаго управленія въ уѣздѣ, при чемъ обсудить необходимость предоставленія хозяйственному управленію въ уѣздѣ бòльшаго единства, большей самостоятельности и бòльшаго довѣрія, а также опредѣлить степень участія каждаго сословія въ хозяйственномъ управленіи. Эти слова Высочайшаго повелѣнія и послужили основаніемъ для земской реформы: 23 октября 1859 года было повелѣно составить на этихъ началахъ проектъ преобразованія губернскаго управленія. Земство возникло позднѣе—въ 1864 году, но мы должны непремѣнно отмѣтить въ его исторіи и эту знаменательную дату — 23 октября 1859 года: тогда было положено начало самой идеѣ земскаго самоуправленія, послѣ того, какъ была осознана необходимость такого самоуправленія.

Необходимость въ освѣженіи мѣстнаго хозяйственнаго управленія новыми силами и въ замѣнѣ ими на мѣстахъ отжившей бюрократической канцелярщины слишкомъ уже била тогда всѣмъ въ глаза. Даже такіе сравнительно умѣренные въ своихъ воззрѣніяхъ дѣятели, какъ одинъ изъ дѣятелей земской реформы, П. А. Валуевъ, находили достаточно рѣзкія слова для запечатлѣнія несовершенствъ и непорядковъ стараго приказнаго строя въ общественномъ хозяйствѣ. Въ своей извѣстной „Думѣ Русскаго" П. А. Валуевъ пишетъ: „Всѣ изобрѣтенія внутренней правительственной недовѣрчивости, вся централизація и формалистика управленія, всѣ мѣры надзора и взаимнаго контролированія различныхъ вѣдомствъ ежедневно обнаруживаютъ свое безсиліе. Канцелярскія формы не предупредили позорной растраты суммъ инвалиднаго капитала и не помѣшали истребить голодомъ или послѣдствіями голода половину резервной бригады, расположенной въ одной изъ прибалтійскихъ губерній. Это послѣднее преступленіе или, точнѣе, длинный рядъ гнуснѣйшихъ преступленій даже остается доселѣ безнаказаннымъ. Между тѣмъ возрастающая механизація дѣлопроизводства болѣе и болѣе затрудняетъ пріобрѣтеніе успѣховъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія".

Этой общей характеристикѣ приказнаго хозяйничанья вполнѣ соотвѣтствовали частныя подробности. Для примѣра можно указать на то, что почти наканунѣ введенія земскаго самоуправленія деревни почти поголовно были безграмотны — народнаго образованія почти не существовало. Уѣздное и губернское хозяйства велись до крайности неэкономно; медицинское дѣло было поставлено прямо ужасно, и медицинской помощи въ уѣздахъ почти не существовало. Всюду царили всевозможныя злоупотребленія, такъ что нельзя было говорить ни о какой культурѣ въ сердцевинѣ Россіи.

Въ особенности ужасно было больничное дѣло. Такъ, напримѣръ, въ Саратовской губерніи существовали больницы, построенныя еще въ 1806 году и не ремонтировавшіяся до самаго перехода ихъ въ земство въ 1864 г. О домѣ душевно-больныхъ въ Полтавѣ, по словамъ тамошняго врача, „лучше бы не говорить, такъ постыдно содержаніе этихъ несчастныхъ въ гигіеническомъ отношеніи"... Въ Пермской губерніи на двухмилліонное населеніе имѣлось только 11 больницъ съ 425 кроватями, при чемъ въ шести больницахъ не было врачей, а зданія были ветхи, холодны, пропитаны нечистотами, печи развалились, больные помѣщались въ одной кучѣ—заразные съ незаразными... Въ Бессарабской губерніи имѣлись больницы для душевно-больныхъ, при чемъ на 100 больныхъ числился лишь одинъ служитель. Это былъ поистинѣ какой-то Дантовъ Адъ. И это происходило почти на всемъ протяженіи Россіи...

Понятно, что такія и имъ подобныя неустройства слишкомъ вопіяли. И какъ только былъ данъ свыше толчокъ для дѣятельности по переустройству нашего внутренняго хозяйства—дѣятельность эта пошла быстрыми шагами.

Мы уже упомянули о Высочайшемъ повелѣніи 23 октября 1859 года касательно составленія проекта преобразованія мѣстнаго управленія. Выполненіе этой задачи было возложено на Комиссію о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго дѣятеля эпохи великихъ реформъ— Н. А. Милютина. Эта Комиссія, названная потомъ Комиссіей о Земскихъ учрежденіяхъ, поступила нѣсколько позднѣе подъ руководство П. А. Валуева, который замѣнилъ на предсѣдатель-

скомъ посту Н. А. Милютина. Въ „валуевской“ Комиссіи работали многіе замѣчательные дѣятели того времени и въ ихъ числѣ С. И. Зарудный, Н. И. Стояновскій, А. Г. Тройницкій, В. А. Татариновъ, М. Н. Островскій и др. 15 марта 1862 года былъ представленъ въ Совѣтъ Министровъ на Высочайшее воззрѣніе выработанный Комиссіей Очеркъ Положенія о Земскихъ учрежденіяхъ. Нѣсколько позднѣе этотъ Очеркъ подвергся разсмотрѣнію и исправленію въ особомъ совѣщательномъ собраніи Совѣта Министровъ подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича. 2 іюля того же 1862 года главныя начала земской реформы получили Высочайшее одобреніе и осенью были распубликованы въ общее свѣдѣніе. Къ веснѣ 1863 года Проектъ Земскаго Положенія получилъ дальнѣйшую разработку, болѣе детальную, и 26 мая былъ внесенъ въ засѣданіе соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, при чемъ туда же были приглашены для участія въ совѣщаніяхъ петербургскіе и московскіе предводители дворянства и городскіе головы.

Предварительное обсужденіе Проекта земской реформы при участіи этого общественнаго элемента было кончено въ іюлѣ 1863 года. Несмотря на такое сравнительно быстрое теченіе дѣла, въ дальнѣйшемъ проведеніе реформы грозило затянуться въ ожиданіи составленія Устава о земскихъ повинностяхъ. Но императоръ Александръ II рѣшилъ дать дѣлу энергичный толчокъ: 1 ноября 1863 года послѣдовало категорическое Высочайшее повелѣніе: „Требую, чтобы дѣло это было непремѣнно окончено до 1 января 1864 года“... Послѣ этого реформа пошла усиленнымъ темпомъ: въ серединѣ декабря Проектъ реформы обсуждался уже въ общихъ собраніяхъ Государственнаго Совѣта, при участіи бар. М. Корфа, Е. П. Ковалевскаго, Н. А. Милютина, П. А. Валуева и другихъ извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей. При обсужденіи реформы сдѣлалъ весьма характерныя замѣчанія бар. М. Л. Корфъ: онъ говорилъ, что сущность реформы должна состоять вовсе не въ томъ, чтобы на мѣсто однихъ присутственныхъ мѣстъ учредить другія, но въ измѣненіи коренныхъ условій нашей системы мѣстнаго управленія, въ разрушеніи ея старыхъ основъ и въ построеніи ея на началахъ децентрализаціи и самоуправленія... Другой извѣстный дѣятель того времени, Е. П. Ковалевскій, при исчисленіи отдѣльныхъ предметовъ вѣдомства земскихъ учрежденій предложилъ включить „попеченіе о народномъ образованіи“. Если мы припомнимъ, какую громадную роль наше земство сыграло именно въ вопросахъ начальнаго народнаго образованія, то этимъ словамъ Е. П. Ковалевскаго нужно приписать знаменательное значеніе.

Наконецъ 1 января 1864 года Положеніе о Земскимъ учрежденіяхъ получило законодательную санкцію. И съ этого момента наше земство стало офиціально существовать. Фактически Земскія учрежденія стали открываться однако лишь 7 февраля 1865 года постепенно въ разныхъ губерніяхъ. Въ 1865—1866 гг. они были введены въ 27 губерніяхъ, а въ 1867—1875 гг.—еще въ шести губерніяхъ. Еще позднѣе, совсѣмъ недавно, земство было открыто въ Астраханской губерніи и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Западнаго края. Въ общемъ, земская реформа еще не завершилась въ Россіи, и еще остается цѣлый рядъ неземскихъ губерній и мѣстностей.

Что сдѣлало земство за пятьдесятъ лѣтъ своего существованія въ Россіи? Оправдались ли надежды и упованія, возлагавшіяся на него такими защитниками и теоретиками земскаго самоуправленія, какъ извѣстный земскій дѣятель и писатель по земскимъ вопросамъ кн. А. И. Васильчиковъ или извѣстный ученый К. Л. Канелинъ?

Пятидесятилѣтняя работа земства говоритъ за себя достаточно громко. Несмотря на многія неблагопріятныя условія своего бытія, несмотря на отсутствіе (въ особенности въ первые годы) опыта въ дѣлѣ самоуправленія и на недостаточность матеріальныхъ средствъ, земство всюду, гдѣ оно появилось, сразу ставило общественное хозяйство въ условія новой культурной жизни.

Громадны заслуги земства въ области народнаго образованія. Земство создало всѣмъ извѣстный типъ земской школы, постоянно заботилось о поднятіи уровня грамотности въ народѣ, тратило большія средства на улучшеніе учебныхъ средствъ и всей учебной обстановки. И въ настоящее время есть земскіе районы, гдѣ фактически уже осуществлено всеобщее народное обученіе. Колоссальный ростъ народной грамотности въ послѣднія десятилѣтія—цѣликомъ дѣло земства.

Императоръ Александръ II.

Н. А. Милютинъ.

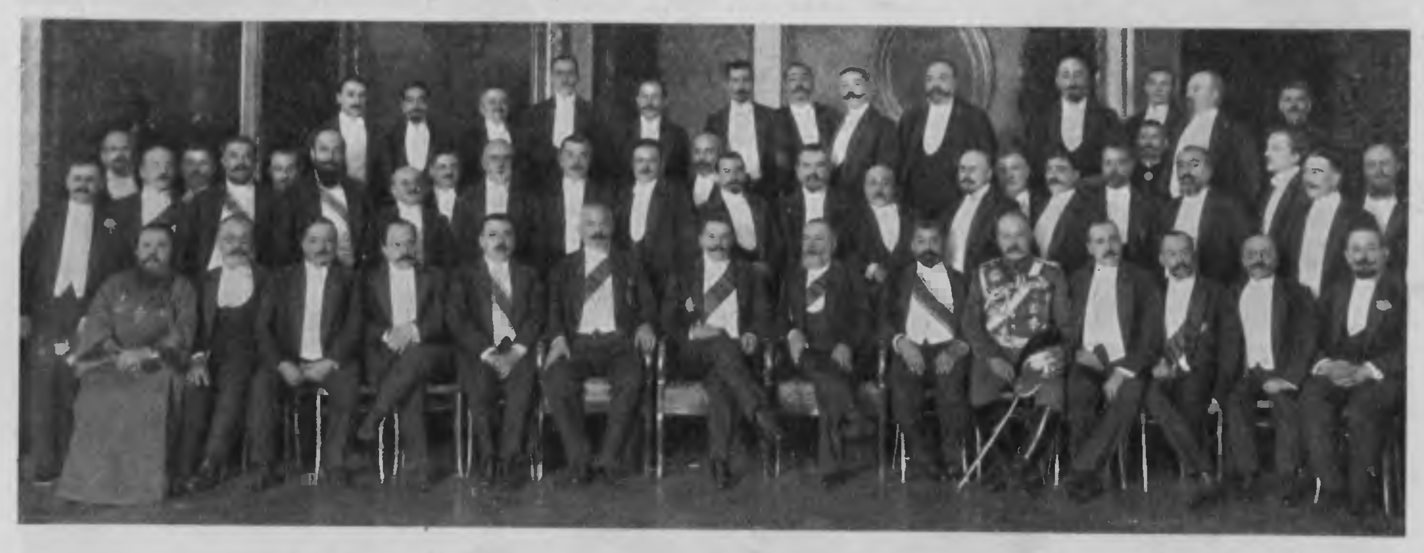
П. А. Валуевъ.

Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ.

Къ 50-лѣтію Земскихъ учрежденій.

Такъ же велики и неоспоримы заслуги земства и въ области народнаго здравія. До введенія земской реформы сельское населеніе не знало медицинской помощи, а теперь медицина — одна изъ блестящихъ сторонъ земской работы. „Земскій врачъ“—этотъ подвижникъ, этотъ милосердный самарянинъ, не знающій покоя и отдыха въ своей тяжкой работѣ по оказанію медицинской помощи населенію — типъ, созданный исключительно земствомъ... Земствомъ созданы и больницы, и амбулаторіи, и летучіе врачебные отряды во время эпидемій. Цѣлая сѣть такихъ учрежденій покрываетъ земскія губерніи. Земская медицина выросла теперь въ стройную систему, въ которой уже выработаны свои методы и системы помощи населенію. Сѣть медицинскихъ земскихъ учрежденій и число врачей растетъ съ каждымъ годомъ: въ 1870 г. было всего 613 земскихъ врачей, а въ 1913 году ихъ имѣлось уже 3.148. Средній радіусь врачебнаго участка теперь въ общемъ составляетъ уже всего 17 верстъ.

Среди представителей земства—высшіе представители правительства: министры внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.

Къ 50-лѣтію Земскихъ учрежденій. Участники раута въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. По фот. К. Булла.

Велика работа земства и въ области экономической помощи населенію. Съ 90-хъ годовъ земства начинаютъ развивать агрономическую помощь, возникаетъ дѣятельность земскихъ сельскохозяйственныхъ складовъ. Въ позднѣйшее время возникли земская агрономія, земская ветеринарія, страхованіе скота, посѣвовъ, страхованіе отъ огня и пр. Возникла земская статистика, явившаяся могучимъ средствомъ познанія нашей земледѣльческой Россіи и ея нуждъ. Много работало и работаетъ земство и для улучшенія сообщеній: устраиваются дороги, возникаетъ земскій телефонъ и т. п.

Интересны слѣдующія цифровыя данныя: въ первые годы существованія земства его бюджетъ (въ 30 губерніяхъ) достигалъ 16 милліоновъ р. Къ 1895 году бюджетъ русскаго земства возросъ уже до 63 милліоновъ, а въ настоящее время онъ достигаетъ (вмѣстѣ съ 6 западными земствами) 290 милліоновъ рублей... Что касается земскихъ расходовъ, то въ 1871 году земства тратили на народное образованіе, медицину и ветеринарію всего лишь 18 процентовъ смѣты, а въ 1912 году—65 процентовъ...

Эти цифры ярко и выразительно характеризуютъ ростъ земства и его дѣятельности. И если мы сравнимъ дореформенное прошлое нашей страны съ нынѣшней земской Россіей, то разница получится поражающая.

И пятидесятилѣтній юбилей земства застаетъ наше земское самоуправленіе въ расцвѣтѣ плодотворной дѣятельности. Земству есть что припомнить за эти пятьдесятъ лѣтъ и есть чѣмъ гордиться.

Предсѣдатель Петерб. земской управы Е. И. Яковлевъ. Министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ. Министръ внутр. дѣлъ Н. А. Маклаковъ. Предсѣдатель Госуд. Совѣта М. Г. Акимовъ.

Къ 50-лѣтію Земскихъ учрежденій. Высшіе представители правительства и представители земской Россіи, присутствовавшіе на раутѣ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, состоявшемся 9 января с. г. По фот. К. Булла.

Юбилейныя торжества по поводу пятидесятилѣтія существованія Земскихъ учрежденій продолжались въ Петербургѣ съ 7 по 11 января с. г.

На торжества съѣхалось множество представителей провинціальныхъ земствъ со всей земской Россіи, начиная отъ старыхъ земскихъ губерній (напримѣръ, Тверской) и кончая молодыми земствами Западнаго края.

Извѣстный критикъ и журналистъ Александръ Васильевичъ Дружининъ, редактировавшій журналъ „Библіотеку для Чтенія“ и газету „Вѣкъ“, учредитель „Литературнаго Фонда“. По поводу 50-лѣтія со дня кончины.

Юбилейныя торжества начались 7 января панихидою по императорѣ Александрѣ II, отслуженной въ Петропавловскомъ соборѣ. Послѣ панихиды предсѣдатели нѣкоторыхъ земскихъ управъ, и въ ихъ числѣ старѣйшій изъ прибывшихъ на торжества земцевъ, С. А. Петровъ, возложили на гробницу Царя-Освободителя серебряный вѣнокъ въ видѣ пальмовой вѣтви, перевитой лентами (рис. на стр. 57).

Въ тотъ же день въ Казанскомъ соборѣ былъ отслуженъ торжественный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія „всероссійскому земству“. Вечеромъ въ помѣщеніи Губернской земской управы состоялся ознакомительный раутъ-встрѣча пріѣхавшихъ земцевъ. Этимъ раутомъ закончилась, такъ сказать, подготовительная часть юбилейныхъ торжествъ. Главная же, центральная часть торжествъ состоялась уже на другой день. 8 января, въ пятидесятилѣтнюю годовщину распубликованія Высочайше утвержденнаго 1 января 1864 года Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ.

Сидятъ: П. И. Вейнбергъ, М. А. Загуляевъ, Н. Ѳ. Анненскій, Н. К. Михайловскій, П. Н. Ясаковъ, С. А. Венгеровъ, Л. Е. Оболенскій и П. Д. Боборыкинъ.
Стоятъ: И. Н. Потапенко, Н. И. Карѣевъ и Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

„Литературный Фондъ“. Группа писателей, журналистовъ и ученыхъ.

Въ этотъ день въ Зимнемъ Дворцѣ происходилъ Высочайшій пріемъ представителей юбилейной земской депутаціи, прибывшей въ столицу на юбилейныя торжества.

Предсѣдатель Московской губернской земской управы, г. Шлиппе, съ предсѣдателемъ Петербургской губернской земской управы, г. Яковлевымъ, старѣйшимъ изъ предсѣдателей земскихъ управъ, предсѣдателемъ Владимірской губернской земской управы и старѣйшимъ изъ губернскихъ земскихъ гласныхъ имѣли счастіе поднести Его Императорскому Величеству отъ земствъ Имперіи на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль. Предсѣдатель Московской губернской земской управы при этомъ обратился отъ имени земствъ къ Государю Императору съ всеподданнѣйшимъ привѣтствіемъ, сказавъ въ заключеніе: „Низко кланяемся Вамъ, Государь, просимъ принять нашу русскую хлѣбъ-соль и соизволить на приношеніе Наслѣднику Цесаревичу, надеждѣ вѣрноподданной Россіи, скромнаго дара, отражающаго поприща земской работы“.

Принявъ хлѣбъ-соль, Его Величество изволилъ обходить представителей земствъ, удостаивая нѣкоторыхъ изъ нихъ милостивыхъ разспросовъ. Затѣмъ Государь Императоръ изволилъ обозрѣвать подарокъ отъ земствъ Имперіи, подносимый Наслѣднику Цесаревичу: „Хуторокъ въ видѣ образцовой деревни“, сдѣланный изъ дерева кустарями Московскаго земства.

Обратившись послѣ того къ представителямъ земствъ, Государю Императору было благоугодно изъявить удовольствіе видѣть ихъ по поводу пятидесятилѣтія земствъ и выразить въ ихъ лицѣ всему земству Россіи искреннюю благодарность Его Императорскаго Величества за высказанныя чувства и поднесенную хлѣбъ-соль.

Затѣмъ Государь Императоръ изволилъ произнести слѣдующее:

„Я выражаю твердую увѣренность, что всякая земская работа въ тѣсномъ единеніи съ Моимъ правительствомъ будетъ проникнута и воодушевлена безграничною заботою о безчисленныхъ мѣстныхъ нуждахъ населенія и о его благѣ. Разумное удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ является главнымъ залогомъ развитія и подъема благосостоянія всего Государства.

„Духовному взору Моему ясно представляется спокойная, здоровая и сильная Россія, вѣрная своимъ историческимъ завѣтамъ, счастливая любовью своихъ благодарныхъ сыновъ и гордая беззавѣтною преданностью ихъ Нашему Престолу“.

Слова Его Величества были покрыты громовымъ „ура“ присутствовавшихъ.

Во время Высочайшаго пріема земская депутація имѣла счастіе поднести Его Императорскому Величеству юбилейный нагрудный золотой знакъ (рис. на стр. 75) и три юбилейныя медали—золотую, серебряную и бронзовую.

Высочайшій обходъ продолжался полтора часа, послѣ чего при кликахъ „ура“ Государь Императоръ изволилъ прослѣдовать въ внутренніе покои Дворца.

Вечеромъ 8 января состоялось торжественное собраніе земцевъ въ помѣщеніи Петербургской уѣздной земской управы. Предсѣдатель управы, С. М. Васильевъ, произнесъ въ этомъ собраніи интересную рѣчь, обрисовавъ ростъ и развитіе Петербургскаго земства за пятьдесятъ лѣтъ его существованія. Въ первый годъ своего существованія названное земство располагало всего лишь 40.000-мъ бюджетомъ, нынѣ же его бюджетъ воз-

К. С. Баранцевичъ. По поводу 40-лѣтія литературной дѣятельности.

росъ до 1.500.000 р. Въ 1866 г. въ уѣздѣ было всего 11 школъ, теперь же — 181 школа, причемъ на народное образованіе Петербургское земство расходуетъ въ годъ до 400.000 р. Полвѣка тому назадъ медицинскую помощь въ уѣздѣ оказывали два врача, а нынѣ возникла цѣлая сѣть медицинскихъ учрежденій съ многочисленными врачами, и земство тратитъ на медицину свыше 300.000 р. въ годъ.

9 января вечеромъ имѣло мѣсто торжественное собраніе въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. На собраніи присутствовали высшіе чины министерства, представители другихъ министерствъ и вѣдомствъ и большое число приглашенныхъ на раутъ земцевъ. Раутъ этотъ прошелъ блестяще. Но еще большимъ блескомъ отличался раутъ въ Дворянскомъ Собраніи, состоявшійся въ Высочайшемъ присутствіи 10 января.

Памятникъ Его Императорскому Высочеству въ Бозѣ почивающему Великому Князю Николаю Николаевичу, торжественно открытый въ Высочайшемъ Государя Императора присутствіи 12 января с. г. въ С.-Петербургѣ на площади противъ Михайловскаго манежа. Памятникъ—работы итальянскаго скульптора Каноника. По фот. К. Булла.

Громадная зала Собранія была переполнена приглашенными. Въ половинѣ десятаго часа изволилъ прибыть Государь Императоръ. Представители земской юбилейной депутаціи поднесли Его Величеству отъ земствъ хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ. Былъ исполненъ народный гимнъ, покрытый кликами „ура“. Во время послѣдовавшаго затѣмъ музыкальнаго отдѣленія предсѣдатели всѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраній съ Высочайшаго соизволенія присутствовали въ Царской ложѣ.

Государю Императору было благоугодно обратиться на этомъ собраніи къ представителямъ земствъ съ слѣдующими высокомилостивыми словами:

„Благодарю васъ за радушный и сердечный пріемъ и за поднесенную вами сегодня хлѣбъ-соль.

„Я счастливъ былъ видѣть большую часть земскихъ представителей отъ Россіи, собранныхъ въ столицѣ по случаю пятидесятилѣтія введенія земства покойнымъ Моимъ Дѣдомъ.

„Отъ всего сердца желаю преуспѣянія и процвѣтанія и плодотворнаго развитія земству и осушаю бокалъ за его здоровье и за его славу.

„За ваше здоровье“.

Юбилейныя земскія торжества закончились на другой день (11 января) банкетомъ земцевъ, на которомъ было произнесено много рѣчей, характеризовавшихъ полувѣковую работу земства. Этимъ банкетомъ и завершились пышныя и знаменательныя торжества по случаю существованія русскаго земства.

Учащая Россія.

II. Съѣздъ имени К. Д. Ушинскаго.

(Рис. на стр. 80).

(Окончаніе).

Съѣздъ имени К. Д. Ушинскаго открылся 30 декабря въ помѣщеніи Женскаго Медицинскаго Института. Предсѣдатель организаціоннаго комитета, С. А. Золотаревъ, открывая Съѣздъ, указалъ, что Съѣздъ этотъ, несмотря на истекшія 11 лѣтъ, отдѣляющія его отъ перваго такого же Съѣзда въ Москвѣ въ 1902 году, долженъ находиться съ нимъ въ тѣсной преемственной связи. Тотъ пер-

вый Съѣздъ многое началъ, но не кончилъ, и тѣ вопросы, которые были тогда имъ затронуты, — вопросы, касавшіеся преимущественно матеріальнаго положенія учителей и ихъ взаимопомощи,—остаются и понынѣ такими же острыми и требующими разрѣшенія, какъ и тогда.

Шумная овація была послѣ того устроена участниками Съѣзда князю П. Д. Долгорукову, который привѣтствовалъ Съѣздъ отъ имени Московскаго Общества улучшенія быта учащихся. Это Общество въ свое время задумало и организовало первый Съѣздъ имени Ушинскаго въ Москвѣ въ 1902 году.

Затѣмъ возродившійся послѣ одиннадцатилѣтняго небытія Съѣздъ былъ привѣтствованъ всевозможными учрежденіями и лицами, и въ тотъ же день начались дѣловыя засѣданія. Какъ и слѣдовало ожидать, большинство докладовъ было посвящено выясненію правового и матеріальнаго положенія русскихъ народныхъ учителей. Какъ уже мы упоминали, Съѣздъ имени Ушинскаго явился собраніемъ представителей различныхъ учительскихъ обществъ взаимнаго вспомоществованія (на Съѣздъ явились делегаты отъ 100 обществъ), и въ этомъ направленіи протекла почти вся дѣятельность Съѣзда. На немъ говорилось объ объединеніи учителей, какъ о способѣ улучшить ихъ матеріальное положеніе, о дѣятельности отдѣльныхъ обществъ, о профессіональной учительской организаціи, объ организаціи такъ называемыхъ „учительскихъ домовъ", объ учительскомъ издательствѣ и т. п. Но, кромѣ того, на Съѣздѣ разбирались вопросы и болѣе общаго характера—такіе же, какъ и на „большомъ" Съѣздѣ, о которомъ мы уже говорили въ № 3 „Нивы".

На одномъ изъ засѣданій была почтена вставаніемъ память великаго педагога К. Д. Ушинскаго, и было постановлено устраивать ежегодно въ годовщину его смерти (21 декабря) собесѣдованія на педагогическія темы.

Съѣздомъ была отправлена телеграмма нашему знаменитому писателю-гражданину—В. Г. Короленко слѣдующаго содержанія: „Обращаясь къ вамъ, любимѣйшему изъ современныхъ русскихъ писателей, 2-й Всероссійскій Съѣздъ имени Ушинскаго представителей учительскихъ обществъ привѣтствуетъ и благодаритъ въ вашемъ лицѣ нашу художественную литературу, великую воспитательницу русскаго народа".

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе Съѣздомъ была получена телеграмма отъ В. Г. Короленко: „Глубоко благодаренъ за вниманіе и привѣтствіе, которыми меня почтили члены Съѣзда. Отъ всей души желаю полнаго успѣха въ осуществленіи благородной задачи, поставленной Съѣздомъ".

Съѣздъ имени Ушинскаго закрылся 5 января, при чемъ было постановлено слѣдующій Съѣздъ созвать въ Москвѣ въ 1916 году.

Къ рисункамъ.

„Атакуютъ". Атака идетъ яростная: звѣрь возсталъ на звѣря, и въ занесенномъ снѣгомъ лѣсномъ углу стонъ стоитъ отъ собачьяго лая и медвѣжьяго рявканья. Картина Е. Тихменева живо изображаетъ эту борьбу домашняго звѣря съ лѣснымъ, свободнымъ дикаремъ, дорого отстаивающимъ свою жизнь въ лѣсной глуши.

Картина И. Владимірова *„На маневрахъ въ Финляндіи"*, несмотря на свое названіе, полна идиллическаго настроенія.

Легко дышится и мечтается *подъ лучами южнаго солнца*, на прибрежныхъ камняхъ, гдѣ бѣгаютъ черные крабы. Граціозная женская фигурка въ купальномъ костюмѣ полна здоровья и томной лѣтней нѣги, и надъ нею, какъ и надъ всей картиной К. Вещилова, словно горитъ ореолъ жаркаго южнаго лѣта.

На одной изъ картинъ А. Писемскаго тоже *море*, но уже лишенное знойнаго покоя, уже разсерженное. Его же *„Дорожка"*, наоборотъ, дышитъ спокойствіемъ тихаго предлѣсья, гдѣ, какъ говорится, слышно, какъ растетъ трава. *„Старая скамья"* того же художника—воспоминаніе о старинной барской усадьбѣ, о запущенномъ паркѣ, гдѣ сгнили заборы и скамьи, но зато мощно и бодро разрастаются вѣковыя деревья.

Изящный *„Этюдъ"* О. Клевера также напоминаетъ намъ о помѣщичьей старинѣ, объ эпохѣ Лаврецкаго, Лизы, о герояхъ и героиняхъ тургеневскихъ пьесъ. Чувствуется вѣяніе былой красоты, такой же тонкой и изящной, какъ букетикъ цвѣтовъ на клавесинѣ, какъ фигурка дѣвушки въ свѣтломъ платьѣ.

Картина А. Михайлова *„Могила А. С. Пушкина"* изображаетъ мѣсто вѣчнаго упокоенія нашего великаго поэта, похороненнаго въ Святогорскомъ монастырѣ, въ четырехъ верстахъ отъ села Михайловскаго, въ которомъ въ свое время Пушкинъ жилъ и писалъ свои безсмертныя произведенія.

Финскій эпосъ *„Калевала"* исполненъ своеобразной, немного мрачной и суровой поэзіи. Главный герой финской поэмы, мудрый старецъ-поэтъ Вейнемейненъ, проводитъ жизнь въ безпрерывной борьбѣ съ мракомъ невѣжества и съ суровой природой сѣвера. Иногда съ нимъ случаются рыцарскія приключенія, въ родѣ сраженія съ молодымъ лапландцемъ Юкагайненомъ, котораго мудрый старецъ загналъ въ болото, едва не утопилъ и помиловалъ только тогда, когда Юкагайненъ обѣщалъ ему въ жены свою молодую сестру Айно. Картина О. Гофмана ярко оттѣняетъ эту своеобразную суровость и дикость великой сѣверной „Одиссеи".

Шаржи С. Заборовскаго: *„Въ день цвѣтка"* и *„Духъ времени"* изображаютъ гимназическую молодежь въ свойственномъ карикатурѣ утрированномъ видѣ.

Портретъ знаменитаго писателя М. Горькаго, написанный художникомъ Н. Шлеинымъ на о. Капри,—тамъ, гдѣ провелъ писатель послѣднія восемь лѣтъ,—великолѣпно передаетъ характерное лицо бытописателя русскаго мѣщанства, пѣвца „бывшихъ людей". Съ настоящаго года М. Горькій переселился назадъ на родину, и все русское общество, привѣтствуя его возвращеніе, ждетъ его новыхъ яркихъ произведеній, которыя навѣетъ на него родная дѣйствительность.

Въ этомъ же нумерѣ мы посвятили страницу нашимъ знаменитымъ литературнымъ дѣятелямъ — А. В. Дружинину, учредителю Литературнаго Фонда (по поводу 50-лѣтія со дня его кончины) и группѣ писателей, членовъ Литературнаго Фонда, среди которыхъ, увы, очень много уже сошедшихъ въ могилу. Среди „стаи славныхъ" — въ центрѣ извѣстный журналистъ и соціологъ Н. К. Михайловскій, со дня кончины котораго исполняется 28 января с. г. десять лѣтъ.

II-й съѣздъ имени К. Д. Ушинскаго въ С.-Петербургѣ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Эдмонда Ростана", кн. I.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 5 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенія, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 1 февраля, 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія" за Февраль 1914 г., 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ" за Февраль 1914 г. съ 41 рис., отдѣльн. листъ съ 29 черт. выкр. въ натур. величину и 14 рис. для выжиганія.

Н. Горюшкинъ-Сорокопудовъ. Поэзія русской весны. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

Море.

Повѣсть **А. М. Ѳедорова.**

(Продолженіе).

XXI.

Шугаеву непріятно было, что какъ разъ въ эту минуту съ обрыва спускалась къ нимъ Арина Ивановна. Ужинъ былъ готовъ, и она сама пошла позвать сына, который почему-то такъ замѣшкался на берегу.

— Ну и славная же барбулька тебѣ на ужинъ, Гриша. Крупная, розовая, насквозь свѣтится.

Лидія Михайловна торопила Эльмонта:

— Ѣдемте скорѣе!

Арина Ивановна удивилась:

— Куда же это?

Шугаевъ, чтобы предупредить лишнія объясненія, отвѣтилъ съ показнымъ добродушіемъ:

— Да вотъ, мама, Лида хочетъ прокатиться съ нимъ на лодкѣ.

Арина Ивановна даже опѣшила:

— Какъ, на ночь глядя! Вдвоемъ?

Шугаевъ попрежнему старался погасить ея недовольство своимъ неестественно яснымъ тономъ:

— Ничего. Они скоро вернутся. Можетъ-быть, даже поспѣютъ къ ужину.

— Вѣдь вернетесь? А то волны могутъ разыграться еще больше.

— Вѣроятно, вернусь, — съ несдерживаемымъ возбужденіемъ отвѣтила Лидія Михайловна.—Хотя вы меня ужинать не ждите. Я не хочу. Вы, Арина Ивановна, не безпокойтесь, это пустое.

— Что пустое? — сорвалось у Шугаева.

— Да вотъ... что вечеръ и волны. Скорѣе всего онѣ совсѣмъ утихнутъ. Ну, надо поспѣшить.

И она первая пошла къ шлюпкѣ, стоявшей неподалеко отсюда за камнями.

Но Эльмонтъ зналъ, что волны не утихнутъ, и громко высказалъ это

Онъ взялъ съ собой рыбака, чтобы тотъ помогъ ему стащить лодку на воду. И скоро въ вечернемъ сумракѣ призрачно замаячили ихъ удалявшіяся фигуры.

Арина Ивановна долго молча глядѣла имъ вслѣдъ, потомъ обратила недовольное лицо къ сыну и внимательно посмотрѣла прямо въ глаза ему:

— Что же это, Гриша, а?

Онъ ничего не отвѣтилъ. Она покачала головой:

— Къ ночи вдвоемъ. Ра-а-нenько.

— Что раненько?

— Да вотъ уѣзжать такъ. Всего два мѣсяца, какъ повѣнчались.

Онъ сдѣлалъ видъ, что возмутился ея словами:

— Ахъ, перестаньте, мама! Я самъ радъ, что она поѣхала. Что тутъ такого! По крайней мѣрѣ разсѣется ея скверное настроеніе.

Она плохо вѣрила въ его искренность, но не стала огорчать его еще больше своими возраженіями. Только пробормотала:

— Дѣло твое. Теперь, ужъ видно, иначе живутъ.

Онъ не сказалъ ей ни слова. Слѣдовало бы сейчасъ же повернуться и уйти, но тѣло, какъ-то сразу отяжелѣвшее, не хотѣло двигаться, и глаза были обращены туда, гдѣ скрылись эти двѣ фигуры. Оттуда слышались голоса, но за изгибомъ берега и камнями никого не было видно. Вдругъ въ полумракѣ что-то забѣлѣло, поднялось и отошло отъ берега:—парусъ.

— Волны! Волны! Здравствуйте, волны!

Арина Ивановна только всплеснула руками и, съ внезапной суровостью обратившись къ Сашѣ, прикрикнула:

— А ты чего стоишь тутъ!

Но Саша не испугалась этого окрика. Она была ошеломлена больше всѣхъ тѣмъ, что сейчасъ произошло у нея на глазахъ. Неожиданное открытіе Лидіи Михайловны, ея истерическое рыданіе, потомъ этотъ переломъ къ вызывающей выходкѣ, въ которой ей такъ чувствовалось что-то неестественное и обидное для всѣхъ ихъ, особенно для брата. Но она еще не рѣшалась осудить ее, а только по-дѣтски пожала плечами:

— Странно... Какая она! Не ожидала я.

И почему-то почувствовала внезапную нѣжность къ брату, который задумчиво и недвижно слѣдилъ за колеблющимся и быстро удаляющимся парусомъ. Она потянула его за рукавъ:

— Пойдемъ, Гриша, домой

Но онъ тихо отвѣтилъ:

— Иди съ мамой. Я здѣсь посижу, подожду ихъ.

Арина Ивановна, поднимаясь по тропинкѣ, заботливо и тоже тихо уговаривала сына:

— Шелъ бы ты, Гриша. Сыро становится. Да и ужинъ остынетъ.

— Послѣ, послѣ,—отмахнулся Шугаевъ.—Оставьте меня... Идите.

Мать знала, что сейчасъ безплодно настаивать, и печально пошла домой.

Саша догнала старуху, прильнула къ ней, и онѣ медленно и молча стали подниматься вверхъ.

Только въ отдаленіи слышно было, какъ онѣ перекинулись съ кѣмъ-то нѣсколькими словами: это возвращался съ припасами Васянька.

Рыбакъ, укладывая для костра набранный хворостъ и щепки и поглядывая въ сумеречную даль, одобрительно говорилъ:

— Ишь, какъ шлюпка-то накренилась... заплясала. Молодецъ-барыня. Руль взяла и держитъ хоть кому впору. Сразу видно, что море ей было зыбкой.

Васянька сбѣжалъ на песокъ, и старикъ прежде всего ухватился за водку. Ударивъ ладонью въ донышко, онъ ловко вышибъ пробку и сталъ пить прямо изъ горлышка.

Водка долго булькала и клокотала у него въ глоткѣ. Напившись, онъ съ чувствомъ крякнулъ и, установивъ козелки для котла, сталъ разжигать костеръ, въ то время какъ мальчишка чистилъ рыбу.

Запахло вкусно дымомъ, и заигралъ огонекъ.

— Вотъ хорошо, что чурбашекъ принесъ;—одобрилъ Васяньку старикъ, набралъ въ котелокъ воды, повѣсилъ его надъ огнемъ, который, разгорѣвшись, выхватывалъ изъ мрака блестящій кругъ на пескѣ, и сталъ крошить въ котелокъ лукъ и картошку.

Шугаева тяготилъ шумъ волнъ: окутанныя сумракомъ, онѣ представлялись враждебными и злыми. Казалось, внутри моря шелъ какой-то тревожный заговоръ противъ него, такого одинокаго и чуждаго имъ. Даже звѣзды, засіявшія надъ моремъ, также были какъ будто заодно съ волнами. Среди подвижной бѣлѣющей пѣны совсѣмъ почти затерялся парусъ, и Шугаеву назойливо лѣзло въ голову то, что говорилъ Эльмонтъ о своей симфоніи. Тогда это казалось ему почти безсмысленнымъ бредомъ. Теперь онъ улавливалъ какой-то смыслъ, дикій и также враждебный ему, который не хотѣлось связывать съ дѣйствительностью.

Шугаевъ присѣлъ на край лодки и завелъ бесѣду съ старикомъ:

— Что, это сынъ твой?

— Нѣтъ, не сынъ.

Тогда онъ обратился къ Васянькѣ:

— Ты откуда же, мальчикъ?

— Я самъ по себѣ, — неохотно отвѣтилъ мальчикъ, бросая рыбу въ котелъ.

— Что же, родичи у тебя есть?—продолжалъ равнодушно допрашивать Шугаевъ.

Старикъ отвѣтилъ за него:

— Были да сплыли. Осталась сестра, да и та на ура.

Шугаевъ не понялъ этихъ словъ и приписалъ странный отвѣтъ старика погонѣ за риѳмой.

— Чѣмъ же твоя сестра занимается?

Но Васянька и тутъ хмуро промолчалъ. Опять за него откликнулся старикъ:

— Да чѣмъ занимается... что ужъ тутъ: ею занимаются, а не она занимается. А малый замѣсто того, чтобы воровать, въ чужихъ карманахъ денежки ковать — отъ зари до зари со мной...— не то въ похвалу, не то въ осужденіе мальчику продолжалъ старикъ.—И въ холодъ и въ непастье. Вонъ руки-то какъ вздулись мозолями.

Онъ снялъ ложкой мутную пѣну съ начинающей закипать воды и отплеснулъ въ сторону.

— Ничего не вздулись. Привыкъ ужъ,—заявилъ мальчуганъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ Шугаевъ.

— Четырнадцать, пятнадцатый.

— Четыре цѣлковыхъ ему въ мѣсяцъ плачу, да харчи,—хвалился старикъ.—Онъ молодецъ—деньгу бережетъ.

— Для чего же ты бережешь деньги?—продолжалъ допрашивать Шугаевъ.

— Накоплю—кабакъ открою,—твердо заявилъ мальчуганъ.

Шугаеву не хотѣлось больше разспрашивать ни о чемъ. Онъ смотрѣлъ то на колыхавшееся пламя костра, къ которому какъ будто рвались волны, то на море. Но послѣ огня ужъ рѣшительно ничего не видѣлъ, кромѣ шумящей темноты. Только по мѣрѣ долгаго и внимательнаго смотрѣнія различалось сѣдое отъ бѣлыхъ гребней пространство. И тоска все сильнѣе и сильнѣе разливалась у него по нервамъ.

— Что, ты не видишь ихъ?—обратился онъ къ рыбаку.

Но рыбаки были такъ заняты варевомъ, что даже не отозвались на его вопросъ.

Онъ громко сказалъ въ тревогѣ:

— Я ничего не вижу.

И на эти слова отвѣтилъ голосъ со стороны:

— А вотъ я такъ вижу.

И въ ту же минуту пламя костра освѣтило невысокую старческую фигуру, безшумно и незамѣтно спустившуюся по тропинкѣ.

Это былъ отецъ Эльмонта, старый капитанъ, давно оставившій море и жившій безвыѣздно на дачѣ круглый годъ.

— Да, хоть плохи глаза стали, а вижу,—повторилъ монотонный и какъ будто сѣрый голосъ.—Плохи глаза. Туманы и вѣтры съѣли ихъ.

И. Владиміровъ. Гадаліе. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

XXII.

Дряблое старческое лицо, выбритое и маленькое, обрисовалось въ темнотѣ, и тонкія безцвѣтныя губы медленно шевелились, продолжая сухо выговаривать слова:

— Стоишь на вахтѣ гдѣ-нибудь въ Охотскомъ морѣ... на собачьей вахтѣ—отъ двѣнадцати до четырехъ утра... точно ватой облѣпитъ. Сирена гудитъ. Смотришь, смотришь впередъ. Въ глазахъ огни начинаютъ мелькать... до того, что не разберешь иной разъ, топовый это огонь, или это у тебя отъ усталости.

Шугаевъ слушалъ этотъ однообразный, вялый голосъ, и ему становилось все больше и больше не по себѣ. Старикъ и всегда казался ему какъ будто неживымъ, а сейчасъ онъ особенно походилъ въ своемъ бѣломъ одѣяніи на выходца съ того свѣта.

— Какъ бы они не опрокинулись! — вырвалось опасеніе у Шугаева.

Но морякъ презрительно возразилъ на это:

— Есть отъ чего!—И опять продолжалъ свое:—Да... А настоящихъ огней иной разъ и не различишь. И сирены даже чужой не услышишь. Глядь, передъ самымъ носомъ какое-нибудь американское чудище — китобой выростаетъ. Точно привидѣніе. Кровь захолодѣетъ.

Шугаевъ, не слушая его и уже не сводя глазъ съ моря, спросилъ:

— Что они еще не возвращаются?

Старый морякъ сталъ спиной къ костру и долго внимательно глядѣлъ вдаль.

— Куда тамъ! Несутся все дальше.—И снова голосъ прошлаго запѣлъ подъ шумъ волнъ:—А что было въ Индійскомъ океанѣ! Шли мы четверо сутокъ подъ шквалами, свѣту Божьяго не видно.

Шугаеву вдругъ стало стыдно, что онъ малодушно, какъ мальчишка, сидитъ здѣсь и ждетъ уѣхавшую жену. Онъ тихо поднялся и задумчиво направился по тропинкѣ къ дому.

Но старый морякъ даже не замѣтилъ его ухода. Онъ продолжалъ все такъ же медленно разсказывать, глядя на море, какъ будто говорилъ волнамъ:

— Никакихъ опредѣленій нельзя было сдѣлать. Пищи горячей трое сутокъ не видѣли. Промокли всѣ такъ, что мѣста живого не было. Только и командуешь: „На румбѣ!“ И вдругъ—ударъ!

Онъ, разводя руками, обернулся назадъ, но уже не нашелъ Шугаева. И такъ же равнодушно спросилъ, опять-таки какъ будто море или самого себя:

— Гдѣ же это онъ? или... — Онъ запнулся на минуту и нерѣшительно закончилъ:— Или никого здѣсь и не было?

Всѣ рыбаки на этомъ побережьѣ хорошо знали стараго моряка съ его безконечными воспоминаніями и относились къ нему съ снисходительной ироніей.

— Ушелъ баринъ. Домой ушелъ. Жена въ морѣ—а мужъ въ полѣ. Не хотите ли, ваше благородіе, ухи похлебать? — предложилъ рыбакъ капитану.

— Спасибо, братецъ. У меня ѣда по склянкамъ. Пятьдесятъ лѣтъ, братецъ, по склянкамъ живу.

И, покачивая головой, старикъ поплелся по берегу.

Рыбаки сняли котелокъ и молча стали ѣсть уху, оставивъ огонь догорать.

Шумѣло море, и холодно-голубой свѣтъ маяка съ одной стороны падалъ далеко въ море, другой лучъ его, какъ грандіозная

струя фонтана, билъ высоко вверхъ, казалось, до самыхъ звѣздъ. Въ этой полосѣ иногда шевелилось какъ будто что-то живое—это облачко попадало въ струю свѣта и трепетало въ ней, какъ въ плѣну.

Рыбаки поѣли, перекрестились и выплеснули остатки изъ котла.

— Ну, Господи благослови, и спать пора.

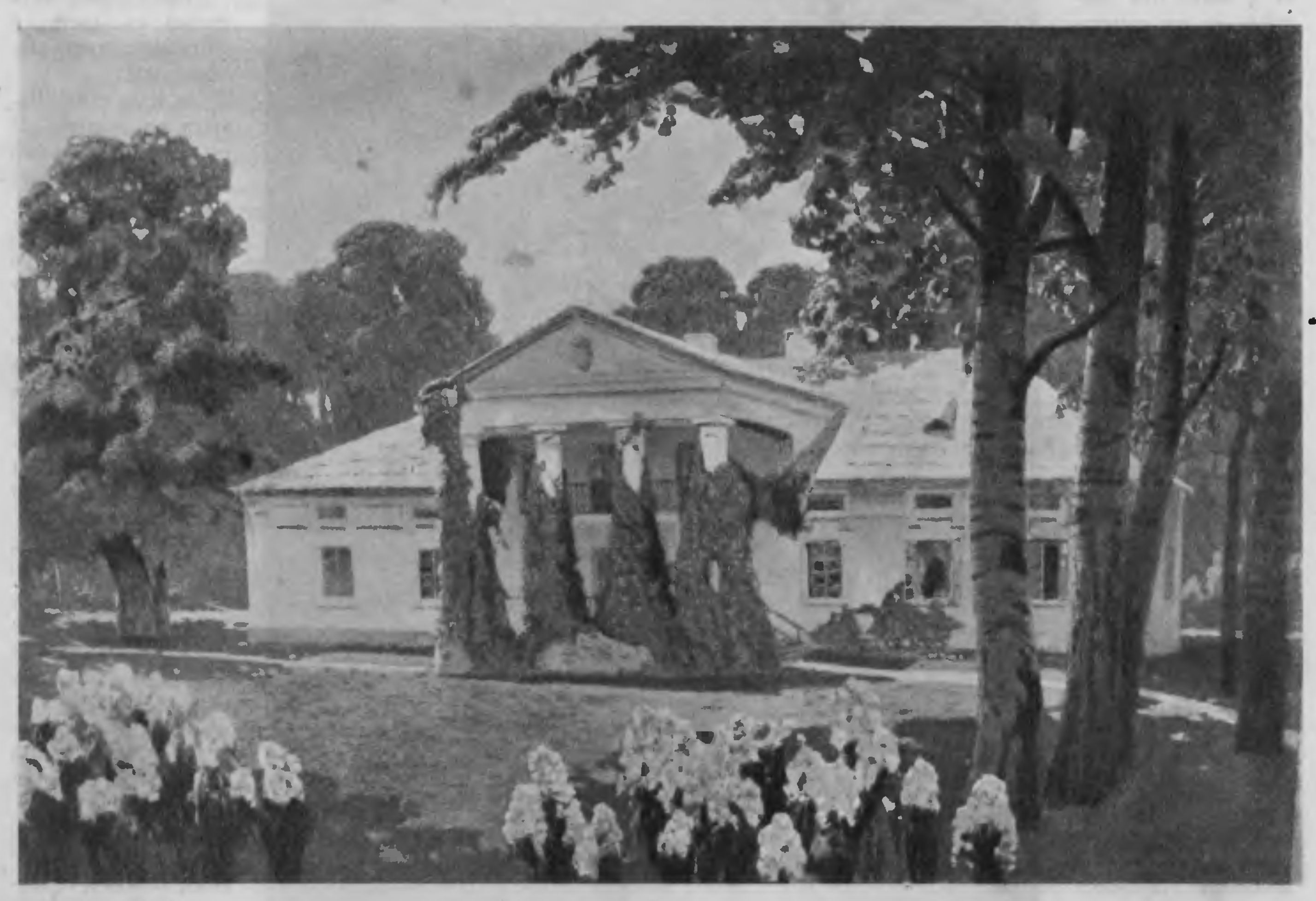
Растянулись на пескѣ и покрылись чѣмъ попало.

Уже одолѣвала дремота, когда изъ тишины донесся тонкій дѣтскій голосокъ:

— Мишка, хочешь, я тебѣ подарю дохлаго морского кота-а?

Никто не отозвался на это заманчивое предложеніе.

— Это—егорьевскій парнишка,—сквозь дремоту пробормоталъ Васянька.

К. Вроблевскій. Усадьба. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

Опять тотъ же голосъ раздался:

— Миша-а-а-а!

Молчаніе.

Голосъ уже нѣсколько раздраженно и тоскливо повторилъ:

— Да хо-чешь, я по-да-рю-у те-бѣ дох-ла-го морского кота-а-а?..

— Ишь, какъ его разбираетъ,—недовольно пробурчалъ старый рыбакъ.

Голосъ, уже совсѣмъ плаксиво, послѣдній разъ возопилъ:

— Да Ми-и-ка-а! Хо-чешь, я те-бѣ пода-рю-у дохла-го морско-го ко-та?

Затѣмъ все замолкло. Слышно было только, какъ шумѣлъ прибой, да стучала машина на маякѣ.

XXIII.

Было безумно-сладостно и весело скакать по волнамъ, разрѣзая ихъ пѣнные гребни, отъ которыхъ брызги летѣли въ лицо. Иногда лодка накренялась до того, что едва не черпала бортомъ, но Лидіи Михайловнѣ приходилось употреблять большія усилія, чтобы удержать руль, какъ надо, въ разрѣзъ волнамъ.

Онъ внимательно слѣдилъ за парусомъ.

Они почти ничего не говорили другъ съ другомъ. Но въ этой молчаливой совмѣстной работѣ было что-то, таинственно объединяющее ихъ.

То, что передъ тѣмъ открылось ей, такъ потрясло ее и представилось такимъ важнымъ, здѣсь утратило постепенно всю свою остроту, и, когда они возвращались обратно, оба утомленные, голодные и безсознательно для нихъ сблизившіеся, она желала только одного: чтобы мужъ не встрѣтилъ ее на берегу.

Когда лодка съ размаха въѣхала нъ береговой песокъ, и парусъ, всплеснувшись, упалъ, Эльмонтъ первый выскочилъ на берегъ и протянулъ своей спутницѣ руки:

— Держитесь за меня. Я вынесу васъ. А то вы можете замочить ноги.

— Не надо. Я сама.

— Берегитесь. Въ темнотѣ вы можете попасть въ воду.

— Нѣтъ!

Она прыгнула прямо съ носа на песокъ и нѣкоторое время стояла неподвижно, неровно дыша: ее всю какъ будто продолжало качать, и голова слегка кружилась. Мужа ея, очевидно, здѣсь не было, но теперь это ее не обрадовало, а испугало.

Онъ зацѣпилъ конецъ веревки отъ лодки за приложенный спеціально для вытаскиванія лодки воротъ и сталъ вертѣть его, накручивая канатъ.

— Помочь вамъ?—предложила она.

— Помогите.

Она подошла съ другой стороны ворота и стала тянуть за переходившія отъ него ручки, раздѣлявшія ихъ. Тамъ, въ лодкѣ, она почти не различала его лица, здѣсь оно было близко передъ нею, и опять были прямо и настойчиво устремлены на нее его глаза.

Оба тяжело дышали отъ усилій. Съ каждымъ движеніемъ ворота лодка подавалась все ближе.

Наконецъ Лидія Михайловна бросила эту работу и созналась:

— Не могу больше. Устала.

— Баста. Больше не надо. Вѣтеръ стихаетъ.

С. Соломко. Гордость. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

Онъ сталъ замыкать цѣпь лодки. А Лидія Михайловна, закинувъ руки за голову, стояла, обративъ лицо къ небу:

— Качаетъ. Точно я все еще на волнахъ, а не на землѣ. Пойдемте.

Эльмонтъ подошелъ къ ней и вкрадчиво сказалъ:

— Такъ дайте же мнѣ вашу руку.

— Не надо. Я вотъ только немного посижу, отдохну.

Она прошла нѣсколько шаговъ, хотѣла опуститься на песокъ, но замѣтила растянувшіяся возлѣ потухшаго, но все еще пахнувшаго гарью костра фигуры спавшихъ рыбаковъ:

— Ахъ, здѣсь опять люди.

Прошла дальше и сѣла на камень, хорошо знакомый ей.

— Вы не хотите дать мнѣ свои руки?—услышала она возлѣ себя голосъ Эльмонта.—Боитесь прикоснуться ко мнѣ?

— Не боюсь. А для чего? — стараясь придать своему голосу равнодушіе, отвѣтила она.

— Нѣтъ, вы боитесь, — точно поддразнивалъ онъ.— Я поймалъ въ вашихъ глазахъ этотъ страхъ. Я почувствовалъ его въ васъ при первой же встрѣчѣ съ вами, когда вы стояли въ бѣломъ подвѣнечномъ платьѣ, такая гордая, чистая и холодная, какъ снѣгъ. Дайте мнѣ вашу руку!—неожиданнымъ требованіемъ прервалъ онъ свое воспоминаніе.

Лидія Михайловна встала и испуганно направилась къ тропинкѣ:

— Оставьте меня.

Эльмонтъ продолжалъ съ безпощаднымъ упорствомъ:

— И когда наши глаза встрѣтились, я ясно увидѣлъ, какъ что-то отвѣтило мнѣ въ этихъ глазахъ, такъ что каждая капля моей крови заныла отъ предчувствія. Дайте мнѣ вашу руку!—

Это требованіе становилось все властнѣе и настойчивѣе.

Она попробовала отвѣтить на это ироніей:

— Оставьте меня. Я смѣюсь надъ вашими предчувствіями.

Но слова эти прозвучали фальшиво, и она почти раскаялась, что сказала ихъ.

Онъ произнесъ съ спокойнымъ убѣжденіемъ:

— Вашъ умъ смѣется. Этотъ карликъ, который ничего не знаетъ, ничего не видитъ,—только умъ, а не сердце. Иначе вы не побоялись бы дать мнѣ руку.

Она изъ упрямства не хотѣла сознаться ни въ чемъ подобномъ. Этотъ человѣкъ слишкомъ самоувѣренъ, и у нея достанетъ силы наказать его за эту самоувѣренность.

Остановилась и, не глядя на него, вызывающе-холодно протянула руку:

— Чтобы вамъ доказать, вотъ моя рука.

Эльмонтъ схватилъ ея руку.

— Только не сжимайте такъ сильно. Это лишнее.

Тонъ попрежнему былъ напряженно холоденъ и неестественно спокоенъ. Но въ ту же минуту она почувствовала, какъ рука его потянула ее къ себѣ.

— Развѣ я сжалъ?.. развѣ я сжалъ?..—волновалъ ее голосъ его, попи-

С. Соломко. Цирцея. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

жавшійся до шепота. И наконецъ чутко-близко, совсѣмъ близко отъ себя, она не только услышала новыя слова его, но и горячее дыханіе, какъ будто этотъ жаръ шелъ отъ словъ, безсмысленно повторяемыхъ имъ,—словъ, брошенныхъ ею, когда она оторвалась съ нимъ отъ берега:

— Волны... Волны... Здравствуйте, волны!

Но теперь эти слова имѣли совсѣмъ иное значеніе.

— Вы обезумѣли! — вырвалось у ней.

И тогда Эльмонтъ, приблизивъ къ ней свое блѣдное худощавое лицо, съ горящими глазами, зашепталъ:

— Мое безуміе—моя страсть. Здравствуйте, волны! Развѣ вы не чувствуете, какъ онѣ встрѣтились и хотятъ слиться одна съ другой?

И другая рука ея очутилась въ его рукахъ, и онъ, сжимая ея руки, тянулъ ее къ себѣ.

— Развѣ вы не чувствовали это при каждомъ прикосновеніи и при каждомъ взглядѣ? Я люблю васъ... люблю васъ... люблю васъ!

Его слова дѣйствительно заливали ее, какъ волны, и такія же волны встрѣчались въ ихъ рукахъ. У нея нашлись силы воскликнуть:

— Оставьте меня! Пустите... Я васъ не люблю! Мнѣ страшно!

Но и эти слова обращались на нее же:

— Этотъ страхъ—любовь... любовь!

Онъ опустилъ ея руки, и онѣ упали, какъ чужія.

— Я угадалъ... Я угадалъ—и вы это знаете. Любовь!

Это слово катилось на нее, какъ огненный шаръ, и неоткуда было ждать спасенія.

— Гдѣ моя сила?.. Пустите... пустите меня...—бормотала она внѣ себя, не двигаясь съ мѣста.

— Вы видите, я не держу васъ,—звучалъ его властный голосъ.

Она, все не шевелясь, съ безудержно бьющимся сердцемъ, съ пересыхающими губами, отвѣчала, какъ въ бреду:

— Нѣтъ, держите... держите... своимъ взглядомъ... Но я уйду... уйду, пустите меня!

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону, пятясь отъ него, но не отрывая своего взгляда отъ его взгляда, и вдругъ почувствовала, что спиной коснулась стѣны обрыва. Сладостное отчаяніе охватило ее, и она поняла, что теперь ужъ никуда не уйдетъ... Не можетъ уйти.

— У меня закружилась голова...—зашептала она, протягивая къ нему руки.—Закачало... Волны...

XXIV.

Шугаевъ не спалъ эту ночь. Что-то случилось въ его жизни. Что-то нарушило если не навсегда, то надолго его покой. Онъ не допускалъ мысли, что случилось то, что случилось въ дѣйствительности. Но и того, что онъ предполагалъ, было достаточно, чтобы отравить его сердце. Мать сказала слово „рано“,—но развѣ тутъ вліяетъ время? Для него, онъ зналъ это, время представлялось внѣ его чувства. Оно не могло ни ослабить ни увеличить той любви, которая въ немъ жила чуть ли не послѣ первой встрѣчи съ нею.

То, что время могло прибавить къ его чувству привычку, было, какъ онъ мысленно опредѣлялъ, явленіе иного порядка.

Р. Берггольцъ. Осенью. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

Напрасно онъ пытался доказать себѣ, что, въ сущности, у него нѣтъ настоящихъ основаній для тревоги. Тревога впилась въ сердце, какъ клещъ, и отрывать ее было невыносимо больно. Къ тому же гдѣ-то таилась слабая надежда. Этотъ клещъ напьется крови и отпадетъ самъ.

Но эта надежда упала послѣ того, какъ вернулась жена. Поздно вернулась.

Чтобы не смутить ее, онъ притворился спящимъ. Случалось, что и раньше она приходила съ прогулки поздно, когда онъ засыпалъ. Сквозь сонъ слышалъ тогда онъ, какъ она раздѣвалась и двигалась. На этотъ разъ она пришла тихо, какъ воръ. Онъ почти не слышалъ шелеста ея платья и шаговъ. Такъ же безшумно легла она въ постель и сразу заснула.

Но сонъ ея былъ тревоженъ, полонъ вздоховъ и отрывистаго шопота.

Ахъ, какъ терзалъ его этотъ шопотъ! Онъ боролся съ собой, чтобы не вслушиваться въ него, и не могъ. Невольно напрягалъ слухъ, но разобрать ничего не могъ. И самъ стыдился своего шпіонства.

Если бы даже теперь всѣ его сомнѣнія оказались вздорными, все равно нельзя было бы уничтожить въ его сердцѣ эту муть, которую они внесли съ собой.

Онъ съ тоской думалъ о томъ, какъ встрѣтится съ нею завтра. И прежде всего понялъ, что завтра онъ уже не можетъ быть самимъ собою. Завтра онъ будетъ лгать и передъ нею и передъ нимъ, этимъ человѣкомъ, котораго онъ считалъ своимъ пріятелемъ и котораго однако никогда не понималъ.

Вотъ это—ложь и притворство для него, человѣка прямого и презиравшаго ложь,—было самое ужасное.

Подъ утро онъ все-таки уснулъ. И когда проснулся, ея уже не было. Она ушла купаться. Онъ этому обрадовался сначала. Было время собраться съ силами и приготовиться къ встрѣчѣ. На одинъ моментъ ему вся его тревога показалась кошмаромъ ночи, и этому впечатлѣнію способствовало удивительное утро. Такое голубое, ясное и тихое, что обласканное имъ недвижное море все трепетало ослѣпительными искрами солнечнаго счастья.

Но достаточно ему было увидѣть хоть одного свидѣтеля вчерашней сцены, хотя бы мать или Сашу, какъ изъ ихъ глазъ на него взглянула правда. Та жестокая правда, которую онъ чувствовалъ и самъ. Если ему это только казалось—тѣмъ хуже для него, тѣмъ непоправимѣе. Значитъ, въ ихъ союзѣ есть что-то фальшивое, чего ужъ невозможно избыть.

Онъ пробовалъ ставить себѣ опредѣленные вопросы и также опредѣленно отвѣчать на нихъ.

Изъ этого никакого толку не выходило. Ясно было одно, что тотъ сумѣлъ чѣмъ-то больше заслужить ея вниманіе, если въ такой, какъ она сама признавалась, серьезный для нея моментъ, какъ вчера, она рѣшила остаться съ тѣмъ. Онъ изъ деликатности не разспрашивалъ ее о дѣтствѣ ея, такъ какъ зналъ, что дѣтство ея было темное и несчастное, а она вчера поставила ему это въ упрекъ.

Да нѣтъ. Сила, конечно, не въ этомъ. И, перебирая всю ихъ

А. Гирвъ. Тетерьки. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

недолгую совмѣстную жизнь съ перваго дня брака, онъ съ надвигающимся ужасомъ видѣлъ, что то, что онъ переживалъ сейчасъ, можно было предсказать уже тогда, когда она, послѣ вѣнчанія передъ самымъ отъѣздомъ изъ дома, такъ жгуче роняла слезы надъ цвѣтами. Можетъ-быть, она въ этотъ мигъ почувствовала, что сдѣлала роковую ошибку, выйдя за него замужъ. Тогда...

Но онъ не хотѣлъ доводить до конца этой мысли. Онъ обрывалъ ее все тѣмъ же разсудочнымъ вопросомъ: что же собственно случилось особеннаго?

И опять мысль кружила вокругъ одной больной точки. Но радіусъ этого круженія все увеличивался, и круги, описываемые ею, отходили все дальше и дальше отъ центра.

По временамъ ему представлялось, что вотъ онъ увидитъ ея лицо, ея глаза—и всѣхъ этихъ сомнѣній не станетъ. Онъ нетерпѣливо начиналъ ожидать ее и смотрѣлъ съ балкона на море. Но она что-то долго не шла.

Ослѣпительные огоньки солнечныхъ лучей ткали на шелковистой поверхности моря безконечную сверкающую сѣть. Въ цвѣтникѣ пестро и ярко сіяли цвѣты, и надъ ними носились бабочки. Но изъ всей этой красоты, которой онъ вчера еще наслаждался такъ спокойно, нынче ушло что-то. Точно и природа провела такую же ядовитую ночь и сейчасъ лишь притворялась безпечной и радостной.

Его потянуло въ ея мастерскую. Это была большая комната: одно окно—большое—выходило на сѣверъ, другое—на море. Вдоль стѣнъ стояли скульптурныя работы, которыя она захватила съ собою и частью начала здѣсь: маски, эскизы. Посреди комнаты стоялъ деревянный станокъ, на немъ бюстъ, обернутый мокрыми тряпками.

Неподалеку отъ станка, у стѣны, стоялъ цинковый ящикъ съ глиной, а на табуретѣ передъ станкомъ лежали инструменты, замазанные глиной, стэки. У другой стѣны, на табуретѣ, чашка и кувшинъ для умыванія рукъ.

Шугаевъ медленно вошелъ сюда и долго не рѣшался сдѣлать то, что хотѣлось. Наконецъ онъ подошелъ къ бюсту, осторожно развернулъ тряпку и долго разсматривалъ черты Эльмонта, которыя лѣпили ея руки.

Въ глинѣ эти черты, несмотря на поразительное сходство съ оригиналомъ, казались совсѣмъ иными, чѣмъ въ натурѣ. Конечно, потому, что въ натурѣ лицо постоянно мѣнялось и оживлялось блескомъ глазъ, улыбкой. Этого взгляда она не передала, и это еще болѣе заставляло Шугаева допытываться, въ чемъ же здѣсь сила?

По лѣстницѣ снизу послышались шаги Саши. Шугаевъ не хотѣлъ, чтобы даже она застала его за этимъ, какъ онъ думалъ, предосудительнымъ занятіемъ, и онъ быстро закуталъ бюстъ тряпками.

Саша вошла, какъ ему показалось, какъ-то особенно робко и, поздоровавшись съ нимъ, задала нерѣшительно вопросъ:

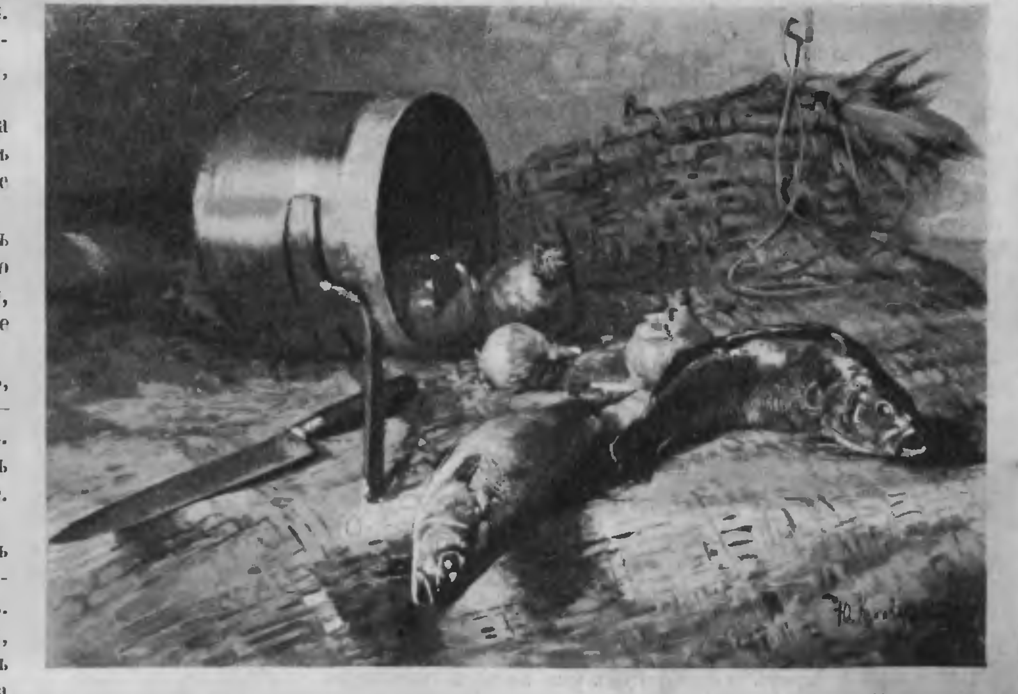
— Гриша, ты опять сегодня не будешь работать?

Шугаевъ неестественно бодро отвѣтилъ ей:

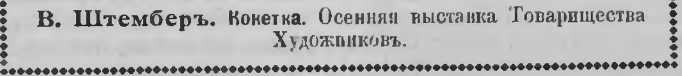
— Нѣтъ, будемъ. Непремѣнно, Саша, будемъ. Вотъ хорошо, что ты пришла за мной. Я вчера, знаешь, не работалъ только потому, что эта мертвая зыбь какъ-то замутила мнѣ голову и отвлекла... Я какъ-то забылъ... Да на тебя, кажется, тоже подѣйствовало вчера море. Ты что-то нервничала какъ будто.

— Нѣтъ, я не потому,—не глядя въ глаза ему, отвѣтила Саша. Но, обрадованная его тономъ и согласіемъ, она тотчасъ же повела разговоръ иначе:—У меня, Гриша, все готово. Пойдемъ. А то ты опять забудешь. Ты нынче такой разсѣянный.

За утреннимъ столомъ, вмѣсто того, чтобы помѣшать ложечкой кофе, онъ машинально водилъ ею вокругъ стакана, пока мать не остановила его. Значитъ, объ этомъ мать уже успѣла разсказать Сашѣ. Однако онъ нашелъ нужнымъ разубѣдить сестру:

Ю. Клеверъ (сынъ). Изъ кухни. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

В. Штемберъ. Кокетка. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

— Я, Сашенька, разсѣянный? Нисколько. Я обдумываю теперь самое главное.

— Тѣмъ болѣе не надо отрываться отъ дѣла. Ты самъ говоришь, что ты наканунѣ большого открытія.

— Да, да, наканунѣ большого открытія.

Онъ задумался и оторвался на минуту отъ своего притворства. Голосъ его зазвучалъ печалью и горечью:

— Но чтò же дѣлать! Жизнь. И даже не жизнь, а мелочи жизни, репьи, которые попутно пристаютъ къ ней. И сколько, можетъ-быть, большихъ открытій не проявилось изъ-за этихъ мелочей. Нашъ трудъ, трудъ ученыхъ, требуетъ упорнаго постоянства. Это не творчество, въ которомъ есть что-то... какъ тебѣ сказать... самовозгорающееся. Конечно, и у насъ есть творчество, только оно проявляется у насъ, какъ огонь отъ долгаго тренія одного куска дерева о другой.

XXVI.

Вошла Арина Ивановна въ затрапезномъ платьѣ и въ фартукѣ. Сколько Шугаевъ и раньше ни убѣждалъ ее бросить хлопоты по кухнѣ, она всегда не только сама слѣдила за столомъ, но и помогала кухаркѣ.

— Гришенька, чтò тебѣ приготовить на обѣдъ? Хочешь кабачки фаршированные?

— Хорошо. Кабачки фаршированные.

— А можетъ-быть, что-нибудь сдѣлать изъ синихъ баклажановъ?

— Ну, изъ синихъ, все равно.

— А еще лучше, знаешь, чтò...—измышляла Арина Ивановна съ озабоченнымъ видомъ, намѣреваясь развить какіе-то обстоятельные планы насчетъ обѣда, но онъ уже не могъ этого перенести и прервалъ ее нетерпѣливо:

— Ахъ, мама, оставьте меня съ этимъ вздоромъ, не все ли равно!

Арина Ивановна обидѣлась:

— Прежде тебѣ не было это все равно. Да и не раздражался ты на мать, что она заботится о твоемъ здоровьѣ.

Саша заступилась за брата:

— Ну, чего, мама, пристали, въ самомъ дѣлѣ. Гриша теперь такъ занятъ.

Шугаевъ ласково положилъ руку на плечо сестры:

— Иди, дѣвочка, я сейчасъ приду работать.

Саша послушно направилась къ двери.

Шугаевъ, чтобы смягчить мать и загладить свою невольную рѣзкость, подошелъ къ ней съ примиряющимъ словомъ:

— Не огорчайтесь, мамочка; приготовьте мнѣ кабачки фаршированные, — только вы одна такъ вкусно ихъ приготовляете.

Саша обернулась у дверей и какъ-то особенно торопливо сообщила:

— Лидія Михайловна идетъ.

И сама осталась стоять въ дверяхъ.

Лидія Михайловна вошла въ легкомъ, суроваго тона полукапотѣ-полуплатьѣ, съ восточнымъ шелковымъ шарфомъ на головѣ, по-татарски повязаннымъ.

Ее, повидимому, удивило присутствіе всѣхъ троихъ въ мастерской, и Шугаевъ замѣтилъ это и поспѣшилъ извиниться:

— Мы тутъ случайно собрались, вы ужъ извините. Это какъ-то нечаянно вышло... Я хотѣлъ тутъ посидѣть у васъ... Ну, а они за мной.

Но Лидія Михайловна уже придала лицу привѣтливое выраженіе и, со всѣми поздоровавшись, высказала даже удовольствіе:

— Чтò же, и очень хорошо. Посидите. Я все равно не работаю. Хотѣла только взглянуть.

Она кивнула на завернутый тряпками бюстъ, однако не спѣшила смотрѣть на него. И никто ничего ей не отвѣтилъ.

Молчаніе отяжелило воздухъ.

Б. Фредманъ-Клюзель. Бюстъ донъ Эдуарда Гарсія-и-Маисилья. Осенняя выставка Товарищества Художниковъ.

Она засуетилась и поспѣшила прервать его:

— Здѣсь хорошо, прохладно. Какое море сегодня! Точно притаилось. Въ немъ даже что-то хищное есть. Впрочемъ, въ немъ всегда есть что-то хищное. Я недавно это замѣтила. Чтò же вы, мама, не садитесь?

— Нѣтъ ужъ, я иду присмотрѣть за обѣдомъ, — отвѣтила Арина Ивановна и пошла какъ-то особенно торопливо, точно опасаясь, что ее задержатъ.

Лидія Михайловна обратилась къ Сашѣ, не допуская больше ни мгновенія безъ словъ:

— Почему вы, Саша, не купались? Хотя, знаете, не о чемъ жалѣть. Купанье показалось мнѣ непріятно. Вода такая неласковая.

Но словъ уже не хватало... Да и тѣ, чтò были сказаны, не заполняли пустоты, которая тяготила всѣхъ.

И Шугаевъ ощущалъ это ясно. Онъ все еще не могъ посмотрѣть прямо въ глаза жены и, чтобы избѣжать этого дальше, напомнилъ Сашѣ:

— Чтò же, Саша, работать-то?... Пойдемъ.

Лидія Михайловна стала удерживать ихъ:

— Почему? Вѣдь вы же хотѣли посидѣть тутъ... у меня.

— Хотѣлъ, но вотъ мой помощникъ напомнилъ мнѣ о моемъ долгѣ,—черезъ силу улыбаясь, отвѣтилъ Шугаевъ и неловко двинулся къ двери.

Она не стала больше задерживать ихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На тотъ берегъ.

Навѣки жизненнымъ разлучены потокомъ,
На разныхъ мы стоимъ далекихъ берегахъ.
Ты мнѣ виднѣешься на берегу высокомъ
Отрадной юности—въ эфирѣ и въ лучахъ.
Я, погруженный въ тѣнь, томлюсь на одинокомъ
Прибрежьѣ старости. Но издали, въ мечтахъ,
Твое дыханье пью и образъ твой цѣлую,
Любя въ любви къ тебѣ свою весну былую.

И, можетъ-быть, какъ знать, твой взоръ не ослѣпленный
Замѣтитъ вдалекѣ печаль моихъ сѣдинъ,
И ты поймешь, что путь ведетъ насъ всѣхъ одинъ,
Что тотъ же лжетъ намъ лучъ, различно отраженный.
О другъ мой, двѣ звѣзды свѣтлѣе всѣхъ горятъ:
Утра и вечера,—одной звѣзды два знака.
Я полюбилъ въ тебѣ рожденье дня изъ мрака.
О, пожалѣй во мнѣ грозящій дню закатъ.

Н. Минскій.

„Принцесса Иза“.

Разсказъ Л. М. Савѣлова.

(Продолженіе).

Выѣхалъ я изъ Луксора около пяти часовъ утра. Солнце только-что взошло и золотило Ливійскій хребетъ, который тянулся на западѣ, и въ скалахъ котораго похоронены бывшіе владыки Египта и ихъ приближенные. Было еще свѣжо. Переправившись черезъ Нилъ, мы направились съ проводникомъ на ослахъ къ западу. Вдали показались знаменитые колоссы Мемнона, эти до сихъ поръ величественные, хотя и весьма пострадавшіе отъ времени и землетрясеній, остатки сѣдой старины Египта: послѣ нихъ виднѣлась песчаная полоса, тянувшаяся уже вплоть до подножія самаго хребта. Почва постепенно повышается; мы приближаемся къ цѣли. Наконецъ мы у входа въ одну изъ гробницъ; тамъ собралась уже большая компанія туристовъ всевозможныхъ національностей: мы съ проводникомъ присоединились къ ней, вошли въ коридоръ, который долженъ былъ привести насъ къ самой гробницѣ. У всѣхъ въ рукахъ были свѣчи, которыя мерцали въ темнотѣ, слабо освѣщая внутренность коридора. Толпа вела себя, по обыкновенію, крайне непристойно, ведя неподходящіе обстановкѣ разговоры, слышались хохотъ, шутки: меня все это крайне раздражало, и я понемногу отсталъ отъ толпы и остался наконецъ одинъ, стараясь разглядѣть живопись на стѣнахъ, которая изображала картины изъ жизни стараго Египта. Но странно—все это казалось мнѣ удивительно знакомымъ, и я ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, гдѣ я могъ это видѣть, и рѣшилъ, что, вѣроятно, все это было издано, и я гдѣ-нибудь видѣлъ это изданіе, хотя никакъ не могъ припомнить, гдѣ именно.

Къ самому саркофагу я подошелъ въ то время, когда дикая орда туристовъ съ такимъ же шумомъ уже уходила обратно. Я подошелъ къ саркофагу—онъ былъ пустъ: очевидно, мумію куда-нибудь увезли, и она подъ № украшаетъ какой-нибудь музей. Мнѣ стало невыносимо грустно, я прислонился къ стѣнѣ и задумался. Мнѣ казалось, что я присутствую при похоронахъ, мнѣ чудились рыданія близкихъ людей, хоронившихъ драгоцѣнный для нихъ прахъ и украшавшихъ съ любовью эту дорогую для нихъ могилу. Затѣмъ проходятъ вѣка—являются чужіе люди, взламываютъ саркофагъ, выкидываютъ изъ него мумію, обшариваютъ его и ищутъ драгоцѣнностей и высчитываютъ тѣ барыши, которые получатъ они за эту удачную находку саркофага и муміи, когда-то оплаканной, а теперь валяющейся въ пыли въ полномъ пренебреженіи. Подъ тяжелымъ гнетомъ этихъ грустныхъ мыслей опустился я на колѣни передъ саркофагомъ, точно желая вымолить прощеніе за поруганіе святыни, совершенное моими современниками; я былъ точно въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Не знаю, сколько времени продолжалось такое состояніе, но вдругъ я почувствовалъ, что будто кто-то на меня смотритъ; я поднялъ голову и къ удивленію увидалъ стоящую у самаго саркофага молодую женщину дивной красоты въ богатомъ древне-египетскомъ одѣяніи. Черты ея мнѣ были очень знакомы. Глаза ея были устремлены на меня, и она, видимо, разсматривала меня и точно что-то припоминала. Я, въ свою очередь, сталъ ее разсматривать,—весь ея обликъ, ея лицо, наконецъ и ея одежда—все казалось мнѣ не только давно знакомымъ, но чѣмъ-то удивительно близкимъ, роднымъ; меня неудержимо влекло къ ней. Такъ прошло нѣсколько мгновеній; мы внимательно другъ друга разглядывали. Наконецъ она провела рукой по глазамъ и заговорила:

— Зачѣмъ ты здѣсь, чтò привлекло тебя сюда? Праздное любопытство или алчность, которой заражено современное человѣчество? Но ты опоздалъ: видишь эту могилу—ее уже успѣли разграбить раньше; ты здѣсь ничего уже не найдешь, не найдешь даже той, чей прахъ съ любовью и со слезами былъ опущенъ въ этотъ саркофагъ, — даже онъ понадобился твоимъ собратьямъ, даже несчастная мумія дала имъ пригоршню презрѣннаго металла, который заслоняетъ у васъ всѣ ваши чувства, отнялъ у васъ все святое. Чтò сдѣлали вы изъ священной земли Аммонъ-Ра? Чтò сдѣлали вы съ ея нѣкогда свободными жителями? Зачѣмъ разрушили вы наши храмы, зачѣмъ надругались надъ нашими богами, надъ нашими святынями? Неужели ваша религія не научила васъ почитать святыни другихъ, не научила васъ относиться съ уваженіемъ къ прошлому? Вѣдь и мы любили и страдали — за что же вы, пришельцы, оскверняете наши могилы, чѣмъ провинились мы передъ вами? О, настанетъ время, когда и ваши храмы будутъ брошены, и ваши могилы разрыты, и тѣла ваши выставлены на показъ праздной толпѣ, ищущей развлеченій! Часъ возмездія настанетъ и для васъ, и вы испытаете то, чтò испытываемъ теперь мы!

Голосъ египтянки звучалъ гнѣвно и чуть дрожалъ; видно было, что она волнуется, въ ея словахъ чувствовалось глубокое горе. Ея рѣчь была какъ бы продолженіемъ моихъ собственныхъ думъ: я вполнѣ признавалъ справедливость ея тяжелыхъ обвиненій и, опустивъ голову подъ тяжестью ихъ, точно самъ переживалъ тѣ страданія, которыя были написаны на лицѣ моей таинственной собесѣдницы и особенно въ ея глубокихъ черныхъ глазахъ. Она замолкла и впилась въ меня взорами, точно желала прочесть мои мысли, узнать впечатлѣніе, произведенное на меня ея словами. Я сдѣлалъ шагъ назадъ и хотѣлъ уйти, думая, что мое присутствіе только увеличиваетъ муки прекрасной египтянки, видящей во мнѣ одного изъ представителей ненавистныхъ ей разрушителей ея святынь, но она подняла руку, дѣлая знакъ, чтобы я остался, и заговорила вновь.

— Я вижу,—сказала она:—что ты не похожъ на твоихъ соплеменниковъ, что и ты готовъ возмущаться всѣмъ тѣмъ, чтò сдѣлали и дѣлаютъ твои собратья. Если я не ошиблась, и если это такъ, то готовъ ли ты попытаться исправить тотъ грѣхъ, который они совершили по отношенію къ моему праху? Готовъ ли ты помочь мнѣ найти его и возвратить священной землѣ?

Ея глаза, недавно еще гнѣвные и метавшіе искры, смотрѣли теперь на меня съ мольбою и какъ бы ожидали съ трепетомъ моего отвѣта. Но какой же отвѣтъ могъ я ей дать, какъ не желанный ею? Я весь находился подъ обаяніемъ ея неземной красоты, какая-то непонятная сила влекла меня къ ней, ради нея я былъ готовъ на все, я чувствовалъ, что отнынѣ моя жизнь принадлежитъ всецѣло ей, этой невѣдомой представительницѣ египетской старины.

— Скажи, чтò я долженъ сдѣлать, и я это сдѣлаю, хотя бы это стоило мнѣ жизни, — отвѣтилъ я, приближаясь къ египтянкѣ.

Она взглянула на меня такими благодарными глазами, что я едва удержался на ногахъ. Она приблизилась ко мнѣ, положила свою маленькую ручку на мое плечо и сказала:

— Я вѣрю тебѣ, но раньше, чѣмъ дѣйствовать, раньше, чѣмъ я разскажу все, чего отъ тебя ожидаю, — ты долженъ вынести рядъ тяжелыхъ испытаній, и только если ты выйдешь изъ нихъ побѣдителемъ, я скажу тебѣ свое желаніе, и только тогда ты пріобрѣтешь право видѣть меня и помогать мнѣ.

Точно электрическая искра пробѣжала по мнѣ, когда я почувствовалъ прикосновеніе руки; весь дрожа, опустился я на колѣни и, цѣлуя края ея одежды, скорѣе прошепталъ, чѣмъ сказалъ:

— Я—твой рабъ, ради тебя я готовъ на всякія испытанія, на всякія мученія. Я не знаю, почему, но мнѣ кажется, что я знаю тебя уже очень давно, и что я любилъ тебя, какъ люблю теперь.

При этихъ словахъ я почувствовалъ, какъ египтянка вдрогнула: ея рука опять опустилась на мое плечо, и я почувствовалъ ея трепетъ.

Я не могу описать тѣ чувства, которыя испытывалъ въ ту минуту:—египтянка дѣйствительно сразу поработила мой умъ, мое сердце, мою волю, и я готовъ былъ пойти на какія угодно испытанія, готовъ былъ по ея одному слову выдержать какія угодно муки и принести какія угодно жертвы.

— Хорошо,—отвѣтила она:—но я повѣрю въ твою любовь тогда только, когда ты докажешь ее, и только тогда получишь ты награду, недоступную простому смертному. Если ты согласенъ на испытанія, то долженъ провести три ночи въ этой гробницѣ у моего саркофага, и если выдержишь все то, чему тебя подвергнутъ, то я повѣрю и въ твою любовь и въ то, что ты дѣйствительно способенъ и желаешь помочь мнѣ. Если нѣтъ, то ты уйдешь отсюда свободнымъ отъ всякаго обязательства по отношенію ко мнѣ, а я получу еще одно лишнее доказательство того, что современное человѣчество способно лишь на предательство, низость и изъ-за матеріальныхъ выгодъ готово отказаться отъ самыхъ священныхъ привязанностей.

Затѣмъ, помолчавъ, она прибавила:

— Помни, если въ теченіе этихъ трехъ ночей тебѣ не подъ силу будутъ испытанія, то по одному твоему слову все прекратится, и ты уйдешь отсюда и больше меня никогда не увидишь ни въ этой жизни ни въ будущей. И предупреждаю тебя, что на мое содѣйствіе во все время твоихъ испытаній ты разсчитывать не можешь: я ничѣмъ не въ состояніи буду тебѣ помочь, ты долженъ будешь надѣяться лишь на однѣ твои силы, а ихъ потребуется очень много: будь готовъ ко всему. А теперь прощай, я буду ожидать тебя въ первую ночь новолунія, но запомни, что все это время, кромѣ молока и растительной пищи, ты ничего не долженъ ѣсть, и то какъ можно меньше, вино пить можно, но въ количествѣ, необходимомъ лишь для поддержанія твоихъ силъ.

Послѣ этихъ словъ она сдѣлала привѣтливый знакъ рукой, и ея темные глаза заглянули въ мои, точно она желала убѣдиться въ моихъ чувствахъ къ ней, въ способности ради нея вынести всѣ муки испытанія. Еще мгновеніе взаимнаго созерцанія—и призракъ исчезъ, а я остался одинъ въ темной гробницѣ.

Долго я не могъ прійти въ себя послѣ всего видѣннаго и слышаннаго у таинственнаго саркофага: я совершенно не соображалъ, что со мной и гдѣ я—такъ необычно было появленіе этой древней египтянки, которая прикасалась ко мнѣ, которую я видѣлъ, которую я слышалъ. Что это было? Было ли это дѣйствительное явленіе съ того свѣта, или же только галлюцинація—результатъ моего воображенія подъ вліяніемъ окружавшей меня обстановки?

Появленіе новыхъ лицъ вывело меня изъ оцѣпенѣнія, въ которомъ я находился: я вышелъ на воздухъ. Голова кружилась: точно пьяный, сѣлъ я на своего осла и отправился въ Луксоръ, подавленный всѣмъ происшедшимъ. Какъ во снѣ, проѣхалъ я Долину смерти, не обративъ вниманія на нестерпимый зной, который охватилъ все окружающее, машинально сѣлъ въ лодку и переплылъ Нилъ. Только прохладная ванна, которую я принялъ сейчасъ же, вернула мнѣ способность соображать, и къ завтраку я сошелъ уже въ сравнительно нормальномъ состояніи. Послѣ завтрака я заперся у себя въ комнатѣ, усѣлся въ кресло и началъ размышлять о происшествіяхъ сегодняшняго утра. При всей своей вѣрѣ въ возможность явленій изъ области, какъ считается, сверхъестественнаго,—то, что я видѣлъ, было до того реально, до того жизненно, что не могло не поразить даже и меня, и мнѣ хотѣлось путемъ умственнаго анализа всего происшедшаго понять, что именно произошло со мной въ гробницѣ.

Первый вопросъ, конечно: могло ли быть это вызвано какимъ-нибудь внѣшнимъ давленіемъ на мозгъ? Отвѣтъ получался отрицательный: никакихъ излишествъ ни въ ѣдѣ ни въ напиткахъ не было, обѣдъ наканунѣ былъ, по обыкновенію, легкій, вина не было, маленькая чашка чернаго кофе—но это было обыденнымъ явленіемъ: ни разговоровъ ни чтенія, которые могли бы меня возбудить, также не было; спалъ я отлично, всталъ бодрымъ и, входя въ гробницу, былъ очень далекъ отъ мысли о возможности какихъ бы то ни было сверхъестественныхъ явленій.

Гробницы я посѣщалъ этотъ разъ не впервые, и хотя онѣ всегда подымали нѣсколько мое настроеніе, но уже не поражали воображенія, и это появленіе египтянки было бы понятно, если бы случилось при моемъ первомъ посѣщеніи гробницъ. Итакъ, какъ я ни ломалъ головы, я приходилъ къ убѣжденію, что былъ совершенно нормаленъ, и что явленіе это не было воображеніемъ, а являлось вполнѣ реальнымъ проявленіемъ представителя иного міра, и я склонялся къ тому, чтобы исполнить желаніе моей прекрасной египтянки, а къ вечеру того же дня рѣшилъ уже окончательно провести требуемыя ею три ночи у ея саркофага и подвергнуть себя необходимымъ испытаніямъ.

Самое проявленіе духа—а что это было духовное явленіе, я ни минуты не сомнѣвался—меня, конечно, смущать не могло, такъ какъ я и тогда вѣрилъ въ возможность подобныхъ явленій, и если меня что-нибудь смущало, то только большая его реальность, въ которой дѣйствовали зрѣніе, слухъ и осязаніе; только это меня смущало, и одно желаніе разъяснить это могло заставить меня исполнить всѣ требованія этого матеріализировавшагося призрака: но, сознаюсь, во мнѣ дѣйствовало и не одно простое любопытство: меня захватило чувство, котораго я не зналъ до тѣхъ поръ,—въ этой гробницѣ я потерялъ не только голову, но оставилъ тамъ и сердце. Меня неудержимо тянуло къ саркофагу, несмотря на сознаніе ужаса моего положенія, ужаса полюбить призракъ. Но будь, что будетъ—я рѣшилъ итти туда, куда меня повлечетъ эта невѣдомая и таинственная сила. Я дѣлался рабомъ призрака, но добровольно соглашался надѣть тяжелыя цѣпи рабства: я не зналъ, куда приведетъ меня эта любовь, я шелъ съ завязанными глазами, но развязывать ихъ мнѣ не хотѣлось.

Но, чтобы исполнить свое намѣреніе провести ночь въ гробницѣ, надо было подготовить почву, а это не было такъ просто, такъ какъ на ночь всѣ гробницы запираются. Помогъ мнѣ мой проводникъ, который взялся переговорить со сторожемъ. Я боялся, что проводникъ заинтересуется причиной, но, вѣроятно, ему приходилось не разъ встрѣчаться съ самыми дикими фантазіями путешественниковъ, такъ какъ, не выражая никакого удивленія, онъ по первому моему слову взялся за исполненіе моего порученія, которое и устроилъ очень быстро при посредствѣ всемогущаго на Востокѣ бакшиша, который на этотъ разъ оказался весьма значительнымъ: за три ночи съ меня потребовали 100 франковъ и обязательство глубокаго молчанія; и то и другое я съ удовольствіемъ исполнилъ, тѣмъ болѣе, что тайна моихъ ночевокъ у саркофага была и въ моихъ интересахъ. Оставалось только ожидать первой ночи послѣ новолунія, а затѣмъ предать себя на волю Божію и стараться выдержать испытанія; но въ этомъ я почему-то нисколько не сомнѣвался, такъ какъ цѣль была слишкомъ занимательна.

Приходилось ожидать болѣе недѣли, которая прошла мучительно долго. Несмотря на ежедневныя поѣздки въ окрестности Луксора, на огромное впечатлѣніе, произведенное на меня храмами Карнака, я жилъ одной мыслью: увидѣть опять призракъ египтянки и скорѣе выполнить всѣ нужныя приготовленія, чтобы получить эту возможность. Наконецъ наступилъ желанный день. Я страшно нервничалъ, бранилъ солнце, которое въ этотъ день медленно двигалось по небосклону, но въ то же самое время невольный страхъ медленно заползалъ въ душу, гдѣ-то въ мозгу копошилась мысль, что все это глупо,—но, несмотря на это, та же душа рвалась къ этому таинственному призраку, который, казалось, загипнотизировалъ меня.

Вотъ опять я на ослѣ. Проклятое животное еле передвигаетъ ноги, не обращая вниманія на удары, которыми осыпалъ его погонщикъ, и точно рѣшивъ окончательно измучить меня.

Но всякому мученію наступаетъ когда-нибудь конецъ. Вотъ я у входа въ гробницу. Меня встрѣчаетъ черномазый сторожъ, перекидывается нѣсколькими словами съ проводникомъ и, получивъ плату за первую ночь, открываетъ рѣшетчатую дверь, и я вхожу. Сердце усиленно бьется, а иногда совершенно замираетъ, кровь то и дѣло приливаетъ къ мозгу, въ рукахъ и ногахъ я чувствую дрожь, колѣни подгибаются, я еле двигаюсь. Не вернуться ли? Нѣтъ, нѣтъ: три ночи—и меня ожидаетъ награда. Прочь сомнѣнія, прочь страхъ. Мнѣ даютъ зажженную свѣчу и другую въ запасъ; я слышу стукъ захлопнувшейся рѣшетки и щелкъ замка. Жребій брошенъ, — я одинъ, пламя свѣчи едва мерцаетъ въ моей дрожащей рукѣ, меня окружаетъ тишина, со стѣнъ странно смотрятъ на меня различныя фигуры, движущіяся отъ колебанія пламени. Я слышу біеніе собственнаго сердца; жутко, но я продолжаю медленно спускаться. Иногда ноги какъ бы не хотятъ слушаться меня,—я прислоняюсь къ стѣнѣ коридора и затѣмъ заставляю себя итти. Чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ я двигаюсь все медленнѣе, точно на моихъ ногахъ гири. Но вотъ путь конченъ, я различаю уже контуры саркофага. Тихо, душно и жутко, но я стараюсь побороть себя; оглядываюсь—надо выбрать мѣсто, гдѣ бы устроиться, и послѣ нѣкотораго размышленія я сажусь на полъ за саркофагомъ, дѣлая его какъ бы преградою между собой и выходомъ изъ гробницы. Ощупываю себя: спички и флаконъ съ коньякомъ на мѣстѣ; тушу свѣчу. Все погружается во мракъ. Я всматриваюсь въ эту таинственную жуткую тьму, но въ ней ничего нѣтъ; я закрываю глаза, но сейчасъ же вновь открываю ихъ въ надеждѣ увидѣть что-нибудь,—но попрежнему все та же жуткая тишина и мракъ...

Послышался звукъ, точно рукой провели по струнамъ арфы. Во мнѣ все затрепетало, но опять та же могильная тишина. Но вотъ опять тотъ же звукъ, за нимъ другой, третій—и вся гробница наполнилась цѣлою гаммою звуковъ, и хотя ничего не было видно, но я чувствовалъ, что около меня кто-то есть—и не одинъ, а много людей,—я слышалъ ихъ дыханіе, біеніе ихъ сердецъ, но пока мое

ихъ заглушаетъ. Блеснула точно молнія—я закрылъ глаза и почувствовалъ, что что-то происходитъ здѣсь, и если я открою глаза, то увижу что-нибудь страшное; я чувствую сквозь вѣки, что гробница уже наполнена яркимъ свѣтомъ. Я рѣшаюсь наконецъ открыть глаза. Передо мной огромная зала, раздѣленная колоннами на нѣсколько частей: всюду горятъ смолистые факелы, освѣщая залу и распространяя сильный, одуряющій ароматъ. Вдали стоитъ большая статуя, передъ нею нѣсколько жертвенниковъ, но никого нѣтъ. Я рѣшаюсь обойти кругомъ; въ нишахъ вокругъ залы стоятъ статуи, видимо, различныхъ боговъ, но нигдѣ ни жизни ни движенія. Но вотъ вдали послышалось стройное пѣніе, которое приближалось. Я спрятался за колонну. Тихо стали появляться жрецы, сопровождаемые хоромъ изъ мужчинъ и женщинъ; за ними шли нѣсколько человѣкъ въ особенно роскошныхъ одеждахъ; за ними несли большія опахала изъ страусовыхъ перьевъ, украшенныя драгоцѣнными камнями; ихъ головы были украшены золотыми обручами съ головой змѣи впереди; среди нихъ я увидѣлъ мой призракъ; шествіе замыкалось цѣлой толпой египтянъ въ простыхъ одеждахъ. Всѣ они размѣстились вокругъ главной статуи, и жрецы приступили къ богослуженію. Закурился ѳиміамъ, пѣніе смолкло. Главный жрецъ поднялся на небольшое возвышеніе и началъ что-то говорить. Все собраніе его внимательно слушало, многіе стояли съ поникшими головами. Я сталъ всматриваться въ мою египтянку, она тоже внимательно слушала жреца, но иногда взоръ ея обѣгалъ всю залу, точно ища кого-то. Не меня ли? Вдругъ къ главному жрецу подошелъ молодой египтянинъ и, почтительно согнувшись, шепнулъ что-то на ухо. Жрецъ замолкъ, затѣмъ сказалъ нѣсколько словъ—и точно электрическая искра пробѣжала по собравшимся, и всѣ мгновенно повернулись въ мою сторону. Я понялъ, что мое присутствіе открыто. Лица египтянъ не обѣщали ничего хорошаго. Черезъ нѣсколько секундъ нѣсколько человѣкъ схватили меня и поволокли къ жертвеннику, и я очутился лицомъ къ лицу со старымъ жрецомъ, который молча разглядывалъ меня. Глаза его выражали страшный гнѣвъ, лицо передергивалось судорогой. Нѣсколько секундъ, которыя длилось молчаніе, показались мнѣ вѣчностью; наконецъ онъ обратился ко мнѣ и спросилъ:

— Чужестранецъ, зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ ты нарушилъ святость нашего храма, зачѣмъ и по какому праву ворвался сюда незванный и чуждый намъ? Отвѣчай и знай, что за твой поступокъ тебя ожидаетъ мучительная смерть.

Я не зналъ, что дѣлать: могъ ли я отвѣтить правду, или долженъ былъ скрыть истину?

Я взглянулъ на свою египтянку. Ея глаза были обращены на меня, но въ нихъ я увидѣлъ то же выраженіе, какое было у всѣхъ присутствующихъ,—очевидно, съ этой стороны поддержки ждать было нечего. Что же это значило? Неужели она меня обманула?

— Я здѣсь по приглашенію,—отвѣтилъ я, глядя прямо въ мрачные глаза жреца.

— Кого? Но берегись, если ты солгалъ!—крикнулъ старикъ.

— Меня позвала эта женщина,—сказалъ я, указывая на мою египтянку.

Точно волна пробѣжала по залѣ и хлынула по направленію египтянки: на всѣхъ лицахъ видно было напряженіе.

— Принцесса Иза, правду ли говоритъ этотъ человѣкъ, и знаешь ли ты его?—спросилъ жрецъ.

Я впился глазами въ ея лицо,—отъ ея отвѣта зависѣла моя судьба.

— Онъ лжетъ, я не знаю этого человѣка,—прозвучалъ мелодичный голосъ, отдававшій меня въ руки людей, жаждавшихъ гибели чужеземца.

Людская волна отхлынула отъ Изы и охватила меня со всѣхъ сторонъ. Я слышалъ тяжелое дыханіе египтянъ, глаза ихъ метали искры, и если бы не присутствіе жрецовъ, то, вѣроятно, меня бы тутъ же растерзали.

Старый жрецъ поднялъ руку, все смолкло.

— Этотъ человѣкъ, чуждый намъ, не признающій нашихъ боговъ, смѣющійся надъ ними, проникъ на наше богослуженіе: затѣмъ онъ, какъ вы слышали, солгалъ. Какому наказанію онъ долженъ быть подвергнутъ?—спросилъ жрецъ.

— Смерти, смерти! — пронеслось по всей залѣ, отдаваясь въ высокихъ мрачныхъ сводахъ.

— Да будетъ такъ, но раньше пусть на пыткѣ скажетъ онъ намъ, зачѣмъ пришелъ сюда,—произнесъ жрецъ и сдѣлалъ знакъ рукой.

Меня куда-то повели. Вдругъ одинъ изъ ведшихъ меня египтянъ наклонился къ моему уху и прошепталъ:

— Одно слово — и ты свободенъ.—Меня эти слова ободрили: значитъ, Иза помнитъ меня, и я опять былъ готовъ на всякія мученія, разъ эти мученія могутъ быть ей полезны.

Мы шли довольно долго. Наконецъ меня привели въ какое-то мрачное помѣщеніе, въ которомъ валялись кости, черепа людей, а въ одномъ углу лежала какая-то безформенная масса, издававшая стоны. Можно было только догадываться, что это былъ человѣкъ: все тѣло его было истерзано, глаза, повидимому, выжжены, кожа висѣла клочьями, руки и ноги перебиты.

— То же будетъ и съ тобою, — сказалъ одинъ изъ провожавшихъ меня.

Я задрожалъ всѣмъ тѣломъ и остановился въ дверяхъ, но сзади меня толкнули въ спину раскаленнымъ желѣзомъ; я дико вскрикнулъ отъ боли и вошелъ въ помѣщеніе, гдѣ меня ждали ужасы пытки. Прежде всего меня раздѣли, повалили ничкомъ на деревянный помостъ и большими гвоздями прибили руки и ноги въ колѣняхъ, затѣмъ начали вырѣзывать изъ спины ремни. Время отъ времени меня спрашивали, не желаю ли я что-нибудь сказать, но я, помня только конечную цѣль моихъ мученій, лишь мычалъ и старался думать объ Изѣ, что придавало мнѣ силы и бодрость. Послѣ этой операціи меня сняли съ помоста и перевернули на спину. Страданія были ужасны, но что было дальше—было несравненно мучительнѣй: раскаленными щипцами мнѣ вырвали глаза, вывернули всѣ суставы на рукахъ и ногахъ. Но, несмотря на нечеловѣческія страданія, я ни разу не потерялъ сознанія: я не только испытывалъ муки, но и ясно сознавалъ весь ужасъ своего состоянія, а также сознавалъ, что одного моего слова достаточно, чтобы все прекратилось. Но для чего это было нужно? Я представлялъ собою груду мяса и костей и не могъ понять, чѣмъ я могъ быть полезенъ въ такомъ видѣ Изѣ. Но я вѣрилъ въ нее и рѣшилъ испытать все до конца.

Когда я былъ весь исковерканъ, вышелъ старый жрецъ и спросилъ меня, не желаю ли я что-нибудь сказать. Я съ трудомъ отвѣтилъ ему.

— Нѣтъ.

— Если нѣтъ, то тебѣ вольютъ въ горло кипящаго масла. Подумай.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

Мнѣ было все равно, ничто не могло усилить моихъ страданій, но я ошибся: это было что-то невѣроятное, когда кипящее масло проникло въ горло и желудокъ. Я хотѣлъ крикнуть, но не могъ, хотѣлъ вздохнуть, но вмѣсто воздуха въ дыхательное горло попало то же кипящее масло. Я потерялъ сознаніе. Долго ли продолжалось обморочное состояніе, я не знаю. Я пришелъ въ себя, болей не было, только чувствовалась разбитость, всѣ члены ныли. Я попробовалъ пошевелить рукой—она послушалась; попробовалъ подняться — и безъ труда это сдѣлалъ: всѣ конечности были цѣлы. Я со страхомъ дотронулся до глазъ — они были цѣлы. Я не выдержалъ и разрыдался отъ радости. Я былъ счастливъ вдвойнѣ: всѣ ужасы этой ночи для меня прошли безслѣдно, а кромѣ того, я выдержалъ часть испытанія. Послышались шаги—ко мнѣ подходилъ сторожъ-арабъ—надо было уходить изъ гробницы.

Возвратившись въ Луксоръ, я отправился первымъ дѣломъ въ ванну, чтобы немного подбодрить себя,—я чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Когда я раздѣлся, то съ удивленіемъ увидѣлъ на тѣлѣ слѣды какъ будто зажившихъ ранъ, на колѣняхъ видны были слѣды отъ гвоздей. Меня это страшно поразило: значитъ, это не была галлюцинація; но тогда что же это было? При всей моей вѣрѣ въ возможность перевоплощенія, въ возможность общенія съ загробнымъ міромъ—дѣйствительность превзошла всѣ мои ожиданія.

Весь день провелъ я въ обдумываніи всего того, что произошло въ прошлую ночь, и, несмотря на невѣроятныя муки, которыя я испытывалъ, ни на одну минуту не явилась у меня мысль о возможности не исполнить всего, чего требовала отъ меня Иза. Какъ мое тѣло, такъ и мое внутреннее „я" были всецѣло покорены ею.

На вторую ночь началось все такъ же, какъ и наканунѣ, только мнѣ казалось, что глаза принцессы Изы выражали мнѣ сочувствіе, подбадривали меня, однако такъ же, какъ и раньше, на вопросъ жреца она отвѣтила, что не знаетъ меня, но въ голосѣ ея мнѣ почудились уже другія нотки: я не слышалъ въ нихъ того холоднаго презрѣнія, которымъ дышали онѣ наканунѣ. Я чувствовалъ, что она довольна мною, и я вновь былъ готовъ итти ради нея на всевозможныя муки.

И эти муки были еще ужаснѣе. Послѣ различныхъ истязаній съ меня была содрана кожа, и я былъ брошенъ въ котелъ съ кипящимъ масломъ. Все время я не терялъ сознанія и испытывалъ невѣроятныя муки, пока мнѣ не почудилось, что на мои глаза легла чья-то небольшая ручка. „Это—Иза",—мелькнуло у меня въ головѣ, и я потерялъ сознаніе, а когда очнулся, то оказался опять въ темной гробницѣ. Эта ночь окончательно выбила меня изъ силъ, и я съ ужасомъ думалъ о послѣднемъ испытаніи, въ состояніи ли я буду его вынести.

Ночь началась такъ же. Такъ же жрецъ обратился къ Изѣ съ вопросомъ, знаетъ ли она меня и дѣйствительно ли позвала меня на ихъ собраніе, но отвѣтъ уже былъ не тотъ.

— Онъ говоритъ правду,—прозвучалъ отвѣтъ Изы.

Все море головъ заколебалось, и съ недоумѣніемъ переводили присутствовавшіе свои глаза съ Изы на меня и обратно, ожидая разъясненія.

— Кто же онъ, и зачѣмъ ты привела его сюда?—спросилъ жрецъ.

— Это—мой женихъ, принцъ Рама, въ его новомъ воплощеніи. Я привела его сюда, чтобы довершить то, что не могло совершиться въ его предыдущемъ воплощеніи, и когда это совершится, онъ долженъ найти мою мумію и вернуть ее священной землѣ Гаторъ.

Я стоялъ ошеломленный и удивленный словами Изы: теперь я началъ многое понимать, что раньше было для меня загадочнымъ

Такъ вотъ причина, почему мнѣ были такъ знакомы всѣ эти величественные остатки древняго Египта.

Слова Изы вызвали движеніе въ залѣ, но это движеніе не было уже враждебнымъ мнѣ.

— Принцъ Рама,—обратился ко мнѣ жрецъ:—готовъ ли ты подвергнуться послѣднему испытанію, которое бы убѣдило всѣхъ, что ты дѣйствительно тотъ, за кого тебя считаетъ принцесса Иза?

— Да, я готовъ перенести все, чему бы меня ни подвергли.

— Готовъ ли ты вернуться къ своей прежней вѣрѣ и клянешься ли ты вѣчно поклоняться богамъ древняго Египта?

— Клянусь!—отвѣтилъ я твердымъ голосомъ.

— Готовъ ли взять въ жены принцессу Изу, предназначенную тебѣ въ твое предыдущее воплощеніе?

— Готовъ!—съ радостью чуть не крикнулъ я.

— Клянешься ли ты любить ее вѣчно во всѣхъ твоихъ послѣдующихъ воплощеніяхъ?

— Клянусь!

— Теперь пойдемъ,—сказалъ жрецъ.

Мы вышли изъ залы и довольно долго шли длиннымъ коридоромъ; становилось душно—мы точно приближались къ самому пеклу; я едва дышалъ. Наконецъ мы подошли къ большому помѣщенію, наполненному огнемъ, которое охватило большое пространство; огромные языки пламени подымались кверху и лизали раскаленные докрасна каменные своды. Мы остановились за нѣсколько шаговъ до огня. Жаръ былъ такъ силенъ, что на мнѣ начало тлѣть платье.

— На другой сторонѣ этого огня есть такой же входъ, какъ и тотъ, которымъ мы пришли. Ты долженъ въ него проникнуть, и если ты дѣйствительно принцъ Рама, то сдѣлаешь это безпрепятственно, если же ты обманываешь насъ и принцессу Изу, то ты погибнешь въ огнѣ!—сказалъ мнѣ жрецъ.

Если это такъ, то бояться мнѣ было нечего: я уже вѣрилъ въ то, что я дѣйствительно существовалъ раньше и что я египтянинъ по происхожденію; наконецъ меня ожидала награда въ видѣ руки Изы, безъ нея я уже жить не могъ, а какимъ образомъ покончить свое существованіе — мнѣ было совершенно безразлично.

Я рѣшительно и спокойно двинулся черезъ пламя, которое моментально превратило мое платье въ пепелъ, но совершенно не коснулось меня, и я свободно шелъ по огромному коридору. Пламя разступалось предо мной и точно указывало дорогу, пока я не вышелъ изъ него. Меня встрѣтилъ тотъ же жрецъ. Лицо его улыбалось, онъ протянулъ ко мнѣ руки:

— Привѣтствую тебя, принцъ Рама, для новой жизни! Да благословятъ тебя Гаторъ, Изида и Аммонъ-Ра.

Я въ глубокомъ волненіи склонился къ его ногамъ и припалъ къ нимъ. Слезы невольно текли изъ моихъ глазъ; но это были блаженныя слезы радости и счастья. Жрецъ ударилъ въ ладоши, и на его зовъ явилось нѣсколько слугъ; они принесли одежду, въ которую меня облекли, и вадѣли мнѣ на голову золотой обручъ съ головкой змѣи, какъ знакъ моего высокаго происхожденія. Я превратился въ знатнаго египтянина эпохи фараоновъ, послѣ чего мы направились опять въ залу, гдѣ насъ съ нетерпѣніемъ ожидали, зная уже о благополучномъ окончаніи испытанія. Всѣ низко кланялись мнѣ и шумно привѣтствовали. Мы подошли къ главному алтарю. Жрецъ читалъ молитвы, я громко повторялъ за нимъ, затѣмъ мы простерлись передъ статуей богини, послѣ чего я сдѣлалъ возліяніе благовоннаго масла на горѣвшій въ жертвенникѣ огонь.

Когда окончилось жертвоприношеніе, жрецъ обратился къ Изѣ:

— Принцесса Иза, желаешь ли взять въ мужья принца Раму?

— Да желаю,—отвѣтила Иза.—Я уже разъ клялась въ любви ему и готова повторить эту клятву и нынѣ.

— Принцъ Рама, подойди къ принцессѣ и подведи ее къ жертвеннику.

Съ бьющимся сердцемъ подошелъ я къ Изѣ, она съ улыбкою подала мнѣ руку, и мы подошли вмѣстѣ къ жертвеннику, около котораго и остановились, держа другъ друга за руки.

— Положите руки ваши на жертвенникъ,—сказалъ жрецъ.

Когда мы это исполнили, жрецъ обратился ко мнѣ:

— Принцъ Рама, клянись въ томъ, что будешь вѣчно поклоняться богамъ древняго Египта.

— Клянусь.

— Клянись, что будешь исполнять все то, что будетъ исходить отъ главнаго жреца Аммонъ-Ра, какъ верховнаго духовнаго владыки древняго Египта.

— Клянусь.

— Клянись, что никогда и никому не выдашь тайны нашихъ собраній, если не получишь на это особаго разрѣшенія.

— Клянусь.

— Клянись, что вѣчно будешь любить супругу свою—принцессу Изу.

— Клянусь.

— Принцесса Иза, клянись, что вѣчно будешь любить супруга своего—принца Рама.

— Клянусь,—твердо отвѣтила Иза.

Послѣ этого мы совмѣстно съ Изой сдѣлали возліяніе на жертвенникъ и выпили вина изъ кубка, который намъ подалъ жрецъ.

Послышались звуки музыки, всѣ стали подходить къ намъ съ поздравленіями, а затѣмъ, сопровождаемые жрецами и родными Изы, мы были отведены въ покои Изы и наконецъ остались одни.

Отсутствіе мое изъ Луксора продолжалось цѣлую недѣлю, о чемъ, впрочемъ, администрація отеля была своевременно увѣдомлена, такъ что тревоги не было. Черезъ недѣлю я очутился въ той же гробницѣ къ немалому удивленію сторожа-араба.

Я не въ силахъ описать, какъ провелъ я эту недѣлю: это былъ какой-то кошмаръ, и я удивляюсь, какъ я не сошелъ съ ума отъ безпредѣльности того счастья, какое дала мнѣ Иза.

Въ это же время разсказала она мнѣ о томъ, что происходило четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, когда я жилъ на берегахъ Нила подъ именемъ принца Рама. Мы были съ нею въ очень отдаленномъ родствѣ и оба приходились троюродными внуками царствовавшаго тогда фараона. Иза была жрицею въ одномъ изъ храмовъ въ Ѳивахъ, а я командовалъ отрядомъ тѣлохранителей фараона. Родители наши были очень дружны, и наши близкія отношенія начались еще съ дѣтскаго возраста, и еще дѣтьми мы были объявлены женихомъ и невѣстой. Передъ тѣмъ какъ обвѣнчать насъ, родители отдали Изу въ храмъ, въ которомъ она должна была пробыть два года, но за это время Египту пришлось перенести нѣсколько повальныхъ болѣзней, отъ одной изъ которыхъ и умерла Иза, и мумія ея была похоронена въ той гробницѣ, гдѣ я ее встрѣтилъ.

Какъ жрица, Иза была подъ особымъ покровительствомъ боговъ и послѣ смерти попала въ царство духовъ, жившихъ въ подземномъ Египтѣ, имѣвшихъ свои храмы, свои сокровища и имѣвшихъ возможность воплощенія по своему желанію. Царство это дожило и до нашихъ дней, въ немъ свято хранятся всѣ завѣты древняго Египта, и до сихъ поръ тамъ приносятся жертвы богамъ священной земли Нила. Вотъ въ это-то царство и попалъ я, но, какъ смертный, я не могу окончательно уйти къ нимъ, а сообщаюсь только временами, послѣ же моей смерти, если я умру въ Египтѣ, мой духъ перенесется къ Изѣ, чтобы уже не разлучаться съ нею вѣчно.

Послѣ своей смерти Иза, конечно, слѣдила за мною и ждала того момента, когда мой духъ соединится съ нею, но, повидимому, со мною что-то случилось, и я умеръ за предѣлами Египта, такъ какъ моей муміи въ Египтѣ не было. Прошли тысячелѣтія. Иза все время искала меня, но, не имѣя возможности воплощаться или, вѣрнѣе, проявляться внѣ предѣловъ древней земли фараоновъ, она въ своихъ поискахъ была весьма ограничена. Надо было ожидать или воплощенія моего опять въ Египтѣ, или же хотя бы появленія на берегахъ Нила. Послѣдняго ей пришлось ждать четыре тысячи лѣтъ. Первый разъ увидѣла она меня у сфинкса, гдѣ она была въ числѣ присутствовавшихъ при богослуженіи, и ей сразу же бросилось въ глаза сходство мое съ ея женихомъ, почему она и не выдала тамъ моего присутствія, а затѣмъ, переговоривъ съ главнымъ жрецомъ, все время слѣдила за мною, ожидая наиболѣе удобнаго случая для своего проявленія. Эти жестокія испытанія, которыя мнѣ пришлось вынести, были назначены главнымъ жрецомъ, который, кромѣ провѣрки моей личности, желалъ какъ бы очистить меня, и Иза, конечно, обязана была подчиниться, несмотря на то, что страшно страдала, отказываясь отъ меня и зная, какія муки меня ожидаютъ, и боясь, что я не вынесу ихъ, и она меня вновь потеряетъ.

Тогда же Иза разсказала мнѣ, что, когда открыли саркофагъ, то мумію взяли и отвезли изъ Египта, но куда—она не знаетъ, такъ какъ не только проявляться тѣлесно, но даже и духовно внѣ предѣловъ Египта они не могутъ, и что это исчезновеніе муміи причиняетъ ей страшное горе; она просила меня отыскать мумію и привезти въ Египетъ. Я поклялся ей, что сдѣлаю все, чтобы исполнить ея желаніе, но чтобы она помогла мнѣ въ этомъ. И мы условились, что я объѣду всѣ города міра, гдѣ только могутъ быть муміи, и привезу фотографическіе снимки, по которымъ она и узнаетъ свою. Но каждый годъ, въ годовщину нашей свадьбы, я долженъ былъ являться въ Египетъ и проводить съ Изой недѣлю; кромѣ того, она дала мнѣ очень древній талисманъ, посредствомъ котораго я могъ вызвать ее, но не долженъ былъ злоупотреблять этимъ, такъ какъ съ ея стороны для этого требовались особыя условія и усилія, и обѣщала, кромѣ годовщины, проводить со мною два дня во время новолунія; три же раза въ годъ, когда совершаются большія богослуженія у сфинкса и въ гробницахъ, я спускаюсь самъ въ это царство полулюдей и полутѣней.

Послѣ возвращенія въ Луксоръ я долго ходилъ какъ помѣшанный. Я не могъ забыть этихъ дней, проведенныхъ съ Изой. Спокойствіе приходило постепенно, и этому я обязанъ ей же: ежедневно, когда я ложился спать, я чувствовалъ ея присутствіе, иногда чувствовалъ прикосновеніе къ глазамъ ея маленькой бархатной ручки, что меня очень успокаивало. Дней черезъ десять я выѣхалъ изъ Египта на поиски муміи. Наканунѣ отъѣзда я отправился опять въ гробницу въ надеждѣ видѣть Изу, и она дѣйствительно явилась; мы провели съ нею часа три и простились на годъ. На другой день я уѣхалъ. Я забылъ еще сказать, что во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ этимъ міромъ духовъ я говорилъ совершенно свободно на древнемъ египетскомъ языкѣ, на немъ же говорю и съ Изой.

IV.

Начались мои странствованія по Старому и Новому Свѣту; черезъ годъ съ цѣлой массой фотографическихъ снимковъ я былъ въ Египтѣ, но—увы!—среди нихъ желаемаго не было. Съ грустью

разошлись мы опять съ Изой, рѣшивъ, что я вернусь черезъ полгода, такъ какъ разлука въ теченіе цѣлаго года была слишкомъ тяжела для насъ обоихъ. Въ этотъ разъ я побывалъ въ Америкѣ, гдѣ нашелъ достаточное количество мумій. На этотъ разъ поѣздка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: въ одномъ изъ снимковъ Иза признала свою мумію, и я отправился вновь въ Америку уже съ опредѣленною цѣлью добыть драгоцѣнные останки Изы.

Пріѣхавъ на мѣсто, я свелъ знакомство съ сторожами музея, гдѣ хранилась мумія, и постепенно сталъ подготовлять почву. Золото явилось, конечно, главнымъ факторомъ, и черезъ три мѣсяца мы вполнѣ сговорились. Условія были довольно тяжелыя: я долженъ былъ обезпечить пятерыхъ сторожей капиталомъ, который приносилъ бы доходъ, равный получаемому ими содержанію, если же бы они были приговорены къ заключенію, то капиталъ этотъ удваивался. Половина капитала выдавалась впередъ, вторая—по врученіи мнѣ муміи, удвоенный же капиталъ—въ первый день послѣ обвинительнаго приговора суда. Однимъ словомъ, эта операція обошлась мнѣ въ сорокъ тысячъ франковъ.

Уплативъ половину денегъ, я ждалъ результатовъ, увѣренный, что сторожа исполнятъ свои обязательства. Прошло что-то около двухъ недѣль, я началъ уже волноваться, какъ вдругъ вечеромъ просматривая мѣстную вечернюю газету, мнѣ бросается въ глаза крупный заголовокъ:

„Дерзкая кража. Сегодня утромъ въ музеѣ древностей обнаружена кража одной изъ египетскихъ мумій: похищена женская мумія, одна изъ древнѣйшихъ и великолѣпно сохранившаяся. Похищеніе произведено черезъ разобранную стеклянную крышу музея. Кража обнаружена утромъ, при обходѣ музея хранителемъ. Ключи отъ всѣхъ помѣщеній хранятся у хранителя, сторожа же охраняютъ входы. Сторожа въ теченіе ночи ничего подозрительнаго не замѣтили; всѣ они служатъ при музеѣ много лѣтъ. При обыскѣ найдена пуговица морского образца; не послужитъ ли она путеводною нитью въ розыскѣ дерзкихъ грабителей.“

Итакъ, свершилось; меня било, какъ въ лихорадкѣ. Въ этотъ и слѣдующій день я не выходилъ изъ комнаты, сказавшись больнымъ: я боялся какъ-нибудь себя выдать.

Утренняя газета принесла довольно мало: были произведены обыски у нѣсколькихъ лицъ, обыскали также квартиры всѣхъ служителей, при чемъ газета добавляла, что послѣднее было сдѣлано для успокоенія совѣсти, что никакихъ подозрѣній на нихъ не падаетъ, и, что, въ воздаяніе за обыскъ, имъ были даже выданы награды.

Все, повидимому, обстояло благополучно, но какимъ образомъ удастся мнѣ получить эту мумію — это вопросъ, который меня страшно волновалъ, однако приходилось терпѣливо ожидать дальнѣйшихъ событій.

Власти очень усердствовали, перерыли чуть ли не весь городъ, обыскали всѣ суда на рейдѣ, но ничего не нашли и затѣмъ понемногу начали успокаиваться: прошелъ мѣсяцъ, о муміи перестали говорить, открыли и музей, закрытый послѣ катастрофы, и я сейчасъ же отправился туда. Сторожа не обращали на меня никакого вниманія, точно видѣли меня въ первый разъ. Я недоумѣвалъ.

Когда я выходилъ изъ музея, меня догналъ одинъ изъ сторожей и, со словами: „Сударь, вы выронили“, протянулъ мнѣ письмо. Я, конечно, понялъ, въ чемъ дѣло, поблагодарилъ его и поспѣшилъ домой, гдѣ прочелъ слѣдующее: „Извѣстная вамъ особа проживаетъ въ Карлсдорфѣ у Генриха Шмидта, на городской площади № 72. Назовитесь Іоганномъ Миллеромъ и скажите, что покупаете сигары“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Умеръ ли Менеликъ?

Н. Гумилева.

Умеръ ли Менеликъ — вотъ вопросъ, отъ котораго зависитъ судьба самой большой независимой страны въ Африкѣ, страны съ пятнадцатью милліонами населенія, древней православной Абиссиніи. Если да—могучіе феодалы поднимутъ споръ за императорскій тронъ, недавно покоренные народы возмутятся, и все это окажется предлогомъ для европейцевъ раздѣлить между собой Абиссинію. Этотъ раздѣлъ уже рѣшенъ, и по тайному соглашенію французы получатъ восточныя области, итальянцы — сѣверныя и часть южныхъ, англичане—все остальное. Не знаютъ только, какъ поступить съ центральной частью, гдѣ озеро Тана. Изъ него беретъ свое начало голубой Нилъ, главный ороситель Египта. Итальянцы, овладѣвъ этимъ озеромъ, могутъ отвести воду въ свою нынѣ безплодную Эритрею, она станетъ новымъ Египтомъ, а старый, лишенный воды, сольется съ Сахарой. Англичане, конечно, не могутъ на это согласиться и требуютъ Таву себѣ, хотя они и такъ при раздѣлѣ получатъ больше другихъ.

Если же живъ Менеликъ — все будетъ по-старому. Министры изъ столицы Абиссиніи, Адисъ-Абебы, будутъ повелѣвать феодалами, сильные гарнизоны—держать въ повиновеніи покоренныя племена; бѣлые не посмѣютъ напасть на сплоченный, безумно храбрый и удивительно выносливый, народъ. Европейскія школы, которыя уже есть въ Абиссиніи, выпустятъ рядъ людей, способныхъ къ управленію и понимающихъ опасности, грозящія ихъ странѣ, и она останется независимой еще много вѣковъ, чего, конечно, заслуживаетъ вполнѣ.

Постараемся же разобрать этотъ вопросъ и для этого вернемся къ событіямъ 1906 года. Уже давно Менеликъ хотѣлъ сломить власть феодаловъ. Эти надменные расы, засѣвшіе въ своихъ горныхъ, или лѣсистыхъ областяхъ, охотно признавали его своимъ владыкой, но они не хотѣли признать наслѣдникомъ его любимаго внука Лидта Іассу, сына его дочери и покореннаго крестившагося вождя Уолло. Въ значительной мѣрѣ справедливо они утверждали, что если Менеликъ не хочетъ призвать наслѣдниками своихъ сыновей, то слѣдуетъ отдать престолъ чистокровному абиссинцу и потомку царя Соломона, какъ вся царская фамилія. Менеликъ рѣшился на рискованный шагъ: онъ сохранилъ за расами губернаторскія права въ ихъ областяхъ, но все управленіе поручилъ министрамъ, которыхъ избралъ изъ преданныхъ ему лицъ, по большей части незнатнаго происхожденія. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ самый вліятельный вождь, расъ Маконенъ, направился со своими харрарскими отрядами на Адисъ-Абебу. Его отравили по дорогѣ. Въ Тигрэ вспыхнуло возстаніе и послѣ кровавыхъ битвъ было подавлено. Остальные расы глухо волновались, но вдругъ пронесся слухъ, что Менеликъ умеръ.

Въ Адисъ-Абебѣ мнѣ разсказывали ужасныя вещи. Императору дали ядъ, но страшнымъ напряженіемъ воли, цѣлый день скача на лошади, онъ поборолъ его дѣйствіе. Тогда его отравили вторично уже медленно дѣйствующимъ ядомъ и старались подорвать бодрость его духа зловѣщими предзнаменованіями. Для суевѣрныхъ абиссинцевъ мертвая кошка указываетъ на гибель увидавшаго ее. Каждый вечеръ, входя въ спальню, императоръ находилъ у постели трупъ черной кошки. И однажды ночью императрица Таиту объявила, что послѣ внезапной смерти Менелика правительницей становится она, и послала арестовать министровъ. Тѣ, отбившись отъ нападавшихъ, собрались на совѣтъ въ домѣ митрополита Абуны Матеоса, наутро арестовали Таиту и объявили, что Менеликъ живъ, но боленъ, и видѣть его нельзя.

Съ тѣхъ поръ никто, кромѣ офиціальныхъ лицъ, не могъ сказать, что видѣлъ императора. Даже европейскіе посланники не допускались къ нему. Именемъ еще малолѣтняго наслѣдника, Лидта Іассу, управлялъ его опекунъ расъ Тасама, который во всемъ считался съ мнѣніями министровъ. Въ судахъ и при офиціальныхъ выступленіяхъ, какъ прежде, все рѣшалось именемъ Менелика. Въ церквахъ молились о его выздоровленіи.

Такъ прошло шесть лѣтъ, и Лидтъ Іассу выросъ. Нѣсколько охотъ на слоновъ, нѣсколько походовъ на еще непокоренныя племена—и у львенка загорѣлись глаза на императорскій престолъ. Расъ Тасама внезапно умеръ отъ обычной среди абиссинскихъ сановниковъ болѣзни: отъ яда, и однажды, тоже ночью, Лидтъ Іассу со своими приближенными ворвался въ императорскій дворецъ, чтобы доказать, что Менеликъ умеръ, и онъ можетъ быть коронованъ. Но правительство не дремало: министръ финансовъ, Хайле Георгисъ, первый красавецъ и щеголь въ Адисъ-Абебѣ, собравъ людей, выгналъ Лидта Іассу изъ дворца, военный министръ, Ульде Георгисъ, прямо съ постели, голый, бросился на телеграфную станцію и саблей перерубилъ провода, чтобы бѣлые не узнали о смутахъ въ столицѣ. Лидту Іассу было сдѣлано строжайшее внушеніе, послѣ котораго онъ долженъ былъ отправиться погостить къ отцу, въ Уолло. Европейскимъ посланникамъ было категорически подтверждено, что Менеликъ живъ.

Нѣсколько недѣль тому назадъ я опять прочелъ въ газетахъ, что Менеликъ умеръ, а на другой же день—опроверженіе этого слуха. Значитъ, повторилось что-нибудь подобное только что разсказанному.

Итакъ, живъ ли Менеликъ, или нѣтъ? По-моему—живъ, потому что жива лучшая его часть—могучая, и сплоченная Абиссинія, такою, какою онъ ее создалъ. Когда будетъ окончательно сказано, что онъ умеръ, онъ дѣйствительно умретъ съ независимостью Абиссиніи, символомъ которой онъ являлся. Объ его предкѣ, царѣ Соломонѣ, разсказываютъ, что онъ заставилъ духовъ строить храмъ и, почувствовавъ приближеніе смерти, приказалъ привязать свое тѣло къ трону, чтобы духи не замѣтили, что онъ мертвъ, и продолжали свою работу. То же самое повторилось и въ наши дни.

И по всей Абиссиніи звучитъ пѣсня, сложенная не въ золотые дни побѣдъ и правленія любимаго императора, а въ туманные дни его второго призрачнаго бытія:

„Смерти не миновать; былъ императоръ Аба-Данья *), но у леопарда болятъ глаза, онъ не выходитъ изъ своего логовища!

„Лошадь Аба-Даньи не стала бы трусливой: трусливая лошадь тѣни боится, начиная отъ слона и кончая жирафомъ.

„Кому завѣщалъ онъ свой щитъ? Пока еще онъ продолжаетъ грозить, но люди держатъ его лишь по привычкѣ!“

*) Аба-Данья—господинъ Даньи (имя лошади); абиссинцы въ пѣсняхъ опредѣляютъ своихъ вождей, какъ хозяевъ принадлежащихъ имъ любимыхъ лошадей.

Вертоградъ Царскій.

Очеркъ **В. Н. Агаева.**

(Окончаніе).

VI.

При Петрѣ I въ торжественные дни — а таковыхъ было достаточно — лѣтомъ въ Лѣтнемъ саду и на Царицыномъ лугу устраивались общественныя гулянья, хозяевами которыхъ являлись Царь и Царица. Въ такіе дни уже заранѣе съ бастіона Петропавловской крѣпости выбрасывался желтый флагъ съ изображеніемъ орла, держащаго въ когтяхъ четыре моря, и производилась пушечная пальба. По этимъ сигналамъ петербургскіе жители, главнымъ образомъ Дворъ, знатные иноземные гости, среднее сословіе спѣшили на Потѣшное поле (Царицынъ лугъ), которое уже въ 1818 г. стало называться Марсовымъ полемъ, или въ Лѣтній садъ.

Рис. 10. **Цвѣточная ваза въ формѣ жертвенника.**

Въ Лѣтнемъ саду всѣмъ безъ исключенія гостямъ, даже дамамъ, подносилась водка. Въ садъ являлись гвардейскіе солдаты съ носилками, на которыхъ стоялъ ушатъ съ водкой, и предлагали выпить за здоровье Царя. Никто не смѣлъ отказываться отъ этого угощенія, въ противномъ случаѣ майоры, которые сопровождали гвардейцевъ, заставляли гостей пить насильно. Во время этого угощенія садъ запирался.

Рис. 11. **Агриппина.**

Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, напечатанныхъ 1 іюля 1719 г., слѣдующимъ витіеватымъ слогомъ описано празднованіе 29 іюня—тезоименитства Государя:

„Вышедше изъ церкви — радость всенародная съ громкой пушечной стрѣльбой, пированіе и трапеза царская, всякое изобиліе въ брашнахъ и питіяхъ имущая, со сладкогласнымъ пѣніемъ, трубами и мусикіею. По сихъ гульба въ вертоградѣ царскомъ, идѣ же вся чувства насладилися: зрѣніе видяще неизреченную красоту различныхъ древесъ, въ линію и перспективу расположенныхъ и фонтанами украшенныхъ; тугъ и рѣчныя устремленія... уханіе отъ благовонныхъ цвѣтовъ имущее свою сладость: слышаніе отъ мусикійскихъ и трубныхъ и пушечныхъ гласовъ, вкушаніе отъ различнаго и нещаднаго питія: осязаніе и пріемлющее цвѣты къ благоуханію“.

Рис. 12. **Навигація.**

Рис. 13. **Лѣтній дворецъ.**

Съ наступленіемъ сумерекъ садъ освѣщался разноцвѣтными фонарями, и начинались танцы. Эти танцы, обыкновенно польскіе и англійскіе контрдансы, происходили на дамской площадкѣ въ хорошую погоду, а въ дурную—въ средней галлереѣ на берегу Невы. До начала же танцевъ въ этой галлереѣ стоялъ столъ со сластями. Въ боковыхъ галлереяхъ ставились столы съ холодными кушаньями.

Подъ конецъ праздниковъ сжигались фейерверки или „огненная потѣха“: при чемъ самъ Петръ иногда составлялъ и изобрѣталъ цвѣтные огни.

Во время торжественныхъ праздниковъ на Царицыномъ лугу ставились два гвардейскіе полка: Преображенскій и Семеновскій, и Царь самъ ихъ угощалъ.

Позднѣе Лѣтній садъ также служилъ мѣстомъ всякихъ празднествъ, гуляній и увеселеній. Въ лѣтописяхъ его отмѣчены: медвѣжья травля, устроенная въ 1733 г. (30 мая), на которую царица Анна смотрѣла изъ дворцовыхъ комнатъ. Въ маѣ 1775 г. въ Лѣтнемъ саду былъ устроенъ маскарадъ, длившійся до восхода солнца. Уже при полномъ свѣтѣ въ 2—3 часа утра ужинали, а послѣ ужина веселье и танцы продолжались еще цѣлый часъ. 28 мая 1766 г. былъ куртагъ въ лѣтнихъ Императорскихъ садахъ. 25 ноября 1778 г. по случаю тезоименитства Екатерины II на Царицыномъ лугу устроенъ былъ народный праздникъ съ качелями, бѣганьемъ на конькахъ и прочими увеселеніями. Закончился онъ иллюминаціей.

Рис. 14. **Урна изъ эльдальскаго порфира— подарокъ шведскаго короля.**

Уильямъ Коксъ [1], бывшій въ это время въ Петербургѣ, подробно описываетъ это празднество. Устроено оно было однимъ богатымъ откупщикомъ для народа. Предварительно по городу были распространены афиши, въ которыхъ, между прочимъ, говорилось: „...угощеніе виномъ, пивомъ, медомъ и проч., которое будетъ происходить для порядка по даннымъ сигналамъ ракетами: 1-е—къ чаркѣ вина, 2-е—къ столамъ, 3-е—къ ренскимъ винамъ, пиву, полпиву и прочаго. Потомъ угощены будутъ пуншемъ, разными народными фруктами и закусками, представлены будутъ разныя забавы...“ и далѣе: „ссоры жъ и забіячества отъ приставленныхъ военныхъ людей допущены быть не могутъ; ибо оное торжество происходитъ отъ усердія къ народу и отъ благодарности къ правительству: слѣдовательно, и желается только то, чтобъ были довольны и веселы, чего ради со стороны хозяина просьбою напоминается хранить тихость и благочиніе; въ заключеніе же всего представлена будетъ великолѣпная иллюминація“.

Рис. 15. **Нимфа въ волнующейся одеждѣ.**

Для народа было выставлено обильное угощеніе изъ закусокъ, водки, пива и кваса. Затѣмъ слѣдовали игры и увеселенія.

[1]) Англійскій историкъ.

Рис. 16. **Фонтанка отъ Прачешнаго моста (до постройки Михайловскаго дворца).**

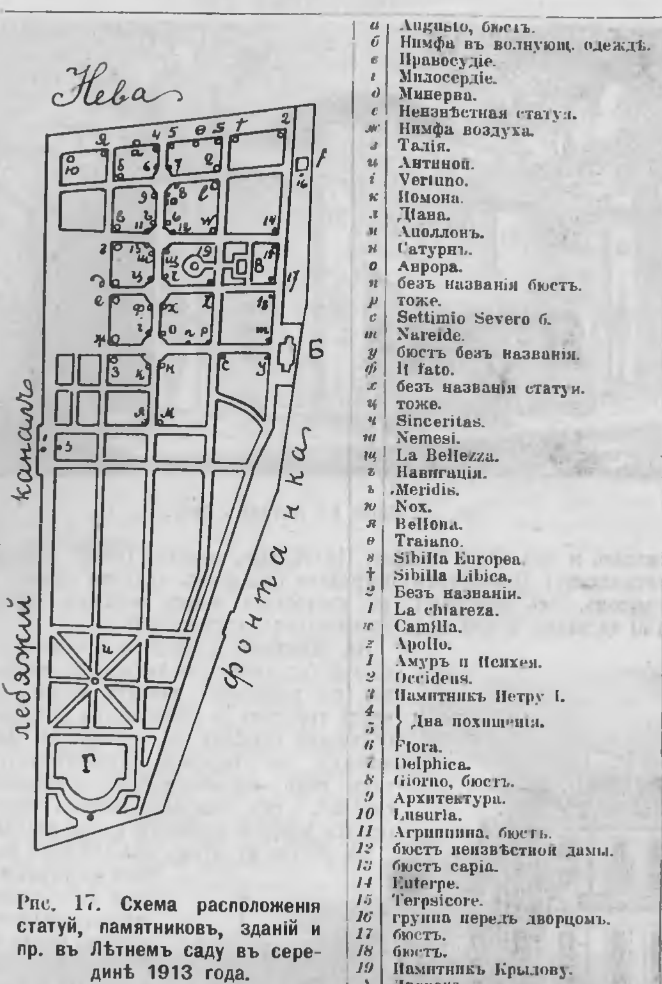

Рис. 17. **Схема расположенія статуй, памятниковъ, зданій и пр. въ Лѣтнемъ саду въ серединѣ 1913 года.**

Праздникъ вышелъ очень оживленный, но, благодаря обильнымъ возліяніямъ, дракѣ, а также наступившимъ уже морозамъ, пострадало много народа.

Въ Екатерининское время въ Лѣтнемъ саду играла придворная роговая музыка. Музыканты оркестра одѣты были въ нарядные цвѣтные костюмы. По свидѣтельству современниковъ, эта музыка была очень пріятна и мелодична. Кромѣ придворнаго оркестра, въ Россіи было еще нѣсколько такихъ же хоровъ. Лучшимъ считался въ 1754 г. Нарышкинскій.

Въ позднѣйшее время на Марсовомъ полѣ происходили народныя гулянья нѣсколько разъ въ годъ [1]). Затѣмъ они совершенно прекратились. Въ царствованіе Александра III въ Лѣтнемъ саду открытъ былъ ресторанъ и устроено электрическое освѣщеніе. Но подобное соединеніе городского сада съ увеселительнымъ заведеніемъ оказалось не особенно удобнымъ въ смыслѣ общественнаго порядка; ресторанъ былъ закрытъ и электрическое освѣщеніе прекращено.

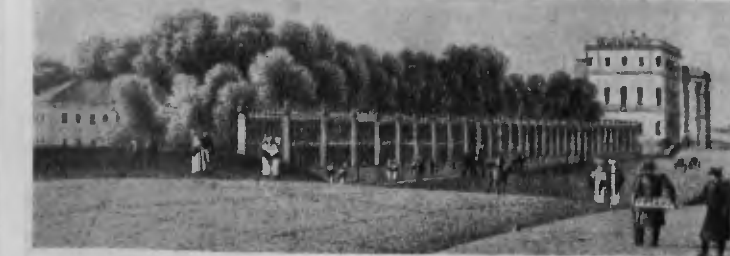

Рис. 18. **„La grille du jardin d'été“ (Рѣшетка Лѣтняго сада).**

VII.

Послѣ упраздненія свинцовыхъ Эзоповыхъ фигуръ съ фонтанами въ Лѣтнемъ саду появляется цѣлая коллекція мраморныхъ статуй и бюстовъ, главная часть которыхъ была вывезена, какъ трофеи, изъ Саксонскаго сада въ Варшавѣ при Екатеринѣ II. Въ то время, когда Пыляевъ писалъ свой „Старый Петербургъ“, всѣхъ статуй и бюстовъ было 92; по Курбатову [2]), въ настоящее время ихъ 75, а было больше; по подсчету, сдѣланному въ 1913 г., ихъ оказалось 54 (кромѣ того, 6 въ зданіи павильона, прежняго кофейнаго домика, снятыхъ, вѣроятно, для ремонта).

Рис. 19. **Дворецъ Петра въ Лѣтнемъ саду.**

Въ прежнее время лучшими изваяніями сада считались Вѣра и Законъ работы Коррадини, Бахусъ и Меркурій. Творцами прочихъ статуй и бюстовъ являются: Paulo, Irelli, Bonazzo, Bianchi, Baratta и др. венеціанскіе скульпторы.

Большинство изъ этихъ произведеній отличается изломанностью и жеманствомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ — грубыя копіи съ античныхъ статуй. Характеристику статуй Лѣтняго сада далъ въ свое время знаменитый Казанова, бывшій въ Петербургѣ въ 1764—1765 гг. Онъ нашелъ, что матеріалъ статуй плохого качества, работа дурного вкуса, надписи смѣшны и не всегда подходятъ къ статуямъ.

„Статуя плачущей женщины оказывалась Демокритомъ; подъ другой съ такимъ же разинутымъ ртомъ стояло имя Гераклита. Длиннобородый старецъ носилъ имя Сафо, а старуха съ оголенной тощей грудью была названа Авиценной“ [1]). Гераклитъ и Демокритъ, про которыхъ говорилъ Казанова, не такъ давно стояли еще въ саду. Такъ, въ „Русскомъ Иллюстрированномъ Альманахѣ“ за 1858 г. въ статьѣ „Петербургъ зарѣчный“ есть упоминаніе ихъ.

Рис. 20. **Кофейная въ Лѣтнемъ саду.**

Расположеніе статуй Лѣтняго сада въ настоящее время показано на прилагаемой схемѣ (рис. 17). Изъ этой схемы видно, что скульптура болѣе всего сосредоточена на главной средней аллеѣ. Противъ входа со стороны набережной по бокамъ начала

[1]) „Старые годы“. Апр. 1913 г. стр. 59. Письмо въ ред. Х. Б. Тамъ же примѣчаніе ред., что несоотвѣтствіе сюжетовъ и подписей наблюдалось еще очень недавно и исправлено лишь при послѣдней реставраціи въ 1911—1912 г.

Рис. 21. **Jardin d'été (Лѣтній садъ).** По старинной литографіи.

[1]) Подробное описаніе такихъ торжествъ — у Михневича: „Петербургъ весь на ладони“. 1871 г.

[2]) Садовая скульптура. „Старые годы“. 1913.

аллеи поставлено „Два похищенія“, —мотивъ, очень часто примѣняемый въ садовой скульптурѣ. Далѣе, на первой площадкѣ расположены: Flora, работы нѣмецкаго скульптора Мейерннга, Delphica (работы Bonazza въ Венеціи), Architettura, Lusuria—(сладострастіе)—жеманная фигура, опирающаяся на крокодила и кормящая грудью голубка. Тамъ же поставленъ мужской бюстъ Giorno (день): на второй площадкѣ: Навигація (рис. 12), Meridis (раб. Bonazza), Nemesis (раб. Tarsia), Bellezza (красота) и бюсты; Агриппина (рис. 11), бюстъ неизвѣстной дамы и Copia; на третьей площадкѣ двѣ статуи безъ названія, Sinceritas, Il fato (раб. Tarsia): на четвертой Vertuno, Помона, Сатурнъ, раб. Біанки, и Aurora (Bonazza). Далѣе стоять: Diana и Apollo.

На боковой аллеѣ (ближе къ Марсову полю) расположены: Нимфа въ волнующейся одеждѣ (рис. 15), Bellona съ пылающимъ факеломъ (раб. Alvise à St. Moise въ Венеціи): Clementia (милосердіе) и Iustitia, Паллада, изваяніе женщины съ султаномъ, нимфа воздуха и Талія (брат. Gropelli). Ближе къ пруду на пересѣченіи нѣсколькихъ аллей стоитъ Антиной.

По дорожкѣ для верховой ѣзды у рѣшетки выдѣляются: Ночь и Occidens, Sibilla Europea, Sibilla Libica и два бюста: по дорожкѣ между кофейнымъ домикомъ и памятникомъ Крылову, а также на дорогѣ, ближайшей къ Фонтанкѣ, нѣсколько статуй и бюстовъ.

На выступѣ къ Лебяжьему каналу расположена группа—Амуръ и Психея. Часть статуй реставрирована. Въ помѣщеніи бывшаго кофейнаго домика (на мѣстѣ грота) находятся въ настоящее время: портретный бюстъ польскаго пана — вѣроятно, пара къ бюсту неизвѣстной дамы на второй площадкѣ, бюстъ caesonia, еще три бюста, статуя Veritas...

Рис. 22. Кафе въ Лѣтнемъ саду.

Кромѣ скульптуры, на площадкѣ подлѣ пруда въ 1833 г. поставлена урна изъ эльдальскаго порфира, подарокъ шведскаго короля (рис. 14); около нея и на отлогихъ берегахъ пруда лѣтомъ разбиваются красивые цвѣтники. Около группы Амуръ и Психея, а также около новаго кофейнаго домика расположено нѣсколько цвѣточныхъ вазъ въ видѣ жертвенниковъ (рис. 10).

VIII.

Лѣтній садъ — это замѣчательное мѣсто стараго Петербурга, Царскій Вертоградъ съ его диковинами и красотами—неоднократно вдохновлялъ художниковъ стараго времени, и въ книгахъ, отдѣльныхъ гравюрахъ, литографіяхъ, акварeляхъ и т. д. сохранилось много видовъ этого зеленаго уголка [1]).

При ростѣ и развитіи городовъ не всегда растетъ и увеличивается число садовъ и парковъ. Наоборотъ, въ нѣкоторыхъ городахъ Европы замѣчается уменьшеніе зелени, какъ, напр., въ Парижѣ съ 1789 г. по настоящее время). То же самое можно сказать и про нашу столицу. По старымъ планамъ (напр., Елисаветинскому) Петербургъ отличался большимъ числомъ садовъ и парковъ, отъ которыхъ въ настоящее время осталось около 150 десятинъ земли подъ древесными насажденіями [1]).

Въ Западной Европѣ и Америкѣ въ настоящее время уже обращено вниманіе на возведеніе новыхъ садовъ въ чертѣ городовъ, а главное—на созданіе большихъ парковъ на окраинахъ. Для новыхъ же городовъ проектируется типъ такъ называемыхъ „городовъ-садовъ“, гдѣ каждый житель часы отдыха можетъ провести среди зелени.

Въ Россіи въ этомъ смыслѣ еще ничего не сдѣлано, хотя уже существуютъ по этому вопросу книги [2]). Въ прекрасномъ изданіи Ф. Е. Енакіева — „Задачи преобразованія С.-Петербурга“—между прочимъ, обращено вниманіе и на развитіе садовъ и парковъ въ столицѣ. По проекту, приложенному къ этой книгѣ, Марсово поле разбивается на три площади, обращенныя въ скверы двумя проѣздами: однимъ—по направленію отъ Суворовской площади къ Екатерининскому каналу (который въ проектѣ засыпанъ) и другимъ—отъ того же мѣста къ началу Садовой улицы. Лебяжій каналъ засыпанъ, а черезъ Мойку къ Михайловскому саду переброшенъ мостъ. Такимъ образомъ какъ бы возрождается садовый районъ Елисаветинской эпохи.

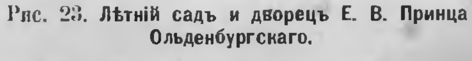
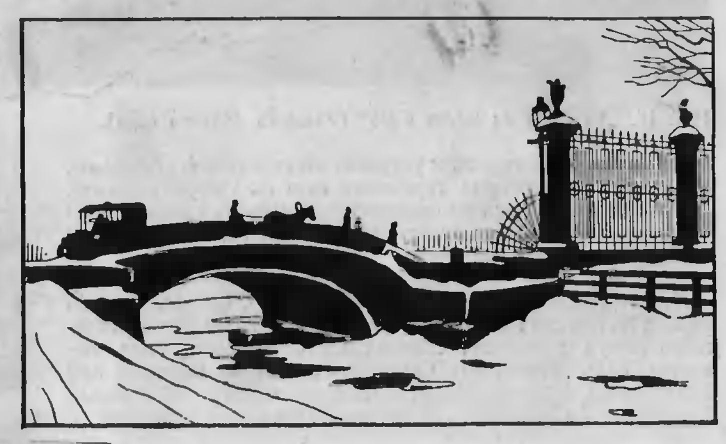

Рис. 23. Лѣтній садъ и дворецъ Е. В. Принца Ольденбургскаго.

1) Такими произведеніями являются: 1) „Лѣтній садъ“ — гравюра А. Зубова 1717 года. 2) А. Алексѣевъ (1811 — 1858 г.г.). „Видъ Прачешнаго моста“. Картина. Собственность М. П. Фабриціуса. 3) А. Мартыновъ. „Лѣтній дворецъ“. Акварель 1899 г. (Императорскій Эрмитажъ). Виды: рѣшетка, дворецъ, часть сада: вдали—Петропавловская крѣпость и мостъ (рис. 13). 4) „Фонтанка отъ Прачешнаго моста“ (до постройки Михайловскаго дворца). Акварель Демартре (рис. 16). 5) „Дворецъ Петра“. Литографія К. Беггрова по рис. Садовникова. Помѣщ. въ изданіи А. Прево: „Виды С.-Петербурга и окрестностей“. На рис. видна аллея, ведущая къ дворцу. Этотъ рисунокъ значительно искаженъ въ изд. Chopin. „Russie. Maison de Pierre I au jardin d'été“ (рис. 19). 6) Литографія „Jardin d'été“ (рис. 21). 7) Литографія „La grille du jardin d'été (рис. 18). 8) „Кофейная въ Лѣтнемъ саду въ С.-Петербургѣ“, по рис. Meyer'a съ литографіи изд. Фельтенъ въ СПБ. (рис. 20). 9) „Гротъ“ съ гравюры Махаева: видны: запасной дворецъ и акведукъ черезъ Фонтанку. 10) „Гротъ въ Лѣтнемъ саду въ Петрово время“, весьма рѣдкая гравюра. 11) „Лѣтній садъ“, литографія изъ изданія: „Достопримѣчательности Санктпетербурга и его окрестностей“, сочин. Павла Свиньина. Кн. I. 1816 г. 12) „Дворецъ въ Лѣтнемъ саду“, изд. Тиммъ. „Русскій художественный листокъ“ 1853 г. № 17—8. 13) То же 1858 г. № 15. „Духовъ день въ Лѣтнемъ саду“. 14) Le jardin d'été. Nouvelle collection de trente six vues de St.-Pétersbourg et de ses environs. Литогр. 1824 г. 15) Кафе въ Лѣтнемъ саду (рис. 22). 16) Лѣтній садъ и дворецъ Е. В. Принца Ольденбургскаго (рис. 23). Оба послѣдніе рисунка—изъ „Русскаго Иллюстрированнаго Альманаха“. Гравюры на деревѣ. СПБ. 1858 г. и др.

2) См. „Задачи преобразованія С.-Петербурга“. Изслѣдованіе Ф. Е. Енакіева 1912 года.

1) 149 дес. по Енакіеву.

2) Дадоновъ В. „Соціализмъ безъ политики: города—сады будущаго—въ настоящемъ“.

Къ рисункамъ.

Художникъ П. Горюшкинъ-Сорокопудовъ въ своей картинѣ „*Поэзія русской весны*“ даетъ обобщающія черты пробужденія весны на русскомъ сѣверѣ. Поэзія русской весны — поэзія задумчивая, меланхолическая, исполненная скромной красоты, блѣдныхъ красокъ, свѣжести талаго снѣга и робкихъ бѣлыхъ подснѣжниковъ. Но и въ ней чувствуется радостная новая жизнь: шумитъ неудержимымъ потокомъ разлившаяся вешняя вода, сіяетъ теплое солнце, гудитъ пасхальный колокольный звонъ. Свѣтитъ солнце и живымъ людямъ, грѣетъ оно и могилки земныхъ колодниковъ-покойниковъ, улыбается и тѣмъ, кто заключенъ въ тюрьмы больницъ. И всѣмъ обѣщаетъ свободу и воскресеніе и радость.

„Что сбудется въ жизни со мною?“ Съ этимъ вопросомъ обращается легкомысленная молодость къ старости. И старость гадаетъ молодости и сулитъ ей счастье и любовь. Такъ и зима гадаетъ намъ о веснѣ и сулитъ радость. Художникъ И. Владиміровъ сумѣлъ красиво сопоставить эту антитезу молодости-невѣдѣнія и старости-знанія, и отъ его картины „*Гаданіе*“ вѣетъ настоящей поэзіей.

Много поэзіи чувствуется и въ картинѣ К. Врублевскаго „*Усадьба*“. И здѣсь сочетаніе стараго прошлаго съ вѣчно юной молодостью-весной, которая окружила старую усадьбу свѣжими цвѣтами и улыбками вешнихъ лучей. Такимъ же поэтическимъ настроеніемъ, но уже грустнымъ и задумчивымъ исполненъ спокойный пейзажъ Р. Бергольца „*Осенью*“.

Всѣ эти картины, равно какъ и послѣдующія, взяты съ послѣдней Осенней выставки Товарищества Художниковъ. Такъ, на этой выставкѣ красовались и изящныя акварели С. Соломко „*Гордость*“ (красивая фигурка женщины съ павлиньимъ хвостомъ) и „*Цирцея*“ (столь же красивая и изящная фигура миѳической волшебницы, превращавшей людей въ животныхъ). Тамъ же были выставлены и колоритныя „natures mortes“ А. Гирвъ („*Тетерьки*“), и Ю. Клевера („*Изъ кухни*“), и изящный портретный жанръ В. Штембера („*Кокетка*“), и выразительный *бюстъ дона Эдуарда Гарсія-и-Мансильи* работы скульптора Б. Фредманъ-Клюзеля.

Новый храмъ въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ, сооруженный въ Петербургѣ, на Полтавской улицѣ, близъ Николаевскаго вокзала, и торжественно освященный въ Высочайшемъ присутствіи 15 января с. г. Храмъ сооруженъ по типу ростовскихъ церквей XVII столѣтія — эпохи воцаренія Михаила Ѳеодоровича — и возвышается среди старинныхъ монастырскихъ стѣнъ. По высотѣ— 28 саженъ— храмъ немного уступаетъ Казанскому собору и можетъ вмѣстить въ верхней и нижней церквахъ 4.000 молящихся. Къ храму примыкаетъ нѣсколько построекъ въ стилѣ XVII вѣка: звонница съ „юбилейнымъ звономъ“ и двѣ башни, одна изъ которыхъ предназначена для ризницы. Общая стоимость храма — около милліона рублей. По фот. К. Булла.

Дарохранительница въ новомъ храмѣ въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ въ Петербургѣ, сооруженная усердіемъ Государевой Свиты. По фот. К. Булла.

На зарѣ государственнаго отрезвленія.

(Вопросы внутренней жизни).

Какъ извѣстно, такъ называемый челышевскій проектъ закона о борьбѣ съ пьянствомъ, принятый 3-й Гос. Думой, не намѣчалъ сколько-нибудь рѣшительныхъ мѣръ по искорененію губящаго Россію зла. Онъ ограничивался робкими полумѣрами, которыя сводились главнымъ образомъ къ двумъ основнымъ статьямъ: 1) предоставленію городскимъ и мѣстечковымъ самоуправленіямъ права не разрѣшать въ чертѣ города и поселенія продажи спиртныхъ напитковъ и 2) къ законодательному разрѣшенію продажи послѣднихъ только въ городахъ и населеніяхъ съ органами самоуправленія, облеченными этимъ правомъ. Въ такомъ видѣ думскій законопроектъ пошелъ въ Гос. Совѣтъ. Комиссія Гос. Совѣта долго продержала его подъ сукномъ, полагая, что въ борьбѣ съ разрушающимъ Россію народнымъ порокомъ нѣтъ ничего спѣшнаго, и въ результатѣ высказалась отрицательно по обѣимъ статьямъ, внеся такія поправки, которыя совершенно обезоруживали общество и государство въ борьбѣ съ пьянствомъ. Кому-то хотѣлось видѣть Россію безсильной и безпомощной передъ пагубнымъ казеннымъ соблазномъ, кому-то нужно, чтобы она продолжала пить и пропиваться. Ближе и непосредственнѣе всѣхъ въ развитіи потребленія алкоголя заинтересовано финансовое вѣдомство, получающее съ казенной продажи питей около милліарда рублей ежегодно. Для того, чтобы какъ-нибудь замѣнить этотъ пьяный милліардъ другими источниками обложенія, нужно думать, искать, реформировать, но рутинеры этого дѣла предпочитаютъ пассивно плыть по теченію, держаться одного установленнаго порядка, закрывая глаза на то, что столь необходимый для нашего бюджета милліардъ, полученный отъ продажи алкогольной отравы, удовлетворяя

нужды военной защиты Россіи, въ то же время обезсиливаетъ русскій народъ, понижаетъ его трудоспособность, разоряетъ милліоны хозяйствъ, деморализируетъ населеніе, дѣлаетъ его неспособнымъ и къ мирному труду и къ героической національной самозащитѣ—и все это только потому, что, лишенные инициативы и творчества, наши финансисты не могутъ придумать, какими новыми налогами замѣнить воистину убійственные доходы винной монополіи! Кромѣ казны, въ поддержаніи и развитіи потребленія спиртныхъ напитковъ непосредственно заинтересованы также и владѣльцы винокуренныхъ заводовъ, въ длинномъ спискѣ которыхъ, помѣщенномъ въ „Русск. Словѣ“, значатся имена и членовъ Гос. Совѣта. Таковы два главныхъ вліянія, съ которыми приходится бороться трезвенному теченію. Они сказались уже въ общихъ преніяхъ по законопроекту, которыя въ первый день свелись къ ораторскому единоборству между гр. Витте и В. Н. Коковцовымъ. Словесная дуэль, привлекшая къ себѣ вниманіе всего Петербурга, обошлась очень неблагополучно для обоихъ дуэлянтовъ. Общество не повѣрило гр. Витте, что при немъ винная монополія преслѣдовала высокую цѣль насажденія трезвости и была совершенно свободна отъ низменныхъ фискальныхъ расчетовъ, и еще болѣе усомнилось въ достовѣрности увѣреній г. Коковцова, что будто бы пьянство въ Россіи вовсе не растетъ, и что мѣры ограниченія его не принимаются правительствомъ только въ силу того, что онѣ останутся безсильными и безплодными за отсутствіемъ сочувствія со стороны самого населенія. Если такая рѣшающая роль принадлежитъ въ этомъ вопросѣ самому населенію, то простая логика обязывала бы предоставить населенію въ лицѣ избираемыхъ имъ органовъ мѣстнаго самоуправленія и право запрещать продажу питей. Однакоже глава правительства и совѣтская комиссія настойчиво отвергали именно эту основную статью всего думскаго законопроекта. Послѣ горячихъ рѣчей Кони, гр. Олсуфьева, Андреевскаго и другихъ ораторовъ эта статья все-таки была принята огромнымъ большинствомъ 80-ти голосовъ противъ 33-хъ. Зато въ дальнѣйшихъ преніяхъ 8-я статья, запрещавшая продажу спиртныхъ напитковъ за предѣлами городовъ и поселеній съ мѣстными самоуправленіями на земляхъ частныхъ лицъ, не нашла поддержки большинства и была отвергнута. Опасность отклоненія ея заключается въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда къ городскому населенію примыкаетъ земля частныхъ лицъ или даже крестьянъ, владѣющихъ на правѣ частной собственности, открытіе на ихъ землѣ винныхъ лавокъ, ренсковыхъ погребовъ, трактировъ и пр., можетъ свести къ нулю запретъ городского самоуправленія, не желающаго допускать продажи питей на территоріи города. Во многихъ случаяхъ отклоненіе 8-й статьи создастъ почву для обхода и нарушенія городского запрещенія. Причина неудачи, постигшей въ этомъ пунктѣ думскій законопроектъ, лежитъ въ плохой редакціи статьи, давшей основаніе ко многимъ возраженіямъ, но все-таки надо надѣяться, что въ дальнѣйшихъ работахъ Гос. Совѣта она будетъ возстановлена въ томъ видѣ, какой подсказываютъ верховные интересы Россіи и народнаго отрезвленія. Если Гос. Совѣтъ ограничится однимъ отклоненіемъ ея, то этимъ онъ дастъ возможность каждому сосѣду-землевладѣльцу нарушить запретительное постановленіе всего городского самоуправленія, поставить единоличную волю выше коллективной и тѣмъ грубо нарушить не только этику всего полицейскаго и государственнаго права, но также и выдвигаемый главою правительства принципъ—предоставленіе рѣшающей роли въ борьбѣ съ пьянствомъ самому обществу. Авторитетъ высокой палаты внушаетъ полную увѣренность въ томъ, что она не допуститъ въ своей законодательной работѣ такихъ грубыхъ ошибокъ и противорѣчій и, возложивъ борьбу съ народнымъ порокомъ на городскія самоуправленія, не аннулируетъ предоставленнаго имъ права, поставивъ осуществленіе его въ зависимость отъ желанія и даже каприза каждаго изъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Маленькая непріятная заминка съ 8-й статьей не можетъ затмить свѣтлаго и радостнаго значенія вотума Гос. Совѣта по 1-й статьѣ. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что обѣ наши законодательныя коллегіи прониклись сознаніемъ недопустимости безграничнаго массоваго отравленія русскаго народа алкоголемъ и поняли необходимость дѣятельной борьбы съ разрушительнымъ порокомъ. Конечно, и думскій законопроектъ носитъ еще только палліативный характеръ, не затрагиваетъ разлагающую язву въ ея глубинѣ, не захватываетъ самаго ея корня и стержня, какъ хирургъ, дающій прочное исцѣленіе,—но все же и первый приступъ къ законодательной борьбѣ съ пьянствомъ нельзя не привѣтствовать какъ огромную общественную и нравственную побѣду, которая обѣщаетъ со временемъ окончательное искорененіе зла. Лиха бѣда начало. Долгіе годы народное потребленіе алкогольной отравы казалось чѣмъ-то почти неприкосновеннымъ, какъ священная основа финансоваго благополучія государства.

Новое зданіе Правительствующаго Сената, въ которомъ помѣщаются Кассаціонные Департаменты. Новое помѣщеніе, рядомъ съ прежнимъ на Англійской набережной, передѣлано изъ частнаго дома старинной постройки временъ Императора Александра I (построеннаго архитекторомъ Тома-де-Томономъ). По фот. К. Булла.

Теперь пробудившаяся общественная и государственная мысль видитъ въ широкомъ разливѣ алкоголя одинъ изъ главныхъ источниковъ народнаго оскудѣнія и національнаго вырожденія, не путь къ государственному богатству, а причину надвигающагося на страну разоренія. Это уже цѣлый переворотъ въ понятіяхъ. Онъ не позволитъ удовольствоваться полумѣрами, остановиться на полпути, но заставитъ непремѣнно дойти до конца. Надъ темной и пьяной нашей родиной загорѣлась долгожданная заря государственнаго отрезвленія. Скоро разсѣется скопившійся вѣками мракъ, и мы снова увидимъ Россію трезвой, счастливой и великой.

Тучи на Балканахъ.

(Политическое обозрѣніе).

На Балканахъ, повидимому, снова подготовляются рѣшительныя событія. Созданное по настоянію Европы Албанское государство

не успѣло еще сложиться въ сколько-нибудь стройное политическое зданіе и увѣнчаться короною принца Вида, какъ сдѣлалось ареною внутреннихъ смутъ, междоусобій и потрясеній. Даже въ наиболѣе спокойныя сравнительно времена государство, рожденное фантазіею досужихъ дипломатовъ и завистливою злобою австрійцевъ, управлялось не однимъ, а цѣлыми пятью правительствами. Двое изъ нихъ: такъ называемое „временное правительство“ во главѣ съ Кемаль-беемъ, и правительство бывшаго скутарійскаго коменданта Эссада-паши находились въ безпрерывной враждѣ между собою, перешедшей подъ конецъ въ открытую вооруженную борьбу. Войска Эссада, выпущенныя черногорцами изъ Скутари съ артиллеріею и боевыми запасами, одержали побѣду надъ жандармеріей временнаго правительства и заняли Эльбасонъ. Въ то же время въ самой столицѣ временнаго правительства была произведена попытка провозглашенія албанскимъ правителемъ подавшаго въ отставку турецкаго военнаго министра Изета-паши, окончившаяся арестомъ нѣсколькихъ сотъ турецкихъ солдатъ, высадившихся на албанскомъ берегу. Въ соучастіи въ этой попыткѣ былъ заподозрѣнъ, между прочимъ, не кто иной, какъ самъ глава временнаго правительства Измаилъ-Кемаль-бей, немедленно же послѣ неудачи подавшій въ отставку и передавшій фактическую власть въ руки европейской контрольной комиссіи. Для кого онъ работалъ—остается непонятной загадкой. Если вѣрить его соучастію въ попыткѣ провозглашенія албанскимъ княземъ младотурецкаго военнаго министра—то, очевидно, для Турціи; но такъ какъ, съ другой стороны, Турція въ дѣлѣ сохраненія своего суверенитета надъ Албаніей рѣзко разошлась бы съ интересами Италіи и Австріи, а съ другой стороны—скомпрометированный Измаилъ-Кемаль-бей тотчасъ же послѣ неудачи поспѣшилъ уѣхать въ Италію, то можно подозрѣвать, что, затѣвая смуту, онъ помогалъ осуществленію какихъ-то тайныхъ плановъ итальянской дипломатіи, мечтающей половить рыбку въ мутной водѣ. Какъ бы то ни было, Албанія при большинствѣ фанатически настроеннаго магометанскаго населенія въ странѣ весьма вѣроятно пожелаетъ и сохраненія верховнаго суверенитета Турціи и въ то же время назначенія княземъ магометанина. Уже по одному чисто-религіозному мотиву она можетъ оказать значительное сопротивленіе волѣ европейскихъ державъ, избравшихъ въ албанскіе князья принца Вида. Конечно, Европа неизмѣримо сильнѣе Албаніи и всегда можетъ, если захочетъ, настоять на исполненіи своей воли, но вопросъ въ томъ, настолько ли пламенно ея желаніе видѣть своего избранника на новомъ тронѣ, чтобы вступить въ кровавую борьбу съ пятьюдесятью тысячами дикихъ албанцевъ, для укрощенія которыхъ потребуется по крайней мѣрѣ стотысячная европейская армія? Снарядить такую армію и продержать ее нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ-быть, и дольше для завоеванія дикой и горной страны будетъ стоить не мало милліоновъ, а для того, чтобы рѣшиться на значительныя денежныя затраты, надо слишкомъ ужъ пламенно желать настоять на своемъ.

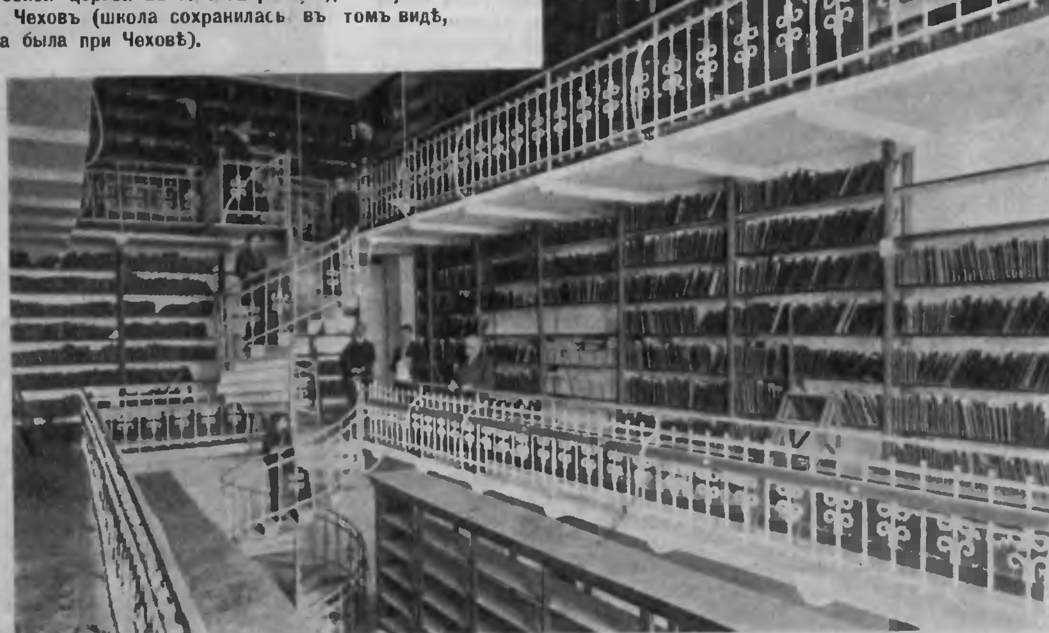
Во-первыхъ, пламенность великодержавныхъ желаній очень сомнительна, а еще болѣе сомнительна взаимная солидарность будущихъ союзниковъ, которымъ предстоитъ сообща ополчиться противъ непокорной Албаніи. Трудно ручаться, не окончится ли ихъ совмѣстный походъ взаимной дракой и потасовкой. Даже такія близкія союзницы, какъ Италія и Австрія, начинаютъ смотрѣть другъ на друга весьма косо и сжимаютъ кулаки, подозрѣвая одна другую въ тайныхъ намѣреніяхъ учинить неожиданный захватъ наиболѣе лакомыхъ кусковъ спорной добычи. Албанское междоусобіе по мысли его покровителей должно въ концѣ концовъ обратиться на грековъ и сербовъ, создать поводъ къ раздѣлу Албаніи между Италіей и Австріей или же вновь возстановить воскресшую изъ мертвыхъ Турцію почти въ прежнихъ границахъ для того, чтобы окончательно и съ корнемъ уничтожить послѣдніе плоды славянскихъ побѣдъ на Балканскомъ полуостровѣ и открыть австро-германцамъ путь къ Эгейскому морю. Албанія для того только и была создана дипломатами тройственнаго союза, чтобы съ согласія Россіи въ ближайшемъ же будущемъ опрокинуть вверхъ дномъ всѣ завоеванія балканскаго союза. Когда сербо-болгарское междоусобіе, искусственно раздутое Австріей, закончилось неожиданной побѣдой Сербіи, Турція безпрепятственно завладѣла Адріанополемъ, а Германія своимъ отказомъ отъ участія въ демонстраціи общеевропейской эскадры помѣшала принять какія бы то ни было мѣры обузданія наглыхъ нарушителей европейскаго рѣшенія. Та же Германія, получившая высшее командованіе всѣми военными силами Турціи, фактически завладѣваетъ Босфоромъ и продаетъ турецкому адмиралтейству свои дредноуты какъ разъ къ тому времени, когда во главѣ турецкаго правительства становится не останавливающійся ни передъ чѣмъ Энверъ-бей, замышляющій отнять у грековъ уступленные имъ Европой острова точно такъ же, какъ онъ отнялъ отъ болгаръ уступленный имъ по договору Адріанополь. Пріобрѣтеніе Турціей трехъ дредноутовъ сразу дѣлаетъ ее на морѣ значительно сильнѣе Греціи, располагающей только однимъ сравнительно маленькимъ дредноутомъ „Аверовымъ“, и развязываетъ Энверъ-бею руки для нападенія на Грецію,—тѣмъ болѣе, что по договору, заключенному генераломъ Савовымъ въ Константинополѣ, Болгарія обязуется одновременно пропустить по своей территоріи уже собранныя на границѣ турецкія войска для нападенія на грековъ и съ сухопутной границы. Разгромъ Греціи,

Группа сенаторовъ съ министромъ юстиціи (Генералъ-Прокуроромъ Сената) и министромъ внутреннихъ дѣлъ, присутствовавшихъ на торжествѣ освященія, въ Высочайшемъ присутствіи, новаго помѣщенія Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, состоявшагося 17 января с. г. По фот. К. Булла.

Памяти Чехова. Школа при греческой церкви въ г. Таганрогѣ, гдѣ получилъ первоначальное образованіе А. П. Чеховъ (школа сохранилась въ томъ видѣ, какой она была при Чеховѣ).

Памяти Чехова. Книгохранилище въ Таганрогской Городской Общественной Библіотекѣ имени Антона Павловича Чехова.

если онъ удастся, разумѣется, не ограничится одними островами и одной Греціей. Вслѣдъ за нимъ послѣдуетъ, конечно, и неминуемый разгромъ Сербіи, а потомъ и окончательное уничтоженіе Болгаріи, и всѣ балканскіе народы снова очутятся или подъ турецкимъ игомъ, или же, что еще вѣроятнѣе, въ австро-германскомъ рабствѣ. Турція—гальванизированный мертвецъ, возставшій изъ гроба не для того, чтобъ жить, а только для того, чтобы умертвить призванные къ жизни славянскіе народы, расцвѣтъ которыхъ неугоденъ и опасенъ германцамъ. Таковъ сокровенный смыслъ послѣднихъ событій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что албано-турецко-болгарское нападеніе на Грецію вызоветъ союзный отпоръ со стороны той же Сербіи и Румыніи; но развѣ способны эти крошечныя государства бороться съ закулисными силами дѣятельной дипломатіи тройственнаго союза? Борьба будетъ ожесточенной и кровавой, потому что балканскіе народы будутъ до послѣдней капли крови отстаивать свое политическое существованіе; но для того, чтобы борьба окончилась побѣдой, необходима рѣшительная поддержка со стороны Россіи и державъ тройственнаго согласія. При всемъ своемъ миролюбіи Россія не можетъ примириться съ измѣненіемъ современнаго положенія на Балканахъ и должна дать почувствовать это и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, и въ Римѣ.

Памяти Чехова. Зданіе Таганрогской Городской Общественной Библіотеки и Музея имени Антона Павловича Чехова, торжественно освященное 17 января с. г.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за Февраль 1914 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за Февраль 1914 г. съ 41 рис., отдѣльн. листъ съ 29 черт. выкр. въ натур. величину и 14 рис. для выжиганія.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

Ө. Сычковъ. На масленицѣ.

Она не боялась ихъ, но пищу отъ нихъ не брала. Она хотѣла только отдыха, а не милости... И долго сидѣла, какъ зловѣщій призракъ, бѣлѣя въ туманномъ разсвѣтѣ. То былъ альбатросъ-буревѣстникъ. Когда все стихло, опять закипѣла работа, и ожило вновь все разбитое бурей. Паруса забѣлѣлись. А птица сидѣла, сидѣла, бѣлѣя, какъ призракъ надгробный. Минула опасность, но ждала бѣда. Это было что-то роковое.

Лидія Михайловна, слышавшая лишь послѣднія слова, испуганно взглянула на старика, который, съ его бѣлыми, жесткими, коротко остриженными волосами, въ бѣломъ костюмѣ моряка, также похожъ былъ на могильный памятникъ. Голова ея отяжелѣла и опустилась на руки.

Старикъ продолжалъ, не повышая и не понижая тона:

— Туманъ окружилъ насъ. Мы шли, какъ слѣпые. Вдругъ бѣлая птица сорвалась, взмахнула крыльями и скрылась. Тутъ же какъ будто какая-то злобная сила ударила нашъ корабль въ самое сердце. Онъ весь содрогнулся отъ дна до вершины. Обратнымъ теченіемъ тайфуна снесло насъ къ кораблевымъ рифамъ.

Музыка на минуту остановилась, и замолчалъ старикъ, подавленный ужасомъ воспоминаній, которыя такъ же всю жизнь летѣли за нимъ, какъ та бѣлая зловѣщая птица, о которой онъ разсказывалъ.

И затѣмъ съ отчаяніемъ, на этотъ разъ прозвучавшимъ въ его голосѣ, онъ произнесъ:

— Разбился мой „Фениксъ". — Опять замолкъ и уже шопотомъ закончилъ:—Это было что-то роковое.

Затѣмъ онъ медленно поднялся и, не глядя на Лидію Михайловну, съ склоненной головой направился къ двери.

Она очнулась и сказала ему вслѣдъ:

— Позовите, пожалуйста, ко мнѣ вашего сына.

Онъ кивнулъ головой и удалился, еще разъ прошептавъ:

— Это было что-то роковое.

Лидія Михайловна долго сидѣла, не шевелясь. Наконецъ встала, разбитая и смятенная. Подошла къ столу, на которомъ лежало Евангеліе, и, положивъ на холодный переплетъ руку, долго держала ее такъ, а потомъ раскрыла Евангеліе наудачу и прочла текстъ:

„И Онъ сказалъ имъ: если бы вы были слѣпы, то не имѣли бы на себѣ грѣха, но какъ вы говорите, что видите, то грѣхъ остается на васъ".

Эти слова не сразу стали ей понятны. Сначала и въ нихъ она услышала только укоряющую музыку, а когда поняла—они заставили ее задуматься. И вторично раскрыла она Евангеліе и прочла опять:

„Истинно говорю: кто не дверью входитъ во дворъ овчій, тотъ—воръ и разбойникъ".

Послѣднее поразило. Поблѣднѣвъ, глядѣла она на черныя буквы и даже не сразу замѣтила, какъ вошелъ Эльмонтъ.

XXVIII.

Только когда онъ заговорилъ, она обернулась, нервно захлопнувъ книгу, точно боясь, что кто-нибудь другой узнаетъ объ этомъ обличеніи.

— Я зналъ, что вы меня позовете,—сказалъ Эльмонтъ.

— Знали?..

— Когда я началъ симфонію, я зналъ, что вы меня позовете.

Она подняла на него глаза, встрѣтилась съ его взглядомъ. Въ этомъ взглядѣ теперь уже не было того вопрошающаго выраженія, который неуклонно встрѣчала она до вчерашняго дня. Они выражали торжество.

— Знали и шли, какъ побѣдитель,—проговорила она, ненавидя его въ эту минуту.

— Между нами нѣтъ побѣдителей. Мы оба—побѣжденные,—отвѣтилъ Эльмонтъ.

Ея гордость взбунтовалась. Она съ страстнымъ раздраженіемъ отвѣтила:

— Только не я! Я не хочу этого униженія и ужаса. И если это такъ случилось... если есть такая сила, которая уронила меня... отняла у меня волю... разумъ... наперекоръ моему желанію и моей совѣсти—есть и другая, которая подняла меня и открыла всю низость этого безобразнаго паденія.

Эльмонтъ спокойно и твердо возразилъ:

— Не вы это говорите, это говоритъ та ложь, которая окутываетъ людей... Окутываетъ женщину.

Она вся загорѣлась протестомъ:

— Это говорю я! Вся я! Все, что во мнѣ есть чистаго... хорошаго! Все, что я хочу сохранить и отдать...

Эльмонтъ порывисто прервалъ ее:

— Кому? Не ему ли?

— Нѣтъ, искусству.

— Искусство живетъ и дышитъ свободой, а вы говорите о рабствѣ.

Лидія Михайловна съ негодованіемъ возразила:

— Что мнѣ всѣ эти слова! Не спорить и не выяснять я хочу. Я говорю, что во мнѣ все возмущается противъ моего поступка. Значитъ, я права—что я послѣ этого не могу безъ муки прикасаться къ глинѣ, какъ не могла бы прикоснуться къ моему ребенку; значитъ, я права!

Эльмонтъ сурово стоялъ на своемъ:

— Не вы правы, не вы. И не въ правѣ здѣсь дѣло. Васъ неволитъ все окружающее, весь этотъ воздухъ... мужъ. Уйдемъ со мной!—страстно обратился онъ къ ней.—Насъ объединила стихія. Она сильнѣе насъ съ вами. Уйдемъ со мною!—повторилъ онъ съ сдержанной силой.—Вы увидите, что достаточно вамъ будетъ выйти изъ этихъ стѣнъ, въ которыхъ уже поселилось самое пошлое, что есть у людей: привычка,—и вы почувствуете легкость птицы, которой развязали крылья. Я не говорю, хорошо ли это, или дурно, но это необходимо, необходимо, чтобы стать самой собою. Вы можете побороть въ себѣ голоса, эти голоса, которые зовутъ васъ... Они зовутъ къ тому, чего вы такъ боитесь... Вы можете заглушить ихъ, зарыть живыми въ своемъ сердцѣ, но этимъ вы поборете лишь самоё себя... Поборете то, чѣмъ насъ природа отличила отъ этихъ сдавленныхъ, безличныхъ. Отъ этихъ... слѣпыхъ кротовъ.

Его слова, голосъ обезсиливали ее, какъ поцѣлуи минувшей ночи. Но она не хотѣла сдаться. Въ ней горѣла жажда искупить вчерашнее. Но она боролась лишь словами:

— Я не ищу этого. Я не хочу чувствъ, которыя владѣли бы мною. Я вышла замужъ за него только потому, что хотѣла быть свободной отъ этого проклятія, оскорбляющаго человѣка... женщину. Вотъ чему принадлежитъ моя душа,—указала она на глину.—Если меня отличила природа, такъ не для того, чтобы я оказалась ниже ея. Я чувствую въ себѣ Бога, и этотъ Богъ долженъ остаться во мнѣ чистымъ и прекраснымъ.

Но онъ настойчиво твердилъ свое:

— Мы, какъ волны, слились и не разольемся. Вы говорите—проклятіе. Я тоже называю это проклятіемъ, но все остальное, все только служитъ ему, этому проклятію.

Она безсильно опустилась на стулъ:

— У меня нѣтъ больше словъ для спора. И не этого я хочу.

— Чего же вы хотите?

— Правды. Я думала, вы поймете меня. Поддержите то, что во мнѣ возстало. Помогите мнѣ внутренно очиститься сознаніемъ, что вы... вы только своей властностью побѣдили меня.

Эльмонтъ посмотрѣлъ на нее внимательнымъ и острымъ взглядомъ и засмѣялся.

Она вдругъ вскочила, оскорбленная этимъ злораднымъ смѣхомъ, и въ бѣшенствѣ бросила ему:

— Какъ вы смѣете смѣяться? Вы... вы... животное!

— Женщина, — сказалъ онъ въ отвѣтъ, съ снисходительной жалостью къ ней.

Она закрыла лицо руками и тихо отошла и сѣла, уронивъ голову на руки. И когда подняла лицо, оно было еще красно отъ стыда и отчаянія.

— Да, я женщина, — тихо выговорила она наконецъ.— Во мнѣ еще не умеръ стыдъ. Жива доброта. Вздоръ все, что я говорила объ искусствѣ и талантѣ, — съ горечью сказала она. — Только нужна правда... одна правда. А я все это время лгу... лгу!

— И будете еще больше лгать, если останетесь съ нимъ.

— Ни его ни васъ мнѣ не нужно. И если онъ не пойметъ меня—я уйду и отъ него. Но то, что меня связываетъ съ нимъ, все-таки ближе моей душѣ, чѣмъ то, что произошло между нами. Онъ пойметъ и проститъ.

Д. Эчевери. Подъ маской.

— Проститъ! Да развѣ на землѣ есть прощеніе? Есть только слово „прощеніе", а прощенія нѣтъ, и я ненавижу это слово.

Она уловила въ эту минуту въ его лицѣ за выраженіемъ ненависти острую горечь и боль. И ее потянуло къ глинѣ, чтобы сообщить изображенію эту черточку. Но одумалась: сейчасъ это было бы некстати.

Эльмонтъ продолжалъ:

— Прощеніе, это—вексель Шейлока, который никогда и ни-

чѣмъ нельзя погасить. Даже кускомъ мяса, вырваннымъ изъ сердца... даже всѣмъ сердцемъ.

— Въ васъ говоритъ жестокость звѣря!

Его поразили эти слова. Онъ широко открылъ на нее глаза и съ разстановкой произнесъ:

— Во мнѣ жестокость звѣря!—Плечи его чуть-чуть поднялись и опустились, и голосъ звучалъ искренной обидой и печалью.—Я ношу въ своей душѣ такую нѣжность, которой бы хватило на тысячу людей, чтобы они назывались добрыми... Любовь настоящую. Но нѣжность и любовь не къ людямъ, а ко всему, что не носитъ этого названія „люди“,—съ презрѣніемъ выговорилъ онъ.—Да развѣ можно любить людей? Если даже вы хотите войти въ это стадо—идите въ него, но и въ немъ вы понесете за собой это проклятіе. Будете со мною, такъ никто отъ меня не возьметъ того, что было. Никто не отниметъ васъ.

Ей ненавистны были его слова, потому что каждое изъ этихъ словъ, какъ звено цѣпи, ковалось, чтобы прикрѣпить къ нему ее. То блѣднѣя, то краснѣя, она воскликнула въ негодованіи:

— Вы лжете! Лжете! Все лжете! Я только сейчасъ поняла это въ васъ. И я ненавижу васъ, какъ страшнаго врага, который живетъ во мнѣ самой! Но я его сомну! Раздавлю!

И въ изступленіи она схватилась обѣими руками за свою работу и, яростно исковеркавъ ее, въ дикомъ порывѣ столкнула со станка на полъ.

Съ глухимъ стукомъ ударилась глина. Но она не остановилась и на этомъ и нѣсколько разъ пихнула ее ногой:

— Вотъ такъ... такъ!

Эльмонтъ сначала сдѣлалъ движеніе къ ней, чтобы ее остановить, но потомъ насмѣшливая улыбка торжества появилась на его лицѣ.

— Такъ, такъ. Это—лучшее доказательство моей правоты и твоего... твоего...—повторилъ онъ съ особеннымъ выраженіемъ:—безсилія.

И, спокойно повернувшись, онъ ушелъ, оставивъ ее уничтоженной и разбитой.

Она долго стояла неподвижно, глядя на исковерканный трудъ свой. Затѣмъ, очнувшись, съ испугомъ оглянулась. Никто не видѣлъ. Она быстро заперла дверь, чтобы кто-нибудь не вошелъ, и стала сама убирать глину съ пола въ цинковый ящикъ.

Но силъ не было. Устало поднялась она и брезгливо взглянула на полъ и на руки, отвернулась отъ испачканнаго мѣста, прошептавъ:

— Не могу. Точно убила.

И, вымывъ руки, позвонила, забывъ отворить дверь. И удивилась, когда кто-то сталъ безплодно дергать за ручку двери снаружи.

— Отворите, — послышался голосъ Арины Ивановны. — Вы звонили?

Лидія Михайловна, опомнившись, отперла дверь:

— Да, да, я звонила.

— Отчего же заперлись?

Она все такъ же устало отвѣчала:

— Я звонила дѣвушку. Вотъ уронила... надо убрать.

— Услала я дѣвушку-то. Я сама могу убрать.

„Нѣтъ, нѣтъ, мама,—хотѣла сказать и не сказала:—что вы! Я бы сама убрала, да силъ нѣтъ. Устала отчего-то“.

Арина Ивановна пристально на нее поглядѣла:

— А можетъ... — старуха запнулась и многозначительно намекнула:—можетъ, вы нездоровы?.. Измѣнились очень.

Она сначала не поняла этого намека:

— Что?

— Говорю: нѣтъ ли чего? — уже яснѣе высказалась Арина Ивановна.

Она пришла въ ужасъ отъ одного этого предположенія.

— Нѣтъ, нѣтъ. Просто обезсилѣла... устала... Этотъ воздухъ морской... на меня сильно дѣйствуетъ. Уѣхать бы отсюда.

Арина Ивановна воспротивилась такому намѣренію:

— Уѣзжать бы съ чего? Хотѣли остаться до осени.

Она почувствовала на себѣ пытливый взглядъ старухи и смущенно пробормотала:

— Я не о себѣ только. И Григорій Матвѣевичъ себя тоже нехорошо здѣсь чувствуетъ. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется.

— Ваше дѣло,—уклончиво отвѣтила Арина Ивановна.

— Но вы, мама, какъ на это дѣло смотрите? — съ усиліемъ подымая глаза на Арину Ивановну, спросила она.

— Что меня спрашивать? Я—человѣкъ старый, другой человѣкъ, чѣмъ вы,—отвѣтила та, прямо глядя въ ея глаза:—мое дѣло было вырастить его, а теперь... у него свой умъ, своя воля. А васъ я совсѣмъ не знаю, — холодно закончила она: — чужая душа—потемки.

Лидія Михайловна почувствовала себя отъ этихъ словъ страшно одинокой, отверженной. Раньше та съ нею такъ не говорила.

— Развѣ я вамъ чужая?

Арина Ивановна нѣсколько смягчилась:

— Какъ чужая, когда вы Гришина жена! Но не пойму я васъ. И не говорите вы со мною объ этомъ... и не спрашивайте меня... А поступайте такъ, какъ Богъ да совѣсть велятъ.

Голосъ ея въ концѣ опять зазвучалъ скрытымъ раздраженіемъ, и, чтобы не сказать чего лишняго, она хотѣла уйти. Но Лидія Михайловна встала съ кресла и остановила ее за руку:

— Постойте, не уходите. Поцѣлуйте меня. Мнѣ такъ хочется, чтобы вы меня приласкали. Я не знала ласки матери. А это такъ много... такъ много въ жизни.

Арина Ивановна положила ей руки на плечи, долго смотрѣла на нее, прослезилась, обняла и поцѣловала:

— Ну, Богъ съ тобой... Богъ съ тобой. Встань, родная... Доченька моя. Люби Гришу—и все будетъ хорошо.

Лидія Михайловна поцѣловала ея руку, и старуха приняла эту покорную ласку, чего раньше не допустила бы ни за что.

— Эка ты какъ глиной-то вымазалась,—замѣтила старуха, покачивая головой:—и башмаки новые вымазала.

— Ничего, мама, это легко вычищается, — отвѣтила она, жалко улыбаясь съ обманчивымъ облегченіемъ.

— Ну, ну, ничего. Поди переодѣнься.

— Пойду. А вы пошлите, пожалуйста, убрать эту глину и выбросить ее вонъ... совсѣмъ... вонъ... вонъ... — съ отвращеніемъ выговорила она.

Арина Ивановна отвела глаза въ сторону:

— А что, развѣ не годится?

— Не годится. Я приведу себя въ порядокъ, а вы велите убрать.

И она поспѣшила уйти, оставивъ Арину Ивановну одну.

Та долго смотрѣла ей вслѣдъ. Вздохнула. Перевела взглядъ на глину и стала убирать ее въ одну кучу.

XXIX.

За этой работой застали мать Шугаевъ и Саша. Саша шла съ радостнымъ видомъ, помахивая сѣрымъ клочкомъ бумаги.

— Лидія Михайловна! Лидія Михайловна!—на ходу звала она.

Арина Ивановна оторвалась отъ работы:

— Что случилось такое? Чего это вы работать бросили?

Саша, потряхивая телеграммой, съ торжествомъ выговаривала матери:

— Вотъ вы, мама, все говорили о Лидіи Михайловнѣ: „идоловъ лѣпитъ... грѣхъ одинъ...“ А вотъ одного изъ такихъ идоловъ Парижскій музей купилъ за тридцать тысячъ франковъ.

Шугаевъ прибавилъ:

— Что, мама, деньги? Главное—почетъ. Честь-то какова. Она теперь куда больше меня стала извѣстна.

— Знаешь, Гриша, ты самъ передай Лидіи Михайловнѣ телеграмму. Такъ будетъ лучше,—догадалась Саша.

Шугаевъ взялъ телеграмму.

Арина Ивановна обидѣлась за сына:

— Сравнить орла съ пиголицей! Извѣстность извѣстности рознь. Что тамъ за извѣстность изъ-за куколъ! Кукла съ макомъ—вотъ и все. Это только для прихоти, кому денегъ дѣвать некуда. А твое дѣло сурьезное.

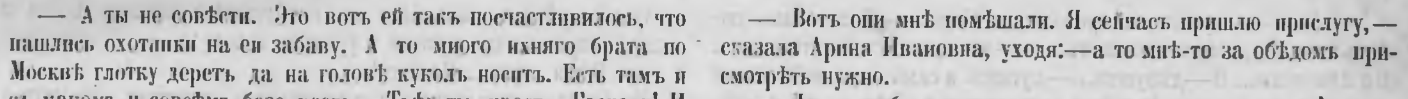
Шугаевъ съ забавнымъ видомъ сказалъ, наклоняясь къ матери:

— Ахъ, мама, потихоньку тебѣ сказать, я такъ же думаю на этотъ счетъ.

Но Саша возмутилась:

— Какой ты безсовѣстный, Гриша.

Арина Ивановна строго ее остановила:

— А ты не совѣсти. Это вотъ ей такъ посчастливилось, что нашлись охотники на ея забаву. А то много ихняго брата по Москвѣ глотку деретъ да на головѣ куколъ носитъ. Есть тамъ и съ макомъ и совсѣмъ безо всего... Тьфу ты, прости Господи! И зайцы тамъ, головами качающіе.

Саша только тутъ увидѣла сброшенный со станка и исковерканный бюстъ и съ удивленіемъ и испугомъ спросила:

— Мама, что это такое? Это вы уронили?

Испугался и Шугаевъ:

— Что это такое? Его бюстъ!.. Мама...

— Съ чего это вы выдумали, — напустилась на нихъ Арина Ивановна: — я?.. Съ чего мнѣ?.. Сама, вишь, она... Позвонила, чтобы убрать...

Шугаевъ опѣшилъ и смутился:

— Гм... Саша, — онъ сунулъ обратно Сашѣ телеграмму.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты передай. А мнѣ нужно работать.

И ушелъ, взволнованный этой новой выходкой, подтверждавшей его безпокойство, но еще не зная, какъ ему эту выходку истолковать.

Саша, пораженная происшедшимъ, также чуяла здѣсь что-то необычное. Она знала, что Эльмонтъ былъ только-что здѣсь.

— Мама, какъ же это случилось?

— Да что случилось-то?

— Да вотъ... съ этой работой?

— Эка пристала. Почемъ я знаю.

— Гдѣ же Лидія Михайловна? — продолжала она допрашивать мать.

— Да пошла пообчиститься. Вся вымазалась въ грязи этой, и башмаки новые и платье...

Саша подумала, что Лидія Михайловна осталась недовольна работой и сама уничтожила ее. Такое заключеніе ей было больше всего по душѣ.

На лѣстницѣ послышались шаги Лидіи Михайловны, и Саша, забывъ все, бросилась ей навстрѣчу съ телеграммой:

— Лидія Михайловна, вотъ радость! Гриша получилъ телеграмму о васъ. Какая вы счастливая!

Она подала Лидіи Михайловнѣ листокъ, но та ничего не понимала и смотрѣла на Сашу во всѣ глаза.

— Да читайте же!

И пока та пробѣгала телеграмму, Саша успѣла выпалить скороговоркой:

— Мнѣ хотѣлось бы кусочекъ такого счастья. Вы подумайте, мама, имя Лидіи Михайловны повторяютъ всѣ газеты, ей удивляются, завидуютъ. Ахъ, если бы и тоже могла быть скульпторомъ!

— Ну, пошла!—махнула на дочь рукой Арина Ивановна.

Но Саша не унималась:

— Имѣть талантъ, радовать имъ людей—это дороже всего на свѣтѣ! Счастливая! Счастливая!

Лидія Михайловна спокойно положила телеграмму на столъ. Въ другой разъ это извѣстіе также обрадовало бы ее. Но теперь оно непонятнымъ образомъ увеличивало ея тоску.

— Развѣ въ этомъ счастье, Саша? Было время, когда я и сама такъ думала, а теперь мнѣ кажется, я была бы счастливѣе, если бы осталась тамъ на морѣ, среди рыбаковъ.—Замѣтивъ, что глина все еще валялась на полу, она съ содроганіемъ произнесла:—Ахъ, здѣсь все еще не убрано.

В. Пчелинъ. Въ разлукѣ.

— Вотъ они мнѣ помѣшали. Я сейчасъ пришлю прислугу,—сказала Арина Ивановна, уходя:—а то мнѣ-то за обѣдомъ присмотрѣть нужно.

— Да, и чтобы хорошенько... хорошенько вычистили! — говорила ей вслѣдъ Лидія Михайловна.—Чтобы выбросили вонъ эту глину и вымыли полъ чисто... чисто.

Саша, пораженная выраженіемъ лица ея, угадала, что произошло не совсѣмъ такъ, какъ предполагала она. Это обстоятельство точно обожгло ея сердце.

— Это вы сдѣлали?—обратилась она къ Лидіи Михайловнѣ.

— Я.

— А я очень рада. Не люблю я его, — созналась она. Но было въ ея тонѣ что-то другое.

Лидія Михайловна сдѣлала видъ, что не совсѣмъ ее поняла:

— Этотъ бюстъ не любите?

— Нѣтъ, того, съ кого вы его лѣпили.

— Да-а? — неопредѣленно протянула Лидія Михайловна. — За что?

— Гордый онъ. Никого не любитъ. Себя только любитъ. — Она неожиданно смутилась и пробормотала:— Можетъ-быть, мнѣ не слѣдовало этого говорить.

Лидія Михайловна услышала въ ея тонѣ отдаленное эхо ея брата и матери.

— Не слѣдовало говорить? — повторила она. — Отчего? Отчего, Саша?

Саша замолчала, отвернувшись.

Лидія Михайловна настойчиво и безпокойно приступила къ ней съ вопросами:

— Отчего? Вы должны сказать мнѣ. Посмотрите мнѣ въ глаза, Саша. Прямо въ глаза.

Но Саша сумрачно опустила рѣсницы.

— Саша, Саша,—съ укоромъ и тоской повторяла Лидія Михайловна. И это чувство одиночества и отверженія еще глубже уязвило ее. Она закрыла лицо руками и въ отчаяніи прошептала:—Уйти отсюда! Уйти мнѣ!

Саша подняла голову, и въ глазахъ ея вспыхнуло трудно сдерживаемое недоброжелательство.

— Куда? Съ кѣмъ?—спросила она, поддѣлываясь подъ простое любопытство.

— Съ кѣмъ? Что вы говорите, Саша? — въ упоръ спросила Лидія Михайловна.

Та смѣшалась, но продолжала притворствовать:

— То-есть, я хотѣла сказать—съ Гришей.

Лидія Михайловна тихо уронила:

— Можетъ-быть, одна.

— Одна!—живо воскликнула Саша.

— Или для меня ужъ это невозможно?

Тогда Саша сбросила съ себя эту удушливую маску и съ горячей укоризной напала на нее:

— А объ немъ вы подумали? О Гришѣ?

У Лидіи Михайловны сорвалось:

— Ахъ, что Гриша!

Тогда Саша, покраснѣвъ отъ охватившей ее за брата обиды и возмущенія, еще взволнованнѣе приступила къ ней:

— Какъ можете вы, такая талантливая... Вы должны чувствовать больше, чѣмъ другіе люди... Какъ можете вы быть такой безсердечной?

— Безсердечной?

— Да,—съ чувствомъ продолжала Саша. — Братъ такъ любитъ васъ. Вы, конечно, талантъ... вы—женщина исключительная... Но я не знаю... Я—дѣвушка...—путаясь и сама изумляясь своей дерзости продолжала она, уже не сдерживая себя: — но я чувствую, что я такъ бы не поступила.

Она думала. что Лидія Михайловна сейчась крикнетъ на нее, велитъ выйти вонъ, но вмѣсто того она безпомощно опустилась на стулъ возлѣ стола и. подавленная, отвѣтила:

— Вы чистая, вы славная, Саша... Но что же дѣлать?

Она встрѣтила впившійся въ нее жадный взглядъ Саши и опять закрыла лицо руками и уронила голову:

— Нѣтъ, нѣтъ... Не могу!

Но Саша лихорадочно стала настаивать, чувствуя, что муть и тьма вотъ уже вовсе близко... у ея ногъ:

— Что вы хотите... что вы хотите сказать?

Она. не поднимая головы, простонала:

— Если бы вы... вы сдѣлали это... преступленіе...

У Саши гомутилось въ глазахъ. Точно она съ головой погрузилась въ ужасъ и мракъ. Все тѣло ея задрожало, и слова стали выкатываться изъ губъ—жесткія, твердыя, какъ камень.

В. Пчелинъ. Первый блинъ.

Это до такой степени поразило дѣвушку, что она растерянно отвѣтила:

— Не знаю.

— Поймите, Саша, я хочу правды. Только въ ней одной ясность жизни... ея глубина. Только черезъ нее доступно очиститься. Человѣкъ можетъ ошибаться, падать, но если правда въ немъ жива—она подниметъ его. Я ненавижу ложь,—произнесла она, стискивая руки.—Я боюсь ея. Но тутъ... Такъ тяжело. Что лучше...

Передъ Сашей открывалось что-то мутное и темное. Она уже раскаивалась, что подняла этотъ разговоръ, но остановиться не могла:

— Что лучше, правда или обманъ — не знаю, но нужно жалѣть человѣка.

Лидія Михайловна сжала руками голову и такъ замерла.

Сашѣ уже стало-было жаль ее, но та обернулась къ ней и съ усиліемъ выговорила:

— Слушайте, Саша, ну, если бы вы были на моемъ мѣстѣ?..

Забывъ, что она сама вырвала у нея признаніе, Саша безпорядочно бросала въ нее эти слова съ болѣзненной мукой:

— Что я бы сдѣлала?.. Зачѣмъ вы стали говорить со мною объ этомъ? Я замѣтила... Я боялась спросить... Зачѣмъ? Вѣдь вы не понимаете... Вѣдь онъ—мой братъ... А вы кто?

Лидія Михайловна съ такимъ отчаяніемъ подняла на нее глаза, что та нѣсколько опомнилась и понизила злобный тонъ:

— Простите, я васъ жалѣю сейчасъ, но не люблю. Мнѣ стыдно... Я не могу больше говорить. Я расплачусь... Я наговорю вамъ грубостей!—выкрикнула она, чувствуя, какъ негодованіе снова огнемъ бросается ей въ голову. — Я уйду... Я не могу... Я не могу!

И она выбѣжала внѣ себя изъ комнаты, оставивъ Лидію Михайловну одну, съ отчаяніемъ въ душѣ, съ оскорбленнымъ и измятымъ сердцемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Принцесса Иза“.

Разсказъ Л. М. Савёлова.

(Окончаніе).

Карлсдорфъ былъ въ нѣсколькихъ верстахъ, и я отправился туда пѣшкомъ. Скоро я нашелъ самого Генриха Шмидта, у котораго въ погребѣ хранилась въ большомъ ящикѣ мумія Изы. Теперь являлся вопросъ, какъ вывезти ее изъ Америки? Мы долго обсуждали это съ Шмидтомъ, которому тоже пришлось заплатить за участіе въ похищеніи, и наконецъ рѣшили упаковать ее вмѣстѣ съ частями большой паровой машины, спрятавъ ее въ топку: Шмидтъ брался это устроить. Прошло еще дней десять. Былъ сѣрый, пасмурный день, у пристани грузился большой океанскій пароходъ, отходившій въ порты Средиземнаго моря. Я пріѣхалъ на него очень рано и съ палубы наблюдалъ за нагрузкою. Гремѣла цѣпь подъемнаго крана, спуская въ гигантскую утробу парохода тысячи пудовъ груза; вотъ въ воздухѣ мелькнула моя паровая машина съ заключенной въ ней муміей и съ грохотомъ опустилась въ трюмъ.

Второе дѣло было сдѣлано, осталось только уйти изъ американскихъ водъ и благополучно миновать Александрійскую таможню. Я продолжалъ стоять на палубѣ и смотрѣлъ, не появится ли полиція, но нѣтъ—вотъ уже третій гудокъ, трапъ убранъ, и пароходъ медленно отходитъ отъ пристани. Я мысленно благодарю Изиду и Гаторъ за успѣшное окончаніе трехъ четвертей моего предпріятія, въ Александріи же я надѣялся на помощь Изы.

Медленно потянулись однообразные дни. Наконецъ появился хорошо мнѣ знакомый Александрійскій маякъ, — я приближался къ странѣ, которая должна была стать отнынѣ моимъ отечествомъ гдѣ меня ожидало блаженство, ожидала моя Иза.

Связавъ ручной багажъ, я сошелъ на набережную. Только-что я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ ко мнѣ подошелъ молодой человѣкъ и молча подалъ письмо. Я взглянулъ на конвертъ, на немъ было нѣсколько древне-египетскихъ знаковъ, и прочелъ имя принца Рама. Я съ удивленіемъ поднялъ голову, но молодого человѣка уже не было. онъ точно въ землю провалился. Я распечаталъ письмо и съ удивленіемъ прочелъ: „Ожидаю тебя въ Каирѣ,—слѣдовалъ подробный адресъ и описаніе дома,—постучи три раза въ дверь и отворившему покажи свой талисманъ. Иза“.

По данному адресу я легко нашелъ жилище Изы и не успѣлъ войти въ домъ, какъ попалъ въ объятія моей возлюбленной жены. Когда мы немного успокоились, я спросилъ. что значитъ ея переселеніе въ Каиръ, на что она отвѣтила, что ей разрѣшено прожить со мною цѣлый годъ, что она купила этотъ домъ для меня, устроила его въ древне-египетскомъ вкусѣ. и что здѣсь же будутъ происходить и наши послѣдующія свиданія, кромѣ тѣхъ, конечно, случаевъ, когда я самъ буду являться среди древнихъ обитателей подземнаго Египта. Иза горячо благодарила меня за привозъ ея муміи: теперь о ея судьбѣ она не безпокоилась: разъ мумія въ Египтѣ, то друзья Изы сумѣютъ получить ее.

Дѣйствительно, мумію извлекли изъ нѣдръ машины раньше, чѣмъ былъ произведенъ таможенный досмотръ, и мы оба присутствовали на торжественныхъ похоронахъ муміи на большой глубинѣ подъ сфинксомъ.

Тихо и безмятежно прошелъ этотъ счастливѣйшій въ моей жизни годъ. Иза постепенно вводила меня въ этотъ міръ чудесъ, въ которомъ сама жила четыре тысячи лѣтъ, и въ которомъ предстояло жить и мнѣ послѣ окончанія моей земной жизни. Она научила меня полюбить этотъ древній Египетъ, полюбить его боговъ.

Этотъ годъ, который мы прожили вмѣстѣ, мы были окружены слугами Изы, которые являются съ нею каждый разъ, своихъ же я на эти дни отпускаю. Хотя Иза и можетъ быть видима простыми смертными, но послѣ общенія съ ними она должна совершать особый обрядъ очищенія, почему и избѣгаетъ показываться кому-либо. Въ теченіе этого года, конечно, ей пришлось войти въ сношеніе съ людьми и завести знакомства, чтобы не вызвать толковъ, такъ какъ я все же еще принадлежу этому міру, но тотъ разъ она какъ бы совершенно воплотилась и приняла человѣческую оболочку, и очищеніе было произведено послѣ окончанія всего года. Тогда же она позволила написать свой портретъ. Если желаешь, то я попрошу Изу показаться и тебѣ.

— Конечно, желаю; во-первыхъ, мнѣ бы хотѣлось познакомиться съ женщиной, которая сдѣлала тебя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, а во-вторыхъ, согласись, что все, что ты разсказалъ, до того необычно съ нашей человѣческой точки зрѣнія, что вполнѣ естественно желать и доказательствъ.

— Хорошо, я постараюсь упросить Изу, но поклянись. что все, что ты слышалъ отъ меня, и все, что увидишь, ты сохранишь втайнѣ до моей смерти.

— Въ этомъ ты можешь быть вполнѣ увѣренъ, и я охотно даю тебѣ требуемую клятву.

Приближались дни, когда должна была явиться на два дня Иза. Иволгинъ попросилъ меня переѣхать въ гостиницу, что я съ удовольствіемъ и исполнилъ, надѣясь, что и мнѣ удастся проникнуть въ домъ Иволгина въ теченіе этихъ двухъ дней его свиданія съ женой. Въ ожиданіи разрѣшенія Изы, Иволгинъ посовѣтовалъ мнѣ приготовиться къ свиданію: взять ароматическую ванну и ничего, кромѣ молока и меда, въ этотъ день не ѣсть,—что я, конечно, и исполнилъ. Но всѣ приготовленія на этотъ разъ были напрасны: Иза не хотѣла меня видѣть. а назначила свиданіе черезъ десять дней, желая произвести воплощеніе въ моемъ присутствіи, при чемъ она сказала Иволгину, что пробудетъ съ нами два часа.

Я переселился къ Иволгину. Наступилъ наконецъ назначенный день, наканунѣ вечеромъ и въ этотъ день утромъ мы приняли ароматическія ванны и соблюдали нужную діэту.

Около восьми часовъ вечера мы перешли въ кабинетъ Изы. Иволгинъ, бывшій теперь въ образѣ принца Рама, такъ какъ на немъ былъ костюмъ древняго египтянина, распростерся передъ статуей богини, шепча молитвы, затѣмъ зажегъ нѣсколько свѣтильниковъ и совершилъ возліяніе ароматическимъ масломъ, отъ чего весь жертвенникъ и вся фигура богини были вскорѣ окутаны легкимъ облакомъ. Я не спускалъ съ жертвенника глазъ, не желая упустить момента появленія Изы. Продолжалось это всего нѣсколько минутъ. Мнѣ показалось, что среди облаковъ дыма появилась фигура: въ это время поднялся Иволгинъ и протянулъ руки. и я увидѣлъ. что на нихъ легли двѣ другія маленькія ручки, и черезъ мгновеніе Иволгинъ и Иза подошли ко мнѣ: я еле успѣлъ вскочить и поклониться Изѣ. Все произошло такъ быстро, что я не могъ ничего сообразить: поразила меня и красота Изы, такъ гармонировавшая съ ея великолѣпнымъ древне-египетскимъ одѣяніемъ. Она подошла ко мнѣ и съ улыбкою протянула руку, сказавъ: „Я рада видѣть у себя друга моего мужа и счастлива, что могу удовлетворить ваше желаніе меня видѣть“. (Иволгинъ служилъ переводчикомъ).

Эти два часа промелькнули очень быстро среди общаго разговора. Иза разспрашивала меня о Россіи, о впечатлѣніи, произведенномъ на меня Египтомъ, но ни однимъ словомъ не обмолвилась о томъ таинственномъ мірѣ, въ которомъ жила сама, только передъ своимъ уходомъ спросила, долго ли я проживу у нихъ и не желаю ли я присутствовать на богослуженіи у сфинкса. Я, конечно, отвѣтилъ, что былъ бы чрезвычайно счастливъ видѣть это; тогда она дала мнѣ маленькій амулетъ, сказавъ, что онъ явится пропускомъ и дастъ мнѣ возможность все видѣть, такъ какъ для обыкновенныхъ смертныхъ остается все невидимымъ, хотя бы они и стояли въ самой толпѣ дѣйствующихъ лицъ. Послѣ этого она протянула мнѣ руку и, крѣпко пожавъ ее, пожелала не соскучиться въ Каирѣ, затѣмъ, взявшись за руки съ Иволгинымъ, они простерлись передъ жертвенникомъ. послѣ чего она, положивъ руки на плечи мужа, поцѣловала его и исчезла, оставивъ послѣ себя легкій ароматъ незнакомаго для меня запаха.

Все было такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ таинственно, что я долго не могъ прійти въ себя, съ удивленіемъ глядя на полученный амулетъ, этотъ вещественный знакъ невещественнаго знакомства съ представительницею другого міра. Правда, послѣ церемоніи у сфинкса мнѣ пришлось возвратить амулетъ, но онъ пролежалъ у меня въ кошелькѣ больше мѣсяца, и я сдѣлалъ съ него фотографическій снимокъ, который цѣлъ у меня до сихъ поръ. Послѣ этого прошло уже много лѣтъ, однако я отчетливо представляю себѣ всѣ подробности свиданія съ Изой и не колеблясь могу сказать, что она дѣйствительно была среди насъ, и что это не былъ неосязаемый призракъ.

Черезъ мѣсяцъ мы съ Иволгинымъ отправились къ сфинксу, я устроился между его гигантскими лапами и подъ защитою амулета наблюдалъ красивую картину церемоніи, совершенно такую же, какъ описывалъ ее мнѣ Иволгинъ. Самъ же Иволгинъ присоединился къ ея участникамъ, и я видѣлъ его вмѣстѣ съ Изой среди толпы знатныхъ египтянъ, стоявшихъ вблизи главнаго жреца.

Я больше не видѣлъ Изы, хотя она постоянно передавала мнѣ черезъ Иволгина привѣтъ. Вскорѣ послѣ богослуженія у сфинкса я уѣхалъ. Провожая меня, Иволгинъ. по порученію Изы, передалъ фотографическій снимокъ съ ея портрета и маленькаго золотого жучка, за которымъ числилось нѣсколько тысячъ лѣтъ. Оба эти предмета свято хранятся у меня, какъ воспоминаніе о чудесахъ страны пирамидъ.

Иволгинъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, и я поддерживалъ съ нимъ дѣятельную переписку; онъ попрежнему былъ счастливъ и съ вѣрою въ будущую жизнь ожидалъ кончины. Такъ продолжалось около пяти лѣтъ, затѣмъ письма отъ него прекратились, и я, безпокоясь о немъ, поѣхалъ опять въ Каиръ. Тамъ я узналъ, что мой другъ скончался и погребенъ на каирскомъ христіанскомъ кладбищѣ, куда я и отправился. Могилу отыскать было не трудно, такъ какъ памятникъ на ней привлекалъ общее вниманіе: это была усѣченная пирамида изъ чернаго мрамора, съ одной стороны которой, въ глубокой нишѣ, стояла статуя богини Изиды изъ бѣлаго мрамора.

Вся обстановка дома, представлявшая археологическую цѣнность, была завѣщана музею съ тѣмъ, чтобы тамъ было устроено особое отдѣленіе, носившее имя принца Рама и принцессы Изы.

ПАРСИФАЛЬ

(Драма-мистерія Рихарда Вагнера).

Очеркъ **Евгенія Браудо.** (Съ 10 рис.).

„Парсифаль“ принято называть „лебединой пѣснью“ Рихарда Вагнера. Однако этотъ ходячій эпитетъ можетъ быть приложенъ къ мистеріи лишь съ большими оговорками. Дѣйствительно, только стоя у „послѣдней черты“, у порога великой тайны, именуемой смертью, Вагнеръ нашелъ законченныя художественныя формы для воплощенія тѣхъ идей и религіозныхъ правдъ, вдохновеннымъ проповѣдникомъ которыхъ онъ выступалъ всю свою жизнь. Но все же „Парсифаль“ содержитъ въ себѣ лишь самое возвышенное, самое глубокое разрѣшеніе проблемы искупленія любовью и состраданіемъ мірового Зла, которая является основнымъ идейнымъ мотивомъ всѣхъ драмъ Вагнера, отъ наивныхъ „Фей“ (1834) до „лебединой пѣсни“ законченной имъ въ 1882 году, включительно.

Излагая исторію постепеннаго возникновенія мистеріи, намъ приходится начать поэтому съ такого періода въ біографіи ея автора, когда Вагнеръ, увлеченный освободительными лозунгами 48 года, считалъ себя непримиримымъ противникомъ того чисто-христіанскаго міросозерцанія, на которомъ обосновывается вся идейная концепція „Парсифаля“. Какъ разъ въ сороковые годы, годы революціонныхъ бурь, Вагнеръ ознакомился впервые съ рыцарскимъ романомъ Вольфрама ф.-Эшенбаха, „Парциваль“, повѣстью о чистомъ юношѣ, прошедшемъ черезъ страданія къ нравственному очищенію и духовному совершенству. При изученіи этого дивнаго памятника нѣмецкой поэзіи (XIII в.) въ душѣ Вагнера зародились первыя смутныя очертанія мистеріи, художественная обработка которой была имъ закончена лишь черезъ тридцать два года. Непосредственно же обаяніе Вольфрамова „Парциваля“ сказалось на одной изъ наиболѣе крупныхъ работъ сороковыхъ годовъ, чрезвычайно любопытномъ эскизѣ большой пятиактной трагедіи „Іисусъ изъ Назарета“. Въ этомъ наброскѣ, содержавшемъ въ себѣ уже зачатки его позднѣйшей философіи мистическаго подвига, Вагнеръ пытается, подъ вліяніемъ Фейербаха, истолковать важнѣйшій моментъ христіанскаго ученія, идею Голгоѳы, идею вольнаго распятія личнаго „я“, ради обновленія всего міра, какъ акта отчаянія Спасителя, „вызванный глубочайшимъ возмущеніемъ Его противъ безсердечной толпы“. Можно было бы провести не мало интересныхъ параллелей, сопоставляя отдѣльныя дѣйствующія лица въ этихъ двухъ, на первый взглядъ столь разнящихся другъ отъ друга, драматическихъ произведеніяхъ байрейтскаго мастера. Особенно любопытенъ одинъ общій обоимъ мотивъ, чрезвычайно характерный для Вагнера, который онъ намѣревался внести въ трагедію Христа: борьба чувственной любви къ Спасителю съ религіознымъ экстазомъ въ душѣ Маріи Магдалины, праобразъ тѣхъ тяжкихъ мукъ, какія впослѣдствіи будутъ терзать душу прагрѣшницы Кундри, жаждущей искупленія въ „Парсифалѣ“.

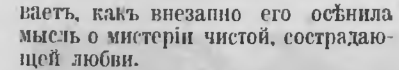
Однако мысль сдѣлать Христа главнымъ дѣйствующимъ Лицомъ въ драмѣ была впослѣдствіи оставлена Вагнеромъ. Съ ниспаденіемъ революціонной волны, для него наступаетъ время изгнанія и тяжелыхъ жизненныхъ лишеній. И только въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ поэтъ, найдя пріютъ у благородныхъ друзей своихъ, четы Везендонковъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любовь прекрасной, чуткой женщины, вновь ощущаетъ въ душѣ своей живой родникъ глубокихъ творческихъ идей. Въ нѣсколько лѣтъ, безконечно важныхъ для исторіи музыки, находятъ завершеніе всѣ брошенные и незаконченные имъ планы драматическихъ произведеній. Въ 1854 году Вагнеръ дописываетъ послѣдніе такты „Валкиріи“, и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ онъ приступаетъ къ сочиненію „Тристана и Изольды“ на сюжетъ, заимствованный имъ изъ нѣмецкой поэзіи XIII в. Вчитываясь въ старинныя книги, стараясь выявить ту общечеловѣческую правду, что таятъ въ себѣ легенды Средневѣковья, мастеръ вновь обращается къ эпосу Вольфрама ф.-Эшенбаха, плѣнившему его силой богоискательскаго паѳоса, и въ творческомъ воображеніи его возникаетъ странная идея—ввести въ третій актъ этой трагедіи Парциваля. Тристанъ умираетъ въ глубокомъ одиночествѣ, искупая свою преступную страсть отреченіемъ отъ воли къ жизни, погруженіемъ въ царство великой Ночи. На предсмертные вопли его, развѣянные вѣтрами, къ смертельно раненому, но все еще горящему страстью Тристану приходитъ искатель божественной правды Парциваль, олицетворяющій собою высшую мудрость: мудрость міровой жалости. По свидѣтельству Глазенапа, наиболѣе авторитетнаго біографа Вагнера, въ первомъ, не дошедшемъ до насъ, эскизѣ „Тристана и Изольды“ Парциваль своимъ появленіемъ въ концѣ трагедіи завершалъ искупленіе въ этой поэмѣ любви и смерти.

Кундри предлагаетъ цѣлебное снадобье Амфортасу. Рисунокъ Фр. Штассена.

„Тристанъ и Изольда“ была, какъ извѣстно, закончена безъ приведеннаго нами только-что варіанта. Требованіе внутренняго единства дѣйствія въ трагедіи не позволило, конечно, геніальному драматургу ввести въ заключительный актъ совершенно внезапно новое дѣйствующее лицо, являющееся лишь выразителемъ опредѣленной философской идеи, и Вагнеръ отказался отъ участія Парциваля въ своей драмѣ о Тристанѣ и Изольдѣ. Однако основная идея „Парсифаля“ — идея возрожденія человѣчества черезъ жалость, идея свободнаго отверженія начала чувственности во имя небесной правды—овладѣла окончательно творческой фантазіей Вагнера, чтобы выкристаллизоваться постепенно въ концепцію новой драмы.

Въ своихъ мемуарахъ мастеръ самъ разсказы-

ваетъ, какъ внезапно его осѣнила мысль о мистеріи чистой, сострадающей любви.

Это было весной 1857 г., вскорѣ послѣ переѣзда въ небольшой домикъ, предоставленный въ распоряженіе творца „Тристана“ четой Везендонковъ. „Утромъ въ Страстную пятницу я въ первый разъ проснулся въ своемъ новомъ жилищѣ, разбуженный яркимъ свѣтомъ солнечныхъ лучей. Садикъ мой весь расцвѣлъ. Пѣли птицы. Въ первый разъ я вышелъ на балконъ, чтобы насладиться долгожданной тишиной, полной мистическаго смысла. Въ такомъ настроеніи я вспомнилъ вдругъ, что сегодня Страстная пятница, вспомнилъ, какъ глубоко растрогали меня стихи Вольфрама въ „Парцивалѣ“, посвященные этому дню. Со времени Маріенбада (т.-е. 1845 года), гдѣ я впервые задумалъ „Лоэнгрина“ и „Мейстерзингеровъ“, я никогда вообще не возвращался къ этой темѣ. Теперь я почувствовалъ идеальное значеніе словъ Вольфрама и, исходя отъ его мыслей, быстро сдѣлалъ первоначальный набросокъ трехъ-актной драмы“.

Святой Граль. Рисунокъ Фр. Штассена.

Этотъ моментъ внутренняго ясновидѣнія,—моментъ, когда поэту дано было ощутить воплощеніе божественнаго начала въ явленіяхъ внѣшняго міра, который именно красотой формъ своихъ постоянно возбуждалъ въ Вагнерѣ наиболѣе тонкія и глубокія мистическія настроенія, — сразу опредѣлилъ собою весь характеръ послѣдней его драмы. Это гимнъ радостнаго искупленія высшимъ героизмомъ, гимнъ новаго утвержденія жизни, прекрасной и цвѣтущей, созерцаемой сквозь призму Божества.

Путь восхожденія къ обители Монсальвата. Рисунокъ Фр. Штассена.

Итакъ, основная идея драмы-мистеріи была дана Вагнеру геніальной интуиціей, и рыцарскій романъ Вольфрама фонъ-Эшенбаха дѣлается отнынѣ постояннымъ спутникомъ его во всѣхъ скитаніяхъ. Въ началѣ 1859 года его нѣжный другъ, Матильда Везендонкъ, вдохновительница всего прекраснаго и геніальнаго, что было написано Вагнеромъ въ пятидесятые годы, присылаетъ ему въ подарокъ только-что вышедшій во второмъ изданіи переводъ „Парциваля“ Сенъ-Мартэ на современный нѣмецкій языкъ, съ обширными комментаріями этого ученаго. Вагнеръ съ большимъ увлеченіемъ погружается въ изученіе этого новаго перевода, но, чѣмъ глубже онъ вчитывается вновь въ средневѣковый эпосъ, тѣмъ яснѣе для него становится, какія непреодолимыя трудности представляетъ драматическая обработка даннаго сюжета. Расплывчатость, пестрота отдѣльныхъ эпизодовъ, искажающая основной мотивъ поэмы, возвышенный и благородный, и та наивная самоувѣренность, съ какой Вольфрамъ берется за разрѣшеніе сложнѣйшихъ идейныхъ проблемъ, вызываютъ у Вагнера очень рѣзкія, временами совершенно несправедливыя, нападки на величайшаго поэта германскаго Средневѣковья. Въ своемъ раздраженіи нашъ мастеръ заходитъ даже такъ далеко, что въ одномъ письмѣ къ Матильдѣ Везендонкъ даетъ торжественную клятву „никогда больше не прикасаться къ такого рода безсмысленнымъ сюжетамъ, вызывающимъ у него одно лишь отвращеніе“. Но, къ счастью для всѣхъ насъ, это рѣшеніе Вагнера не оказалось окончательнымъ. Въ 1861 году Вагнеръ, послѣ долгихъ лѣтъ скитаній, слышитъ въ Вѣнѣ впервые своего „Лоэнгрина“. Впечатлѣніе, произведенное на него этимъ событіемъ, глубоко взволновало его, и въ творческихъ перспективахъ передъ нимъ вновь засвѣтилась святая Чаша „Граль“, мистическіе лучи которой уже озарили однажды прелюдію къ этой оперѣ. Вѣдь Лоэнгринъ—посланникъ того самаго Граля, который символизируетъ собою божественную благодать, важнѣйшій идейный моментъ въ мистеріи. Въ Парижѣ, куда онъ переѣхалъ въ слѣдующемъ году, онъ знакомится съ замѣчательной работой графа Villmarqué „Les contes des anciens bretons“. Сборникъ этотъ содержалъ рядъ сказокъ XIV ст., соприкасавшихся съ сюжетомъ „Парсифаля“ и плѣнившихъ Вагнера тонкостью поэтическихъ образовъ, ихъ непосредственной силой и цѣльностью. Въ той же книгѣ онъ нашелъ и знаменитую сказку о глупцѣ Peredur, которую мы, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, должны признать первоисточникомъ сказаній о Парцивалѣ XII и XIII вѣковъ.

И чѣмъ больше подъ вліяніемъ знакомства съ французскими источниками высвѣтлялся въ его творческой фантазіи образъ Парциваля, по-новому сильный и цѣльный, на планъ драматическаго замысла мистеріи выступаетъ, по закону внутренней діалектики, присущей творческому генію Вагнера, фигура искусительницы чистаго простеца, прагрѣшницы, въ образѣ которой онъ воплотилъ вѣчную трагедію женской любви, соединяющей жажду искупленія съ инстинктомъ чувственности, изначальнымъ источникомъ всѣхъ человѣческихъ страданій. Это—Кундри, одна изъ сложнѣйшихъ художественныхъ интуицій Вагнера, ликъ женщины, который приходится разгадывать по отдѣльнымъ чертамъ, чтобы получить въ концѣ концовъ агломератъ идей и символовъ, уводящихъ насъ въ область безбрежныхъ замысловъ народнаго творчества.

Различныя легенды слились воедино при созданіи этого глубочайшаго воплощенія вѣчно-женскаго въ искусствѣ. Сначала Кундри была для Вагнера лишь дикой волшебницей, несущей съ собой вѣчное проклятіе искушенія, „міровой демонической женщиной“, какъ называетъ онъ ее въ письмѣ къ Матильдѣ Везендонкъ. Ея чары околдовали, согласно французскимъ источникамъ, многихъ рыцарей, но разбились о святую чистоту Парциваля. Когда же непорочный юноша, устоявшій противъ плотскихъ вожделѣній, завершаетъ свой подвигъ искупленія—Кундри, какъ кающаяся Марія Магдалина, склонитъ предъ

нимъ колѣни, чтобы омыть его ноги. Къ евангельскому прообразу въ мистеріи примѣшиваются еще черты Иродіады Саломеи, воспылавшей преступной страстью къ Іоанну Предтечѣ, и Агасѳера, Вѣчнаго Жида. Кундри, по замыслу Вагнера, оскорбила нечистымъ смѣхомъ крестныя муки Христа. Но взоръ Іисуса упалъ на нее, и съ того дня она блуждаетъ изъ вѣка въ вѣкъ, чтобы снова встрѣтить взоръ Его и получить прощеніе у Того, Кого она оскорбила по своему безумію.

И когда въ дивной концентраціи всѣхъ сторонъ своего творческаго генія Рихардъ Вагнеръ сумѣлъ включить въ одинъ кругъ эти борющіяся другъ съ другомъ силы женственнаго—наиболѣе сложная, трудная часть работы надъ эскизомъ „Парсифаля“ была закончена, и ему оставалось лишь ждать стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы эти подготовительные матеріалы, столь долго бродившіе въ его творческой фантазіи, отлились наконецъ въ ясныя, точныя, драматическія формы. Въ 1864 г., какъ извѣстно, Вагнеръ былъ приглашенъ юнымъ королемъ Баварскимъ въ Мюнхенъ. Одной изъ первыхъ работъ, сдѣланныхъ поэтомъ для царственнаго его покровителя, который въ интимномъ кругу носилъ имя Парсифаль, былъ эскизъ мистеріи, первый полный эскизъ ея, дошедшій до насъ. Этотъ эскизъ содержитъ въ себѣ все то, что впослѣдствіи возвѣщено было Вагнеромъ человѣчеству въ текстѣ „Парсифаля“, выработаниомъ имъ окончательно въ 1877 году. Музыка же мистеріи была закончена мастеромъ лишь въ 1882 году, за годъ до его внезапной кончины въ Венеціи.

По геніальной простотѣ общаго плана и рельефности драматическихъ контрастовъ „Парсифаль“—наиболѣе стройное въ сценическомъ отношеніи произведеніе Вагнера. Подобно тому, какъ „Кольцо Нибелунга“ рисуетъ намъ столкновеніе между двумя

Страданія Амфортаса. Рисунокъ Фр. Штассена.

враждебными мірами свѣтлыхъ боговъ Валгаллы и мрачныхъ обитателей пещеръ, такъ „Парсифаль“ изображаетъ рѣшительную борьбу между двумя противоположными началами Добра и Зла, между царствомъ Граля и волшебнымъ зàмкомъ отверженнаго кудесника Клингзора.

Святой Граль, по объясненію самого Вагнера,—глубочайшій мистическій символъ, созданный народнымъ творчествомъ. Это—чудесная Чаша, которая была наполнена виномъ во время Тайной Вечери, и въ которую Іосифъ Аримаѳейскій собралъ потомъ пролившуюся Кровь Христову. Въ тревожные дни, когда „коварство и сила жестокихъ враговъ угрожали царству чистой вѣры“, св. Чаша была принесена ангелами съ неба и довѣрена вмѣстѣ съ другой реликвіей, копьемъ Лонгина, коимъ прободено было Тѣло Распятаго, французскому королю Титурелю. Для охраны святыни король построилъ на высокой горѣ Монсальватъ великолѣпный храмъ, собравъ здѣсь для служенія Чашѣ орденъ благочестивыхъ рыцарей. Для нихъ святой Граль былъ не только предметомъ религіознаго поклоненія, но, въ силу особыхъ чудодѣйственныхъ свойствъ, давалъ имъ пищу, которая была необходима для поддержанія жизни. Погружаясь каждый день въ созерцаніе Граля, рыцари пріобщались къ вѣчному источнику жизни, такъ какъ достаточно было узрѣть святую Чашу, чтобы смерти жало было безсильно сразить того, кто служилъ святынѣ. Ея присутствіе защищало рыцарей отъ нападенія враговъ, ибо никто не могъ найти дороги къ священной горѣ, если не былъ чистъ сердцемъ, и если Богъ не считалъ его достойнымъ вступить въ орденъ. Однако рыцари Граля не замыкались въ созерцательной жизни. Они сражались за торжество справедливости, ради блага страждущихъ подвергая себя опасностямъ и искушеніямъ, такъ что вся жизнь ихъ была борьбой съ грѣхомъ и насиліемъ.

У подножія Монсальвата, въ роскошной долинѣ, среди обаятельно красивыхъ цвѣтниковъ и рѣдкихъ растеній, высится зàмокъ Клингзора. Проклятіе тайныхъ злодѣяній тяготѣетъ надъ нимъ. Когда-то онъ захотѣлъ искупить свои грѣхи и вступить въ основанное Титурелемъ братство св. Граля. Лишенный душевной чистоты, онъ не нашелъ другого средства побѣдить свои чувственныя вожделѣнія, какъ оскопивъ себя. Возмущенное братство отвергло человѣка, стремившагося добиться доступа на священную гору такимъ отвратительнымъ поступкомъ. Взбѣшенный Клингзоръ, знакомый съ магіей, строитъ тогда рядомъ съ храмомъ Граля свой зàмокъ, въ стѣнахъ котораго живутъ прелестныя обольстительницы - дѣвы, заманивающія рыцарей во владѣнія волшебника.

Парсифаль и священиый лебедь.
Рисунокъ. Фр. Штассена.

Разъ поддавшись обольщенію и женскимъ чарамъ, послѣдніе навсегда погибали для Граля и священнаго служенія.

Одинъ изъ сыновей Титуреля, Амфортасъ, которому престарѣлый отецъ передалъ королевскую власть на Монсальватѣ, рѣшается разрушить злыя чары Клингзора. Но и онъ не въ силахъ устоять передъ обольщеніями знойной чувственности. Демонически прекрасная женщина прельстила его, и когда упоенный ея чарами, онъ выпускаетъ копье Лонгина, хранить которое ему повелѣлъ его отецъ, Клингзоръ схватываетъ священное оружіе и наноситъ имъ Амфортасу глубокую рану. Поддерживаемый своими вѣрными рыцарями, Амфортасъ возвращается на Монсальватъ. Но горе, отчаяніе вселяются отнынѣ подъ чертогами Гралева храма. Ни цѣлебныя травы ни любовь и преданность рыцарей ордена не могутъ облегчить страданій раненаго властителя Граля. И вотъ однажды, когда Амфортасъ склонился въ горячей молитвѣ передъ св. Чашей, на краю ея появилась слѣдующая пророческая надпись:

Чрезъ жалость мудръ онъ,
Святой простецъ.
Жди его:
Онъ—мой гонецъ. (пер. В. Чешихина).

На этомъ пророчествѣ зиждется все драматическое построеніе мистеріи, и всѣ событія, происходящія въ ней, являются лишь отдѣльными моментами осуществленія пророческихъ словъ.

Кундри соблазняетъ Парсифаля. Рисунокъ Фр. Штассена.

Чрезъ жалость чистый простецъ, имѣющій пріити въ міръ, сдѣлается мудрымъ и свершитъ подвигъ искупленія.

Въ первомъ актѣ въ душѣ юноши, чистаго, простого, пробуждается жалость. Во второмъ—чувство жалости ведетъ его къ мудрому познанію. Въ третьемъ дѣйствіи простецъ дѣлается цѣлителемъ ранъ короля.

На разсвѣтѣ, когда король купался въ священномъ озерѣ, надъ водной поверхностью проносится стрѣла—и раненый лебедь медленно падаетъ наземь. Кто-то совершилъ неслыханный тяжкій проступокъ въ этой священной обители, гдѣ всѣ животныя посвящены божеству. Нѣсколько рыцарей въ гнѣвѣ бросаются къ озеру, хватаютъ осквернителя святыни и ведутъ его къ сѣдому мудрому Гурнеманцу, старому хранителю Граля и наставнику ордена. Самого „преступника“, еще не вѣдающаго того грѣха, что онъ сотворилъ, характеризуетъ свѣжій, великолѣпный по своей наивности и цѣльности, лейтъ-мотивъ въ валторнахъ. Гурнеманцъ разспрашиваетъ юношу объ его имени и происхожденіи, но мальчикъ не можетъ отвѣтить ни на одинъ изъ вопросовъ. Онъ чистый простецъ, отдающійся только своимъ непосредственнымъ переживаніямъ и почти ничего не знающій о внѣшнемъ мірѣ, его окружающемъ. Только при воспоминаніи о матери мы въ оркестрѣ слышимъ мягкую трогательную мелодію, посвященную Герцелейдѣ, давшей ему жизнь и отъ горя въ разлукѣ съ нимъ умершей.

Страстная Пятница. Кундри и Парсифаль.

Смутно предчувствуя, что юноша есть именно тотъ простецъ, пришествіе котораго было предсказано святой Чашей, Гурнеманцъ обнимаетъ его и уводитъ съ собой. Въ это время декораціи на сценѣ начинаютъ постепенно мѣняться. Парсифалю кажется, что онъ идетъ какъ во снѣ, что все окружающее движется ему навстрѣчу. Лѣсъ незамѣтно смѣняется горными ущельями, дикими скалами. Музыка во время превращеній декорацій тактъ за тактомъ слѣдуетъ за неожиданной смѣной картинъ, символизирующихъ тотъ трудный путь, какой приходится пройти всѣмъ, кто стремится къ чистымъ высотамъ Вѣры и Любви. Наконецъ Парсифаль входитъ въ величественную залу, трапезную Граля, въ которой высится алтарь, озаряемый свѣтомъ, льющимся изъ византійскаго купола. Длинной вереницей входятъ попарно рыцари въ бѣлыхъ одеждахъ съ красными мантіями. На носилкахъ вносятъ страждущаго короля, за нимъ отроки въ голубыхъ одѣяніяхъ несутъ св. Чашу, помѣщенную въ драгоцѣнномъ ковчегѣ.

Изъ средней галлереи храма раздается скорбный хоръ юношей, который я беру на себя смѣлость назвать глубочайшимъ религіознымъ откровеніемъ въ музыкѣ, и, какъ небесное утѣшеніе, съ предѣльныхъ высотъ купола несется пѣніе дѣтей, безконечно чистое, божественныя гармоніи котораго дышатъ духомъ Палестрины.

Мы погружаемся въ атмосферу, насыщенную ароматомъ глубокой мистики, почти переходящую въ религіозныя галлюцинаціи. То неземное горѣніе экстаза, когда волна чувства выноситъ на своемъ гребнѣ почти реальные образы, когда на глазахъ вѣрующихъ совершается чудо, запечатлѣно въ этой дивной сценѣ, одной изъ наиболѣе прекрасныхъ во всей музыкальной литературѣ. Рыцари въ глубокомъ молчаніи занимаютъ мѣста за столами.

Изъ глубины храма раздается старческій голосъ. Это голосъ Титуреля, живого во гробу, пока ему дано лицезрѣть Граль. Онъ призываетъ своего сына Афмортаса къ священному служенію. Послѣдній, блѣдный, изнемогающій отъ нравственныхъ и физическихъ страданій, дрожащими руками, ласкавшими когда-то прагрѣшницу и осквернившими святыню, подымаетъ хрустальную Чашу, которая начинаетъ все ярче пламенѣть, мягко освѣщая храмъ багрянымъ сіяніемъ. Помавая Гралемъ, король совершаетъ таинство претворенія хлѣба и вина, насыщающихъ рыцарей.

Парсифаль внимательно прислушивается ко всему происходящему въ храмѣ, не выдавая однако ни словомъ ни движеніемъ своего отношенія къ тому, чего свидѣтелемъ ему пришлось быть. Только въ одномъ мѣстѣ—при видѣ тяжелыхъ страданій Амфортаса—онъ судорожно хватается за сердце. Этотъ лаконичный жестъ, сопровождаемый въ оркестрѣ мотивомъ изъ „хора братской трапезы“, имѣетъ громадное психологическое значеніе. Онъ показываетъ, что въ сердцѣ юноши начинаетъ смутно зарождаться чувство состраданія,—то чувство, которое приведетъ его къ высшей мудрости, къ высшей побѣдѣ. Но Парсифаль еще совершенно не умѣетъ выражать словами того, что онъ чувствуетъ. Гурнеманцъ, разгнѣванный кажущейся тупостью и безучастіемъ юноши, выталкиваетъ его изъ храма, въ то время какъ одинокій альтъ съ высоты купола еще разъ произноситъ слова о „простецѣ, мудромъ черезъ жалость“. Хрустально-чистый дѣтскій хоръ интонируетъ дивную тему св. Чаши, величественный раздается звонъ колоколовъ, и на эѳирныхъ трезвучіяхъ медленно закрывается занавѣсъ, оставляя въ душѣ чувство примиренности и абсолютной красоты умолкшихъ звуковъ.

... Мы у подножія Монсальвата, у стѣнъ волшебнаго зàмка Клингзора. Изъ перваго дѣйствія мы знаемъ о Парсифалѣ лишь то, что онъ простецъ, чистый сердцемъ, но ничего не указываетъ намъ на возможность осуществленія пророчества. Второй актъ рисуетъ испытанія Парсифаля. Поэтъ ведетъ чистаго юношу по тайнымъ тропамъ въ царство демонскихъ соблазновъ, ядовитаго разлива эротическихъ чувствъ. Черезъ испытаніе чувственностью долженъ пройти онъ ради возвышенія той внутренней правды, той искупительной миссіи, которая возложена на него велѣніемъ Граля.

Храмъ св. Граля.

Въ кошмарныя глубины волшебнаго царства переноситъ насъ прелюдія ко второму акту. Притушенныя краски, мрачныя гармоніи, отсвѣчивающія фосфорическимъ блескомъ, вулканическіе взрывы страстей бушуютъ въ этой симфонической картинѣ.

Надъ музыкой вступленія господствуетъ геніальный мотивъ Клингзора. Извиваясь въ демоническомъ вызовѣ, въ насмѣшкахъ надъ святостью Граля, онъ устремляется по хроматическимъ волшебнымъ ходамъ къ другому мотиву, призванному сыграть важнѣйшую роль въ трагедіи искушенія. Это—мотивъ Кундри, той самой прагрѣшницы и вѣстницы Граля, образъ которой все время волновалъ творческое воображеніе Вагнера — съ самаго момента первоначальныхъ подготовительныхъ работъ къ этой величайшей драмѣ-мистеріи.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Школа народнаго искусства.

(Съ 2 рис. на этой стр.).

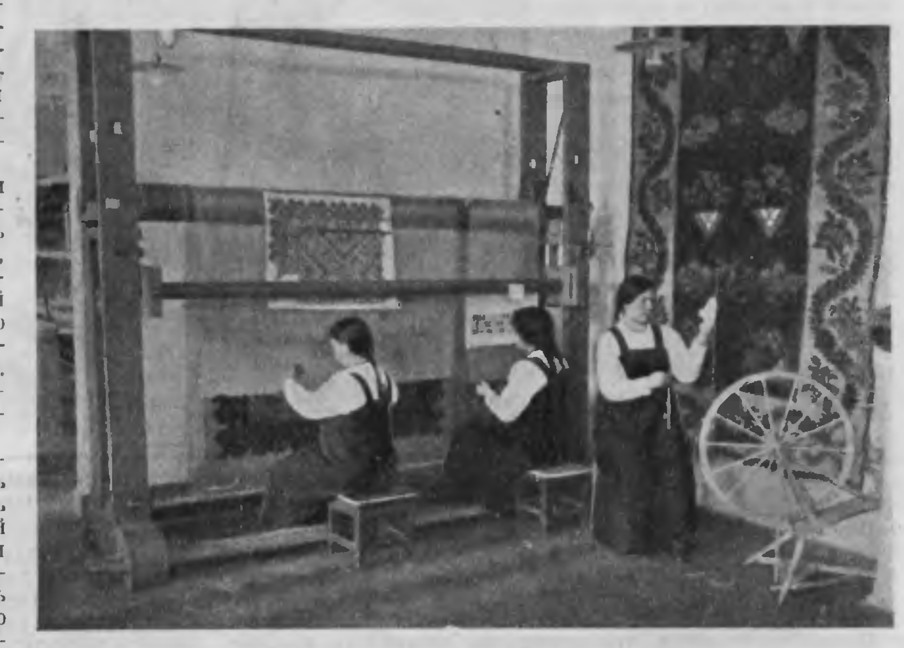
У каждаго народа есть свое національное народное искусство, выросшее съ незапамятнаго времени въ глубинахъ народной души и вкоренившееся въ самую жизнь народа. Это искусство— обычно примитивное и чуждое какой-либо „школы"—однако почти всегда поражаетъ своей самобытной красотой, своей естественностью и близостью къ тому, что мы называемъ художественной правдой. Старинная архитектура, старинная иконопись, старинная орнаментика всегда привлекали и привлекаютъ вниманіе знатоковъ искусства и все чаще и чаще вызываютъ въ себѣ любовное и заботливое отношеніе, выражающееся въ старательномъ собираніи предметовъ старинняго искусства и въ охранѣ старинныхъ памятниковъ искусства.

Нашей родинѣ есть чѣмъ похвастаться по части народнаго искусства. Было время, когда въ Московскомъ государствѣ процвѣтали на рѣдкость художественныя вышивки, кружевныя плетенія, золотое и серебряное шитье. Эти изделія отличались рѣдкой красотой и самобытностью въ своей орнаментикѣ. Потомъ это старо-русское искусство какъ-то сошло на нѣтъ, вытѣснилось фабричнымъ производствомъ и заграничными издѣліями, и образцы старинняго народнаго искусства остались лишь въ музеяхъ и монастырскихъ ризницахъ.

Единственно кто еще пытался и пытается сохранить національнизмъ въ нашемъ народномъ искусствѣ, это — кустари. Кустарныя работы въ этомъ отношеніи являются отголоскомъ доброй русской старины: кустари вносятъ въ свои работы нѣчто непосредственно, національное. Но безвкусныя фабричныя работы и образцы слишкомъ распространены въ народѣ, кустари невольно подражаютъ имъ и портятъ свой истинный художественный вкусъ этими антихудожественными образцами. Народное искусство нашего времени, задавленное вопіющей безвкусицей фабричнаго производства, слишкомъ уже отошло отъ прелестныхъ образцовъ художественной старины.

Это обстоятельство привлекло къ себѣ вниманіе нѣкоторыхъ лицъ, которыя совершенно справедливо рѣшили, что необходимо отдать народу то, что мы взяли у него въ свои музеи. Результатомъ такого рѣшенія и взгляда на дѣло явилось основаніе въ Петербургѣ особой „Школы народнаго искусства", возникшей по мысли и волѣ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и состоящей въ числѣ учрежденій Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества.

Задачею „Школы народнаго искусства" является подготовка мастерицъ-инструкторшъ по разнообразнымъ отдѣламъ кустарной художественной промышленности. Эти мастерицы, по окончаніи школьнаго курса, ознакомясь съ художественными музейными образцами и съ техникой того или иного производства (ковроваго, золотошвейнаго, кружевного и т. п.), должны потомъ руководить работами кустарей на мѣстахъ, въ центрахъ кустарныхъ промысловъ, и, оказывая на современное кустарное производство художественное вліяніе въ духѣ чисто-народнаго искусства, содѣйствовать возрожденію исчезающихъ старинныхъ работъ.

Школа народнаго искусства. Ковроно-ткацкая мастерская.

Школа возникла при содѣйствіи В. В. Бельгардъ, В. П. Шнейдеръ, И. Ц. Ямпольскаго и другихъ лицъ. Что касается средствъ, то первыя 2.000 р. были пожертвованы Августѣйшей Основательницей школы, Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной. Затѣмъ были получены 11.000 р. отъ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. Помѣщеніе для школы нашлось въ зданіи ремесленныхъ мастерскихъ Императорскаго Общества Поощренія Художествъ (по Демидову переулку). Тамъ и состоялось 13 января 1911 года открытіе „Школы народнаго искусства". Этотъ день считается днемъ возникновенія школы, но правильныя занятія въ ней удалось начать только 11 января 1912 года. Въ этотъ день молодая школа, въ которой тогда было пока всего еще 9 ученицъ, начала свою дѣятельность и проведеніе въ жизнь своей программы.

Позднѣе школа была переведена въ болѣе удобное и просторное помѣщеніе бывшей Государственной типографіи на Инженерной улицѣ, по сосѣдству съ Музеемъ Императора Александра III. Это сосѣдство, разумѣется, принесло великую пользу школѣ: ученицы школы получили теперь возможность часто бывать въ Музеѣ и изучать тамъ образцы русской художественной старины.

Школа народнаго искусства. Коверъ, исполняемый ученицами школы для М. К. Якунчиковой.

При школѣ имѣются слѣдующія учрежденія учебно-показательнаго характера: рисовальные классы, ковроно-ткацкая мастерская, образцовая учебная красильная мастерская и вышивальная мастерская. Всѣ эти учрежденія поставлены въ полномъ смыслѣ слова образцово, такъ что ученицы имѣютъ полную возможность самымъ тщательнымъ и всестороннимъ образомъ изучать ту или иную отрасль производства какъ въ техническомъ, такъ и въ художественномъ отношеніи.

Въ особенности тщательно поставлено рисованіе: ученицы обучаются дѣлать съемки съ натуры, и вообще у нихъ развиваются сообразительность и способность личнаго творчества въ смыслѣ умѣнья комбинировать узоры и орнаменты. Много вниманія удѣляется также и ткацко-ковровому производству, и ковровыя работы, исполненныя ученицами школы, уже успѣли завоевать извѣстность въ художественно-промышленныхъ кругахъ. Нельзя не упомянуть также и о вышивальной мастерской, которая поставлена такъ блестяще, что въ нее пріѣзжаютъ „поучиться" монахини-вышивальщицы изъ различныхъ монастырей. А ужъ, кажется, монастыри наши славятся своими рукодѣльями!

При школѣ имѣется также небольшой магазинъ. Руководители школы сочли необходимымъ по возможности дольше сохранять связь между школой и ея ученицами и дать имъ возможность не только пользоваться художественнымъ руководствомъ школы, но и ея помощью по сбыту работъ. Оборотъ магазина въ истекшемъ году достигъ 30.000 р.

Наконецъ при школѣ имѣется и общежитіе для ученицъ. Ученицы живутъ тамъ на всемъ готовомъ, при чемъ съ нихъ взимается всего 120 р. въ годъ, считая въ этой суммѣ и плату за обученіе.

Въ началѣ 1912 года въ школѣ числилось 23 ученицы. Изъ нихъ въ вышивальномъ и кружевномъ отдѣленіяхъ—11, а въ ткацкомъ—12. Осенью того же года въ школу было принято еще 20 ученицъ, такъ что общее число ихъ возросло до 43. Ученицы съѣхались изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи: и съ сѣвера (Архангельская губернія) и съ юга (Кіевская). По сословію подавляющее большинство изъ нихъ — крестьянки (28 ученицъ), остальныя — мѣщанки казачки, дворянки (двѣ ученицы), а также изъ купеческаго и духовнаго сословія. По образованію большинство окончило церковно-приходскую школу, но имѣются и окончившія курсъ прогимназіи. Возрастъ ученицъ колебался между 14 и 25 годами.

Составъ ученицъ такимъ образомъ довольно пестрый, и объединяетъ ихъ преимущественно сама школа съ ея строго разработанной программой и не менѣе строго проводимой въ жизнь тенденціей оживотворить и поднять на былую высоту старинное русское народное искусство. Въ этомъ отношеніи школа уже достигла хорошихъ результатовъ, и можно быть увѣреннымъ, что въ будущемъ ей удастся достичь еще болѣе блестящихъ результатовъ.

„Школа народнаго искусства" „взятое отъ народа", вѣковое и почти уже умершее для самого народа, похороненное въ музеяхъ-сокровищницахъ старинныхъ монастырей, возвращаетъ обратно народу при посредствѣ обучаемыхъ ею инструкторшъ. Наши кустари и безъ того уже успѣли завоевать симпатіи и сочувствіе всего культурнаго міра. Теперь, когда ихъ работа будетъ обновлена вѣковыми красотами самобытнаго творчества, они несомнѣнно привлекутъ къ себѣ еще большее вниманіе. И внѣдреваная въ ихъ трудъ старо-русская вѣчно живая красота, благородная и строго-прекрасная въ своихъ проявленіяхъ, вольетъ въ нихъ новую жизнь.

Этому доброму дѣлу призвана служить „Школа народнаго искусства"—и вотъ уже третій годъ она служитъ ему вѣрой и правдой.

Памятникъ Его Императорскому Высочеству въ Бозѣ почившему Великому Князю Николаю Николаевичу, торжественно открытый въ С.-Петербургѣ 12 января с. г. Группа знаменосцевъ-славянъ.

Памятникъ Его Императорскому Высочеству въ Бозѣ почившему Великому Князю Николаю Николаевичу, торжественно открытый въ С.-Петербургѣ 12 января с. г. Группа на пьедесталѣ памятника: Августѣйшій Генералъ-Фельдмаршалъ и его сподвижники въ русско-турецкую войну 1877—1878 гг.: въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ III (тогда Наслѣдникъ Цесаревичъ), генералы Гурко и Радецкій.

По фот. К. Булла.

Къ рисункамъ.

Пришла масленичная недѣля съ шумомъ, звономъ бубенцовъ, съ пѣніемъ и плясками. Пьеро и Пьеретты, Коломбины и Арлекины — герои и героини западнаго Карнавала танцуютъ, свистятъ въ дудки, ухаживаютъ другъ за другомъ, смѣшно ссорятся и весело мирятся. Съ такимъ же звономъ и шумомъ пируетъ и русская широкая Масленица: несутся разукрашенныя санки, бѣгутъ изъ дома въ домъ смѣш-

Крестъ, установлвнный экспедицѣей капитана 2-го ранга Вилькицкаго на островѣ Беннета въ память погибшихъ изслѣдователей острова: барона Э. Толя, астронома Зеберга и двухъ проводниковъ-якутовъ.

Берегъ Острова Цесаревича Алексѣя.

Пловучая ледяная гора у Земли Императора Николая II. Высота горы надъ водою около семи саженъ, въ глубину подъ водою—50-60 саженъ.

Видъ Земли Императора Николая II.

Подъемъ и укрѣпленіе національнаго флага иа Землѣ Императора Николая II.

Земля Императора Николая II и Островъ Цесаревича Алексѣя, открытые въ 1913 г. въ Сѣверномъ Ледовитомъ Океанѣ экспедиціей подъ командой капитана 2-го ранга Вилькицкаго. По фот. Бернштейна.

ные и уродливые ряженые, катаются послѣ блиновъ на тройкахъ важные купцы и купчихи. Пахяетъ жаренымъ масломъ, горячимъ тѣстомъ. Широкая Масленица пришла.

Объ этой веселой недѣлѣ говорятъ изящныя картины Ж. Сенька (*„Пьеро-побѣдитель“*), Д. Эчевери (*„Подъ маской“*) и нашихъ русскихъ художниковъ Ѳ. Сычкова *„На Масленицѣ“* и В. Пчелина *„Первый блинъ“*. Авторъ этой послѣдней картины въ декабрѣ истекшаго года праздновалъ 25-лѣтіе своей художественной дѣятельности. Сравнительно еще молодой художникъ, В. Н. Пчелинъ уже пользуется широкой извѣстностью. Воспитанникъ московскаго Училища Живописи и Ваянія,онъ еще въ училищѣ получилъ три серебряныхъ медали за свои картины. Позднѣе онъ былъ ученикомъ И. Е. Рѣпина, а затѣмъ работалъ за границей (въ Парижѣ), гдѣ одна изъ его картинъ („Цвѣточница“) была

награждена золотою медалью. Кисти В. Н. Пчелина принадлежитъ цѣлый рядъ картинъ въ области жанра. Кромѣ воспроизводимой въ настоящемъ № „Нивы“ его картины „Первый блинъ“, пользуются извѣстностью его послѣднія работы: „Ночь подъ Рождество“, „Цвѣты“, „Отрокъ Спаситель“, портретъ отца Ф. И. Шаляпина и „Разлука“. Эта послѣдняя картина, проникнутая тихой поэзіей скорби и одиночества, также воспроизведена въ настоящемъ № „Нивы“.

Новыя русскія владѣнія.

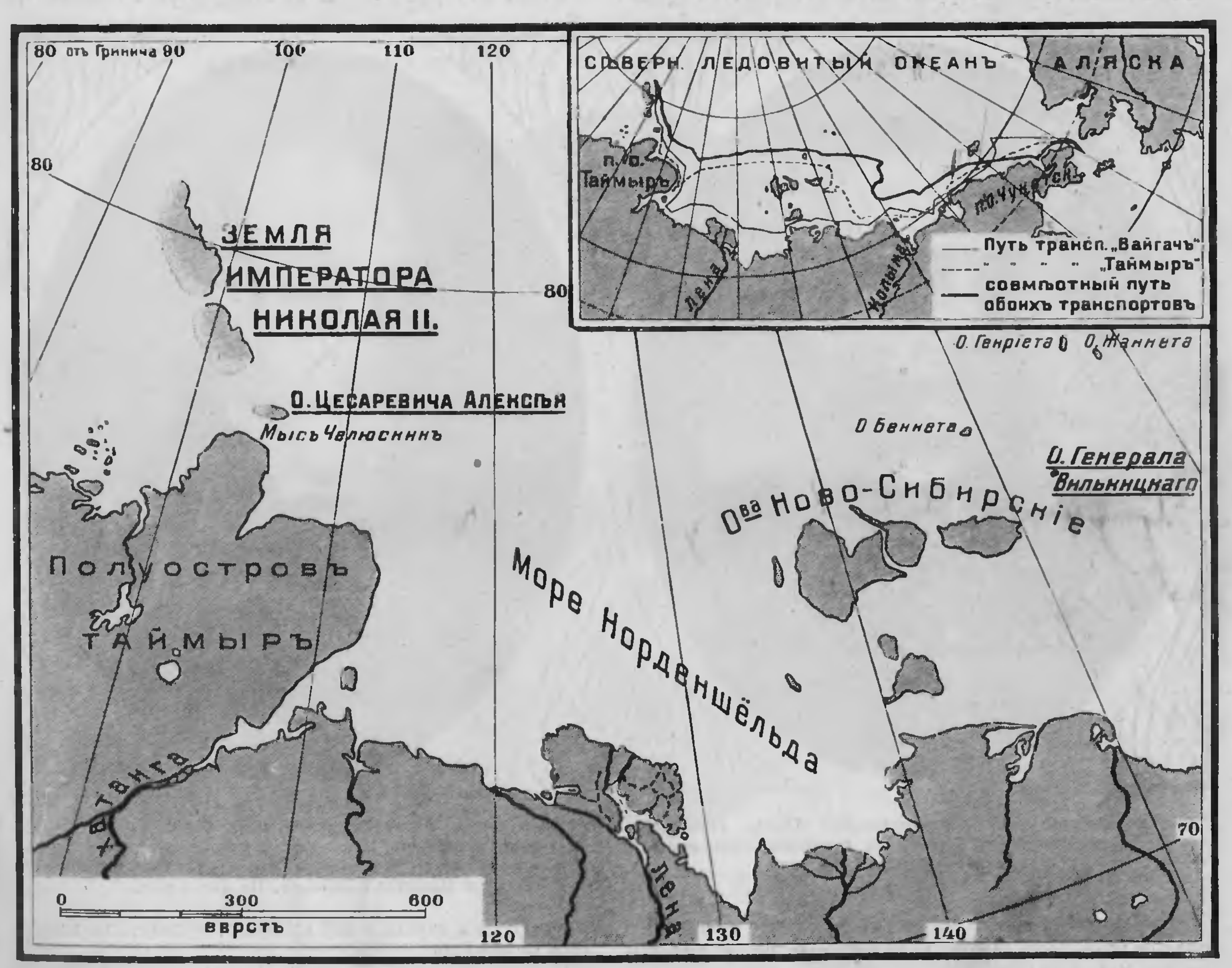
(Съ 5 рис. и картой на стр. 117 и 118).

Наши читатели уже знакомы съ интересными очерками Н. Кириченко „У полярнаго круга“ („Нива 1913 г.), объ экспедиціи (въ составѣ двухъ ледоколовъ „Таймыръ“ и „Вайгачъ“). открывшей и присоединившей къ русскимъ владѣніямъ новыя земли, находящіяся въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Эти острова“ не были помѣчены. 20 августа въ 3 часа дня экспедиція увидѣла на горизонтѣ низменный островъ. „Вайгачъ“ приступилъ къ описанію его южнаго берега, а „Таймыръ“—восточнаго и сѣвернаго. Островъ этотъ, довольно большой по своей площади, получилъ названіе „Острова Цесаревича Алексѣя“.

22 августа съ утра были замѣчены очертанія высокихъ горныхъ массивовъ новой невѣдомой земли. Оба судна пристали къ крутымъ берегамъ. Въ шесть часовъ вечера Б. А. Вилькицкій объявилъ собравшимся экипажамъ о присоединеніи этой новой земли къ владѣніямъ Его Императорскаго Величества, поздравилъ команду съ открытіемъ, и вслѣдъ затѣмъ при крикахъ „ура“ былъ поднятъ здѣсь національный флагъ.

Поверхность новооткрытой земли, названной „Землею Императора Николая II“, была опредѣлена въ 350 верстъ.

Земли эти, присоединенныя къ владѣніямъ русской короны, еще не изслѣдованы детально, но богаты фауной и, быть-можетъ геологическими сокровищами.

Карта новыхъ русскихъ владѣній въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ—Земли Императора Николая II и Острова Цесаревича Алексѣя—и пути экспедиціи „Таймыра“ и „Вайгача“, открывшихъ новыя земли.

земли, какъ извѣстно, получили названіе „Земли Императора Николая II“ и „Острова Цесаревича Алексѣя“.

26 іюня истекшаго года „Таймыръ“ и „Вайгачъ“, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Б. А. Вилькицкаго, вышли изъ Владивостока въ Петропавловскъ и далѣе въ Ледовитый океанъ для производства различныхъ измѣрительныхъ работъ. Но помимо этихъ скромныхъ работъ, экспедиціи выпала большая честь раскрыть одну изъ географическихъ тайнъ этого океана. На пути экспедиціи открылись таинственные острова, иаселенные одними только бѣлыми медвѣдями и моржами. На картахъ „таинственыне

На обратномъ пути экспедиція 5 сентября подошла къ острову Беннета, гдѣ нѣкогда нашли безвременную гибель изслѣдователи этого острова: баронъ Э. Толь, астрономъ Зебергъ и проводники-якуты. Команды „Таймары“ и „Вайгача“ изготовили крестъ и поставили его на островѣ въ память погибшихъ изслѣдователей. На островѣ были отысканы коллекціи барона Толя и доставлены на суда экспедиціи.

Такимъ образомъ наша родина обогатилась новымъ земельнымъ приращеніемъ, а наука — новыми естественно-историческими данными.

Высочайшія назначенія.

Статсъ-секретарь Его Императорскаго Величества, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Горемыкинъ* назначенъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ съ оставленіемъ статсъ-секретаремъ, членомъ Государственнаго Совѣта и сенаторомъ.

Товарищъ Министра Торговли и Промышленности, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Баркъ* назначенъ Управляющимъ Министерствомъ Финансовъ.

(Высочайшіе Приказы по Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи 30 января 1914 г.)

Статсъ-секретарь Его Императорскаго Величества, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ *графъ Коковцовъ*, согласно прошенію, по разстроенному здоровью уволенъ отъ должностей Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Финансовъ. съ оставленіемъ статсъ-секретаремъ, членомъ Государственнаго Совѣта и сенаторомъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя Управляющаго Министерствомъ Финансовъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Барка.

Петръ Львовичъ. Съ Божіей помощью совершенное Мною въ минувшемъ году путешествіе по нѣсколькимъ великорусскимъ губерніямъ дало Мнѣ возможность непосредственно ознакомиться съ жизненными нуждами окружавшаго меня народа. Съ отрадою въ душѣ Я видѣлъ свѣтлыя проявленія даровитаго творчества и трудовой мощи Моего народа, но рядомъ съ этимъ съ глубокою скорбью Мнѣ приходилось видѣть печальныя картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенныхъ хозяйствъ, неизбѣжныя послѣдствія нетрезвой жизни и подчасъ народнаго труда, лишеннаго въ тяжкую минуту нужды денежной поддержки путемъ правильно поставленнаго и доступнаго кредита.

Съ тѣхъ поръ постоянно обдумывая и провѣряя полученныя на мѣстахъ народной жизни впечатлѣнія и свѣдѣнія, Я пришелъ къ твердому убѣжденію, что на Мнѣ лежитъ передъ Богомъ и и Россіею обязанность ввести безотлагательно въ завѣдыванье государственными финансами и экономическими задачами страны коренныя преобразованія, во благо Моего возлюбленнаго народа.

Нельзя ставить въ зависимость благосостояніе казны отъ разоренія духовныхъ и хозяйственныхъ силъ множества Моихъ вѣрноподданныхъ. А посему необходимо направить финансовую политику къ изысканію государственныхъ доходовъ, добываемыхъ изъ неисчерпаемыхъ источниковъ государственныхъ богатствъ и отъ народнаго производительнаго труда при соблюденіи разумной бережливости, постоянно соединять заботы объ увеличеніи производительныхъ силъ гос[illegible]тва съ заботою объ удовлетвореніи нуждъ народа. Таковы должны быть цѣли желательныхъ преобразованій.

Въ успѣхѣ ихъ осуществленія и въ безотлагательной необходимости ихъ для блага Моего народа Я тѣмъ болѣе убѣжденъ, что и Государственная Дума и Государственный Совѣтъ, по поводу пересмотра законовъ о казенной продажѣ питей, горячо откликнулись на эти нужды народной и государственной жизни.

Призывая васъ къ управленію Министерствомъ Финансовъ, гдѣ вы начали при покойномъ И. А. Вышнеградскомъ, въ царствованіе Моего въ Бозѣ почившаго Родителя, вашу службу, и возлагая на васъ осуществленіе тѣхъ коренныхъ преобразованій, для которыхъ подробныя указанія Мною будутъ вамъ даны, Я надѣюсь, что съ Божіею помощью, съ вашимъ опытомъ и съ вашимъ познаніями, вы оправдаете Мое къ вамъ довѣріе и исполните на пользу Россіи и народа, и Мнѣ въ отраду, трудное дѣло, на васъ Мною возлагаемое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“

Въ Царскомъ Селѣ.
30-го января 1914 года.

Статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, д. т. с. Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ, Высочайше назначенный Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. По фот. Булла.

Статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта, д. т. с. графъ Владиміръ Николаевичъ Коковцовъ, Высочайше уволенный по разстроенному здоровью отъ должности Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра финансовъ. По фот. Булла.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя члена Государственнаго Совѣта, статсъ-секретаря, сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Коковцова.

Графъ Владиміръ Николаевичъ. Десять лѣтъ назадъ Я возложилъ на васъ управленіе Министерствомъ Финансовъ. Приступивъ къ исполненію этихъ обязанностей, всегда сложныхъ и отвѣтственныхъ, во время войны, за которою послѣдовали внутренніе безпорядки, вы съ отличнымъ успѣхомъ выполнили предстоявшую вамъ задачу, несмотря на всѣ трудности, съ которыми она была сопряжена. Благодаря ревностному отношенію вашему къ дѣлу и отличающей васъ бережливости, государственныя росписи въ теченіе ряда лѣтъ заключаются съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами, и свободная наличность средствъ Государственнаго Казначейства достигла небывалыхъ размѣровъ.

Высоко цѣня ваши заслуги, Я, послѣ кончины статсъ-секретаря Столыпина, призвалъ васъ на постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, съ оставленіемъ въ прежней должности. Будучи поставлены во главѣ министерскаго управленія, вы сумѣли внести въ важное дѣло руководительства занятіями Совѣта Министровъ вашу обширную государственную опытность и благоразумную осторожность.

Нынѣ съ сожалѣніемъ уступая настояніямъ вашимъ объ увольненіи по разстроенному здоровью отъ должностей Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Финансовъ, Я, въ изъявленіе Моей благодарности за вашу проникнутую всегдашнимъ усердіемъ полезную Россіи и Мнѣ дѣятельность, жалую вамъ *графское Россійской Имперіи достоинство*. Надѣюсь, что и впредь Я буду пользоваться вашими совѣтами во всѣхъ трудныхъ вопросахъ, освѣщенію коихъ могутъ помочь ваши знанія, опытность и испытанная преданность.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„искренно уважающій васъ и благодарный

НИКОЛАЙ».

Въ Царскомъ Селѣ.
30-го января 1914 года.

Швеція на распутьѣ.

(Политическое обозрѣніе).

Послѣ бурнаго и героическаго періода своей исторіи, закончившагося подъ Полтавой, маленькая Швеція ликвидировала завоевательную политику своихъ героическихъ королей, сдѣлавшихъ ее повелителями доброй половины Европы, и тихо зажила мирной и спокойной жизнью въ естественныхъ этнографическихъ предѣлахъ, направивъ усилія своего національнаго генія на развитіе промышленности, искусствъ и литературы. Почти два вѣка міръ уже не слыхалъ больше о боевыхъ скандинавскихъ генералахъ. но зато съ упоеніемъ читалъ произведенія великихъ скандинавскихъ писателей — Ибсена, Бьернсона, Кнута Гамсуна и пр., слушалъ чудныя пьесы Грига, восхищался картинами скандинавскихъ художниковъ Ларссона и Цорна.

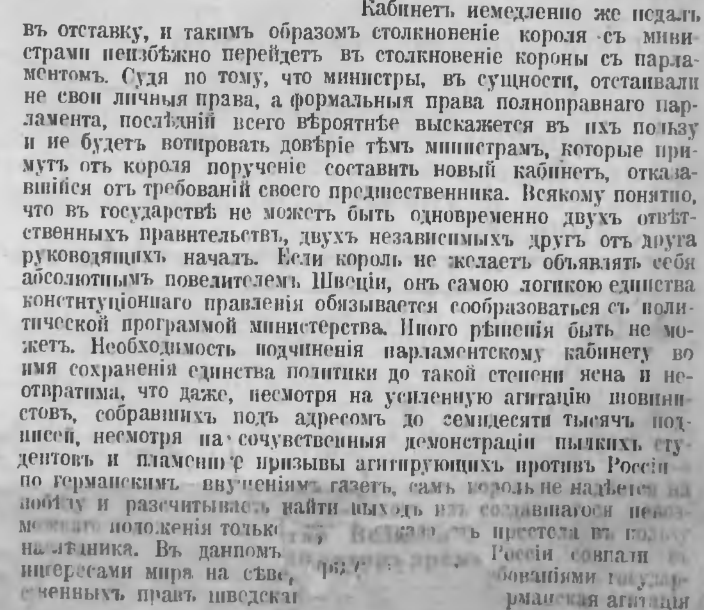

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Львовичъ Баркъ, Высочайше назначенный управляющимъ Министерствомъ Финансовъ. По фот. Булла.

Гарантированная въ неприкосновенности своей территоріи договорами великихъ державъ о ея нейтралитетѣ, Швеція располагала, какъ реальнымъ благомъ, тѣмъ, что̀ рисуется великимъ европейскимъ народамъ, изнемогающимъ подъ бременемъ вооруженій и безконечныхъ опасеній за завтрашній день, какъ недоступная мечта: возможностью жить безъ политики, безъ страха передъ нападеніями, безъ разорительныхъ расходовъ на подготовку военныхъ силъ, безъ того кроваваго кошмара, подъ бременемъ котораго конвульсивно бьется и задыхается Европа. Происшедшее нѣсколько лѣтъ назадъ отдѣленіе Норвегіи еще болѣе ослабило и безъ того небольшую по количеству населенія Швецію и, казалось бы, должно было окончательно укрѣпить навѣки мирное направленіе ея жизни и политики. Но не тутъ-то было: именно послѣ политическаго отдѣленія Норвегіи въ мирныхъ шведахъ неожиданно пробудился старый воинственный духъ. Они стали усиленно вооружаться, сначала именно на норвежской границѣ якобы изъ опасенія неожиданныхъ нападеній со стороны своихъ вчерашнихъ согражданъ, не думающихъ ни на кого нападать, а затѣмъ приступили уже и къ общимъ вооруженіямъ, направленнымъ противъ всѣхъ остальныхъ сосѣдей. Часть шведской печати начала бить въ набатъ по поводу фантастическихъ завоевательныхъ замысловъ Россіи, германская политическая агентура усиленно поддерживала и культивировала эти вымышленныя тревоги — и въ результатѣ среди населенія донынѣ дружественной намъ Швеціи появилось явно направленное противъ Россіи воинственное теченіе, принимающее чрезвычайно буйныя формы. На-дняхъ тридцать тысячъ шведскихъ крестьянъ продефилировали стройными рядами по всему Стокгольму, пришли во дворецъ къ королю и поднесли ему адресъ съ требованіемъ морскихъ и сухопутныхъ вооруженій противъ не питающей никакихъ агрессивныхъ намѣреній сосѣдки. На воинственный адресъ король отвѣтилъ не менѣе воинственной рѣчью и тѣмъ самымъ, разумѣется, еще больше подлилъ масла въ огонь. Къ счастью для Швеціи, среди ея гражданъ имѣется не мало спокойныхъ и благоразумныхъ людей. На ни чѣмъ неоправдываемые патріотическіе призывы къ оружію они отвѣтили такими же громкими призывами къ спокойствію и миру. Отвѣтомъ на воинственную демострацію крестьянъ явилась не менѣе внушительная по количеству участниковъ мирная демонстрація стокгольмскихъ рабочихъ. Благоразумная часть общества живо почувствовала опасность какихъ бы то ни было политическихъ авантюръ и отнеслась весьма несочувственно къ агитаціи, угрожающей вовлечь маленькую Швецію въ водоворотъ европейскихъ осложненій. На этой почвѣ возникъ чрезвычайно характерный конфликтъ между королемъ и правительствомъ. Воинственная рѣчь короля, обращенная къ крестьянской толпѣ, не встрѣтила одобренія его министровъ, выражающихъ волю мирно настроеннаго парламента. Представители парламентской воли обратились къ королю съ требованіемъ не выступать съ публичными рѣчами безъ предупрежденія правительства, другими словами — потребовали подчиненія публичныхъ рѣчей короля предварительной цензурѣ кабинета министровъ.

Въ болѣе рѣзкой формѣ въ парламентской Швеціи возникъ тотъ конфликтъ между короной и кабинетомъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ пережила полупарламентская Германія. Несмотря на то, что въ Германіи министры отвѣтственны по формальному закону только передъ императоромъ, а не передъ рейхстагомъ, и лично императоръ Вильгельмъ пользуется въ глазахъ своихъ подданныхъ огромнымъ авторитетомъ, онъ все-таки подчинился требованію министровъ, принеся въ жертву политической необходимости свое человѣческое и царственное самолюбіе. Король шведскій не послѣдовалъ мудрому примѣру германскаго императора и на требованіе министровъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Кабинетъ немедленно же подалъ въ отставку, и такимъ образомъ столкновеніе короля съ министрами неизбѣжно перейдетъ въ столкновеніе короны съ парламентомъ. Судя по тому, что министры, въ сущности, отстаивали не свои личныя права, а формальныя права полноправнаго парламента, послѣдній всего вѣроятнѣе выскажется въ ихъ пользу и не будетъ вотировать довѣріе тѣмъ министрамъ, которые примутъ отъ короля порученіе составить новый кабинетъ, отказавшійся отъ требованій своего предшественника. Всякому понятно, что въ государствѣ не можетъ быть одновременно двухъ отвѣтственныхъ правительствъ, двухъ независимыхъ другъ отъ друга руководящихъ началъ. Если король не желаетъ объявлять себя абсолютнымъ повелителемъ Швеціи, онъ самою логикою единства конституціоннаго правленія обязывается сообразоваться съ политической программой министерства. Иного рѣшенія быть не можетъ. Необходимость подчиненія парламентскому кабинету во имя сохраненія единства политики до такой степени ясна и неотвратима, что даже, несмотря на усиленную агитацію шовинистовъ, собравшихъ подъ адресомъ до семидесяти тысячъ подписей, несмотря на сочувственныя демонстраціи пылкихъ студентовъ и пламенные призывы агитирующихъ противъ Россіи по германскимъ внушеніямъ газетъ, самъ король не надѣется на побѣду и разсчитываетъ найти выходъ изъ создавшагося невозможнаго положенія только [illegible] отъ престола въ пользу наслѣдника. Въ данномъ [illegible] Россіи совпали съ интересами мира на сѣве[illegible] [illegible]бованіями государственныхъ правъ, шведска[illegible] [illegible]рманская агитація

въ равной мѣрѣ угрожаетъ и внутреннему и внѣшнему миру Швеціи. Побѣда абсолютизма броситъ невооруженную Швецію на борьбу съ Россіей, побѣда конституціи, напротивъ того, обречетъ агрессивную германскую интригу на полную неудачу. Торжество народнаго права будетъ въ то же время и дипломатическимъ торжествомъ Россіи.

Ѳ. Н. Чернышевъ.

(Портр. на этой стр.).

Русская наука понесла тяжелу утрату: въ ночь на 2 января с. г. скончался извѣстный русскій геологъ и палеонтологъ — академикъ Ѳеодосій Николаевичъ Чернышевъ.

Ѳ. Н. въ теченіе долгихъ лѣтъ занимался обслѣдованіями Урала. Богатѣйшая горная область, притаившаяся на грани между Европой и Азіей и мало извѣстная въ научномъ отношеніи, была освѣщена талантливымъ ученымъ съ самой интересной и главной своей стороны — почвенной.

Въ 1899—1902 гг. Ѳ. Н. Чернышевъ состоялъ начальникомъ экспедиціи по производству градусныхъ измѣреній на Шпицбергенѣ. Позднѣе онъ положилъ много труда на изслѣдованіе Андижанскаго землетрясенія. Въ 1903 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Геологическаго Комитета, а въ 1909 году былъ избранъ ординарнымъ академикомъ и въ томъ же году сталъ во главѣ Геологическаго музея императора Петра I при Академіи Наукъ.

Одновременно съ этимъ Ѳ. Н. Чернышевъ былъ директоромъ Горнаго института и читалъ лекціи въ этомъ институтѣ, а также на Высшихъ Женскихъ Курсахъ и въ біологической лабораторіи проф. Лесгафта. Ѳ. Н. Чернышевъ состоялъ предсѣдателемъ отдѣленія физической географіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ. Ѳ. Н. состоялъ также почетнымъ докторомъ Женевскаго, Марбургскаго, Христіанійскаго и другихъ западно-европейскихъ университетовъ.

Его перу принадлежатъ свыше 60 солидныхъ ученыхъ трудовъ, за которые имъ былъ полученъ цѣлый рядъ премій и медалей: въ томъ числѣ — высшая Константиновская медаль Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Академикъ М. П. Клодтъ баронъ фонъ-Юргенсбургъ, извѣстный художникъ-жанристъ, получившій званіе художника въ 1861 г., прославившій свое имя въ томъ же году картиной „Послѣдняя весна“ (въ Третьяковской галлереѣ), а затѣмъ картинами: „Антикварій“, „Черная скамья“, „Родильница“, „Татьяна“. М. П. Клодтъ пережилъ болѣе чѣмъ за полвѣка своей художественной дѣятельности всю эволюцію современнаго русскаго искусства, черпалъ сюжеты для своихъ картинъ изъ бытового жанра, изъ отечественной исторіи и изящной литературы и даже писалъ на религіозные сюжеты. Сынъ знаменитаго скульптора, М. П. Клодтъ оставилъ яркій слѣдъ въ исторіи русской живописи. М. П. Клодтъ скончался на 79-мъ году жизни.

Академикъ Ѳ. Н. Чернышевъ.
(1856—1914).

В. Н. Пчелинъ. По поводу 25-лѣтія художественной дѣятельности. (Снимки съ его картинъ помѣщены на стр. 107 и 108).

(Снимки съ его картинъ помѣщены на стр. 107 и 108)

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1914 года къ 1 марта слѣдуетъ внести **не менѣе 3 руб.**

Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **скорѣйшею присылкою** слѣдующаго взноса, **согласно условіямъ разсрочки.** При высылкѣ денегъ г.г. иногородные подписчики благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 2“.

Редакторъ-Издатель … ъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.